Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ПЛАНОВОЕ ХОЗЯЙСТВО.

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

1926. ОКТЯБРЬ 10

ИЗД. ГОСПЛАНА С.С.С.Р. МОСКВА

ПЛАНОВОЕ ХОЗЯЙСТВО

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

№ 10

ОКТЯБРЬ

1926 г.

ИЗДАНИЕ ГОСПЛАНА СССР
МОСКВА

В журнале „ПЛАНОВОЕ ХОЗЯЙСТВО“ принимают участие:

Ай-Квак (Голланд. Индия), Александров И. Г., Баженов Б. Г., Базаров В. А., Бер (Англия), Бернацкий Л. Н., Берштейн-Коган С. В., Бессонов С. А., Боголепов Д. П., Боголепов М. И., Болдырев Г. И., Браславский И. Я., Брон С. Г., Буланже Н. П., Бухарин Н. И., Бухарцев Д. П., Варга Е., Варейкис И., Вайсберг Р. Е., Вильямс В. Р., Виноградский Н. Н., Вишеров Л. А., Вишневский Н., Владимирский М. Ф., Гинзбург А. М., Голендо М. С., Гольденберг Э., Гольман М. Б., Гордон А. С., Гордон Р. С., Гордеев Г. С., Горев А. А., Гольцман А. З., Гринько Г. Ф., Громан В. Г., Гуров П. Я, Гухман Б. А., Дволайцкий Ш. М., Дмитров (Болгария), Долгов А. Н., Дунаевский Ф. Р., Егоров К. Д., Есин В. З., Золотарев В. И., Каменев Л. Б., Кактынь А. М., Кафенгауз Л. Б., Килевиц С. С., Кениг Е. Л., Киселев С. М., Коларов (Болгария), Ковалевский Н. А., Красин Л. Б., Крицман Л. Н., Кржижановский Г. М., Кричевский С. И., Круг К. А., Кукель С. А., Куйбышев В. В., Лапинский Н., Ларичев В. А., Лауэстон (Америка), Лежава А. М., Лерман И. Е., Лозовский А., Лосицкий А. А., Людвиг (Германия), Мак-Манус А. (Англия), Мамченко Н. С., Мендельсон А. С., Милютин В. П., Миндлин З. Л., Михайлов А. М., Мотылов В. Е., Неопиханов А. А., Никитин Л. Л., Осинский В. В., Первушин С. А., Петров А. И., Поливанов М. К., Преображенский Е. А., Пятаков Г. Л., Раевский Я. Г., Радек К. Б., Рамзин Л. К., Рапопорт Шарль (Франция), Рольф (Германия), Рой (Индия), Рудзутак Я. Э., Рыков А. И., Скобелев М. И., Смирнов А. П., Смирнов В. М., Свидерский А. И., Смилга И. Т., Сокольников Г. Я., Солнцев Л., Спектатор (М. Нахимсон), Струмилин С. Г., Сушков З.Г., Тальгеймер А. (Германия), Таубе Е. А., Терпигорев А. М., Том-Ман (Англия), Трахтенберг И. А., Троцкий Л. Д., Фалькнер С. А., Фельдман Г. А., Фрумкин М. И., Хейфец Л. М., Цыперович Г. В., Цышевский И. А., Четыркин В. М., Чиликин М. М., Членов С. Б, Чубарь В. Я., Шаров С. И., Шателен М. А., Шейн С. Д., Штейн Б. Е., Штерн А. Б., Эвентов Л. Я., Юр, Яковлев Я. А., Янушевский П. С., Ярилов А. А. и др.

Главлит № 62440. Типография изд-ва „Правда“ и „Беднота“. Москва, Серебр. наб., д. 23-а. Тираж 6.050

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР Н. А. КОВАЛЕВСКИЙ

СОДЕРЖАНИЕ

ОТДЕЛ I

Экономика и экономическая политика

Стр.

Н. Ковалевский. 9 лет экономической политики пролетариата 7
Л. Геллер. Болезни нашей внешней торговли. 30
А. В. Шуб. Строительство в годы восстановительного процесса (1923/24—1926/27) 43
С. М. Киселев. О кредитных рессурсах банков в связи с текущей конъюнктурой и об эмиссионных возможностях 57
М. Яннин. Некоторые вопросы концессионной политики 67
Д. А. Городисский. Аренда государственных промышленных заведений и необходимые ее изменения 77
Б. Азарх. Сырьевая эмансипация текстильной промышленности СССР от заграницы 84
М. Гитлер. Основные проблемы планирования и регулирования лесного хозяйства и лесной промышленности СССР 91
М. Бубнов. О тяжести обложения населения СССР 104
Д. И. Опарин. Экономический анализ Гарвардского барометра 120

ОТДЕЛ II

За Советским рубежом

К. Калисская. Забастовка горнорабочих в Англии 139
П. Китайгородский. Экономическое и политическое положение Турции . . . 149

ОТДЕЛ III

Экономика и техника

В. Золотарев. Электрификация и режим экономии 159
М. Кислик и И. Малецкий. Дальность железнодорожных перевозок и режим экономии 173

ОТДЕЛ IV

По районам

И. Ходоров. Пятилетний хозяйственный план Средней Азии 181
Н. Стефанов. Внешняя торговля СССР в Средней Азии 199

ОТДЕЛ V

Критика и библиография

Б. Алесковский. А. Леонтьев и Е. Хмельницкая—Советская экономика 215
Л. Фрейман. Мировое хозяйство. Статистический сборник. Статистика мирового хозяйства. Бюлл. ЦСУ 217
М. Иоэльсон. Вывоз капиталов из Соед. Штатов Сев. Америки 221
К. Егоров. Урал после районирования. Сборник обзоров 225
К. Ольгин. Урал. Очерки физической и экономической географии Уральской области 227
Г. Бамдас. М. Поросский—Управление фаб.-зав. предприятиями. А. Л. Пипкевич—Организация промышл. предприятий. Организация труда в производстве. Сборник статей 229
Г. Б. Современное состояние работ по рационализации в промышленности СССР. Сборник статей. 34
Ян. Михайлов. Нижегородское хозяйство. План.-эконом. журнал . . 36
W. Z. Известия Теплотехнического Института 29

ОТДЕЛ VI

Статистика

С. А. Первушин. Динамика низовой розничной торговли в 1924/25 и 1925/26 гг. 243
Динамика народного хозяйства СССР. Бюллетень № 22 247
Динамика мирового хозяйства СССР. Бюллетень № 9 (19). 261
Исправления и опечатки 283

ОТДЕЛ I

Экономика и экономическая политика

КНИГА ИМЕЕТ

Листов печатных	Выпуск	В перепл. един. соедин. №№ вып.	Таблиц	Карт	Иллюстр.	Служебн. №№	№№ списка и порядковый	1970 г.
18		1926 ~10				13		31 36

1084/9–100000

Н. Ковалевский

9 лет экономической политики пролетариата

I. От захвата власти до восстания эсеров

9 лет... Целая эпоха не только в истории „государства российского", но и в новейшей истории всего человечества. Дерзкий вызов социально-экономическому строю всего земного шара, сплошное противоборство ему, сплошное его отрицание.

Для „революционной демократии", взявшей власть в свои руки в феврале 1917 г. и остававшейся на почве буржуазной экономики и политики, в исторические месяцы—с февраля по октябрь—не оказалось другого выхода, кроме того, чтобы итти по стопам своего „царственного" предшественника. В русле капиталистических отношений было лишь два пути: или признание своего бессилия и сдача на милость и экономическое порабощение императора Вильгельма, или продолжение войны в союзе с англо-французским империализмом, в надежде на великодушную лояльность этого „союзника" к истощенной России, в надежде, что экономические „об'ятия" Антанты будут несколько мягче, чем тиски Германии Гогенцоллернов и Стиннесов. Отсюда победоносная „революционная демократия" должна была судорожно цепляться за лозунг империализма: „до победного конца". Путь экономической и политической самостоятельности вел ее через бездну истощения и море крови.

Меж тем беспримерная в истории человечества растрата производительных сил делала свое дело. В 1917-й год страна вступила с посевной площадью, упавшей (в границах теперешнего СССР) уже до 95% довоенной. 1917 год, продолжая падение сельского хозяйства, дал всего лишь 45,8 пуд. зерновых с десятины вместо 50,3 пуд. за довоенное пятилетие. Валовой же сбор хлебов к этому времени упал кругло на 500 милл. пудов.

Еще хуже обстояло дело в промышленности: с 1913 по 1917 гг. валовая продукция промышленности упала с 5.620 милл. до 4.344 милл. довоенных рублей, т.-е. на 1 млрд. 300 милл. руб. Надвигался грозный кризис в горной и горнозаводской промышленности, предвещавший паралич транспорта. Продукция этих отраслей промышленности по Европейской России упала за пятилетие почти вдвое: с 929 милл. дов. руб. до 489 милл. В частности, катастрофически падала из месяца в месяц добыча угля.

Война, обусловившая собою усиленное использование транспорта для перевозок, вместе с тем вызвала и резкие нарушения нормального распорядка его работы.

Заканчивая главу о „революционном разложении промышленности" и характеризуя ее состояние в 1917 г., известный знаток нашей промышленности и враг советской власти, покойный проф. В. И. Гриневецкий писал: „Такова была обстановка и таково вызванное ею разложение русской промышленности в 1917 г. В мировой истории мы видим, можно сказать, первый опыт постановки развитого капиталистического хозяйства в такие хаотические и внеэкономические условия; все прошлое не дает сколько-нибудь близких аналогий"...

...„Если бы перед революцией предсказывать обстановку русской промышленности в конце 1917 г.,—трудно было бы поверить, что она выживет".

И далее: „Бесполезно и по существу неправильно об'яснять разложение промышленности последствиями лишь октябрьского переворота в виде рабочего контроля, национализации банков, гражданской войны, паралича транспорта и т. д. Ускоренное крушение промышленности в этой обстановке представляет собою лишь стихийное завершение процесса, принятое на свою ответственность левой частью революционной демократии" (проф. В. И. Гриневецкий. „Послевоенные перспективы русской промышленности". Изд. 2 гл. IV, стр. 31, столб. 1).

Тот же автор, говоря о снабжении топливом и сырьем промышленности и транспорта, замечает: „Для будущего нашей промышленности и транспорта 1917 год оставил развалины регулирования снабжения и добычи топлива" (там же, гл. VII, стр. 42, столб. 2).

К этому надо еще прибавить упадочные настроения буржуазии, не только не желавшей бороться с разрухой, но действовавшей по принципу: „чем хуже, тем лучше"; сознательный саботаж собственников средств производства, курс на углубление разрухи, на то, что, „костлявая рука голода" заставит „обезумевшую чернь" смириться и снова покорно всунуть голову в капиталистическое ярмо. Поезд революции, направляемый руками буржуазных демократов, на всех парах мчался в безысходный тупик.

В этой обстановке тезисы и мысли вождя большевистской партии сверкали как молнии, прорезывая мрак. Достаточно вспомнить такие, делающие эпоху, зарницы человеческой мысли, как „апрельские тезисы" В. И. Ленина, или основные положения его брошюры „Грозящая катастрофа и как с ней бороться".

Власть буржуазии досталась лишь „в силу недостаточной сознательности и организованности пролетариата". Мы подходим „ко второму этапу" революции, который должен дать власть в руки пролетариата и беднейших слоев крестьянства.

Вместо эсеровского топтания на месте по основному вопросу крестьянской революции—по вопросу о земле—четкая постановка его: ...„перенесение центра тяжести на Советы Батрацких Депутатов. Конфискация всех помещичьих земель. Национализация всех земель в стране, распоряжение землею местными Советами Батрацких и Крестьянских Депутатов. Выделение Советов Депутатов от беднейших крестьян. Создание из каждого крупного имения образцового хозяйства под контролем Батрацких Депутатов и на общественный счет".

„Слияние немедленное всех банков страны в один общенациональный банк и введение контроля над ним со стороны Советов Рабочих Депутатов".

„...Переход тотчас к контролю со стороны Советов Рабочих Депутатов за общественным производством и распределением продуктов" (Ленин. „О задачах пролетариата в данной революции". Собр. соч., т. XIV, ч. I).

Эти мысли, высказанные 4 апреля, явились программой действия, указали путь выхода из тупика. В брошюре „Грозящая катастрофа и как с ней бороться", написанной в сентябре 1917 г., Владимир Ильич развивает эти положения и дает прогноз грядущего развития революции, определяющий в основном программу революционного действия на весь последующий период—октябрь 1917 г.– май 1918 г.

Какой тип народного хозяйства должны мы поставить своей ближайшей целью, ставит он вопрос. И отвечает– социализм. Положение таково, что нельзя итти вперед, боясь итти к социализму.

„К вопросу о социализме наши эсеры и меньшевики подходят по-доктринерски, с точки зрения заученной ими наизусть и плохо понятой доктрины. Они представляют социализм чем-то далеким, неизвестным, темным будущим.

А социализм теперь смотрит на нас через все окна современного капитализма, социализм вырисовывается непосредственно практически из каждой крупной меры, составляющей шаг вперед на базе этого новейшего капитализма" („Грозящая катастрофа и как с ней бороться").

Промежуточной ступенью к этой ближайшей цели является госкапитализм, а этот последний подготовлен всем ходом исторического развития.

„Об империализме говорят все. Но империализм есть ничто иное, как монополистический капитализм". В России капитализм тоже стал монополистическим. Об этом говорят сахарный синдикат, „Продуголь", „Продамет". О перерастании у нас монополистического капитализма в государственно-монополистический свидетельствует, например, тот же сахарный синдикат.

„А что такое государство. Это организация господствующего класса,—например, в Германии юнкеров и капиталистов"... „Ну, а попробуйте-ка подставить вместо юнкерски-капиталистического,

вместо помещичье-капиталистического государства, государство революционно-демократическое, т.-е. революционно разрушающее всякие привилегии, не боящееся революционно осуществлять самый полный демократизм? Вы увидите, что государственно-монополистический капитализм при действительно революционно-демократическом государстве неминуемо, неизбежно означает шаг к социализму.

Ибо, если крупнейшее капиталистическое предприятие становится монопольным, значит, оно обслуживает весь народ. Если оно стало государственной монополией, значит государство... направляет предприятия. В чьих интересах?

Либо в интересах помещиков и капиталистов, тогда мы получаем не революционно-демократическое, а реакционно-бюрократическое государство, империалистическую республику; либо в интересах революционной демократии,—тогда это и есть шаг к социализму". И дальше идет абзац, который теперь наизусть знают сотни тысяч членов нашей партии—рабочих и крестьян—по многочисленным цитатам:

„Ибо социализм есть ничто иное, как ближайший шаг вперед от государственно-капиталистической монополии. Или иначе: социализм есть ничто иное, как государственно-капиталистическая монополия, обращенная на пользу всего народа и постольку переставшая быть капиталистической монополией. Тут середины нет. Об'ективный ход развития таков, что от монополий (а война удесятерила их число, роль и значение) вперед итти нельзя, не идя к социализму" (Собр. соч., т. XIV, ч. II. „Грозящая катастрофа и как с ней бороться").

Этой попытке осуществления у нас государственно-монополистического капитализма, как полнейшей материальной подготовки к социализму, как создания такой исторической ступени, между которой и социализмом „никаких промежуточных ступеней нет", и посвящен в основном и главном весь первый период нашей революции.

Ликвидация первых вспышек восстания юнкеров и белогвардейцев, Брестский мир, ставший возможным только после свержения буржуазии, только при твердом расчете на грядущую германскую революцию, которая должна была смести и смела самый юридический суб'ект неравного договора, противостоявший нам,—все это давало надежду на возможность некоторого периода относительно мирного хозяйственного строительства.

Мы не должны при этом упускать из виду того социально-хозяйственного уклада, на который в этот период был взят курс. Подлинный государственный капитализм германского типа сводился в основном к следующему: монополистический капитализм, средства производства в руках буржуазии, но под контролем, учетом и организующим влиянием буржуазного государства. Пролетарская революция заменила в этой схеме власть буржуазии властью пролетариата и беднейшего крестьянства. Задача осуществления государственного капитализма сводилась, таким образом, прежде всего к тому, чтобы восстановить, а местами установить заново связи, аналогичные монополистическому капитализму.[1]

Собственность на средства производства при этом на этой ближайшей к социализму ступени должна была еще оставаться (за исключением земли) в основной массе у прежних владельцев. Таким образом, должен был сконструироваться своеобразный государственно-монополистический капитализм, возглавляемый рабочим государством. Именно в этом и заключалось своеобразие момента. Этим своеобразием, в свою очередь, диктовались и методы осуществления взятого курса.

Налицо был саботаж капиталистов, не желавших и слышать о сотрудничестве с пролетариатом, а тем более о его руководстве. Между тем, рабочий класс еще не имел в это время никаких навыков по организации и руководству производством. Поэтому задача привлечения носителей организационного опыта к производству должна была быть решена во что бы то ни стало.

„Мы можем и должны теперь,—говорил Владимир Ильич,—добиться соединения приемов беспощадной расправы с капиталистами не культурными, ни на какой „государственный капитализм" не идущими... с приемами компромисса или выкупа по отношению к культурным капиталистам, идущим на „государственный капитализм", способным проводить его в жизнь, полезным для пролетариата в качестве умных и опытных организаторов крупнейших предприятий".

Когда-то Маркс по отношению к Англии говорил, что могут создаться условия, когда рабочим в известной части будет выгодно буржуазию выкупить. После захвата власти пролетариатом в России создались именно такие условия, когда временно необходимо было сочетать методы беспощадной расправы с методами компромисса. Никто другой, как именно Ленин с особой внимательностью относился в это время к попыткам заключать с союзами фабрикантов такие договоры, которые дали бы возможность рабочего контроля и даже участия в управлении целыми отраслями промышленности. Достаточно отметить такие факты, как договоры у сахарников, текстильщиков, кожевников. Не меньший интерес представляет попытка договора

---

[1] Достигнутая уже до войны концентрация капиталов в быв. империи говорила о безусловной зрелости российского капитализма в этом отношении. Известно, например, что в 1913 г. в России на 894 крупных фабрично-заводских предприятиях (с числом рабочих более 500) работало 1.253.000 рабочих (34% всех промышленных рабочих). В Германии же по переписи 1907 г. на 1.423 предприятиях, также с числом рабочих более 500, работало 1.539.000 рабочих (т.-е. лишь 14% всех промышленных рабочих). При этом у нас на 1 крупное предприятие в среднем приходилось 1.400 рабочих, тогда как в Германии лишь 1.080.

о теперешних заводах „Гомзы"—переговоры об этом велись с Мещерским и др.

Всем памятна атака „левых коммунистов", подпавших под власть фразы и формальной логики и обрушившихся на партию с обвинениями в измене социализму и в уклоне в сторону государственного капитализма, на что Владимир Ильич с поистине великолепной иронией отвечал в брошюре „О левом ребячестве и мелкобуржуазности":

...„Вот уж подлинно, можно сказать, напугали.... А того не подумали, что государственный капитализм был бы шагом вперед против теперешнего положения дел в нашей Советской республике. Если бы, примерно, через полгода у нас установился государственный капитализм, это было бы громадным успехом и вернейшей гарантией того, что через год у нас окончательно упрочится и непобедимым станет социализм" (Ленин, Собр. соч., т. XV).

Основная задача момента, методов осуществления которой не поняли в это время „левые коммунисты", заключалась в борьбе против мелкобуржуазной стихии, в насаждении организующих начал, подготовляющих возможность нормального перехода к социалистическим формам хозяйства. Левые коммунисты кричали о „добивании" буржуазии, о „самом решительном обобществлении", об „окончательной ломке". Ильич отвечал им: „Кричать об окончательной ломке, когда мы больше нанационализировали, наконфисковали, набили и наломали, чем успели подсчитать,—это значить „попасть пальцем в небо"... „Нашли задачу!"—восклицает он: нехватает нам совсем, совсем иного: подсчета"... того, куда и как использовать нанационализированное, куда и как применить оставленное еще в руках буржуазии, „куда и каких саботажников поставить" и как установить над ними надзор. Словом нехватает учета, организации и контроля над выполнением. Для того, чтобы осуществить их и взят был партией курс на своеобразный государственный капитализм с советской властью во главе.

Методами его осуществления должны были служить:

1. Национализация банков, которая оставляла неприкосновенными вклады, но давала через посредство слияния аппаратов полную возможность учета и контроля над движением капиталов в стране.

2. Национализация синдикатов, которая, оставляя еще собственность в руках капиталистов, должна была подчинить государству крупнейшие монополистические союзы капиталистов (синдикаты: сахарный, нефтяной, угольный, металлургический и т. д.) и сделать возможным контроль над производством.

3. Принудительное синдицирование промышленников торговцев и хозяев вообще, с целью создания условий для учета и контроля их деятельности.

4. Отмена коммерческой тайны, как условие для регулирующего вмешательства государства в коммерческую деятельность в целях, в первую очередь, недопущения грабительских махинаций, бессовестно обогощавших деляческие слои, спекулировавшие на растущей разрухе.

5. Об'единение населения в потребительские общества в целях подготовки этим путем организованного распределения продуктов, в которых ощущался все больший недостаток.

2. Период военного коммунизма

Так стоял вопрос еще весною 1918 года.

Однако, историей суждено было иное. Реакция на внутреннем фронте не только не оказалась к этому времени „бесповоротно убита усилиями восставшего народа", как это думал Ленин и с ним вся партия и советская власть, но с лета 1918 года (май—июнь) как раз только и началась решительная борьба по основному вопросу революции: кому быть у власти—пролетариату или буржуазии. Контрреволюция, достаточно консолидировавшаяся к этому времени, повела концентрированно наступление.

Начинается передвижение войск империалистической Германии, начинается восстание эсеров на Урале, эсеры обращаются за поддержкой к Антанте; выступает чехо-словацкий корпус, захватывая Сибирь, Урал, Приуралье и ряд городов Поволжья; начинается полоса кулацких восстаний; в августе 1918 года англичане осуществляют дессант в Архангельске, под прикрытием которого организуется „северное правительство". После некоторого периода успешной борьбы 1919 год омрачается поражением восставшего пролетариата Германии, гибнут советская Бавария и Венгрия, натиск империалистов и белогвардейцев усиливается, вырастают в грозную силу Колчак, Деникин, с запада грозят Польша, Латвия, Эстония и как „тать в нощи" точит свой нож, готовясь к захвату Петрограда, Юденич.

В такой обстановке отношения классов не могли не измениться со всей резкостью. Ни о каком сотрудничестве с буржуазией теперь уже не могло быть речи, правления фабрик и заводов, сохранившие в своем составе прежних владельцев, или их верных служащих, превращались в ячейки контр-революции. Рабочие Иваново-Вознесенска, Москвы, Питера обращались в центральные органы советской власти, требуя экспроприации капиталистов, национализации предприятий и перехода от рабочего контроля к непосредственному рабочему управлению производством.

Вместе с тем, железное кольцо гражданскй войны и блокады, суживаясь с каждым днем, отрезывало все новые и новые области, снабжавшие ранее страну хлебом, топливом, сырьем; очередной задачей дня становилась уже не организация производства, а организация обороны, организация использования наличных сил и средств

в осажденном военном лагере пролетарской революции, организация распределения. Методы государственного капитализма с неизбежностью исторической необходимости сменил „военный коммунизм".

Вместе с тем, более отчетливыми, более жесткими становятся формы пролетарской диктатуры. Время не ждет, надо не болтать, а действовать; методы убеждения начинают все решительнее сочетаться с принуждением.

Чрезвычайно интересно сравнение этих двух систем — государственного капитализма и „военного коммунизма" — именно с точки зрения методов их воздействия. Основная ближайшая и непосредственная цель обеих систем в советской постановке вопроса идентична: это борьба против мелкобуржуазной стихии, внедрение в нее организующих начал. Но в то время как система государственного капитализма использует для этой цели методы капиталистического хозяйства, частную собственность, товарообмен, капиталистические монополии и их организующее воздействие на всю мелкобуржуазную среду, — военный коммунизм идет к той же цели методами чисто коммунистическими—методами прямой организации, связанными в военной обстановке с диктатурой. Первый тип выступает внешне как более „свободный" (ср., напр., пресловутую „свободу торговли" при госкапитализме), ибо здесь принуждение проявляется в более замаскированной—экономической—форме и действует более постепенно. Второй тип характерен своим прямым организующим действием—отсутствием даже видимости свободы хозяйственного маневрирования и воспринимается, как прямое принуждение.

Совершенно понятно, что в обстановке возобновившейся и небывало обострившейся гражданской войны, во-первых, как мы уже отмечали, капиталистические звенья этой системы—государственного капитализма—оказывались не только ненадежными, но прямо враждебными советской власти, не только отказывались служить ей, но превращались в противодействующие элементы. Во-вторых, кроме всего прочего, рыночные методы воздействия, присущие государственному капитализму, оказывались слишком медлительными для того, чтобы на них можно было ориентироваться. Воздействие через рынок, через колебание рыночной кон'юнктуры посредством методов конкуренции и экономического давления, — все это процессы, которые протекают месяцами по меньшей мере. К тому же самый этот аппарат воздействия — систему государственно-монополистического капитализма—лишь предстояло еще организовать.

Между тем, каждый месяц, а иногда и неделя, могли быть роковыми в решении судеб советской власти.

Понятно, что в такой обстановке не могло быть и не было двух мнений о выборе путей организации обороны. „Мучительный голод, который на нас надвинулся, ставит перед нами задачу, требующую максимум напряжения сил, наибольшую организованность, и который

в то же время не позволяет нам итти к решению этой задачи старыми способами"... „Мучительный голод нас силой подвел к задаче чисто коммунистической" (Ленин. Речь 4 июня 1918 г. на соединенном заседании ВЦИК и Моссовета).

Правда, меньшевики выступили в это время с лозунгом отмены хлебной монополии, выступили за простое разнуздание мелкобуржуазной стихии, за обыкновенную свободу торговли, за развязывание рук частнику. И утверждали при этом, что частный торговец лучше справится с заготовкой хлеба, снабжением столиц и промышленных центров.

Ленин им на это отвечал: „Идите к Скоропадскому... там вы встретите уши, желающие вас слышать". Частный торговец действительно снабдит города продовольствием, но как снабдит, какою ценой?! Ценою обогащения кулака, разорения бедноты, ценою гибели, голодной смерти сотен тысяч и миллионов пролетариев города и полупролетариев деревни. Это не наш путь. Наш путь организации рабочего класса и деревенской бедноты, путь организованного воздействия на мелкобуржуазную и частно-собственническую стихию, путь организованной борьбы против надвигающейся разрухи и бедствий голода. Все тот же старый, но испытанный, единственный метод, которым только и может победить пролетариат... „Трудности неизмеримы. На каждую трудность отвечайте новыми и новыми усилиями организации и дисциплины. Такие трудности не преодолеваются в месяц. В истории народов бывали десятилетия, посвященные преодолению меньших трудностей и эти десятилетия вошли в историю, как самые великие и самые плодотворные десятилетия" (Ленин. Там же).

И Ленин призывает к „крестовому походу" в деревню. Надо пойти в деревню, рассказать крестьянину простым и понятным языком, что рабочие и крестьяне промышленных районов голодают, что нехватает хлеба для снабжения Красной армии, опереться на бедноту, составляющую большинство деревни, нейтрализовать или склонить на свою сторону середняка.

„Во всем мире передовые отряды рабочих городских, рабочих промышленных об'единились, об'единились поголовно. Но почти нигде в мире не было еще систематических беззаветных и самоотверженных попыток об'единить тех, кто по деревням, в мелком земледельческом производстве, в глуши и темноте отуплен всеми условиями жизни. Тут стоит перед нами задача, которая сливает в одну цель не только борьбу с голодом, а борьбу и за весь строй социализма" (там же).

Против кулака, спекулирующего на всенародном бедствии, Ленин призывал выступить организованной силой. За хлебом надо итти не в порядке отдельного мешечничества, таща по 5—10 пудов хлеба и загружая транспорт, а об'единить этих разрозненных борющихся людей и создать сплоченную, сильную рабочую армию. Надо обра-

титься на каждую фабрику и завод с требованием большего количества сил, более надежных людей для продотрядов.

„В Москве 8.000 членов партии коммунистов,—говорил Вл. И.,—в Москве профсоюзы дадут 20—30 тысяч людей, за которых они могут ручаться“... „Об'едините их, создайте тысячи отрядов для борьбы за продовольственное дело, для организованной борьбы с голодом“ (Из речи на конференции профсоюзов и фабзавкомов гор. Москвы в конце июня 1918 г.).

Голод усиливается. Сыпной тиф превращается в грозную опасность. Необходимы героические усилия.—„Надо встряхнуться“,—говорит Ленин. Надо, чтобы каждая партийная организация, каждый союз, даже каждая группа советских работников и граждан вообще поставила перед собою вопрос: „Что мы можем сделать для усиления всенародного похода против голода?“ Нельзя ли заменить мужской труд женским и бросить еще сил на труднейшие задачи продработы и налаживания транспорта, дать комиссаров на заводы по ремонту паровозов и вагонов, усилить продотряды, может быть, выделить для этого десятого, даже пятого человека из нашей среды. Посмотреть... „не заняты ли некоторые из нас такой советской или вообще иной работой, которую можно ослабить или даже прекратить без гибели основных и коренных устоев государства?“ И т. д. и т. п. (Ленин, Собр. соч., т. XVI. „Все на работу по продовольствию и транспорту“).

Мы привели эти многочисленные цитаты, для того, чтобы хоть отчасти напомнить читателю этим живым языком современности ту жуткую обстановку, в которой боролся пролетариат.

К таким сдвигам в классовых отношениях привела и не могла не привести новая и ожесточенная вспышка гражданской войны.

Задача, однако, не ограничивалась тем, чтобы собрать все излишки хлеба и других видов продовольствия и организованно распределить их. Эта задача распространялась и на все виды изделий промышленности. Ибо речь шла теперь не столько об организации производства, наладить которое было почти невозможно в условиях разрухи, блокады и гражданской войны, сколько о том, чтобы рационально использовать наличные блага, у кого бы они не находились. Обстановка осажденной крепости вступала в свои права.

Именно эти обстоятельства и вынудили советскую власть к учету и конфискации не только имущества торговых и прочих складов, но и личного имущества буржуазии и состоятельных слоев населения в той части, в которой это имущество могло рассматриваться при этих условиях, как излишнее.

Организация распределения потребовала аппарата, каковой цели и призвана была служить кооперация, об'единенная в единую

потребительскую коммуну, долженствовавшую охватить все население.

Всем еще памятно, какое мещански-доктринерское отношение, какую длительную кампанию насмешек и издевательства вызвали эти меры пролетарской самообороны со стороны вождей социал-демократии и, в первую очередь, Каутского. Последний со старческой близорукостью, приняв средство за цель, не уставал брюзжать против „забвения основ политической экономии“, обвиняя большевиков в насаждении „потребительского коммунизма“ и забвении примата производства.

„Какой жалкий вздор“,—отвечал на это Ленин. „Как хорошо знакома нам эта мещанская песенка по меньшевистским газетам эпохи Керенского!“ „Экономист Каутский „забыл“, что вопрос о распределении тягостей поражения решается классовой борьбой и что классовая борьба в обстановке совершенно измученной, разоренной, голодной, гибнущей страны неизбежно меняет свои формы. Это уже классовая борьба не за долю в производстве, не за ведение производства (ибо производство стоит, угля нет, железные дороги перепорчены, война выбила людей из колеи, машины изношены и проч., и т. д.), а за спасение от голода. Только дурачки, хотя бы и весьма „ученые“, могут при таком положении „осуждать“ „потребительский, солдатский“ коммунизм и высокомерно поучать рабочих важности производства“. „Потребительский коммунизм“ в этой обстановке „есть спасение рабочего“ („Герои Бернского „Интернационала“, май 1919 г.).

Однако, вопреки брюзжанию социал-демократических филистеров, советская власть в это время не ограничивалась организацией распределения. Каждому из нас памятны судорожные попытки пролетариата даже в этой обстановке всеобщей нехватки, развала и отсутствия связей наладить производство, поддержать транспорт...

Самая эта борьба велась теперь уже на принципиально иной основе. Декретом 28 июня 1918 г. была об'явлена всеобщая национализация. Хозяином на предприятии и организатором производства стал рабочий. Вместе с тем пролетарская революция избегла какой бы то ни было синдикалистской узости и цеховщины, сосредоточив управление промышленностью в Высшем Совете Народного Хозяйства и централизовав его по отдельным отраслям промышленности.

Радикально менялась при этом роль профсоюзов. Из органов классовой борьбы пролетариата против владельцев средств производства они превращались теперь в органы того же класса, в руках которого находится не только политическая власть, но и непосредственное управление производством. Таким образом, если они не сливались еще с органами государства, то становились рядом с ними, преследуя в основном и главном те же самые цели.

„С переходом политической власти в руки пролетариата профессиональным союзам приходится выступать все более и более

в роли строителей нового общества, организация которого должна заменить прежний эксплоататорский класс, все старые традиции и предрассудки старой науки",—говорил Ленин на II Всероссийском с'езде профсоюзов, 20/I 1919 г. „Лишь тогда, когда этот новый класс воспитается,—не из книжек, не из митингов, не из речей, а из практики своего управления,—лишь тогда, когда он привлечет к этому самые широкие массы трудящихся, лишь тогда, когда он выработает такие формы, которые могут облегчить положение всех трудящихся, и когда он привлечет их к делу управления государством и созидания всего государственного порядка,—лишь тогда социалистический переворот может быть прочен; при этом условии он не может не быть прочным. При наличии этого условия он будет представлять такую силу, которая отбросит назад капитализм и все его пережитки, как соломинку, как прах. Вот задача, которая с точки зрения классовой, говоря вообще, стоит перед нами, как условие победоносного социалистического переворота. Эта задача близко и непосредственно смыкается с задачей профессиональных союзов".

В системе зубчатых колес и приводных ремней, составляющих одно органическое государственное целое, профсоюзы должны были стать передаточным звеном между партией и широкими массами трудящихся, организуемыми и приводимыми ими в движение. В то же время профсоюзы становились школой общественной, хозяйственной и государственной деятельности, школой коммунизма.

В этой обстановке вопрос о трудовой дисциплине встал уже совершенно иначе. Если дисциплина капитализма основана на экономическом принуждении со стороны чуждой пролетариату хозяйственной организации, то здесь в основу новой дисциплины ложилось сознание о б щ н о с т и интересов, слияние интересов работника не только с интересами предприятия, но и всего народного хозяйства в целом.

Разумеется, мелкобуржуазные влияния не могли при этом не оказывать своего действия на ряды пролетариата, да и наследие прошлого было еще слишком велико и тяжело. Тем большая сознательность и прямой героизм на трудовом фронте потребовался от передовых слоев пролетариата, чтобы сдвинуть производство с мертвой точки, установить новые производственные связи, создать новую дисциплину труда.

В этом отношении совершенно исключительное влияние и значение имел „великий почин"—коммунистические субботники. Отмечая их появление, Ленин писал: „Голодные рабочие, окруженные злостной контр-революционной агитацией буржуазии, меньшевиков и эсеров, устраивают „коммунистические субботники", работают сверхурочно без всякой платы и достигают громадного повышения производительности труда, несмотря на то, что они устали, измучены, истощены недоеданием. Разве это не величайший героизм? Разве это не начало поворота, имеющего всемирно-историческое значение?"

„Коммунистические субботники" необыкновенно ценны, как фактическое начало коммунизма, а это громадная редкость, ибо мы находимся на такой ступени, когда „делаются лишь первые шаги к переходу от капитализма к коммунизму" (как сказано совершенно справедливо в нашей партийной программе).

„Первый коммунистический субботник, устроенный 10 мая 1919 г. железнодорожными рабочими Московско-Казанской жел. дороги в Москве, имеет большее историческое значение, чем победа Гинденбурга или Фоша и англичан в империалистической войне 1914—1918 годов". (Ленин. „О героизме рабочих в тылу". 28 июня 1919 г.).

Затем в 1919 и 1920 гг. эти „субботники" прокатились по всей стране, всюду вызывая энтузиазм, под'ем производительности труда и достижения в борьбе с разрухой. Кульминационным пунктом этой волны был „всероссийский" субботник 1 мая 1920 года.

Таким образом, уже в самый разгар боев на фронте гражданской войны пролетариат проявлял героические усилия по организации производства. Однако, приступить к этому развернутым фронтом он смог лишь позднее, когда для этого накопились, наконец, необходимые материальные предпосылки.

В этом отношении (в смысле попыток организации производства) совершенно исключительный интерес представляет вторая половина периода военного коммунизма—с декабря 1919 по март 1921 гг.

К этому времени основные силы контр-революции—Колчак и Деникин—уже были разгромлены, отбит Юденич, отобраны обратно огромные территории, возвращены в значительной части рудники, шахты, фабрики и заводы. Мировая буржуазия учитывает это, как основательную победу советской власти. Мы заключаем мир с Эстонией (декабрь 1919 г.); испытывающая нужду в сырье и рынках сбыта Антанта об'являет о снятии блокады (январь 1920 г.) и „разрешает" торговать с русскими кооперативами; заключает с нами мирный договор Латвия (июнь 1920 г.). Создается вновь атмосфера „передышки" после окончания главных боев и возможности перехода на мирное строительство. Правда, эта обстановка затем нарушается войной с Польшей и борьбой с Врангелем, законченными в сентябре и ноябре 1920 г. Тем не менее, весь этот период конца 1919 г. по март 1921 г. характерен именно своими попытками хозяйственного строительства в рамках военного коммунизма.

Создается единый хозяйственный центр для руководства наркоматами в виде реорганизуемого для этого Совета Труда и Обороны (VIII с'езд Советов), начинается работа по плановому охвату народного хозяйства в созданной для этого Государственной комиссии по электрификации России, преобразуемой вскоре в Госплан. На VIII с'езде принимается план электрификации страны, который характеризуется Лениным как „вторая программа партии". Закладываются основы планового строительства и хозяйственного регули-

рования, которые затем переходят в последующий период лишь с изменением методов их осуществления.

Вместе с тем, развернутый план в сопоставлении с реальной действительностью безжалостно указывает на необходимость предварительного накопления фондов продовольствия и топлива и элементарного налаживания и упорядочения транспорта, как предварительного условия всякого маневрирования и хозяйствования.

Начинается суровая борьба, в которой решающую роль играет живая рабочая сила, спасенная от гибели и окончательного распыления той самой политикой „потребительского коммунизма", которая оказалась столь не по нутру филистерам от социал-демократии. Первые успехи на хозяйственном фронте прямо пропорциональны героизму рабочих масс, их решимости и интенсивности труда.

Вопрос организации труда становится основным, решающим вопросом этого момента. И, разумеется, не случайно позже партия останавливает свое внимание на вопросе о методах его организации, отстаивая против „троцкистов" характерную для всей нашей революции линию сочетания принуждения с предварительным убеждением широких масс в необходимости поднятия трудовой дисциплины, исполнительности, интенсивности и производительности труда и пр. Принуждение допустимо и эффективно лишь в том случае, если предварительно доказана рабочим массам его необходимость.

На основе этих принципов партия организует широкие массы для первоначальной борьбы против всеобщего разорения и обнищания. Вводится всеобщая трудовая повинность, трудовые мобилизации и т. п., а для идейного вооружения трудящихся проводится производственная пропаганда, в которой особую роль получает работа профсоюзов.

Отчасти в целях сохранения военной силы для обеспечения от неожиданностей, отчасти в силу невозможности быстрой безболезненной демобилизации в тогдашних транспортных условиях—создаются „трудовые армии" путем перевода на трудовые процессы ряда армий гражданской войны. Армии эти благодаря своей дисциплине и налаженности снабжения сыграли огромную роль в борьбе за топливо и восстановление транспорта. Армии эти работали: первая на Урале (бывшая III), вторая в Донбассе на топливном фронте и по восстановлению ю.-в. железных дорог (бывшая II Особая), третья (бывшая VII) в районе Ленинграда.

В этот же второй период под влиянием упадка сельского хозяйства была сделана попытка, чрезвычайно характерная для системы военного коммунизма и логически из нее вытекающая: попытка централизованного регулирования крестьянского хозяйства. Недостаток сырья для промышленности, аномалии в соотношениях довоенных с.-х. культур,—все это должно было поставить проблему регулирования. И вот не без почина местных работников была задумана и принята к исполнению система мер, устанавливавшая государственный план засева с.-х. культур, при чем предполагалась дальнейшая детализация этого плана по губерниям и более мелким административным делениям. Обсеменение посевной площади было об'явлено государственной повинностью, которая должна осуществляться в соответствии с планом, при чем правильное культурное ведение сельского хозяйства об'являлось долгом крестьянина. Однако, в целях избежания конфликтов с крестьянством предлагалось облекать в форму обязательных правил и постановлений лишь самые элементарные и доступные крестьянину методы улучшенной обработки земли и не разрешалась коренная ломка уклада крестьянского хозяйства, иначе как по предложению волостных с'ездов. Государство при этом брало на себя обязанность снабжения крестьянства в таких случаях орудиями и средствами производства, как и общую заботу о живом и мертвом инвентаре крестьянского хозяйства, мелиорациях, агропомощи и т. д., и т. п.

Не менее характерна для этого последнего периода военного коммунизма и попытка ликвидировать всякий, даже подпольный, товарооборот (знаменитое закрытие московской Сухаревки накануне VIII с'езда Советов (декабрь 1920 г.) и проч.).

Эти две попытки—попытка регулирования крестьянского с.-х. производства и попытка полной ликвидации свободного товарообмена и перехода на организованное снабжение всеми продуктами, необходимыми как в производстве, так и в потреблении,—завершают собою систему военного коммунизма, которая в таком виде в идее представляет собой вполне законченную формацию, в которой промышленность, сельское хозяйство, транспорт все более и более становятся лишь отдельными процессами в общественном разделении труда, регулируемом сознательной волей советской власти. Денежное обращение постепенно отмирает, вытесняемое натуральным обменом и даже прямым распределением продуктов. В предвидении этого НКФин сознательно берет курс на отмирание денег, превращая эмиссию лишь в орудие экспроприации частного хозяйства, в своеобразный налог на необобществленные еще экономические отношения, продолжающий быть одним из источников финансирования революции.

Человеческие отношения натурализуются до прозрачности. Туман денежного фетишизма, товарного фетишизма—тает на глазах, обнажая подлинную экономическую сущность отношений города и деревни, потребителя и производителя, покупателя и продавца.

Сдвинуты все устои старого мира, вся старая социально-экономическая система выведена из своих пазов и намечаются совершенно новые социально-экономические сочетания ее частей.

Вряд ли можно сомневаться, что при развитой промышленной технике и при с.-х. производстве, более разрыхленном предварительно капиталистическим плугом, а потому поддающемся в основной массе коллективизации, страна, будучи вынужденно поставлена

в аналогичные условия, смогла бы затем эволюционировать в сторону подлинного коммунизма.

Не то суждено было нам.

Раздробленное крестьянское хозяйство, как хозяйство частное и притом охватывающее подавляющее большинство населения страны, лежало в непримиримом при тогдашних условиях техники противоречии с общественными методами присвоения, распределения и регулирования. Воспроизводство в крестьянском хозяйстве становилось невозможным из-за нарушения обмена веществ. Отдавая свою продукцию городу, крестьянин, как правило, не мог получить необходимые для него изделия промышленности или получал их в ничтожном количестве. Такое положение длилось годами; воспроизводство нарушалось, наступало истощение крестьянского хозяйства. Все это с неизбежностью толкало крестьянина к натуральным формам хозяйства, к засеву и производству своими руками только того, что необходимо для потребления самому, не говоря уже о том, что нарушение обмена веществ с городом толкало крестьянина на сокрытие продуктов, подлежавших сдаче.

При таких условиях крестьянский вопрос был тем вопросом, от разрешения которого зависело будущее советской власти.

С другой стороны, задержка крестьянством сдачи продовольствия и сырья и технические трудности в их переброске создавали невероятные затруднения в снабжении городов и промцентров продукцией деревни, тормозили, а иногда и делали невозможным продолжение промышленного производства.

Не лучше обстояло дело и с индивидуальным потреблением. Обмен был запрещен; распределительная сеть находилась в руках государства. Но лишенное товарных запасов государство не в силах было снабжать те 37 милл. населения, которые оно взяло на организованное снабжение.

Но это еще не все. То невероятное состояние разрухи, в которое впал в результате гражданской войны подточенный уже империалистической войной организм страны, сделало невозможным сколько-нибудь удовлетворительный учет, тем более, что и до войны он не был удовлетворителен. Тем самым централизованное руководство, долженствовавшее опираться на точный расчет, оказывалось лишенным самого орудия познания, поставленным перед невозможностью удовлетворительного регулирования хозяйства. И это не преминуло чрезвычайно тяжело сказаться в плановых просчетах зимы и весны 1921 г.

Просчеты эти было тем легче совершить, что после ряда лет голода и холода, получив через свои продорганы относительно достаточное количество хлеба и топлива, страна испытывала естественную потребность в усиленном потреблении. В результате перерасход хлебо-фуража и топлива в зимние месяцы 1920—21 гг., приведший затем к продовольственному и топливному голоду.

Вот цифры распределения хлебо-фуража на территории Европейской части Союза в 1920—21 гг. (в милл. пудов):

	1920 г.	1921 г.
I кв.	28	47
II „	33	30
III „	39	22
IV „	54	—

К весне 1921 года налицо катастрофически резкое падение снабжения, несмотря на то, что годовые запасы чрезвычайно возросли по сравнению с предшествовавшими годами. Так, в 1920/21 г. Наркомпрод располагал уже 367 милл. пуд. хлебо-фуража вместо 212 милл. пуд. в 1919/20 г. и всего лишь 108 милл. пуд. в 1918/19 г.

Та же картина повторилась и с топливом. Оба кризиса затем чрезвычайно тяжело отразились на промышленности, вызвав резкое сокращение, а местами почти полный паралич производства.

При таких условиях, под напором нищеты и технической разрухи советская власть вынуждена была отступить от захваченных штурмом позиций, вынуждена была, в первую очередь, сделать уступку крестьянству.

Возникает вопрос: что же дала в таком случае система военного коммунизма революции? Выполнила ли она те задачи, которые на нее возлагались?

На этот последний вопрос мы должны ответить безусловно положительно:

1) система военного коммунизма спасла рабочего от физической гибели;

2) обеспечила снабжение Красной армии;

3) дала возможность организовать использование прочих наличных рессурсов страны для обороны и тем самым обеспечила победу в гражданской войне.

Кроме того:

4) перенеся классовую борьбу в деревню, она в очень значительной мере осуществила экспроприацию кулака и нивеллировала деревню, уменьшив число бедноты и богатых и увеличив середняцкие слои;

5) вынудив к всеобщей национализации, она осуществила всеобщую экспроприацию буржуазии, довершенную потом в порядке эмиссионного налога и распродажи остатков накопленного имущества во время голода.

Тем самым она, с одной стороны, сосредоточила все сколько-нибудь значительные средства производства в руках пролетарского государства, осуществив, таким образом, обобществление их, с другой—расчистила почву в стране для социалистического строительства.

И в этом, несмотря на все отрицательные моменты системы военного коммунизма, ее величайшее и непреходящее историческое значение.

3. Период новой экономической политики

События периода новой экономической политики настолько еще сохранились в нашей памяти, что вряд ли есть надобность подробно о них напоминать, в особенности читателям „Планового Хозяйства“. Мы проследим ход нашей советской экономики за этот период лишь в самых общих чертах.

Отступление пролетариата с позиций военного коммунизма знаменовало собой, в первую очередь, сдачу позиций планового распределения и отход на позиции товарооборота. Мы должны были позволить крестьянину,—за изъятием той части его продуктов, которая должна была итти государству по продналогу, — в остальном свободно обмениваться изделиями своего труда. Отсюда взятый нами в марте курс на допущение „местного оборота“. При чем проектировалось, что во главе этого „местного оборота“ будет стоять товарообмен, организуемый государством. Предполагалось, таким образом, что мы сможем на этом участке укрепиться на позициях государственного регулирования местного товарообмена, т.-е. на позициях своеобразного государственно-торгового капитализма.

На деле же вышло иное. Из товарообмена не вышло ничего. Выпущенная на волю стихия быстро захлестнула государственное регулирование и покатилась дальше, за пределы местного оборота. Ходом вещей был поставлен вопрос о свободном товарообороте во всей стране вообще, и не о продуктообмене производителей, а о свободной торговле товарами.

Партии пришлось пересмотреть вопрос. Осенью 1921 г. Владимиром Ильичем дан был сигнал к дальнейшему отходу с тем, чтобы укрепиться на следующей оборонительной линии—на позициях государственного регулирования товарооборота и денежного обращения во всей стране. В связи с этим мы должны были отойти и там, где непосредственного соприкосновения с крестьянством не было: мы оказались вынужденными отказаться от безденежного снабжения продуктами даже внекрестьянского сектора хозяйства и перейти на денежный товарооборот и здесь. Наконец, мы оказались вынужденными снять с государственного бюджета не только торговые, но и производственные наши предприятия и перевести их „на хозяйственный расчет“. Тем самым мы оказались вынужденными перевести на „хозрасчет“ и рабочую силу, сменив организованное снабжение рабочего класса наймом рабочей силы с выдачей заработной платы. Позже мы отказались и от натуральной формы продовольственного налога, заменив ее денежной.

Все это пронизано неумолимой логикой экономической системы. Мы оказались вынужденными отступать от позиций планового снабжения, планового распределения продуктов и даже планового регулирования производства на позиции рыночного регулирования производства и потребления, — регулирования рублем. Вместо отка-

завшегося в обстановке технического развала служить рационалистического регулятора мы фактически призвали на помощь стихийно и „автоматически“ действующий закон стоимости, хотя и ограничив заранее поле его действия.

8 марта 1922 года был дан сигнал к приостановке отступления: „Довольно, больше никаких уступок!“... „Дальше мы не отступаем. Отступление кончилось, а в связи с этим изменяется и наша работа“ (Ленин. Речь 6 марта 1922 г.).

Основной задачей становится обуздание государством рыночной стихии. Это возможно путем направления ее в государственное и кооперативное русло, путем подчинения ее государственному надзору, учету и контролю.

В связи с этим радикально меняются и основные наши задачи в этом отношении. Мы должны научиться торговать. Пролетарское государство само должно стать „осторожным, рачительным, умелым „хозяином“, исправным оптовым купцом“, так как именно на этом участке фронта поставлен теперь историей вопрос: „чья возьмет?“

Нэп есть такой строй,—говорил Ленин,—при котором к сотрудничеству нами допущена также и буржуазия. Нэп есть частичное допущение капитализма. „Успеют капиталисты раньше сорганизоваться, и тогда они коммунистов прогонят... Или пролетарская государственная власть окажется способной, опираясь на крестьянство, держать господ капиталистов в надлежащей узде, чтобы направлять капитализм по государственному руслу и создать капитализм, подчиненный государству и служащий ему“.

Коммунист должен научиться торговать. Не взирая на все свои коммунистические доблести, „чины“ и „ордена“, отбросив всякое „комчванство“, коммунист-хозяйственник должен учиться у рядового приказчика, прошедшего школу капитализма. В этом теперь задача дня (Из доклада ЦК XI с'езду партии. 27 марта 1922 г., Ленин, Собр. соч., т. XVIII, ч. 2).

Новая экономическая политика была маневром, который таил в себе величайшие опасности. Мы скрещивали шпаги с капитализмом на арене, которая была им великолепно изучена, мы начинали борьбу с ним оружием, которым он владел несравненно лучше нас. Но одновременно она несла с собой и колоссальной важности для этого периода положительные моменты. Раскрепостив, так сказать, товарооборот и развязав инициативу в нем, она сделала возможным воспроизводство в крестьянском хозяйстве; развязав ему руки, она дала ему стимул к расширению сельского хозяйства. То же самое приходится сказать и по отношению к кустарям. Новая экономическая политика организационно призвала к действию такие силы, которые были скованы перед этим и лежали втуне. В этом ее огромная возрождающая сила.

Прямым и непосредственным результатом этого было увеличение в изголодавшейся стране продуктов как сельского хозяйства,

так и кустарно-ремесленной промышленности, шедших от необобществленного сектора. Вместе с тем новая экономическая политика развязала руки государству в смысле освобождения его от забот по снабжению 37 милл. едоков и дала возможность направить организационные усилия на другие задачи и, в частности, на производство. Одновременно она освободила государство и от мелочной опеки над производством. Она также развязала руки и производству, дав ему возможность работать на основании хозрасчета. При этом введение сдельной, поштучной и проч. систем оплаты труда внесло момент личной заинтересованности рабочих и способствовало укреплению дисциплины и восстановлению интенсивности и производительности труда. Все это не замедлило потом сказаться в процессе восстановления народного хозяйства.

Многим товарищам в первое время казалось, что мы сдали все позиции коммунизма, что мы исторически скатываемся в пропасть, сдавая в архив основные завоевания революции. Однако, такой подход обнаруживал всю глубину непонимания экономической неравноценности процессов распределения и производства. Теперь каждый рядовой партиец и даже беспартийный рабочий усвоил всю стратегию и тактику оставления за собой „командных высот", обладание которыми решает все в социальном бою. Промышленность, транспорт, земля, леса и недра, а из области обращения — государственные финансы, банки, кредит и монополия внешней торговли,— все это осталось в руках пролетарского государства, которое затем и не замедлило начать планомерное наступление на хозяйственном фронте.

И вот к девятой годовщине победы пролетариата — результаты налицо. То, что даже прозорливейшему из современников — вождю пролетарской революции—казалось неосуществимым без иностранной поддержки даже в десятилетие[1] оказалось достигнутым в пять с половиною лет. Это ли не блестящий результат предложенного Лениным величайшего стратегического маневра—новой экономической политики?!

Пять с половиной лет тому назад мы имели изуродованный транспорт, почти застывшую промышленность, подорванное сельское хозяйство, вконец расстроенное денежное обращение и финансы. В 1920 году площадь посева упала уже до 75,8% довоенной[2] (с 83 милл. дес. довоенных), урожай зерновых с десятины снизился до 35,8 пудов (против 50,3 пуд. довоенных), валовой сбор хлебов упал до 2.083 милл. пуд. Продукция ржи составила 51%, пшеницы—47% довоенных. Все это усугублялось неурожаем, бескормицей, гибелью скота как от эпизотий, так и в результате гражданской

[1] См. его речь на собрании секретарей ячеек московской организации 27 ноября 1920 г. Собр. соч., т. XVII.

[2] В 1922 г. в результате голода она упала даже до 70,3%.

войны. Убыль скота в процентах к 1916 году (близкому к довоенным по количеству скота) выражалась в катастрофических цифрах: лошадей убыло 39%, волов 35%, прочего крупного рогатого скота—34%, мелкого рогатого скота 50% и свиней 60%.

Вся промышленность в целом едва достигала 17—18% довоенной продукции, а по отдельным отраслям падала до нуля.

Транспорт бился в конвульсиях, судорожно борясь против топливного голода и технической разрухи. Достаточно упомянуть, что в итоге гражданской войны и интервенции лежало в развалинах 4.000 кв. саженей ж.-д. мастерских, 466 водонапорно-водоподъемных зданий, 10.000 кв. саженей пассажирских зданий и товарных устройств, 85.000 верст телеграфных линий и 4.997 ж.-д. мостов.

В настоящее время эти разрушения за ничтожным исключением восстановлены. Сельское хозяйство по валовой продукции достигает 89,4% довоенного, а с поправкой на снижение особо благоприятного 1913 г. до средних размеров—даже 96,6%. Посевная площадь поднялась до 97% довоенной, скотоводство, грубо говоря,—до 96% довоенного, при чем крестьянское скотоводство уже достигло довоенных размеров.

Промышленность в целом достигла 98,7% довоенной продукции. Заработная плата промышленных рабочих, упавшая в I кв. 1921 г. (январь—март), по исчислениям тов. Струмилина, до 13% довоенной (3 руб. 36 коп. в бюджетных рублях, из которых 23 коп. деньгами,—остальное натурой), приблизилась теперь в среднем по СССР в IV кв. 1926 г. вплотную к 100% довоенной.

Таков язык цифр. Какой же тип экономической формации имеем мы в результате девятилетней борьбы? Еще накануне нэпа в период разрухи был поставлен партией вопрос о привлечении к нам иностранных капиталов в форме концессий. Тем самым был взят курс на государственный капитализм и в производственном секторе. Однако, уже в 1921 г. никто другой, как тов. Ленин обращал наше внимание на то, что из концессий у нас, в сущности, не вышло того, чего мы от них ждали.

К настоящему же времени, в результате пяти лет концессионной политики, продукция концессионных предприятий вместе с частно-капиталистической, кустарно-ремесленной и арендованной промышленностью составляет всего лишь 7,8% всей продукции страны. В то время как продукция обобществленного сектора промышленности составляет 33,7% всей продукции страны (пром. с.-х.).

В то же время продукция крестьянского хозяйства, в которой основная масса падает на середняка и бедноту, составляет 50,4% продукции страны. Из остальных 8,1%,—5,6% падает на государственное лесное хозяйство, 1,2% на рыболовство, в котором 1/3 также обобществлена, и 1,2% на обобществленное земледелие.

Таким образом, мы представляем собою страну, в производстве которой доминирующую роль играет сочетание крупной социали-

стической промышленности с мелким, раздробленным, некапиталистическим крестьянским хозяйством, ведущим свое производство на общественной земле и под защитой государственной власти, находящейся в руках пролетариата, союзника крестьянства.

В процессах обращения, как мы отмечали это еще почти год тому назад в № 12 „Планового Хозяйства“ (в статье о „Государственном капитализме“), отношения сил складываются еще больше в нашу пользу, так как там со счетов сбрасывается целых $^2/_3$ продукции сельского хозяйства, потребляемой крестьянским хозяйством в натуральном порядке.

Вряд ли найдется действительно грамотный экономист, у которого повернулся бы язык назвать такой строй государственным капитализмом.

Не спасет для него положения и то обстоятельство, что мы за последнее время делаем дальнейший шаг вперед, вступаем на путь действительного подчинения частной торговли контролю и руководству государства как в порядке отчетности, так и в порядке выполнения договорных условий по реализации товаров. Тем самым мы превращаем ее по мере осуществления этого подчинения из сектора частно-капиталистического в сектор государственно-капиталистический в самом подлинном смысле этого слова (но, разумеется, с пролетарским государством во главе). То-есть мы осуществляем здесь, в этой доле народного хозяйства, тот самый тип государственного капитализма, который Владимир Ильич и вся партия с ним, хотели осуществить как господствующий тип и, разумеется, как переходную ступень еще в 1917—18 годах. Однако, к вящшему неудовольствию меньшевиков, и уж не знаю к каким чувствам некоторых товарищей из оппозиции, этот сектор не сможет занять у нас в товарообороте более 19,1%, так как вся частная посредническая торговля составляет в нем за последнее полугодие лишь 19,1%.

Говоря о системе нашего народного хозяйства, нельзя упускать из виду и наших достижений в области планового регулирования. Генеральный план народного хозяйства,—план электрификации,—принятый VIII с'ездом Советов, сыграл огромную организующую роль, указав направление развития индустриализации нашей страны как в целом, так и по ее районам. Нельзя не отметить, что на территории Союза, охваченной планом ГОЭЛРО, все строящиеся в настоящее время электростанции предусмотрены этим планом. Если преждевременно говорить о пятилетнем перспективном плане, над которым сейчас еще ведется работа, то во всяком случае необходимо учесть, что уже второй год страна живет с предварительной цифровой наметкой своего развития по всем отраслям хозяйства („контрольные цифры“). Мы живем далеко не вслепую и хозяйство наше уже далеко от стихийного регулирования, по меньшей мере в том секторе, который является решающим в определении направления его развития.

В первый период нэпа, период отступления, мы сдали стихии наши позиции планового снабжения и распределения продуктов. Теперь мы овладеваем позициями предварительных заказов, позициями завоза товаров. В 1921 году мы сдали позиции планового регулирования производства. Перейдя горнило хозрасчетной стихии, мы выковали теперь новые методы регулирования производства, и пусть найдется теперь хоть один человек, который доказал бы, что в настоящее время в нашем социалистическом секторе, дающем 81,2% всей промышленной продукции, мы производства не регулируем.

В 1921 году мы призвали на помощь стихийный регулятор—рынок, цену, рубль. Теперь, даже на нынешней стадии хозяйственного роста; мы уже вносим весьма существенные коррективы в стихийное регулирование как по линии цен, так и по линии масштабов производства и направления его развития даже в необобществленном секторе народного хозяйства. Мы ведем теперь наступление на оставленные нами в 1921 году позиции, мы отвоевываем их шаг за шагом, но мы боремся теперь за них совершенно иными методами, специфичными для новой экономической политики.

Мы, разумеется, далеки от того, чтобы идеализировать нашу действительность и не видеть ее отрицательных сторон. Но когда речь идет о смене систем народного хозяйства, о смене целых исторических эпох и социально-экономических формаций, мы не можем не замечать, что эти дефекты относятся к частностям, к деталям нашей работы.

И вот, говоря об этих основных исторических сдвигах, мы должны сказать, что в итоге этих 9 лет, местами преодолев позиции государственного капитализма, местами обойдя их, мы в общем оставили его уже позади себя, как преобладающий тип хозяйства, и теперь продвигаемся в направлении к социализму.

Между нами и социализмом никаких промежуточных ступеней нет.

Бывает так, во время большого обходного движения, что сначала идешь как будто в сторону от цели и иногда даже в обратном направлении, но затем, когда значительная часть пути пройдена, дорога постепенно поворачивает и ты уже видишь цель, которая лежит на прямом продолжении твоего пути. Вот и мы в своем обходном маневре новой экономической политики достигли уже такой части пути, откуда идет прямая дорога к социализму. И если мы не собьемся с этой ленинской дороги, нам не придется больше отступать или итти в сторону. При правильном партийном руководстве непрерывное поступательное движение к социализму всей системы советского хозяйства обеспечено.

Таков в самых общих чертах итог девятилетней героической борьбы пролетариата.

Г. Геллер

Болезни нашей внешней торговли[1]

Вопросы внешней торговли неоднократно стояли в течение истекшего (1925/26) года в центре общественного внимания.

Неблагоприятные итоги последнего года, как-то: незначительный рост экспорта, нерентабельность вывоза ряда экспортных товаров, пассивность торгового баланса и т. п., заставляют искать причины болезненных явлений в нашей внешней торговле.

Несомненно, что внешняя торговля, являясь связующим звеном между хозяйством СССР и мировым хозяйством, испытывает на себе влияние кон'юнктурных изменений внешнего рынка, и поскольку кон'юнктурные условия для нашей внешней торговли были далеко неблагоприятными (падение мировых цен почти по всему фронту наших экспортных товаров, сокращение емкости отдельных рынков в отношении наших товаров и т. д.), они не могли не влиять на общие результаты внешней торговли. Однако, было бы неправильно искать причины „болезней" нашей внешней торговли исключительно или, главным образом, в условиях, от нас совершенно независящих. Наш внешний товарооборот далеко еще не достиг таких размеров, которые ставили бы перед нами вопрос о достижении предельной емкости мирового рынка. Размеры нашего экспорта настолько еще незначительны, что внешние кон'юнктурные условия имеют для него далеко не первостепенное значение. Если операции с тем или иным товаром зависят от внешних кон'юнктурных изменений, если результаты отдельных коммерческих операций связаны с данной ситуацией тех или иных внешних рынков, то судьбы экспорта в целом, его размеры, направление, рентабельность и т. д. зависят, главным образом, от условий, связанных с внутрихозяйственным положением СССР. Практики внешней торговли (даже те из них, которые весьма часто по „тактическим" соображениям ссылаются на затруднения, лежащие на стороне кон'юнктуры внешних рынков) вряд ли будут отрицать, что решающими для их деятельности являются внутрихозяйственные условия.

Переходя к этим последним, мы должны, прежде всего, установить характер той связи, которая существует между условиями роста народного хозяйства Союза, связанными с ним хозяйственными затруднениями, с одной стороны, и болезнями внешней торговли, с другой.

[1] В порядке постановки вопроса. Р е д.

Подобно тому, как хозяйственные затруднения, испытываемые Союзом, тесно связаны с ростом народного хозяйства, так и условия развития внешней торговли определяются характером хозяйственного развития Союза. Задача индустриализации страны, положенная в основу экономической политики СССР, заранее предопределяет в значительной мере характер и направление нашей внешней торговли. Если в области импорта работы, связанные с индустриализацией, требуют дальнейшего увеличения производственной части ввоза и, в особенности, ввоза промышленного оборудования, то в области экспорта положение совершенно иное.

Индустриализация страны, несомненно, означает в более или менее отдаленном будущем также увеличение и индустриализацию экспорта. Но для экспорта ближайшего будущего самый факт индустриализации страны означает некоторые совершенно неизбежные явления, затрудняющие развитие вывоза. В самом деле: увеличение рабочего и вообще городского населения, являющееся следствием оживления промышленного строительства, приводит к увеличению городского потребления сельскохозяйственных продуктов, что естественно ведет к сокращению экспортного фонда этих продуктов. С другой стороны, улучшение положения крестьянского хозяйства, в связи с общим под'емом народного хозяйства за последние годы, должно привести и приводит к увеличению потребления сельскохозяйственных продуктов крестьянством, следствием чего является рост так называемого „оседания" сельскохозяйственных экспортных товаров и сокращения товарного предложения их. Наконец, расхождение между темпом развития промышленности и сельского хозяйства, более медленный в условиях индустриализации темп развития сельского хозяйства, естественно, должен отразиться на развитии экспортных его отраслей, а следовательно, и на возможности пополнения того же экспортного фонда. Таким образом, стихийный рост, импортных потребностей страны, ставшей на путь индустриализации сопровождается известным относительным сокращением экспортных возможностей,—сокращением, вызываемым теми же причинами, что и рост потребностей в импорте.

Эти основные формы влияния индустриализации на внешнюю торговлю не являются чем-либо особенным, присущим только экономике СССР. Периоды усиленного промышленного строительства, периоды перехода страны от аграрно-промышленного типа к типу промышленно-аграрному всегда и везде характеризуются подобным противоречием, которое разрешается обычно финансовой помощью извне (займы, кредиты). В наших условиях враждебного окружения Союза, при невозможности пока получения займа на приемлемых условиях и при недостаточности иностранных кредитов, несоответствие потребностей в импорте возможностям экспорта является основной причиной болезней нашей внешней торговли. Отсюда, несмотря на всяческие директивы и усилия регулирующих органов

свести баланс внешней торговли с активным сальдо, мы неизменно имеем в последние два года пассивный торговый баланс. Необходимость покрытия этого пассива за счет собственных рессурсов определяет основную линию политики нашей внешней торговли: максимальное форсирование экспорта и сугубо осторожное расширение импорта. Трудности, связанные с реализацией этой директивы, определяют и общие трудности, связанные с осуществлением задач, стоящих перед нашей внешней торговлей. Поэтому некоторые затруднения во внешней торговле являются совершенно неизбежными в нынешнюю стадию развития народного хозяйства Союза, и связанные с ними болезни внешней торговли являются органическими болезнями—болезнями роста.

Но, признавая неизбежность и закономерность этих болезней роста, мы все же должны констатировать, что те болезненные явления, которые мы наблюдали в истекшем году во внешней торговле, выходят далеко за пределы какой-либо закономерности, что мы имеем такие серьезные осложнения болезней роста, которые угрожают дальнейшему развитию внешней торговли и которые никакими об'ективными условиями об'яснены быть не могут.

Для того, чтобы не быть голословным, попробуем на некоторых примерах показать, во что превратились у нас „болезни" роста.

Начнем с размеров экспортного фонда. Мы уже говорили о закономерности некоторого сокращения экспортного фонда. Известное повышение крестьянского и городского потребления, как мы указывали выше, является прямым следствием хозяйственного развития в направлении индустриализации. Но те размеры, которые принимает в наших условиях это явление, вряд ли можно назвать нормальными. Следующая таблица иллюстрирует величину крестьянского и городского потребления за последние годы. [1]

	1909–13 гг.	1924/25 г.	1925/26 г.
	В %% к валовому сбору		
I. Зерновые			
Валовой сбор	100,0	100,0	100,0
Оседание	71,1	82,9	80,5
Экспорт	15,0	0,5	3,7
Прочие	13,9	16,6	15,8
II. Лен—волокно			
Валовой сбор	100,0	100,0	100,0
Оседание	29,8	48,0	46,5
Экспорт	51,5	21,9	19,8
Прочие	18,7	30,1	33,7
III. Пенька			
Валовой сбор	100,0	100,0	100,0
Оседание	59,5	81,9	81,4
Экспорт	16,2	2,7	2,9
Прочие	24,3	15,4	15,7

[1] Исчислено по материалам экспертной комиссии при Промэкономсовете ВСНХ (июль 1926 г.).

	1909—13 гг.	1924/25 г.	1925/26 г.
	В %% к валовому сбору		
IV. Мясо			
Общая продукция	100,0	100,0	100,0
Оседание	58,6	64,5	65,5
Экспорт	1,1	0,4	0,6
Прочие	40,3	35,1	33,9
V. Масло коровье			
Общая продукция	100,0	100,0	100,0
Оседание	50,8	70,1	66,4
Экспорт	19,0	5,8	7,9
Прочие	30,2	24,1	25,7
VI. Яйца			
Общая продукция	100,0	100,0	100,0
Оседание	37,4	60,9	65,6
Экспорт	33,8	11,0	10,3
Прочие	28,8	28,1	24,1

По целому ряду экспортных сельскохозяйственных товаров, как видно из этой таблицы, мы имеем оседание, значительно превосходящее довоенные нормы, при чем по некоторым товарам оно превышает довоенные не только относительно, но и в абсолютных натуральных единицах (лен, пенька, яйца). Если в отношении хлеба значительность оседания можно об'яснить, как реакцию крестьянства на колебание устойчивости червонной валюты, имевшее место в истекшем году, то по прочим товарам имело место либо увеличение кустарной переработки (лен, хлопок), либо рост непосредственного потребления (масло, яйца). При чем рост последнего вида потребления далеко превосходит то неизбежное увеличение, которое должно компенсировать голодные нормы крестьянского потребления в довоенное время.

Та же таблица дает представление и о движении городского потребления (графа „прочие"). Здесь мы также видим рост городского потребления по ряду сельскохозяйственных товаров, которые составляют основу нашего экспорта, при чем рост этот явно происходит за счет экспорта.

Вряд ли можно считать нормальным, даже в условиях хозяйственного под'ема, столь значительный, далеко превышающий нормы мирного времени, рост как крестьянского оседания, так и городского потребления. Точно так же вряд ли можно считать неизбежным наблюдаемое увеличение потребления промышленностью некоторых видов экспортного сельскохозяйственного сырья, даже если учесть все те изменения, которые произошли в работе промышленности (изношенность оборудования, изменение ассортимента и т. д.). Для примера отметим, что потребление льна промышленностью СССР составляло в 1925/26 г. около 7 милл. пуд. против 5,8 милл. пудов, потребленных в довоенное время промышленностью на той же территории. В то же время экспорт льна едва достиг 30% довоенного.

Эти немногочисленные примеры, однако, достаточно иллюстрируют те размеры, которые приняло у нас сокращение экспортного фонда.

Чем же об'ясняется это явление? Является ли оно об'ективно неизбежным, или же оно вызвано причинами, в значительной мере зависящими от нас? Если мы обратимся к причинам такого значительного оседания сельскохозяйственных продуктов внутрикрестьянского хозяйства, то не трудно будет обнаружить среди целого ряда причин основную, а именно—наше неумение регулировать соответствующие рынки. Прежде всего следует отметить совершенно невыдержанную и нереальную политику заготовительных цен, проводившуюся в течение последнего года, особенно второй его половины, в отношении ряда сельскохозяйственных экспортных товаров. Классическим примером этой политики и влияния ее на экспорт может послужить яичная кампания последнего года. Конвенционная заготовительная цена государственных и кооперативных организаций, проводившаяся в разгар сезона, была совершенно неприемлема для крестьянства, в результате чего крестьянство увеличило собственное потребление яиц, с одной стороны, и направило большую часть своего товарного предложения в русло частной торговли, значительно переплачивавшей против государственной цены,—с другой. В результате, мы имели пресловутую крестьянскую „яичницу" 1926 г., сорвавшую без всякой пользы для чего-либо нашу экспортную кампанию. Цифровое отражение итогов этой кампании видно из сопоставления яичного экспорта за летний период 1925 и 1926 гг. В то время как экспорт в летние месяцы 1925 г. (апрель—сентябрь) выражался в 3.580,4 вагона, в соответствующие месяцы 1926 г. вывоз составил всего лишь 1.547,2 вагона. Неудивительно, что мы имеем значительное недовыполнение экспортного плана при наличии об'ективной возможности полностью его выполнить.

Приведенный нами пример является общеизвестным и, конечно, не единственным, но мы остановились на нем именно потому, что он общеизвестен и великолепно характеризует болезни нашего регулирования.

Аналогичное же положение с некоторыми вариациями мы имели и на других товарных рынках (масло, мясо и др.). Общим выражением результатов этой заготовительной политики являются те цифры, которые приведены в таблице.

На ряду с сокращением поступления экспортного продукта от крестьянства имело место резкое сокращение экспортного фонда, благодаря чрезмерному потреблению городского рынка. Город с'ел значительную часть нашего экспорта. Так, потребление яиц в Москве в некоторые месяцы истекшего года (апрель—июнь) определялось цифрами в 10—12 вагонов, а временами и до 15 вагонов в сутки. Потребление масла в Москве составило уже в 1924/25 г. 15 фунтов на душу в год против довоенной цифры в 7 фунтов на душу

(в 1911—13 гг.). Таким образом, уже в 1924/25 г. душевое потребление привозимого по железным дорогам масла в Москву превышает норму 1911—13 гг. более чем вдвое,—на 8 фунтов. Превышение довоенных норм потребления масла мы имеем и по Ленинграду. Среднее годовое душевое потребление составляет в Ленинграде 19,7 фунта, что превышает норму 1911—13 гг. на 4,6 фунта.

Приведенные данные о потреблении масла взяты из сборника „На пути к восстановлению маслоэкспорта СССР", изданного Наркомторгом. Авторы этого ежегодника констатируют, что в 1925/26 г. (данные только за первое полугодие) наблюдается увеличение потребления масла по Москве на 84% по сравнению с предшествовавшим годом, по Ленинграду—на 47,3%, по прочим районам на 66,1%. „Заканчивая сравнение потребления масла Москвы и Ленинграда,—замечают авторы сборника,—необходимо отметить значительную емкость и ее систематическое увеличение в связи с быстрым ростом населения и душевого потребления масла, значительно превышающего известные нам нормы мирного времени". Само собой понятно, что увеличение внутреннего потребления влечет за собой сокращение экспортного фонда; для Ленинграда это явление до наглядности просто: из всего количества масла, потребляемого Ленинградом, 60—70% составляет „экспортное" масло.

До самого последнего времени достаточно явный рост городского потребления вовсе не вызывал никакого воздействия со стороны соответствующих регулирующих органов, и только к концу хозяйственного года были приняты некоторые меры в связи с общим проведением режима экономии. Меры эти в применении к внешней торговле оказались запоздавшими и мало эффективными. В частности, в отношении экспорта ничто, повидимому, не могло побороть того отношения, которое иначе как недостаточным вниманием к интересам экспорта назвать нельзя.

Случаи, когда заготовленные для экспорта партии товаров отправлялись полностью или частично на внутренний рынок, были отнюдь не единичными. Такая переброска товаров была возведена в систему. Поскольку благодаря ошибкам, допущенным при проведении заготовительной кампании, снабжение потребительских рынков было недостаточно и в значительной мере попало в отношении ряда товаров в руки частных организаций, госорганизации принуждены были в отдельные периоды перебрасывать значительное количество экспортных товаров для регулирования цен внутреннего рынка. В отдельные периоды снималось для нужд внутреннего рынка 50 и больше процентов всей заготовки яиц и масла. При этом, к слову сказать, поскольку эти мероприятия являлись случайными и ударными и поскольку потребление неизменно возрастало, практический эффект их на внутреннем рынке был весьма незначителен. А между тем, не говоря уже о возможности воздействия на общие размеры потре-

бления, регулирующие органы располагают возможностью маневрирования отдельными видами потребительских товаров и замены экспортных товаров неэкспортными.

Общеизвестно, что усиленный спрос на масло и яйца в значительной мере вызывался дороговизной и незначительным поступлением на главнейшие потребительские рынки мяса и рыбы. Вместо того, чтобы путем надлежащей организации обеспечить поставку этих товаров и тем самым освободить значительные партии экспортного товара, мы шли по линии наименьшего сопротивления и предпочитали бросать готовый уже к экспорту товар на удовлетворение непомерно возросшего спроса. В то же время мясной рынок был почти полностью отдан в руки частного капитала благодаря громоздкости и малой маневренной способности государственных организаций. Чрезвычайно характерно, что в наиболее благоприятные для заготовок северной части СССР месяцы вся государственная заготовительная сеть оказалась на Украине, где ей в то время делать было нечего. В результате государственный заготовительный план выполнялся в размере 6—7% (апрель—май 1926 г.); на севере вследствие бескормицы погибал скот, частный торговец был монополистом по снабжению внутреннего рынка, население потребляющих центров не могло быть удовлетворено мясом и покрывало недостачу мяса увеличением потребления экспортного масла и яиц.

Не было налажено также и снабжение рынка рыбой.

Но мало того, что не принималось никаких мер к защите экспортного фонда, мы своей политикой цен на экспортные товары, как и политикой заготовительных цен, всячески способствовали сокращению экспортных рессурсов. Наша политика заготовительных цен, строившаяся на снижении сельскохозяйственных цен во что бы то ни стало, совершенно не учитывала условий рынка. Мы проводили понижение цен не во-время, наши конвенционные цены были слишком низки, лишая крестьянство стимулов к предложению своей продукции, наконец, мы так часто и неожиданно меняли свои директивы, что лишали рынок необходимой устойчивости.

В области сбытовых цен на внутреннем рынке мы имели такой рост цен, который делал экспорт коммерчески совершенно бессмысленным, так как реализация товара на внутреннем рынке оказывалась весьма часто более выгодной. Кроме того, мы иногда своей политикой цен форсировали потребление экспортного товара. Так, например, обстояло и обстоит дело с экспортным маслом. Слабое поступление на рынок сладко-сливочного и топленого масла, естественно, заставляет население увеличивать потребление „экспортного“ масла. Существующий разрыв между сбытовыми ценами на экспортное и другие сорта масла еще более усиливает потребление первого. Для предотвращения этого следовало бы в максимально возможной мере сгладить разрыв между сбытовыми ценами на экспортное и другие сорта масла с тем, чтобы не форсировать потребление экспортного масла. Между тем разрыв этот до сих пор продолжает иметь место, и еще на август мы имеем такое соотношение цен:

Цены на масло в Ленинграде (в руб. и коп. за пуд)

	Август 1913 г.	Август 1926 г.
Экспортное	14 р. 18 к.—100,0%	22 р. 50 к.—100,0%
Сладкое	16 „ 40 „ —115,6 „	31 „ — „ —137,2 „
Топленое	15 „ 31 „ —108,6 „	28 „ 56 „ —126,7 „

Поскольку в условиях напряженного потребительского спроса снижение цены на сладко-сливочные сорта было невозможно, единственным выходом было повышение цены на экспортные сорта. Низкими ценами на экспортное масло мы стимулировали его потребление, способствуя тем самым сокращению экспортного фонда.

Достаточно приведенных нами немногочисленных примеров, чтобы убедиться, что то сокращение экспортного фонда, которое связано с общим хозяйственным под'емом и индустриализацией страны, в наших условиях приняло совершенно нежелательные формы резкого сокращения экспортной массы. При этом основной причиной, в значительной мере обострявшей все прочие, является, с нашей точки зрения, несоответствие регулирования к интересам экспорта, имевшая место в нашей хозяйственной действительности, несмотря на постановления и декларации противоположного характера.

Это же недостаточно внимательное отношение можно констатировать и при рассмотрении причин высокой себестоимости экспортных товаров. Если рост внутреннего потребления, увеличение товарности крестьянского хозяйства и товарный голод способствуют росту внутренних цен и, тем самым, росту себестоимости экспортных товаров, то все же, даже учитывая все эти обстоятельства, нельзя не признать, что высота себестоимости чрезмерна. И дело тут не столько в уровне цен (как мы видели, заготовительные конвенционные цены были достаточно низки для крестьянина), сколько в высоте накладных расходов.

Несмотря на то, что вопрос о снижении накладных расходов поставлен давно, несмотря на ряд мероприятий (большей частью административного характера) по борьбе с высокими накладными расходами, общий уровень их за последние годы почти не снизился, а по сравнению с довоенными современные накладные расходы достигают значительной высоты. Если принять накладные расходы 1923/24 г. за 100, то движение их по некоторым товарам (главнейшим) выразится в следующем виде:

	1923/24 г.	1924/25 г.	1925/26 г.
Пшеница	100	118,3	110,6
Рожь	100	113,7	102,4
Ячмень	100	111,1	100,7
Масло экспортное . .	100	109,9	100,0
Яйца	100	107,3	107,3

Если учесть, что 1924/25 г. является годом минимального хлебного экспорта, вследствие чего накладные расходы по хлебным культурам должны были возрасти, то мы имеем с 1923/24 г. рост накладных расходов и, в лучшем случае, стабильность их (исключение составляют накладные расходы по льну, снизившиеся с 6 р. 84 к. в 1923/24 г. до 3 р. 09 к. в 1925/26 г.).

Если сравнивать современные накладные расходы с довоенными, то огромная высота нынешних накладных расходов становится особенно ясной. В самом деле,[1] в 1909—13 гг. накладные расходы на пуд экспортируемого хлеба составляли 28—29 к. по пшенице и 29—30 к. по ржи, в 1925/26 г. по пшенице—66 коп., по ржи—63 коп.; по яйцам довоенные расходы на 1 ящик составляли 9 р. 41 к.—9 р. 76 к., в 1925/26 г.—29 р.; по маслу в довоенное время—2 р. 86 к., в настоящее время—5 р. 60 к. Несмотря на всю приблизительность и условность всех этих расчетов и даже при поправке путем применения соответствующего индекса, непомерная высота накладных расходов все же остается совершенно очевидной.

Конечно, высота накладных расходов в известной мере зависит от общего уровня промышленных цен, так как накладные расходы, как общее правило, равняются по городскому индексу. Поэтому некоторое возрастание накладных расходов по этой причине совершенно естественно. Но сопоставления, приведенные нами выше, свидетельствуют о столь значительном превышении довоенных норм, которое заставляет искать себе особого об'яснения. Опыт показывает, что высокие накладные расходы связаны с рядом обстоятельств, зависящих не столько от об'ективных, сколько от суб'ективных условий нашей внешней торговли. Главнейшими из них являются: 1) сложность и громоздкость организации заготовительной работы (все еще обилие организаций, недостаточная нагрузка, дефекты районирования и т. д.); 2) значительный рост расходов, поступающих в доход государства (всякого рода сборы, косвенно повышающие ж.-д. тарифы, сборы в пользу коммунального хозяйства, портов и т. д., расходы по кредиту и т. д.); 3) отсутствие твердой и правильной линии в отношении новых расходов социального характера (соцстрах, культотчисления и т. д.); 4) сложность организации заграничного аппарата.

Влияние первого обстоятельства сказывается на увеличении расходов по месту заготовок; так, по яйцам эти расходы превышают довоенные (по номиналу) в 4—5 раз, по маслу в 6—7 раз и т. п. В этом нет ничего удивительного, если принять во внимание, что по яйцам у нас в начале 1925/26 г. работало 13 заготовителей, по маслу—6 и т. д. Любопытно, что по льну, заготовкой которого занимались только 4 организации, соотношение накладных расходов более нормально, да и самый уровень их ниже, чем по другим статьям.

[1] Приводимые нами данные основаны на материалах, предоставленных нам отдельными специалистами.

При обилии организаций наблюдается, как общее явление, недостаточная нагрузка аппарата, особенно в периоды сезонного затишья. Мы уже упоминали о нагрузке мясозаготовительного аппарата на Украине в некоторые месяцы истекшего года. Еще хуже было положение в истекшую яичную кампанию. В те периоды, когда благодаря неудачной политике цен заготовки сокращались до минимума, нагрузка отдельных заготовительных пунктов была настолько ничтожна, что средний уровень накладных расходов на ящик подскакивал с 29 р. до 40 р. Даже по наиболее благополучному в смысле накладных расходов—льну мы имели в истекшую кампанию, несмотря на увеличившийся по сравнению с 1924/25 г. товарный выход, превышение предполагавшегося уровня накладных расходов (утвержденного СТО) только потому, что заготовительный аппарат был свернут после окончания сезона с запозданием на 1½ месяца.

К обстоятельствам, способствующим росту накладных расходов по заготовке, следует отнести также непропорциональный рост заработной платы отдельных категорий рабочих и служащих, а также полную неурегулированность ряда вопросов, связанных с трудовым законодательством и с начислениями на зарплату.

Непомерная дороговизна погрузочно-разгрузочных работ в портах общеизвестна и об'ясняется неурегулированностью вопроса об оплате грузчиков и монополией погрузочных артелей в портах. К той же категории непропорционально высокой оплаты следует отнести чрезмерно-высокую оплату более ответственной части служащих заготовительных пунктов. Для примера укажем, что заведующий яичным заготовительным пунктом получал в истекшую кампанию 120 руб. в месяц против довоенной ставки в 30 руб. Принимая во внимание, что пункты эти расположены, главным образом, в селах и мелких городах, нельзя не видеть чрезмерности этой оплаты, которую никакие комбинации с индексами скрыть не могут.

Но из всей массы накладных расходов, не зависящих от экспортеров, наиболее яркую картину роста дают расходы, связанные с транспортом. Как известно, железнодорожные тарифы в общем не только не выше, но в некоторых случаях даже ниже довоенных, тем не менее расходы на транспорт у нас гораздо выше довоенных (по хлебу в 2½ раза, по яйцам на 50%). Это об'ясняется тем, что фактически тарифы значительно удорожаются благодаря наличию целой системы сборов, которые в довоенное время были либо весьма незначительны по своим размерам, либо вовсе не существовали. Вот один из наиболее ярких примеров этого косвенного увеличения стоимости транспорта:

„Вывозной ж.-д. тариф 1925 г. почти вдвое дешевле тарифа мирного времени, но зато дополнительные сборы почти в 14 раз дороже дополнительных сборов, взимавшихся в 1913 г. На том же расстоянии от Ново-Сибирска до Нового Порта взималось с пуда масла в копейках:

	1913 г.	1925 г.
За вагон-ледник (без соли)	1,00	27,08
Станц. расходы	0,70	1,00
Погрузка	0,30	1,00
Выгрузка	0,20	0,74
Взвешивание	0,25	0,80
Целевой сбор в 2%	—	1,26
Герб. сбор 0,1%	—	0,65
Местный при отправл. и попудн. прибытии сбор	—	2,00
	2,45	34,49 [1]

Касаясь транспортных расходов, нельзя не отметить отсутствия у нас системы экспортных тарифов. Тарифные льготы по отдельным экспортным товарам предоставляются у нас разрозненными законодательными актами, издающимися от случая к случаю по тому или иному конкретному поводу. До сих пор нашим регулирующим органам не удалось так построить экспортные тарифы, чтобы они представляли единую систему, согласованную с общими задачами нашей экспортной политики. Это также одна из болезней нашего экспорта.

К числу не зависящих от экспортеров, но болезненно отражающихся на размерах накладных расходов, следует отнести расход на кредит. Стоимость кредита у нас непомерно высока. Так, например, стоимость кредита по лесу достигает у нас 11—12% против, в среднем, 7% за границей. Высокую стоимость кредита мы имеем и по другим экспортным товарам.

Наконец, новой и весьма значительной статьей расхода являются расходы, связанные с реализацией наших экспортных товаров за границей. (Так, расходы по реализации за границей превышают довоенные: по хлебу в 6—8 раз, по яйцам в 4 раза и т. д.) Конечно, известную роль играют об'ективные условия, связанные с нашей работой за границей. Все еще высокая стоимость (для нас) заграничного банковского кредита, страховки и проч., необходимость работать через брокеров,—все это при общем враждебном отношении к советским организациям приводит к неизбежным переплатам. Но нельзя отрицать и того обстоятельства, что сложность организации и все еще неизжитая громоздкость заграничного аппарата, как торгпредского, так и организаций, имеющих право выхода на внешний рынок, в значительной мере удорожают нашу работу за границей.

Мы несколько более подробно остановились на накладных расходах, так как чрезмерно высокий уровень их значительно увеличивает себестоимость и тем усугубляет нерентабельность экспорта. Накладные расходы—это одна из наиболее тяжелых, с трудом поддающихся лечению, болезней нашей внешней торговли. Мы здесь

[1] Цитируем по работе „На пути к восстановлению маслоэкспорта СССР". Сборник статей, изд-во НКТорга СССР, Москва, 1926 г.

приводили данные, касающиеся накладных расходов в области экспорта, так как эти расходы более или менее изучены. Не подлежит сомнению, что расходы по импорту не ниже (вернее, выше), чем по экспорту. Но эта область накладных расходов до сих пор остается почти совершенно необследованной, являясь, вероятно, и для регулирующих наших органов „terra incognita".

От накладных расходов, удорожающих себестоимость нашего экспорта и затрудняющих нашу работу на внешних рынках, естественен переход к другому весьма важному фактору, также тормозящему нашу работу. Речь идет о качестве наших экспортных товаров. Несмотря на все принимаемые меры в смысле улучшения качества экспортных товаров, несмотря на значительное улучшение наблюдения за экспортной торговлей (введение брокеража, стандартов и пр.), мы все еще не добились того улучшения качества, того приближения к требованиям заграничного рынка, которое необходимо для успеха вывоза. Об этом свидетельствует значительная разница котировок на заграничных рынках наших товаров и соответствующих товаров иностранного происхождения. Как известно, и в довоенное время наши товары котировались ниже иностранных, но в настоящее время эта разница увеличилась еще больше. Так, на масло и яйца были следующие котировки (Лондон):

	Довоенная		1924/25 г.		1925/26 г.	
	Р. К.	%	Р. К.	%	Р. К.	%
Масло сибирск. пуд. . . .	16—11	100	24—96	100	23—97	100
» австрал. »	16—80	104,2	—		26—90	112
» датское »	19—17	119	31—97	128,1	29—36	122,3
Яйца русские тыс. шт. . .	33—96	100	45—41	100	38—13	100
» датские » » . .	44—47	130	72—58	160	78—08	184,2

По пшенице разница цен между русской пшеницей и манитобой в довоенное время не превышала 5 коп., в истекшую кампанию она составляла в среднем 18 коп., доходя в некоторых случаях до 25—30 коп. Аналогичное положение мы наблюдаем и по другим товарам.

Чем же это об'ясняется? Улучшение постановки надзора за экспортной торговлей совершенно бесспорный факт, и если до последнего времени можно было ссылаться на дефекты в этой области, то в настоящее время становится все более очевидным, что основная причина дефектов качества кроется в состоянии нашего экспортного хозяйства. Неналаженность элеваторного хозяйства, отсутствие необходимых приспособлений для переработки экспортного товара (сушилки и пр.) способствуют понижению качества нашего хлебного экспорта. Изношенность оборудования наших и без того примитивно оборудованных маслодельческих заводов отражается на качестве масла, а недостаточное количество этих заводов и зачастую неудачное их географическое расположение (где есть молоко — не-

хватает заводов, где есть заводы—нехватает молока) уменьшает самое количество масла.

Лесной экспорт страдает от недостаточной оборудованности лесопильных заводов, что помимо всего прочего значительно уменьшает производительность труда. Так, в то время как у шведов число рабочих на одну раму в одну смену составляет 17—21 чел., у нас 30—36 чел. и при этом одна рама дает у нас в 8-часовой рабочий день 5 стандартов пиломатериалов против 10 стандартов в Швеции.

Состояние нашего экспортного хозяйства таково, что без коренной его реорганизации, без добавочного вложения необходимых капиталов дальнейшее развитие экспорта будет крайне тормозиться. Вопросам экспортного хозяйства уделяется до сих пор мало внимания, капитальные затраты на экспортные отрасли ничтожны: при распределении тех или иных средств между отдельными отраслями хозяйства—экспортные почти всегда получают минимальные суммы.

В предыдущих строках мы отметили три основных „болезни" нашей внешней торговли: сокращение экспортного товарного фонда, высокий уровень себестоимости экспортных товаров в связи с высотой накладных расходов и недостаточное строительство экспортного хозяйства. На ряду с этими главнейшими причинами затруднений в нашей внешней торговле мы имеем еще целый ряд весьма существенных других, как-то: организационные недостатки финансирования внешней торговли (множественность финансирующих банковских организаций), недостаточный охват рынков так называемых „второстепенных" товаров, все еще недостаточное знание внешних рынков, в частности закупочных, неумение во-время и полностью использовать кон'юнктуру, рассчитать своевременность своих выступлений как по продаже, так и по покупке и т. д., и т. п. Недостаток места не дает нам возможности остановиться на всех этих многочисленных болезнях. Но совершенно ясно одно: если в числе причин, порождающих болезненные явления в нашей внешней торговле, имеются обстоятельства об'ективного характера, вытекающие из общих условий хозяйственного развития СССР, то в условиях нашей действительности эти обстоятельства часто умножаются нашими собственными ошибками, проистекающими из недостаточного внимания к интересам внешней торговли.

И. В. Шуб

Строительство в годы восстановительного процесса (1923/24—1926/27)

На строительство падает значительная часть капитальных вложений в народное хозяйство за годы 1923—26. Не меньшую часть оно составляет и во вложениях, запроектированных на предстоящий хозяйственный год. А между тем в солидном труде Госплана, посвященном „контрольным цифрам народного хозяйства на 1926/27 год", по техническим условиям не могло быть уделено достаточно места для того, чтобы более подробно осветить природу цифр, помещенных в таблицах по строительству. Уже сейчас, по поступающим запросам, можно судить о том, что цифры эти не только привлекают внимание широких кругов работников, соприкасающихся с планированием и регулированием строительства, но создают в виду их лаконичности много недоразумений. В настоящей статье мы и попытаемся более подробно остановиться на анализе динамики строительства за отчетный период и на его перспективах на будущий год.

Контрольные цифры, как в прошлом году, так и в этом, за основу брали динамику народного хозяйства, начиная с 1923/24 хоз. года. За этот же период дана и динамика строительства.

За предшествующий период строительство пережило тяжелый разгром. Промышленность строительных материалов, как не производящая предметов первой необходимости, пострадала больше остальных и позже прочих была вовлечена в восстановительный процесс. Квалифицированная рабочая сила деквалифицировалась и растворилась в деревне. Ученичество прекратилось, и новых пополнений взять было неоткуда. Вот почему, несмотря на бурный рост строительства из года в год, как мы увидим ниже, оно значительно отставало и еще отстает и сейчас от общего роста потребности в нем.

Для изучения динамики строительства и всех связанных с нею явлений необходимо возможно полнее учесть об'ем его. Учет же строительства до сих пор поставлен далеко не удовлетворительно, а в некоторых случаях фактически учета никакого и нет. Несмотря на то, что необходимость единого строительного плана является общепризнанным, мы до сих пор такового не имеем. С большими затруднениями получаем разные слагаемые, которые уже потом увязываются нами в так называемый строительный план. Это скорее план задним числом, чем план на предстоящее время.

Этим методом уловления строительства во всех порах народного хозяйства пришлось оперировать при построении динамики строительства для контрольных цифр. К сожалению, приходится констатировать, что

ни союзные госпланы, ни крупные плановые местные органы, ни ведомства, за редкими исключениями, или совсем не пришли нам на помощь своими материалами, или пришли слишком поздно, когда все сроки были упущены. Вот почему работу пришлось ставить „с азов". Ассигнования на строительство извлекались из первичных местных бюджетов, предварительных на 1925/26 г., коррегированных Наркомфином, и из отчетных за предшествующие годы, из бюджетных росписей республиканских и союзных, из отчетных балансов трестов и банков, из отчетов жилищно-строительной кооперации и т. д.

Полученные описанным путем данные о затратах на строительство в одиннадцати основных отраслях народного хозяйства (считая жилищное строительство в виду особого значения его для всего народного хозяйства за отдельную отрасль) помещены в следующей таблице:

	1923/24 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	В том числе новое строительство		
				1923/24 г.	1924/25 г.	1925/26 г.
	В миллионах червонных рублей					
1. Транспорт	114,6	172,5	265,9	10,0	24,3	43,5
В том числе местный	(6,6)	(14,4)	(31,3)	—	—	(1,9)
2. Связь	4,1	9,2	16,6	1,2	4,4	10,7
3. Промышленность .	116,6	162,0	342,6	54,2	68,0	147,5
4. Электрификация .	26,8	29,5	58,0	26,8	29,5	56,5
В том числе сельск.	(1,6)	(3,5)	(7,0)	(1,6)	(3,5)	(7,0)
5. Торговля	2,15	4,8	13,3	1,13	2,4	10,7
6. Коммун. хозяйство[1]	18,4	57,5	89,9	4,6	18,7	33,2
7. Жилищн. строит. .	136,0	279,4	448,0	30,0	116,4	225,0
8. Народн. просвещ. .	6,2	12,8	25,9	—	1,8	6,4
9. Здравоохранение .	3,9	8,6	20,1	—	1,3	10,5
В том числе курорты	(1,35)	(1,38)	(7,6)	—	—	(6,6)
10. Общее управление .	29,2	35,1	51,2	13,3	16,4	19,5
11. Сельское хозяйство	15,1	32,6	61,2	3,8	8,9	20,5
В том числе мелиор.	(14,57)	(31,3)	(56,3)	(3,63)	(8,0)	(17,5)
Всего . . .	470,1	804,0	1392,6	145,1	292,1	584,0
В %%% к предшеств. году	—	171,1	173,2	—	201,3	200,0

Как мы видим, строительство, взяв быстрый темп развития, удержало его на протяжении всего восстановительного периода За истекшие 3 года новое строительство в ценностном выражении хотя и возрастало из года в год и абсолютно и в %% к общей строимости строительства, но оно все же уступало капитальному ремонту и другим видам строительства, характерным для восстановительного периода. Так, в 1923/24 г. затраты на новое строительство составляли всего 31% от общей суммы стоимости всего строительства, в 1924/25 г. —уже 37%, а в 1925/26—42,5%. На восстановление и переустройство за эти же годы было израсходовано: 42,5, 87,7 и 108,4 милл. руб. или в процентах к общей сумме: в 1923/24 г.—9, 1924/25 г.—10,8 и 1925/26—7,6. Восстановительный ремонт, достигнув своего максимума в 1924/25 г., падает в 1925/26 г. с окончанием во многих отраслях хозяйства восстановительного процесса.

[1] Не считая оборудования.

Суммы, затраченные на так называемую ликвидацию запущенности, частью включены в капитальный ремонт, частью в восстановительный, так как в большинстве случаев почти невозможно провести грань между тремя указанными видами ремонта.

Выше мы говорили об источниках, из которых почерпнуты данные для нашей сводной таблицы. Мы не станем настаивать на бухгалтерской точности наших сумм. Возможны некоторые преувеличения в одних случаях и недоучет в других. Но, во всяком случае, мы имеем все основания утверждать, что в итоге мы даем общую сумму затрат, весьма близкую к действительности. Не надо забывать, что отчетные данные мы имеем только за 1923/24 г. и, в значительной степени, за 1924/25 г. Что касается 1925/26 г., то мы пользовались плановыми данными, коррегированными всеми имевшими впоследствии место сокращениями и перекройками. Если даже к концу года окажутся недовыполнения плана, то разница с избытком, вероятно, покроется теми, уже сейчас обнаруженными, преуменьшениями некоторых цифр. Так, например, за отсутствием достаточно достоверных данных не были учтены суммы, затрачиваемые на строительство коммунальными трестами. Также нами не включены в затраты по здравоохранению суммы, как увидим ниже, довольно значительные, расходуемые на больничное строительство из республиканских фондов, медпомощи застрахованным и т. д.

Из общего об'ема строительства мы выделили стоящее совершенно особняком и по способу его производства и по источникам финансирования и снабжения строительными материалами—деревенское строительство. А между тем по стоимости оно столь значительно, что будучи включено в общий об'ем строительства, совершенно искажает действительный характер изучаемой нами динамики.

Как мы увидим ниже, строительство деревни остается как бы стабильным, давая небольшой прирост из года в год. Об'ясняется это следующим обстоятельством. Если для учета городского (в широком значении этого слова) строительства недостаточные прямые данные иногда с успехом заменяются косвенными показателями и экспертной оценкой, то для учета сельского строительства мы никакими прямыми данными не располагаем, в виду их полного отсутствия. Поэтому для учета расходов на текущий и капитальный ремонт были использованы данные исследований крестьянских бюджетов, а новое строительство было исчислено на основании данных о динамике числа дворов (в среднем 1,5% в год), о горимости деревни (по данным Госстраха в среднем в 0,8% от числа дворов) и, наконец, на основании соображений о действительной замене износившихся жилых и хозяйственных построек новыми (2%). В среднем, следовательно, ежегодно вновь строится 3,8% количества существующих дворов. Стоимость крестьянского двора была принята в среднем в 615 черв. руб. (410 довоенных руб., коэффициент 1,5 с учетом применения собственной рабочей силы).

Таким образом, мы получили следующие суммы (в милл. руб.):

1923/24 —741,5 в том числе нов. строит. . . . 500
1924/25—756,0 „ „ „ „ „ . . . 510
1925/26—769,0 „ „ „ „ „ . . . 519

То-есть для 1924/25 г. прирост составил 2% к предшествующему году, а для 1925/26 г.—1,8%.

Мы здесь вновь подчеркиваем, что в действительности были, конечно, отступления в ту или другую сторону от принятых нами коэффициентов, но общая сумма за трехлетие, надо полагать, близка к действительной.

Строительство, становясь одним из главнейших факторов восстановления и реконструкции народного хозяйства, естественно, завоевывает все большее и большее место как в союзном, так и в местном бюджете.

Следующая таблица дает динамику роста ассигнований из государственных бюджетов:

	В абсолют. цифрах (милл. руб.)				В %%% к предыд. году		
	1923/24 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.
Госбюджет	2.298,2	2.931,0	4.039,3	4.608,5	126,5	138,9	114,1
Ассигновано на строительство . .	225,4	337,1	557,8	843,0	150	166	151,0[1]
В %%% к бюджету	9,8	11,5	13,9	18,3	—	—	—

Далее рассмотрим, как финансировалось строительство из местного бюджета.

Остановимся на наиболее интересных отраслях, как больничном и школьном строительстве.

Строительство для нужд здравоохранения и собеса

				В том числе республиканские			В том числе местные [4]		
	1923/24 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	1923/24 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	1923/24 г.	1924/25 г.	1925/26 г.
	В тысячах рублей								
РСФСР [2]	3.326	6.384[3]	9.341	1.732	1.892	1.609	1.594	4.492	7.732
УССР	439	720	1.481	149	260	612	290	460	869
БССР	40	140	180	—	—	180	40	140	—
ЗСФСР	78	187	704	78	37	265	—	150	439
ТССР	46[5]	15	286	—	—	256	46[5]	15	30
УзбССР		105	204	—	40	15		65	189
Итого . . .	3.929	7.551	12.196	1.959	2.229	2.937	1.970	5.322	9.259
В %%% к итогу	100	100	100	49,5	29,5	24,0	50,5	70,5	76,0

[1] Фактически в 1925/26 г. было ассигновано гораздо больше, но остальные суммы пошли по займу хозяйственного восстановления. Если учесть и их, то мы не получим такого большого скачка в 1926/27 г.

[2] Без Туркестана.

[3] В том числе 200 т. р. по союзному бюджету.

[4] Включая субвенцию.

[5] По Турк. АССР.

Мы видим, как из года в год растут ассигнования на больничное строительство из местных бюджетов по сравнению с ассигнованиями из республиканских бюджетов. Правда, следует еще отметить, что сверх перечисленных сумм за отчетные годы средства отпускались из резервных фондов и других источников в виде дотаций. Но эти ассигнования редко бывают значительными и не носят планомерного характера, и в данном случае могут быть не приняты в расчет. Зато гораздо более значительны суммы, отпускаемые из так называемого фонда медицинской помощи застрахованным (фонд „Г“). По имеющимся у нас данным только по РСФСР из этого фонда было отпущено: в 1924/25 г.—3.566 тыс. руб., в 1925/26 г.—7.705 и в 1926/27 г. намечено к отпуску около 8.500 тыс. руб. По другим республикам данных нет.

В следующей таблице мы помещаем данные о финансировании строительства для нужд народного просвещения:

				В том числе республ. бюджет			В том числе местный бюджет		
	1923/24 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	1923/24 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	1923/24 г.	1924/25 г.	1925/26 г.
	В тысячах рублей								
РСФСР [1]	4.773	9.963	21.043	1.536	2.853	6.093	3.237	7.110	14.950
УССР	1.201	1.750	3.356	501	650	1.322	700	1.100	2.034
БССР.	104	474	580	12	70	315	92	404	265
ЗСФСР.	78	300	956	78	—	196	—	300	760
ТССР	63[2]	41	114	—	21	64	63[2]	20	50
УзбССР		221	483	—	126	223		95	260
Итого . . .	6.219	12.749	26.532	2.127	3.720	8.213	4.092	9.029	18.319
В %%% к итогу	100	100	100	34	28,2	30	66	70,8	70,0

Здесь мы имеем также постепенный рост доли расходов по местному бюджету. Снижение в 1925/26 г. скорее следует приписать недоучету. Действительно, нами еще не получено сведений о добавочных ассигнованиях на школьное строительство по Москве и губернии в связи с превышением доходов против сметы.

Совсем иную картину представляет собой распределение расходов по источникам финансирования на строительство для нужд сельского хозяйства (за исключением жилищного и хозяйственного строительства, производящегося исключительно за счет самого населения). Львиная доля всех затрат приходится на ирригационные работы в Средней Азии

[1] Без Турк. АССР.

[2] По Турк. АССР.

и Закавказье. В виду их общесоюзного значения главным источником финансирования является бюджет Союза.

Распределение расходов по отдельным источникам видно из следующей таблицы:

Строительство в сельском хозяйстве

Источники финансирования	1923/24 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	В %%% к итогу 1923/24г.	1924/25г.	1925/26г.
Союзный бюджет	7.933	20.156	28.182	52,5	62,5	46,0
Республиканский бюджет	2.365	4.470	8.558	15,7	13,5	14,0
Местный бюджет	724	1.688	5.810	4,8	5,0	9,5
Средства населения	2.133	3.113	5.573	14,0	9,6	9,1
Кредит	1.932	3.149	13.113	13,0	9,4	21,4
Всего в тыс. руб.	15.087	32.576	61.236	100	100	100
В %%% к предш. году	—	216	188	—	—	—

Здесь картина получается довольно пестрая. Так, доля затрат по республиканским бюджетам, в 1923/24 г. составлявшая 15,7%, в 1924/25 г. упала до 13,5% и в 1925/26 г. вновь поднялась до 14%. Доля местных бюджетов неизменно растет. Но зато участие самого населения, несмотря на увеличение в 1924/25 г. на 46% и 1925/26 г. на 79% к предыдущим годам, в общем расходе дает значительное снижение: в 1924/25 г. до 9,6% вместо 14% 1923/24 г. и до 9,1% в 1925/26 г.

Указанные соотношения получаются у нас при учете только сумм затраченных на строительство. Если же учесть все средства, затраченные на ирригацию, включая и организационные и прочие расходы, то удельный вес союзного бюджета еще более увеличится и все отмеченные нами соотношения потерпят значительные изменения.

В прочих отраслях, как транспорт или управление, главные затраты падают на союзный бюджет. Совсем особняком стоит жилищное строительство.

Ниже мы помещаем таблицу, дающую общую картину расходов на строительство по местным бюджетам союзных республик:

	РСФСР			УССР			БССР		
	1923/24 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	1923/24 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	1923/24 г.	1924/25 г.	1925/26 г.
	В тысячах рублей								
Управление	2.025	3.643	4.638	580	500	558	65	40	—
Народн. просвещ.	3.300	7.110	14.950	700	1.110	2.034	92	403	265
Здравоохранение	1.640	4.492	7.732	290	460	869	40	140	—
Пути сообщен.	5.300	10.979	17.103	1.160	2.300	3.000	140	423	546
Сельское хозяйство	595	1.198	4.249	121	432	702	8	16	—
Местн. пром.	20	201	1.045	6	—	500	—	—	—
Коммун. хозяйство	10.660	36.699	57.868	2.700	6.590	12.300	400	436	604
Рабоч. жил. строит.	—	12.302	4.170	—	—	7.890	—	—	—
Огнестойк. сел. строит.	—	100	300	—	—	—	—	—	—
	28.140	76.724	112.075	5.557	11.382	27.853	745	1.458	1.415

	ЗСФСР			ТССР			УзбССР		
	1923/24 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	1923/24 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	1923/24 г.	1924/25 г.	1925/26 г.
	В тысячах рублей								
Управление	Сведений нет	180	646	Входило в состав РСФСР	35	50	Входило в состав РСФСР	265	175
Народн. просвещ.		300	760		20	50		95	200
Здравоохранение		150	439		15	30		65	189
Пути сообщ.		300	890		90	745		265	1.120
Сельское хозяйство		35	783		2	5		5	16
Местн. пром.		—	19		—	—		—	—
Коммун. хозяйство		2.500	4.440		60	125		450	560
Рабоч. жил. строит.		—	—		—	—		—	—
Огностойк. сел. строит.		—	—		—	—		—	—
		3.465	7.977		222	1.005		1.145	2.320

Необходимо остановиться на некоторых цифрах. Во-первых, обращают на себя внимание ничтожные суммы расходов на строительство по местной промышленности. Очевидно, в данном случае мы имеем недоучет в виду трудности извлечения из общих кредитов по данному разделу затрат на строительство. Кроме того, возможно, что главные строительные расходы относились за счет промышленных предприятий, переведенных на хозяйственный расчет и участвующих в местном бюджете только своими сальдо.

Цифры, относящиеся к рабочему жилстроительству, также не являются исчерпывающими. Общий расход губисполкомов на строительство домов для рабочих исчисляется нами в 39,0 милл. руб. в 1924/25 г. и в 67,9 милл. руб. в 1925/26 г. (в том числе кредит ЦКомбанка—13,7 милл. руб. в 1924/25 г. и 42 милл. руб. в 1925/26 г.).

Невязка получается, во-первых, потому, что часть средств, вероятно, проходит по разделу расходов на содержание и строительство коммунальных зданий, а часть средств проходит вне бюджета, за счет целевых отчислений и налогов.

Следующая статья—это огнестойкое строительство. Мы даем только затраты Моссовета. По другим бюджетам эта статья не заполнена. Возможно, что имевшие место ассигнования помещены в разделе „сельское хозяйство". И, наконец, последнее замечание относится к расходам по коммунальному хозяйству. Цифры данной таблицы разнятся от соответственных в помещенной выше сводной таблице, так как здесь мы имеем прямые расходы из местных бюджетов, а в сводной все расходы, с учетом банковского кредита, ассигнований из союзного бюджета (напр., Ленинграду на ликвидацию последствий наводнения 1924 г.) и из фонда на электрификацию. В том и другом случае мы даем расходы на чистое строительство без оборудования.

Интересно проследить, как менялся расход по каждой отрасли за исследуемый период. В следующей таблице вычислены расходы по тем же разделам в %% от соответствующих годовых итогов:

	Всего по союзн. респ.			В %% к итогу		
	1923/24 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	1923/24 г.	1924/25 г.	1925/26 г.
Управление	2.670	4.664	6.087	7,75	4,9	4,0
Народн. просвещен. . .	4.092	9.028	18.319	11,8	9,6	12,0
Здравоохранение . . .	1.970	5.322	9.259	5,7	5,6	6,0
Пути сообщения	6.600	14.357	23.404	19,2	15,2	15,4
Сельское хозяйство . .	724	1.688	5.755	2,7	1,8	3,8
Местн. промышл. . . .	26	201	1.564	0,1	0,2	1,0
Коммун. хозяйство . .	18.360	46.735	75.897	53,35	49,6	49,7
Рабочее жилстроит. . .	—	12.302	12.060	—	13,0	7,9
Огнестойкое сел. строит.	—	100	300	—	0,1	0,2
	34.442	94.397	152.645	100	100	100
В %% к предш. году .	—	274,0	161,7	—	—	—

Из таблицы видно, что, несмотря на абсолютный рост, определенно наметилась тенденция к относительному снижению расходов по строительству для нужд управления наравне с общим снижением административных расходов. По остальным разделам имеем: в 1924/25 г. относительные снижения, а в 1925/26 г.—превышение над цифрой 1923/24 г. Снижение по коммунальному хозяйству происходит благодаря переводу части коммунальных предприятий на хозрасчет. Данных же о строительстве коммунальных трестов нам получить не удалось.

По рабочему жилищному строительству, как сказано было выше, цифры неполные, а потому мы получаем кажущиеся снижения как абсолютных цифр, так и относительных. Но если прибавить неучтенное нами пока добавочное ассигнование по бюджету Моссовета около 5 милл. руб., то соответственно мы получили бы не 7,9, а 10,8%.

Предыдущие таблицы показывают нам, как неуклонно растут почти по всем союзным республикам расходы на восстановление местного хозяйства. Это свидетельствует об укреплении местных бюджетов, которые в своей динамике обгоняют рост общесоюзного бюджета.

По отдельным республикам расход на строительство сильно колеблется в пределах от 5,4 до 13% к расходной части местного бюджета, что видно из следующей таблицы, помещенной на стр. 51.

Нас уже и так слишком далеко завело исследование местного бюджета, а потому мы вынуждены ограничиться проделанным анализом.

Переходим теперь к рассмотрению строительства, запроектированного в контрольных цифрах на предстоящий 1926/27 г.

Общая сумма затрат на строительство без сельского предусмотрена в 1.753,8 милл. руб., а вместе с сельским 2.545,9 милл. руб.

В первом случае это дает увеличение к 1925/26 г. на 25,9%, а во втором на 17,8%.

Местные бюджеты союзных республик

(Расходная часть)

	Бюджет в тыс. руб.			Строит. в тыс. руб.			В %% к бюджету		
	1923/24 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	1923/24 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	1923/24 г.	1924/25 г.	1925/26 г.
РСФСР	488.455	734.378	901.342	28.140	76.724	112 075	5,7	10,3	12,4
УССР	130.011	192.103	253.530	5.557	11.382	27.853	4,2	5,7	11,0
БССР	11.013	20.676	25.940	745	1.458	1.415	5,7	7,0	5,4
ЗСФСР	свед. нет	44.013	65.868	свед. нет	3.465	7.977	—	7,8	12,0
ТССР	вход. в сост. РСФСР	4.447	7.052	—	222	1.005	—	5,0	13,0
УзбССР		16.812	28.515	—	1.145	2.320	—	6,8	8,1
	629.479	1.012.429	1.282.247	34.442	94.397	152.645	5,4	9,2	11,9
В %% к предш. году . . .	—	160,8	126,6	—	274,0	161,7	—	170,3	129,3

Распределение затрат по отдельным отраслям народного хозяйства видно из следующей таблицы:

Отрасли народного хозяйства	Всего тыс. руб.	В %% к пред. году	В том числе на нов. постр. тыс. руб.	В %% к пред. году
1. Транспорт	470.827	176,2	46.703 [1]	113,6
В том числе местный	(74.000)	232,6	—	—
2. Связь	26.550	160,3	20.500	191,6
3. Промышленность . .	365.000	106,5	135.000	91,5
4. Электрификация . .	53.000	91,0	53 000	93,8
В том числе сельская	(8.000)	114,2	(8.000)	114,2
5. Торговля	9.000	67,6	6.000	56,0
6. Коммун. хоз. . . .	117.700	131,0	50.000	150,6
7. Жилищн. строит. . .	521.000	116,3	291.000	129,3
8. Народн. просвещ. . .	33.080	127,8	9.500	148,4
9. Здравоохран.	23.000	114,0	14.300	136,1
В том числе курорты .	(9.000)	118,0	(8.100)	131,8
10. Общее управл.	63 600	124,1	28.000	143,5
11. Сельское хоз.	71.000	116,0	30.000	146,3
В том числе мелиорац.	(65.000)	115,4	(25.000)	142,8
Всего . . .	1.753.757	125,9	684.003	112,3
Сел. жилищн. и хоз. строит.	793.000	103,1	538.000	103,6
Всего . . .	2.546.757	117,8	1.222.003	111,0

[1] Не считая „новых работ".

Обращают на себя внимание три цифры: уменьшение против прошлого года нового строительства по торговле, электрификации и промышленности. Что касается первых двух, то по торговле в будущем году не предполагается постройки новых элеваторов, а по электрификации это об'ясняется окончанием строительных работ на больших станциях первой очереди. Уменьшение же нового строительства в промышленности получилось в виду невозможности до получения производственного плана точно выделить новые постройки. Фактически, конечно, промышленное строительство пойдет по пути сооружения новых фабрик и заводов.

Об'ем затрат на строительство запроектирован с большой осторожностью, с учетом увеличения как государственного, так и местного бюджета, а также возможных накоплений у хозяйственных органов и населения. Но кроме того, к такой осторожности вынуждали и другие „лимиты": перспективы обеспечения строительства материалами и рабочей силой. Мы уже говорили вначале, что отпуском денег на непосредственное производство строительных работ еще не обеспечивается их выполнение, если промышленность не в состоянии удовлетворить спроса на строительные материалы.

Как же обстояло дело со снабжением строительными материалами за время 1923/24—1925/26 гг. и каковы перспективы на будущий год?

Чтобы ответить на этот вопрос, нужно иметь баланс строительных материалов.

Если из всего разнообразия материалов, употребляемых при строительных работах, выделить только основную группу: кирпич, цемент, известь, алебастр, оконное стекло, кровельное железо и лес, то и тогда мы встречаемся с большими затруднениями при построении баланса.

Возьмем производство. Кроме цемента, железа и стекла, вырабатываемых государственными трестами, продукцию коих более или менее легко учесть, остальные из перечисленных материалов производятся также и местной, мелкой и кустарной промышленностью, не охватываемой планом ВСНХ, и могут быть учтены на основании экспертных оценок только с большим приближением. Так, например, заводы ВСНХ дают не более 60% всей исчисляемой продукции красного кирпича, извести, мела и т. д.

Для учета потребления мы имеем еще меньшее количество прямых показателей. К заявкам даже крупнейших потребителей приходится относиться с большой осторожностью, так как они всегда страдают вольными и невольными прегрешениями.

Вольными—потому, что лучше всегда немного запросить, чтобы обеспечить некоторый запас. Невольными — так как заявки требуются к моменту составления плана на будущий год, т.-е. в то время, когда еще не закончены строительные работы текущего года и, следовательно, не выяснен переходящий остаток, и, кроме того, когда об'ем предстоящих работ может быть намечен только грубо-ориентировочно в виду невыясненности будущих ассигнований.

Но кроме крупных потребителей, как транспорт, промышленность и наркоматы, мы имеем широкий городской и деревенский рынок, потребление коего прямым путем учесть не представляется возможным.

В виду всего сказанного нам приходится избрать другой тоже приближенный метод учета—метод нормативного исчисления потребности.

Потребность в основных строительных материалах в 1926/27 году

Отрасли народного хозяйства	Общая затрата в милл. руб.	Кирпич (тыс. шт.)	Цемент (бочки)	Известь (пуд.)	Алебастр (пуд.)	Лес[1]		Кровельн. железо (пуд.)	Оконное стекло (ящики)
						Кругл. (куб. футы)	Пилен. (куб. футы)		
		В тысячах							
1. Транспорт . .	469,9	135.000	1.500	3.500	1.280	65.000	90.000	3.400	6.000
2. Связь	26,6	24.500	170	500	250	2.500	1.900	95	2.600
3. Промышл. . .	365,0	365 000	1.700	7 000	1.700	18.000	12.500	2.700	58.000
4. Электрифик. .	53,0	50 000	600	1.200	300	2.500	2.400	210	5.500
5. Торговля . .	9,0	8.000	40	250	120	1.500	800	30	600
6. Коммун. хоз.	117,7	44.000	200	1.500	300	12.000	7.000	200	5.500
7. Жил. строит.	521,0	770.000	2.160	15.000	7.700	82.500	66.000	5.400	223.000
8. Народн. просв.	33,1	28.000	120	1.450	600	9.700	7.500	320	8.600
9. Здравоохранение	23,0	38.000	120	700	300	3.700	3.000	140	4.000
10. Общ. управление	63,6	65.000	350	1.500	700	7.700	7.100	350	10.600
11. Сельское хозяйство . .	71,0	10.000	210	200	70	2.200	1.500	30	530
12. Сельское жилищн. и хоз. строит.(сверх самоснабжения)	793,0	60.000	300	—	—	75.000	30.000	3.000	200.000
Всего . . .	2.545,9	1597500[2]	7.470[3]	32800[4]	13320[4]	282300[5]	229700[6]	15745[7]	524930[8]

[1] Кроме шпал.

[2] Для кирпича следует сделать надбавку в 5% на неподдающееся учету строительство. 62.500

Всего кругло 1.660.000

[3] По цементу следует надбавить: для потребления нестроит. характера промышл. не менее 1500, для экспорта 600, для шиферн. промышл. 500, итого 2.600 тыс. бочек и, кроме того, для крупн. торг. орг. и для широкого неучтенного нами рынка, а также для образов. переходн. остатка около 30% от учтен. количества, а всего. 5.430

Всего кругло 12.900

[4] В виду того, что продукция извести и алебастра учитывается не в полной мере, считаем, что потребность неучтенных видов строительства покроется производством мелких куст. заводов.

[5] По круглому лесу следует прибавить для нужд топл. промышл. 49.500 и для телегр. хозяйства НКПС и НКПиТ 13.200 т. куб. фут. и, кроме того, 10% на неучтенное потребление леса, а всего 91.700

Всего куб. фут. 374.000

[6] По пиленому лесу делаем надбавку для нужд топливной промышленности в 21.300 т. куб. фут. и не менее 25% от исчисленной суммы для прочего потребления, а всего 78.800

Итого кругло 309.000

[7] Для покрытия недоучета по кровельному железу для нужд транспорта (для подвижного состава) и для широкого рынка необходимо прибавить не менее 30%, не считая около 600 тыс. пуд. железа, которые могут быть заменены шифером 4.755

Вся потребность кругло . 20.500

[8] Оконное стекло, как предмет широкого потребления, учтено нами, вероятно, не более, чем наполовину, кроме того, для регулирования рынка необходим маневренный запас в размере трехмесячной потребности, а следовательно, вся надбавка около 455.000

Вся потребность кругло . 980.000

В основу мы берем размер затрат на строительство с разбивкой на отдельные основные его виды: новое строительство, капитальный и текущий ремонт. Затем, установив взвешенные средние измерители (в ценностном выражении) для постройки или ремонта одной кубической сажени сооружения для каждой отрасли народного хозяйства, мы получаем об'ем строительства, выраженный в кубических единицах.

Пользуясь нормами потребления строительных материалов для постройки или ремонта одной куб. сажени здания или сооружения, мы и исчисляем необходимое количество материалов для выполнения всего строительства.

Таким методом нами исчислена потребность в строительных материалах для 1923/24 1926/27 гг. Чтобы не загромождать нашей статьи четырьмя однообразными таблицами, приводим лишь одну из них, относящуюся к будущему году (см. табл. на 53 стр.).

Такова нормативно исчисленная потребность в строительных материалах в 1926 27 г.

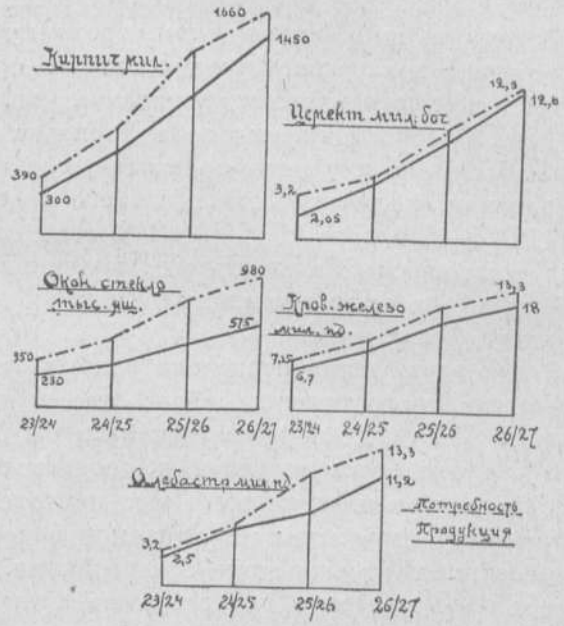
Промышленность строительных материалов подверглась наибольшему разрушению и, как уже отмечалось, позже остальных была вовлечена в восстановительный процесс. Как мы увидим ниже, она идет быстрым темпом по пути своего развития. Но несмотря на этот темп роста продукция ее значительно отстает от спроса.

Следующая таблица дает динамику роста спроса и предложения по основной группе строительных материалов:

Наименование строительных материалов	Измерители	Потребность 1923/24 г.	Потребность 1924/25 г.	Потребность 1925/26 г.	Потребность 1926/27 г.	Увеличение в % к предш. году 1924/25 г.	Увеличение в % к предш. году 1925/26 г.	Увеличение в % к предш. году 1926/27 г.
Кирпич	милл. шт.	390	770	1.400	1.660	197	182	119
Цемент	милл. боч.	3,2	5,2	9,1	12,9	162,5	175	142
Известь	милл. пуд.	9,2	16,0	29,2	32,8	173,9	182,5	112,3
Алебастр	„ „	3,2	6,3	11,4	13,3	197	181	117
Лес кругл.	милл. кб. ф.	183	252	309	382	138	123	124
Лес пилен.	„ „ „	118	155	234	308,5	131	151	131,8
Железо кровельн.	милл. пуд.	7,25	11,2	17,3	20,0	154	154	116
Окон. стекло	тыс. ящ.	350	500	800	980	143	160	122,5

Наименование строительных материалов	Измерители	Продукция 1923/24 г.	Продукция 1924/25 г.	Продукция 1925/26 г.	Продукция 1926/27 г.	Увел. в %% к предшеств. году 1924/25 г.	Увел. в %% к предшеств. году 1925/26 г.	Увел. в %% к предшеств. году 1926/27 г.	% удовлетворения спроса 1923/24 г.	% удовлетворения спроса 1924/25 г.	% удовлетворения спроса 1925/26 г.	% удовлетворения спроса 1926/27 г.
Кирпич	милл. шт.	300	600	1.040	1.450	200	173	139	76	78	75	87
Цемент	милл. боч.	2,05	4,44	8,3	12,6	217	187	152	63	85	90	98
Известь	милл. пуд	2,75	7,0	12,3	17,5	254,5	176	142	30	43	42	54
Алебастр	„ „	2,50	5,75	7,5	11,2	230	130	149	78	91	64	84
Лес кругл.	милл. кб. ф.	175	230	270	330	131	117	122	95	91	87	86
Лес пилен.	„ „ „	110	159	220	275	136	147	125	93	96	94	92
Железо кровельн.	милл. пуд.	6,7	10,5	15	18	157	143	120	92	94	86,5	90
Окон. стекло	тыс. ящ.	230	300	450	575	130	150	128	65	60	56	59

На приводимых нами диаграммах наглядно виден путь развития промышленности строительных материалов. Производство почти всех материалов развивалось по одному и тому же закону. Мы имеем крутой под'ем кривых потребности и производства, начиная с 1924/25 года и наибольшее их расхождение в 1925/26 году, когда темп развития промышленности не поспевал за ростом строительства—это год максимального напряжения на рынке строительных материалов, который, как мы уже сказали, разрешился более или менее благополучно по причинам иного порядка. В будущем году обе кривые уже значительно сближаются.

Мы видим, что ни по одному основному материалу предложение не удовлетворяет полностью спроса и только по цементу можно ожидать в будущем году равновесия. Но и это равновесие легко может быть опрокинуто, если деревня пред'явит больший спрос, чем мы запроектировали, а также если широко разовьется бетонное и железобетонное строительство.

Но совсем неблагополучно будет с оконным стеклом. Если даже отказаться от запроектированного нами и необходимого для регулирования рынка запаса, то и тогда около 30% спроса останется не удовлетворенным. Особое внимание обращают на себя цифры, относящиеся к извести. Фактически такого известкового кризиса нет, хотя известь и настолько дорога, что она заменяется цементом и при тех работах, где технические условия этого не требуют. Но все же такую диспропорцию спроса и предложения следует больше отнести за счет недоучета продукции, выпускаемой на рынок мелкой кустарной промышленностью.

Кроме того, следует остановиться еще на цифрах 1923/24 года. Нам могут возразить, что мы указываем на нехватку в то время, когда некоторые материалы переживали кризис сбыта. Возможно, что так и было. Но это продолжалось очень недолго и об'ясняется это, во-первых, тем, что строительство развертывалось очень туго, и, во-вторых, тем, что и многие хозорганы, и наркоматы, и частные лица имели запасы и потому не успели еще выступить покупателями. Можно, конечно, сославшись на затишье на рынке строительных материалов в августе—сентябре тек. года, также отрицать дефицитность нашего баланса строительных материалов, но это будет безусловное заблуждение.

В результате дороговизны строительных материалов и строительного дела вообще, вероятно, окажется, как это уже многими сейчас предсказывается, что денег будет затрачено не меньше, чем предполагалось по плану, но построено будет гораздо меньшее количество куб. саженей зданий и сооружений и, следовательно, материалов будет употреблено меньше, чем потребовалось бы для первоначального об'ема строительства.

Вообще со строительным индексом дело все еще обстоит далеко не благополучно. И промышленное и жилищное строительство обходятся слишком дорого. Последнее, несмотря на все льготы, полученные жилищно-строительной кооперацией—дешевый долгосрочный кредит и льготный отпуск леса,—недоступно широким кругам трудящихся. А ведь помимо всех прочих стимулов, для развития жилищного строительства одним из главных должно быть его удешевление. Индекс же неуклонно растет. Для его снижения нам необходимы дешевые строительные материалы и меньшие накладные расходы. Снизить же цены можно не только путем снижения себестоимости. Равновесие между спросом и предложением, правильное и своевременное выполнение завозного плана не дадут возникнуть ни ажиотажу, ни стремлению запасти материалы впрок и уменьшат количество перепродающих организаций, и, следовательно, не будет искусственного взвинчивания цен.

На основании индексов Госплана на строительные материалы и заработную плату нами подсчитан средний строительный индекс, и мы получили следующую динамику его роста: в 1923/24—171, 1924/25—173, 1925/26—229 и на 1926/27—236, если не будет достигнуто снижения цен на материалы. Для частного жилищного строительства, а также для сельского в виду применения дешевой рабсилы и местных материалов индекс будет ниже.

В заключение несколько слов об удешевлении строительства путем замены дорогостоящих сейчас старых материалов новыми, более дешевыми. Мы от души приветствовали бы широкую замену дорогих кирпичных, а тем более деревянных, сгораемых стен, несгораемыми шлакобетонными или из пористого или пустотелого кирпича. Также нельзя не приветствовать замену соломенной и деревянной кровли шиферной или деревянных перегородок—огнестойкими. Но широкое применение всех этих по существу и не новых материалов возможно тогда, когда они дадут действительное удешевление строительства. А это возможно только при массовом их потреблении. Пока мы находимся в заколдованном кругу: „новые“ материалы или не дешевле или незначительно дешевле „старых“, поэтому на них нет широкого спроса и, следовательно, не может быть широко развернуто их производство; а потому, что они производятся в ограниченном количестве, они недостаточно дешевы. Мы не говорим уже про то, что производство некоторых материалов, как, напр., шифера, по техническим условиям не может быть сразу широко развернуто. Для преодоления всех трудностей, а кроме того, еще и известной инертности строителей, потребуется много и труда и времени.

Заканчивая нашу статью, мы все же должны с удовлетворением констатировать, что строительство, которое всего только три года тому назад проснулось после почти десятилетней спячки, за сравнительно короткий срок широко развернулось и по сравнению с 1923/24 годом увеличилось втрое. Начиная с будущего года, мы на протяжении, по крайней мере, ближайшего пятилетия не будем иметь бурного роста 1923—26 годов—кривая возрастания пойдет более полого. Но зато строительство, развиваясь в нормальных условиях мирного времени, скорее найдет правильный путь к рационализации и совершенствованию.

С. М. Киселев

О кредитных рессурсах банков в связи с текущей кон'юнктурой и об эмиссионных возможностях

Развитие денежно-кредитной системы в нашем народном хозяйстве определялось до войны и определяется теперь следующими двумя основными факторами: динамическим ростом хозяйственной жизни страны и сезонными колебаниями товарооборота. В первом случае самый рост производства, товарооборота, бюджета и т. д. требует соответствующего абсолютного увеличения об'ема денежной массы и кредита; цикличность же товарооборота приводит к периодическому усилению или ослаблению этого динамического процесса. В силу этого до войны, например, с 1 января 1910 года по 1 января 1913 года, денежная масса увеличилась с 1.867 милл. руб. до 2.244 милл. руб., или в среднем за один год на 126 милл. руб., а задолженность по учетно-ссудным операциям в Государственном банке, коммерческих банках и обществах взаимного кредита возросла за тот же срок с 2.426 милл. руб. до 3.890 милл. руб., т.-е. в среднем за год на 488 милл. руб. Если эти суммы ежегодного прироста перевести на современную покупную способность червонного рубля, то мы получаем цифру довоенного ежегодного прироста денежной массы около 230 милл. руб., а по кредиту увеличение задолженности около 900 милл. руб. При всем том надо иметь в виду, что самый темп роста довоенного народного хозяйства значительно отставал от тех огромных коэффициентов, которые дает нам развитие производства, товарооборота и бюджета СССР за последние два года. В самом деле, выработка готовых хлопчатобумажных тканей увеличивалась до войны ежегодно в среднем на 11%, августовский же прирост хлопчатобумажного производства по выпуску готовых тканей составил в 1925/26 году по отношению к предшествующему году 37%; добыча угля с 1910 по 1913 гг. поднялась на 50%, или в среднем за год на 17%, тогда как и в истекшем году в августе годовой прирост выражался в 50%; погрузка железных дорог дала в августе 1925/26 года увеличение на 25% против среднего годового прироста железнодорожных отправок за довоенное трехлетие на 10,2%; доходные поступления по государственному бюджету СССР превысили 1925/26 г. (за 11 месяцев) соответствующие цифры госдоходов предшествующего года на 37%, тогда как до войны государственный бюджет с 1910 по 1913 гг. поднимался ежегодно в среднем не свыше, как на 5,3%. Все эти сопоставления заставляют уже сами по себе вывести заключение, что в текущих хозяйственных условиях СССР динамическое развитие денежного обращения и кредита должно было до сих пор проходить еще в более интенсивном темпе, чем это имело место в довоенное время.

Скажем здесь же несколько слов о сущности сезонных колебаний денежно-кредитной системы, которые в наших хозяйственных условиях вызваны периодическим массовым поступлением в осенние и зимние месяцы на рынок сельскохозяйственной продукции, что и вызывает общее расширение в это время товарооборота, а вместе с тем требует увеличения и денежной массы и кредита. По мере же естественного ослабления темпа реализации сельскохозяйственной продукции в весенние и летние месяцы идет и постепенное сжатие товарооборота, и вместе с тем ослабляется напряжение на денежном рынке, что и вызывает сезонное сжатие денежного обращения и кредита. В довоенных условиях в связи с этим сезонным моментом денежное обращение увеличивалось обычно от июля до октября, после чего шло его обратное сокращение до июля и т. д. Так, например, такое сезонное увеличение денежного обращения выражалось в 1910 году в 235 милл. руб., что в переводе на покупную способность червонного рубля дала бы теперь около 420 милл. руб., а в 1909 году в период реализации сельскохозяйственного урожая было выпущено новых денежных знаков на сумму в 300 милл. руб. или же около 540 милл. черв. руб., из которых после сезонного сжатия все же осталось в обращении на 1 июля около 100 милл. руб. или же 180 милл. черв. рубл., соответствовавших требованиям динамического роста народного хозяйства.

После этих предпосылок попытаемся вкратце проследить, как развивалась наша денежно-кредитная система во втором полугодии 1925/26 г.

Основные кон'юнктурные показатели в абсолютном выражении и в %%% к апрелю 1925/26 г.

Даты / Наименование	Апрель		Май		Июнь		Июль		Август	
	Абсолютн.	% к апрелю	Абсолютн.	% к апрелю	Абсолютн.	% к апрелю	Абсолютн.	% к апрелю	Абсолютн.	% к апрелю
1. Оборот МТБ и 70 провинц. бирж в милл. руб.	783,9	100	439,8	56	480,6	61	626,8	80	659,8	84
2. Стоимость продукции крупной промышленности в дов. руб. . . .	322	100	285	88,5	290	90	270	84	320	99
3. Выработка хлоп.-бум. тканей в милл. метр. .	182,5	100	139,4	76	178,3	98	128,9	71	171,2	94
4. Заготовки в милл. пуд. .	39,4	100	27,3	69	19,6	50	12,6	32	45,7	116
5. Средне-месячная денежная масса (милл. руб.)	1.213,5	100	1.197,8	99	1.191,1	98	1.221,7	101	1.254,3	103
6. Средне-месячн. задолженность по уч.-ссудн. операциям (милл. руб.).	2.233,4	100	2.231,3	100	2 224,5	99,5	2.276,6	102	2.364,1	106
7. Средне-месячные вклады и текущие счета (коммерческие) (в милл. р.).	853,9	100	834,7	98	799,2	94	804,0	94	841,9	98,5

Как видно из приведенной таблицы, денежное обращение продолжало сжиматься вплоть до июля, после чего началось обратное медленное его нарастание; вклады и текущие счета (коммерческие) сокращались вплоть до августа; наконец, задолженность по учетно-ссудным операциям хотя и продолжала развиваться, но процесс этот шел, как мы видим, также весьма сдержанно.

Если сравнить это движение денежной массы и кредита с динамикой процессов производства и товарооборота, то мы видим в августе, что стоимость производства крупной государственной промышленности только приблизилась после летнего снижения к апрельской цифре, а биржевые обороты все еще не могли достигнуть об'ема, который они имели в начале второго полугодия, и только хлебные заготовки отмечают в августе некоторое оживление. Динамика же денежной массы показывает в августе по сравнению с апрелем рост только на 3%, а динамика кредита за тот же срок—на 6%, что не нарушает общей картины пониженного темпа хозяйственной жизни. Причиной последнего являлось, конечно, в первую очередь, обычное в летние месяцы сезонное затишье товарооборота, но вполне справедливо будет к числу факторов этого депрессивного состояния отнести также и напряженность денежного рынка в связи с рестрикционным уклоном кредитной политики, проводившимся у нас как в первой, так и во второй половине 1925/26 года.

Для подтверждения этого предположения посмотрим, как изменялось во втором полугодии 1925/26 года отношение денежной массы к вкладам:

Отношение денежной массы к вкладам и текущим счетам по 5 банкам за второе полугодие 1925/26 года

Даты	Денежная масса (ср.-мес.)	Вклады коммерческ.	Отношение ден. массы к вкладам	То же отношение в 1924/25 г.
Апрель	1.213,5	815,5	149	126
Май	1.197,8	795,1	151	122
Июнь	1.191,1	757,7	157	135
Июль	1.221,6	761.5	160	134
Август	1.254,9	784,0[1]	160	140

Следовательно, и по сравнению с средне-годовым уровнем этого коэффициента за предшествующий год (141%) и еще больше по сравнению с соответствующими его месячными показателями мы имели во втором полугодии 1925/26 г. напряженное состояние денежного рынка.

Как же отражалось это напряжение денежного рынка на самом кредитном и товарном обороте страны? Прежде всего, следует отметить, что в сентябре задолженность по учетно-ссудным операциям 5 банков выражалась в 2.364 милл. руб. и составила 98% общей суммы (2.412 милл. руб.) денежного обращения и вкладов и текущих счетов (в 1924/25 году средний коэффициент этого взаимоотношения равнялся только 80%), что свидетельствует о крайнем финансовом напряжении кредитных учреждений, так как жесткий уклон кредитной и эмиссионной политики, очевидно, не встречал в условиях рынка об'ективно благоприятной обстановки для его применения.

[1] Без условного текущего счета НКФ в Промбанке.

Перейдем теперь к анализу отношений между кредитом и биржевым оборотом.

Отношение учетно-ссудных операций к биржевому обороту за второе полугодие 1925/26 года

Даты	Задолж. по уч.-ссудн. операц. (средн.-мес.)	Биржевой оборот 71 биржи	Отношен. задолж. уч.-ссудн. опер. к бирж. обороту 71 биржи
Апрель	2.233,4	783,9	285
Май	2.231,3	439,8	507
Июнь	2.224,5	480,6	463
Июль	2.276,6	626,8	363
Август	2.364,1	659,8	358

При обычном удлинении товарооборота в летние месяцы последний должен был испытывать огромное финансовое напряжение, чтобы дать в силу этого то резкое сокращение своего об'ема, которые мы видим в мае—июне 1925/26 года. Это напряжение должно было падать по мере приближения начала реализации урожая и сезонного под'ема низового спроса, что и дало возможность биржевому обороту в июле—августе несколько приблизиться к апрельскому его уровню.

Перейдем, наконец, к финансовому положению промышленности, для чего воспользуемся следующими данными:

Общая сумма наличных и чеков в кассе 83 предприятий г. Москвы 1925/26 г.

На начало месяца	Общая сумма наличных денег и чеков в милл. руб.	Чеки в милл. р.	Процент чеков к общей сумме
Апрель	5,7	4,7	82
Май	4,3	3,8	88
Июнь	4,6	3,6	78
Июль	3,5	2,8	80
Август	1,7	1,0	59
Сентябрь	2,0	1,4	70

Дело в том, что в Москве вследствие тяжелого кассового положения кредитных учреждений последние вынуждены были вместо денег ссужать наиболее нуждающихся клиентов чеками, которые получили известное обращение в качестве суррогатов, восполняющих обороту недостаток прямых орудий денежного обращения.

Приведенная таблица свидетельствует, как мы видим, и об абсолютном снижении во втором полугодии кассы (ликвидной) промышленных предприятий и о чрезвычайно высоком процентном содержании в ней чеков, а все это вместе говорит о несомненном наличии затруднительного финансового положения в ряде отраслей нашей промышленности.

Итак, мы видим в течение второго полугодия 1925/26 года явно выраженное напряжение денежного рынка, затруднительное финансовое положение торговли и промышленности при полном почти исчерпании наличных банковских рессурсов и обострении их кассового положения.

Так, августовский обзор Кон'юнктурного Совета Госплана СССР констатирует: „В области кредита август принес новое усиление напряжения банковской системы. Кассовое положение кредитных учреждений достигало крайнего напряжения и даже в Москве банки вынуждены сплошь и рядом задерживать оплату чеков". Как вывод из августовского кон'юнктурного обзора, Президиум Госплана выдвинул директиву необходимости обеспечения надлежащим кредитом промышленности и заготовок.

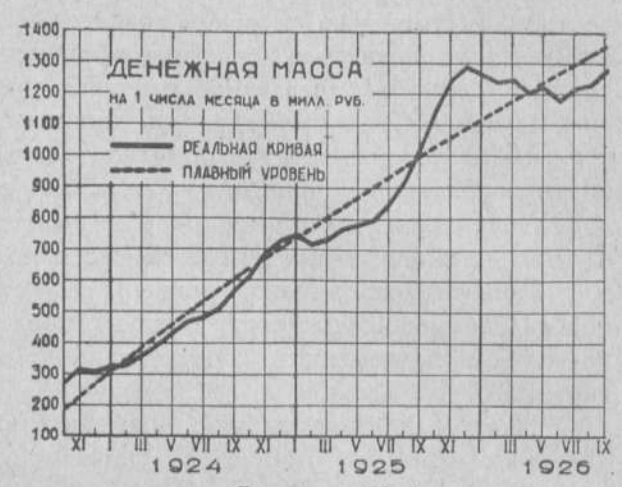

Диаграмма № 1

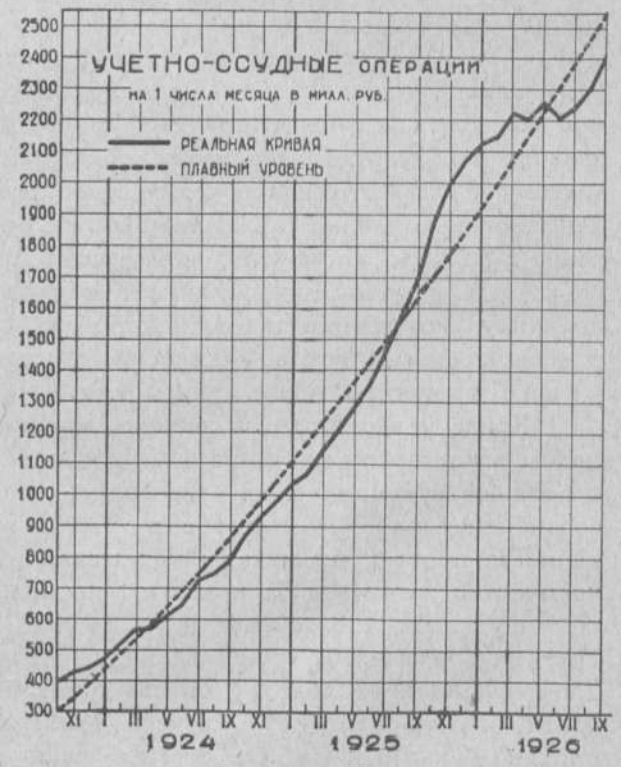

Диаграмма № 2

Не лишена интереса и следующая характеристика состояния денежного оборота в Ленинграде в сентябре: „Контрактовый торг проходит недостаточно интенсивно, так как денежная депрессия оказывается здесь сильнее, чем она могла бы быть по состоянию денежного рынка. Причина та, что синдикаты и тресты, связанные с Москвой, вынуждены по требованию их правлений пересылать им свою наличность чаще, чем раньше (иногда через день). Обычно эти средства питали пассивы местных банков и служили фундаментом для кредитования областной торговли и промышленности, теперь же Москва, нуждаясь в средствах, энергично выкачивает их из филиалов".

Попытаемся, однако, об'яснить себе сущность описанной напряженной обстановки в области денежного обращения и кредита, для чего воспользуемся методами математической статистики и определим кривые плавного под'ема денежного обращения и учетно-ссудных банковских операций (диаграммы №№ 1 и 2). Эти кривые показывают нам, как изменялся бы об'ем денежного обращения и кредита в связи с общей динамикой нашего народного хозяйства. Сравнивая их с действительным развитием денежно-кредитной системы, мы видим, как под влиянием

сезонных моментов, свойственных нашему товарообороту, реальный рост и денежного обращения и кредита то обгонял, то отставал от плавного динамического уровня, соблюдая вполне закономерно выявленную цикличность. Поэтому уже в июле—августе 1925/26 г. при нормальном развитии реальные кривые денежного обращения и учетно-ссудных операций должны были бы превысить плавный уровень или во всяком случае приблизиться к нему. Между тем, линии фактического развития денежно-кредитной системы в четвертом квартале вместо сезонного под'ема идут почти параллельно плавному уровню. Все это свидетельствует о правильности сделанных нами уже раньше выводов о недостаточной насыщенности денежного рынка, имевшей место во втором полугодии 1925/26 г.

Попытаемся, однако, уяснить себе хотя бы ориентировочно тот об'ем денежного обращения, которого последнее должно было достигнуть во втором полугодии в соответствии с общим динамическим ростом народного хозяйства.

Несколько видоизменяя применительно к нашим хозяйственным условиям формулу, данную К. Марксом для денежного обращения, мы можем придать ей такой вид: $x = \frac{(T-t) \cdot y}{n} \frac{k+P}{} + d$, где количество потребных для народного хозяйства денег (x) равняется товарной массе ($T-t$), [1] умноженной на коэффициент скорости торгового оборота (k) и индекс уровня цен (y), плюс количество денег, необходимое для прочих денежных платежей (P), с учетом скорости самих денежных знаков, находящихся в каналах обращения (n); к этой величине надо также добавить потребное количество денежных знаков на натуральное денежное накопление (d). Если полагать, что все прочие элементы в указанной формуле, кроме товарной массы, не изменяются на два ближайших срока, то в этом случае прирост товарной массы и будет определять величину коэффициента необходимого увеличения товарной массы с добавлением некоторой эмиссии денежных знаков на удовлетворение процессов накопления и т. д.

Какие у нас имеются данные, характеризующие состояние товарной массы в четвертом квартале 1925/26 года? Хлебозаготовки по сравнению с предшествующим годом развивались следующим образом: в июле они составили около 95% заготовок 1924/25 года, в августе—78% и в сентябре за первые две декады превысили их на 8%; если же взять общее количество заготовок за весь этот период, то в 1924/25 году было заготовлено хлеба 128 милл. пуд., а в 1925/26 году 129 милл. пуд., т.-е., другими словами, мы имеем величины почти совпадающие. Что касается промышленной продукции, то по крупной государственной промышленности она выражается в августе 1925/26 года в 651 милл. черв. руб. против 425 милл. руб. в том же месяце предшествующего года, что дает прирост на 53% (в июле — на 41%). Учитывая относительный удельный вес продукции промышленности в товарообороте (около двух третей), можно ориентировочно принять увеличение товарной массы для августа 1925/26 года по сравнению с 1924/25 годом около 35%

[1] T—вся товарная масса, t—товарная масса, реализуемая безденежно; влияние денежных суррогатов (чеки, векселя), в виду слабого еще пока обращения их у нас, в предлагаемую формулу не введено.

(по контрольным цифрам Госплана годовой прирост товарной массы вычислен в 31—32%). Следовательно, при прочих равных условиях и при росте госбюджета (за 11 месяцев на 37%) мы могли бы ожидать в августе 1925/26 года рост денежной массы по сравнению с предшествующим годом, примерно, на этот же коэффициент, т.-е. на 35%. Между тем, реальный рост денежного обращения в августе по отношению к 1924/25 г. дал только 26%. Поэтому едва ли будет преувеличением, если свободный (в смысле гибкости денежного рынка) эмиссионный резерв мы определим на 1 сентября (1.016 милл. руб. × 135—1.275 милл. руб.) [1] кругло в 100 милл. руб.; при дальнейшем же развертывании в сентябре хлебных заготовок и увеличении промышленной продукции об'ем денежного обращения мог бы быть доведен, примерно, до 1.400 милл. руб. [2]

Посмотрим теперь, какие же перспективы имеются у нас в этом отношении для 1926/27 года. Общий прирост крупной государственной промышленности предполагается пока в размере около 15%; об'ем будущей сельскохозяйственной продукции определить в данный момент трудно. Поэтому, если из осторожности мы примем массу сельскохозяйственных товаров как стабильную, то и тогда мы должны рассчитывать на рост общей товарной массы кругло на 10% (по контрольным цифрам Госплана—12%), что дает возможность при отсутствии резких изменений прочих элементов, определяющих уровень денежной массы, проектировать годовой прирост денежной массы ориентировочно в 150 милл. руб. Эта цифра, как мы видим, хотя и ниже по сравнению с абсолютной величиной среднего годового прироста денежного обращения (в черв. руб.) за 1910—1913 гг., но в процентах предполагаемое увеличение денежной массы будет несколько превышать довоенные коэффициенты динамического роста денежной массы (6—7% в год), что именно и соответствует повышенному все еще темпу текущего хозяйственного развития по сравнению с довоенным.

Таким образом, об'ем эмиссионных возможностей с 1 сентября 1925/26 года по 1 октября 1927/28 года в связи с недостаточной насыщенностью денежного рынка в четвертом квартале может быть определен, примерно, в 275 милл. руб. Эта сумма несколько выше того годового прироста, который дало денежное обращение на 1 октября 1926/27 года (только 197 милл. руб.), но не будем забывать, что недостаток денежных знаков в обороте был восполнен в 1925/26 г. за счет сокращения кассовой наличности кредитных учреждений (по 5 банкам последняя упала с 113 милл. руб. на 1 сентября 1924/25 г. до 92 милл. руб. на 1 сентября 1925/26 г.), а также кассовой наличности торгово-промышленных предприятий, которая по 83 предприятиям г. Москвы дает с апреля по сентябрь уменьшение наличных денег на 65%; наконец, рост обращения чеков, как суррогата денежных знаков, также должен быть принят во внимание для суждения о действительном реальном годовом росте нашего денежного обращения в 1925/26 году. Оно было значительно эффективнее, чем это показывает нам цифра количества

[1] 1.016 милл. руб.—денежная масса на 1 сентября 1924/25 года; 1.275 милл. руб.—денежная масса на 1 сентября 1925/26 года.

[2] На 21 сентября в обращении находилось 1.329,8 милл. руб.

денежных знаков, выпущенных Госбанком и НКФ в обращение; кроме того, недостаток эмиссии восполнялся увеличением скорости денежного оборота, что, в частности, и имело своим последствием отмеченное выше сокращение кассовой наличности в банках и разного рода предприятиях. При нормальном развитии эмиссионной деятельности в 1926/27 году должны получить развитие обратные явления, т.-е. мы должны иметь обратное усиление кассовой наличности, замедление скорости оборота денег и уменьшение обращения суррогатов на денежном рынке, что соответственно сократит реальную эффективность предстоящей эмиссии.

Мы привели здесь ориентировочные цифры эмиссионных возможностей, которые мы проектируем в пределах динамического роста народного хозяйства, отнюдь не предрешая тех сезонных колебаний, которые могут и должны отклонять это движение вверх и вниз от плавного уровня. В этом случае особо важное значение будет иметь темп реализации сельскохозяйственной продукции, предусмотреть который чрезвычайно трудно, но одно можно сказать, что в августе—сентябре 1925/26 года сезонная эмиссия не получала еще достаточного развития.

Касаясь вопроса об эмиссионных возможностях, мы должны остановиться на рассмотрении еще двух важных обстоятельств: на состоянии рыночных цен и на организационной стороне кредита.

Как и надо было ожидать, оптовый индекс Госплана, дававший во втором квартале постепенное ослабление темпа роста, уже в апреле стабилизируется, а затем начинает снижаться; при этом цены сельскохозяйственных товаров падают в течение третьего и четвертого квартала, а цены промышленных товаров, начиная с мая, находились в стабильном состоянии. Следовательно, под'ем оптового индекса в первом и втором кварталах и снижение в третьем и четвертом вполне подтверждают цикличность сезонных колебаний рыночных цен. Розничный индекс с мая также снижается, при чем снижательная тенденция проходит и по сельскохозяйственным и по промышленным товарам. В первом и втором кварталах наступающего 1926/27 года мы должны быть готовы к повторению в той или иной степени обычного сезонного роста наших индексов, отнюдь не делая отсюда подобно предшествующим годам выводов о наступающей инфляции и т. д.

При анализе индексов надо остановиться еще на одном моменте: по оптовому индексу на 21 сентября годовой прирост рыночных цен выражался в 3%, при чем сентябрьские цены сельскохозяйственных товаров 1925/26 года по сравнению с сентябрьскими ценами предшествующего года оставались почти без изменения (+0,9%) и только одни промышленные товары дали за год под'ем уровня цен на 5,2%, при чем и этот под'ем в значительной мере обусловлен вздорожанием дров (+46,6%), строительных материалов (+15,3%) и цветных металлов (+13,9%); между тем цены хлопчатобумажных товаров показывают за год снижение на 2,1%, черные металлы стабильны (+0,1%), кожевенные фабрикаты дают прирост цен только на 0,2% и т. д. Следовательно, к концу года особенно наглядно выявилась зависимость колебаний наших индексов непосредственно от влияния рыночных условий, т.-е. кон'юнктуры спроса и предложения отдельных товаров, а отнюдь не от какого-либо органического функционального расстройства нашей денежно-кредитной системы. Кроме того, на повышение оптового индекса промышленных товаров

не мог не оказать влияния под'ем отпускных цен, составивший по индексу ВСНХ за год около 1,9% и обусловленный причинами, лежащими как в условиях производства, так и вне их (повышение акцизов, железнодорожных тарифов).

Если мы возьмем изменения годового уровня индекса розничных цен, то на 11 сентября он дает прирост на 10,5% по общему индексу, на 5,2% по сельскохозяйственным товарам и на 15,3% по промышленным товарам. Прирост цен сельскохозяйственных товаров вызывается удорожанием мясных и молочных продуктов, что составляет обычное явление в урожайные годы: при относительно более дешевом хлебе (—0,5%) растет в цене мясо (+15,5%) и молочные товары (+9,9%). Более значительный прирост дают цены промышленных товаров, но и здесь динамика цен отдельных товаров также не одинакова: при росте цен мануфактуры за год на 17,2%, обуви на 11,8% мы имеем снижение цен на соль (—3,9%), на сахар (—2,3%), чай (—2,2%) и махорку (—1,4%), незначительный рост цен на керосин (+1,8%) и т. д. Следовательно, и здесь мы видим в первую очередь отражение рыночной кон'юнктуры отдельных товаров. Требуется при этом иметь в виду, что приведенные здесь данные о годовых колебаниях уровня розничных цен (по индексу Кон'юнктурного Института) отражают преимущественно кон'юнктуру частного рынка, играющего сейчас относительно скромную роль в общем товарообороте. По данным ЦСУ уровень розничных цен на промтовары (преимущественно госрозницы и кооперации) на 1 апреля 1925/26 года превышал соответствующие данные предшествующего года только на 3,7% (вместо 9,6% по индексу Кон'юнктурного Института); к концу года коэффициент прироста розничных цен на промышленные товары даст, вероятно, около 4%.

Все это позволяет сделать вывод, что со стороны рыночных цен пока нет (и в данный момент не может быть, как мы видели по существу) какой-либо угрозы устойчивости нашего денежного обращения. Некоторая опасность в этом отношении имеется совсем с другой стороны, а именно в отношении организационной структуры нашего кредитного аппарата. Нам и раньше приходилось отмечать на страницах „Планового Хозяйства“ всю неудовлетворительность структуры нашего банковского кредита и усиленный рост местных кредитных учреждений. 1925/26 год дает дальнейшее ухудшение банковской структуры в силу обострения борьбы между Госбанком и специальными банками и ослабления последних. Это обстоятельство было своевременно использовано на местах, особенно городскими коммунальными банками, которые успешно накапливали за счет центральных банков свои пассивы и соответственно усиливали свои активные операции. Росту пассивов коммунальных банков способствовало также и то обстоятельство, что они оказались вне сферы жесткой кредитной политики, проводившейся центральными кредитными учреждениями, и это еще больше способствовало развитию вкладной операции городских банков.

Таким образом, часть кредитных рессурсов вышла сейчас фактически из пределов планового регулирования денежного рынка централизованной системой банковского кредита, и тем самым естественно ослаблена была маневренная способность последних; при этом сконцентрированные в местных кредитных учреждениях рессурсы, выйдя из рамок

планового распределения их в общесоюзном масштабе, использованы были в известной части на обслуживание второстепенных и третьестепенных кредитных потребностей хозяйственной жизни (устройство клубов, ремонт исполкомов, финансирование домов отдыха и т. д.). Такое положение создает несомненное ослабление планового начала в нашей денежно-кредитной системе и затрудняет кредитное регулирование денежного оборота.

Создающееся в результате внеплановое распыление значительных кредитных рессурсов заставляет, естественно, относиться к эмиссионным вопросам с вполне понятной осторожностью.

Тем не менее, несмотря на эти организационные дефекты, мы имеем сейчас вполне устойчивое положение нашей денежной системы, что обеспечивает возможность дальнейшего нормального динамического ее развития в связи с ожидаемым в 1926/27 г. ростом процессов производства и товарооборота.

М. Яннин

Некоторые вопросы концессионной политики [1]

1. Желательны или нежелательны концессии?

О желательности привлечения иностранного капитала в наше хозяйство, о совместимости осторожной (но вместе с тем активной и смелой) концессионной политики с нашей общей политикой планового хозяйства писалось и говорилось достаточно много. В нынешние дни, когда мы начинаем новый этап нашего социалистического строительства, когда индустриализация страны становится основным лозунгом нашей работы, нелишне напомнить какую роль могут и должны сыграть концессии в этом деле. Следующие двенадцать пунктов характеризуют п о л о ж и т е л ь н о е значение концессий для нашего народного хозяйства: [2]

1) увеличение количества производимых в стране товаров путем организации новых предприятий и расширения существующих (в связи с этим пунктом нужно отметить, что концессии в настоящее время предполагают в огромном большинстве случаев устройство н о в ы х предприятий; если пока концессионерам передаются обычно пустующие помещения для устройства предприятий, то в будущем году придется говорить почти исключительно о постройке новых зданий, так как фонд пустующих помещений близится к исчерпанию);

2) увеличение количества рабочих рук занятых в производстве; образование кадров пролетариата, вырастающих в обстановке крупного частно-капиталистического предприятия; образование новых пролетарских центров в нынешних непромышленных районах;

3) привлечение иностранной техники, улучшение методов производства, организация новых производств, подготовка кадров квалифицированных работников для государственной индустрии;

4) подтягивающее влияние концессий на советские предприятия благодаря конкуренции и благодаря примеру образцовой организации;

5) замена мелкого производства крупным;

6) увеличение товарности крестьянского хозяйства благодаря увеличению спроса на сельскохозяйственную продукцию для переработки на концессионных предприятиях, для личного потребления их рабочих и служащих или для экспорта;

7) увеличение спроса на машины и другие предметы промышленного потребления концессионных предприятий и личного потребления их рабочих и служащих (промышленного происхождения) и вытекающее отсюда развитие госиндустрии;

---

[1] В порядке обсуждения.

[2] См. M. J a p o l s k y. „Des communistes „de gauche" français et notre politique des concessions" в „Cahiers du Bolchevisme", № 41, Paris, fevr. 1926.

8) улучшение расчетного баланса страны благодаря уменьшению ввоза, увеличению внутренней продукции и усилению экспорта;

9) улучшение условий внешней торговли (более выгодные условия кредита и проч.);

10) усиление путей сообщения и средств связи;

11) увеличение госдоходов (налоги, долевые отчисления), иногда—связанные с концессиями займы;

12) увеличение капитальных фондов государства благодаря переходу в его распоряжение концессионных предприятий по истечении сроков договоров.

Для справедливости, однако, необходимо столь же исчерпывающим образом перечислить и отрицательные черты, присущие факту нарождения в СССР концессионных предприятий.

Прежде всего концессионные предприятия по праву владения являются частными предприятиями,—предприятиями, противостоящими системе государственной промышленности. Это значит, что при сдаче концессий нужно соблюдать меру, соблюдать пропорцию. Само собой, что в этом случае со стороны концессионных предприятий никакой опасности возникнуть не может, если сохранение командных высот в народном хозяйстве обеспечено всей принятой нами системой проведения социализма в крестьянской стране, и политика концессий есть лишь составная часть этой системы, но не отступление от нее. Конечно, нельзя закрывать глаза на то, что концессионер оказывается обычно более вооруженным в конкурентной борьбе благодаря тому, что он обладает новым (а не изношенным) оборудованием,—оборудованием, сохранившим в полной мере „моральную“ свежесть. Однако, в противовес этому на концессионера накладываются особые обязательства в виде долевого отчисления, в виде обязательства продавать часть продукции правительству по мировым ценам и проч. Кроме того, и это едва ли не главное, ограниченность срока концессии налагает на концессионера особый расход по погашению своих затрат,—расход, который не является обязательным для большинства госпредприятий. Этот накладной расход приводит иногда к необходимости предоставления концессионеру даже особых льгот, как-то: беспошлинный ввоз оборудования, приравнение к госпредприятиям в смысле налогов, страхования и пр.

Опасность конкуренции концессионных предприятий практически весьма ничтожна. Привилегированное положение концессионных предприятий сказывается в том, что эти предприятия имеют обыкновенно неограниченное право свободно маневрировать на рынке, они лишь в редких случаях подчинены административному регулированию цен,—регулированию в смысле районов закупки сырья и районов реализации продукции (регулирование имеет место лишь в отношении внешнего рынка). В этом—крупный козырь концессионных предприятий. Однако, нужно заметить, что и эти предприятия не могут избегнуть влияния наиболее надежного метода регулирования—с помощью чисто экономических мероприятий. К тому же нельзя не вспомнить, что концессионные договоры регулируют производственную программу предприятий и программу их оборудования (зачастую строительные сметы и проч.).

Чтобы покончить с отрицательными чертами концессий нужно упомянуть о том, что концессионеры вывозят из СССР прибыль; это их

безусловное право. Но вряд ли вывоз прибылей концессионеров может сколько-нибудь отягощать наш расчетный баланс. Несомненно, что сумма ввозимых ежегодно концессионерами капиталов значительно превосходит сумму вывозимых прибылей. Несомненно также, что со временем значительная часть этих прибылей будет оставаться в СССР в целях расширения концессионных предприятий и устройства новых. Тем не менее, весьма важным является учет роли концессионного хозяйства в расчетном балансе страны—с точки зрения выявления разницы между импортированным капиталом и экспортированными прибылями. Соответствующие показатели так же, как и другие показатели, которые будут исчисляться в процессе наблюдения за действующими концессиями, должны, на наш взгляд, подтверждать положительный ответ на вопрос о желательности или нежелательности концессий.

Покончив с этим коренным вопросом, который, несмотря на свою »древность“, все же постоянно привлекает к себе внимание, перейдем к некоторым отдельным, менее освещенным вопросам концессионной политики.

2. Концессионная политика и фискальные интересы

Не подлежит сомнению, что главный смысл концессий заключается в их народнохозяйственном значении. Вопросы о масштабе предприятия, о сроках его развертывания и о сроке, по истечении которого предприятие переходит к государству,—вот главные вопросы, вокруг которых сосредоточены главные наши интересы. Доходы, которые получает государство (фиск) непосредственно от концессионеров в течение действия договора, являются лишь побочным продуктом концессионной политики. Это, однако, не значит, что нужно относиться с безразличием к этим доходам.

В основу каждой концессионной сделки кладется определенный финансово-экономический расчет, предусматривающий, с одной стороны, обязательства концессионера и тот эффект, который произведет выполнение этих обязательств в нашей советской политике и экономике, и, с другой стороны, те возможности, которые будут у концессионера в пределах его частно-капиталистических интересов. Правительство заинтересовано в быстрейшем и в широком развертывании предприятия, в краткости срока концессии и в том, чтобы предприятие к концу этого срока было в полной исправности и на уровне современной техники; концессионер заинтересован в погашении своих затрат и в извлечении наиболее высокого процента прибыли по отношению к этим затратам. Эти интересы во многом противоположны, и без согласования этих интересов сделка невозможна или невыгодна. Обременение концессионера чисто фискальными обязательствами затрудняет такое согласование интересов и ослабляет позицию правительства при отстаивании наиболее важных для правительства требований. Увеличение фискальных обязательств неизбежно должно сказаться в ослаблении народнохозяйственных обязательств концессионера, в частности, в сокращении размера вкладываемых капиталов и в удлинении срока договора. Однако, некоторые фискальные обязательства являются совершенно необходимыми. Необходимыми являются все те платежи концессионера правительству, которые являются обычными для других однородных предприятий. Таковы—налоги

прямые и косвенные, сборы и пошлины. Эти платежи не могут быть точно учтены заранее, ибо могут меняться в течение срока концессии вследствие изменения законодательства. Сложение этих платежей с концессионера не может быть, следовательно, компенсировано увеличением других обязательств концессионера в эквивалентном размере. С другой стороны, назначение этих платежей заключается в том, чтобы создать средства для правительственного обслуживания самого предприятия. Новое предприятие требует ведь новых расходов со стороны фиска, увеличивает нагрузку административного, судебного, просвещенского и пр. аппарата государства. В виду этого всякого рода льготы концессионерам по налогам, сборам и пошлинам являются недопустимыми. Единственным исключением является освобождение концессионера от пошлины на ввозимые им для предприятия предметы оборудования. Эта льгота может быть немедленно учтена. Сокращая размер инвестируемого капитала, она несколько сокращает срок его погашения и, следовательно, срок договора. Что касается таких специальных платежей, как платежи по социальному страхованию и по страхованию имущества, то здесь, конечно, ни о каких льготах концессионеру говорить не приходится.

Помимо перечисленных платежей концессионер обычно уплачивает арендную плату за пользование предоставленными ему строениями и участками земли. Платежи за участки земли (земля под строениями, а также погектарная плата с горных отводов) обычно весьма незначительны и не могут оказать существенного влияния на конструкцию концессионного договора (к слову сказать, погектарная плата является вообще пережитком глубокой старины и вряд ли сохранила свою целесообразность). Арендная же плата за строения могла бы с успехом быть отменена в отношении концессионеров и могла бы быть компенсирована существенным сокращением сроков договора. Это было бы целиком в интересах народного хозяйства. Если предполагается представить концессию сроком на 20 лет, при чем концессионер должен будет произвести капитальных затрат на 3 миллиона рублей и должен будет производить ежегодно платежи в 30.000 рублей за передаваемое ему имущество, то гораздо целесообразнее при прочих равных условиях освободить его от арендных платежей и установить срок в 15 лет (эту замену можно точно подсчитать). Это тем более так, если в договоре точно предусмотрен порядок замены износившегося оборудования новым (амортизация).

Подобный же подход был бы целесообразен и в отношении попенной платы для лесных концессий, предусматривающих широкое промышленное строительство. В данном случае, однако, вопрос осложняется большими трудностями подсчета и также тем обстоятельством, что попенная плата играет слишком большую роль в местных бюджетах лесных районов. В силу этого местные органы в районах лесных концессий, будучи лишены этого дохода, должны были бы жить за счет субвенций от центра, что не всегда удобно.

Одним из типовых условий концессионных договоров является обязательство концессионера уплачивать правительству известное долевое отчисление со своей валовой продукции, а также отчисление с излишка получаемых им прибылей сверх определенного процента на вложенный капитал. Долевое отчисление с продукции уплачивается в денежной или

в натуральной форме с общего количества произведенной и вывезенной с территории концессии или проданной продукции (в разных случаях разно). В случае взимания его в денежной форме, оно исчисляется либо с суммы, действительно вырученной концессионером при продаже продукции, либо исходя из установленных базисных цен, обычно средних цен того или иного рынка за определенный период. Рассмотрим, на чем основывается принцип взимания с концессионера долевых отчислений и какие цели это взимание преследует.

Основанием для взимания долевого отчисления является: 1) пользование концессионером естественными богатствами, которые ему предоставлены; 2) пользование концессионером теми выгодами, которые ему предоставляются в силу покровительственной политики правительства (монополия внешней торговли и таможенный пресс). Цели, которые преследует взимание долевого отчисления (помимо чисто фискальных), заключаются: 1) в том, чтобы приравнять концессионера, имеющего большие преимущества перед госпромышленностью в силу лучшего состояния его оборудования и техники, к соответствующим госпредприятиям; 2) в том, чтобы заполучить у концессионера известную часть его продукции в натуральной форме, если эта продукция представляет особый интерес (золото и проч.).

Установление нормы долевого отчисления базируется на анализе предполагаемой калькуляции себестоимости производства на будущем концессионном предприятии и на ее сравнении с рыночными ценами.

Поскольку весь этот анализ является весьма предположительным, в договорах имеется страховка интересов правительства в виде добавочного условия об отчислении концессионером в пользу правительства части своих сверхприбылей.

Чем более точно характеризует договор производственную мощность предприятия и чем более точно можно предвидеть, какие суммы уплатит концессионер в порядке долевого отчисления, тем целесообразнее является отказ от долевого отчисления и его компенсация сокращением срока концессии.

Сказанное в отношении долевого отчисления распространяется также на скрытые платежи концессионера, а именно, на его обязательства по льготной поставке правительству части своей продукции.

Таким образом, выдвигая перед соискателем концессии те или иные требования, необходимо, на наш взгляд, по возможности сокращать требования в отношении платежей и повышать требования в отношении уменьшения срока концессии. Если возможен точный подсчет, то такая замена—всегда в интересах нашей стороны и большей частью не идет в разрез с интересами контрагента. Однако, эта замена не всегда достижима по чисто техническим особенностям данной отрасли хозяйства; зачастую то или иное производство требует определенного минимального (и длительного притом) срока, который необходим для планомерного развертывания дела и для осуществления определенной программы деятельности. В этих случаях арифметические расчеты становятся неприемлемыми. С другой стороны, концессионер зачастую жизненно заинтересован в длительности срока концессии, поскольку концессионное предприятие является для него звеном, близко связанным с его заграничными производственными интересами, являясь для него поставщиком

или потребителем сырья, или будучи частью в целой сети монопольных предприятий. Здесь дело уже не только в погашении затрат и в извлечении прибыли. Поэтому в таких случаях возможны уступки в вопросе о сроке сделки, сопровождаемые нажимом по части платежей.

3. Концессии и валюта

В течение целого ряда предстоящих лет наше хозяйство несомненно будет ощущать острый недостаток в инвалютных рессурсах даже при условии усиленного развития экспорта. Это естественно и неизбежно, поскольку страна будет переживать период бурного строительства, которое долго будет находиться в тесной зависимости от ввоза иностранных машин и иностранного сырья. Указанное обстоятельство не может не являться одним из серьезных факторов концессионной политики. В связи с этим необходимо остановиться на вопросе о том, какую роль играют концессионные предприятия по отношению к нашим рессурсам иностранной валюты. Нужно рассмотреть, в частности, роль концессионных предприятий в торговом балансе страны и их роль в расчетном балансе.

Концессионные предприятия будут оказывать положительное влияние на наш торговый баланс: 1) поскольку они работают на экспорт (вывозя свою продукцию или вывозя заготовленные в СССР товары), 2) поскольку они производят те товары, которые до сего времени ввозились в СССР, 3) поскольку они косвенно делают возможным экспорт тех товаров, которые до сих пор не вывозились вообще или не вывозились из данного района. Последнее относится к тем предприятиям, которые способствуют удешевлению себестоимости экспортных товаров или удешевлению их транспорта.

Не зачем подчеркивать, насколько для нас желательны концессии этого типа.

Концессии второго из указанных типов сокращают наши инвалютные расходы, концессии первого типа дают прямой прирост наших инвалютных рессурсов, так как концессионер обязан производить размен вырученной за экспортные товары инвалюты в наших государственных банковских организациях (конечно, имея право расходовать часть этой инвалюты за границей на нужды экспортных операций).

Неблагоприятное влияние на наш торговый баланс могут оказывать те концессионные предприятия, которые работают на ввозном сырье или которые потребляют сырье, являющееся статьей нашего экспорта. Совершенно ясно, что нельзя было бы в общей форме считать, что такие концессии нежелательны. Наименее желательны концессии, работающие на ввозном сырье. Как известно, значительная часть наших госпредприятий принуждена сжиматься из-за недостатка ввозного сырья. Поэтому, казалось бы, абсолютно недопустимо возникновение новых предприятий, потребляющих ввозное сырье и к тому же имеющих твердые права на этот ввоз и на соответствующий вывоз инвалюты. Все же, однако, из этого правила возможны исключения. Первое исключение возможно в том случае, если предприятие компенсирует ввоз потребного ему сырья соответствующим вывозом своей продукции; второе исключение возможно в том случае, если предприятие, ввозя в СССР сырье, производит здесь фабрикаты, которые до сего времени здесь не производились и ввозились

в готовом виде из-за границы; третье исключение возможно в том случае, если концессионер, получая на известный период право ввоза сырья, обязуется к моменту истечения этого периода поставить в широких размерах производство этого сырья в СССР не только для собственных нужд, но и для снабжения нуждающихся в этом сырье госпредприятий.

Недопустимость концессий, потребляющих сырье, которое является статьей нашего экспорта (или, добавим, сырье, которое имеется в ограниченном количестве для госпромышленности), разумеется, еще более условна. Увеличение потребления этого сырья должно большею частью повлечь за собой увеличение его продукции. Впрочем, в отдельных случаях этого рода на концессионера может быть наложено обязательство финансировать заготовителей и производителей этого сырья.

Так обстоит дело с вопросом о роли концессионных предприятий в торговом балансе. Уклоняясь несколько в сторону от этого вопроса, не можем не упомянуть, что концессионные предприятия должны быть по возможности подчинены общей системе нашей внешней торговли. Наши органы внешней (да и внутренней) торговли, особенно после их реформы, должны добиться сосредоточения в своих руках как снабжения концессионера сырьем, так и реализации его продукции. Концессионера, правда, н е л ь з я лишить во всех случаях права самостоятельного выхода на рынок, но нам представляется, что наши торговые органы д о л ж н ы добиться у концессионеров д о б р о в о л ь н о г о отказа от этого права путем заключения с ними соответствующих соглашений. Такие добровольные соглашения явились бы лучшим аттестатом зрелости для наших торгующих организаций.

На случай отсутствия таких генеральных соглашений концессионные договора все же должны предусматривать по возможности нормы, регулирующие выступления концессионера на рынке, особенно на внешнем рынке, в смысле согласования цен с торгпредствами и в смысле предоставления торгпредствам права оставлять за собой товар или поставлять концессионеру товар, если оно найдет сообщенные концессионером цены и условия неудовлетворительными (низкими при экспортных операциях или высокими при импортных операциях).

В тех случаях, когда правительство оговаривает за собой преимущественное право покупки продукции концессионера или ее части, должна оговариваться уплата в советской валюте. Отступления от этого правила возможны в крайне редких случаях, когда того требует исключительное своеобразие условий той или иной концессии. Таким образом, этот вопрос надлежит считать лежащим вне сферы валютных вопросов концессионной политики.

Обратимся теперь к вопросу о роли концессионных предприятий в расчетном балансе. Для этого нужно дополнить вышесказанное следующим. Концессионные предприятия ввозят в СССР капиталы, предназначенные для инвестирования в дело, и вывозят: а) прибыли, б) ввезенный капитал в форме ежегодных отчислений в погашение капитала и в форме тех сумм, которые „очистятся“ у концессионеров по ликвидации ими в конце действия концессии принадлежащих им оборотных средств. Капитал, ввозимый концессионером в СССР в порядке инвестирования, имеет отчасти обязательно, отчасти факультативно товарную форму. Это машины, оборудование и пр. Этим самым с у з к о й точки зрения в а л ю т н о г о

баланса значение иностранных инвестиций в СССР понижается. Однако, это совершенно неизбежная вещь, и все эти инвестиции могут быть учитываемы все же на активной стороне расчетного баланса. Что касается вывоза валюты в порядке вывоза прибылей, погашения и т. д., то таковой является неизбежным злом. Это наша плата за выучку, проценты за кредит. Задачей концессионной политики в борьбе с этим злом может быть лишь создание таких условий, чтобы вывозимые прибыли не были чрезмерными, чтобы не превышали „божеского процента" и чтобы эти прибыли и капиталы погашения либо вообще не уходили из СССР, оставаясь для целей дальнейшей инвестиции, или чтобы они немедленно возвращались в СССР для новых концессий, привлекая вместе с собой новые капиталы.

Для полноты нужно упомянуть, что концессионные предприятия влекут некоторые некоммерческие поступления и расходы инвалюты, связанные с пребыванием в СССР иностранных рабочих и служащих (отсылка жалования семьям и пр.).

В тесной связи с валютным вопросом находится вопрос о предоставлении концессий частным гражданам и юридическим лицам СССР. Совершенно очевидна целесообразность перевода частных накоплений, обращающихся сейчас по большей части в сфере торговли и спекуляции, в сферу производства и строительства. Концессионные предприятия, возникшие за счет отечественного частного капитала, имели бы ту благоприятную особенность по сравнению с концессионными предприятиями, возникшими на иностранные средства, что они не требовали бы, как последние, некоторого самоограничения государства в области инвалюты. Для „отечественных" концессий права вывоза прибылей, погашения и пр., конечно, не требуется. Но вместе с тем для этих отечественных концессий потребовался бы вывоз валюты для приобретения оборудования, машин и т. д. И с этой как раз стороны и лежит главное затруднение к допущению советских нэпманов к концессионной деятельности. Кроме того, если уж речь зашла у нас на эту тему, нужно сказать, что нэпманские концессии менее привлекательны, чем заграничные, так как вряд ли от них можно ожидать того притока техники и опыта, который обязательно связан с крупной концессией, предоставленной передовому европейско-американскому капиталу. Тем не менее, плохое производство лучше хорошей спекуляции и промышленное предприятие лучше кустарного. Мы полагаем, что во многих случаях валютные препятствия, затрудняющие возникновение нэпманских концессий, могли бы быть устранены путем комбинирования права ввоза оборудования с обязательством вывоза известного количества безлицензионного сырья или самой продукции концессионного предприятия, при этом сроки вывоза валюты в уплату за ввезенное оборудование могли бы быть отсрочены (исходя из того, что оборудование будет приобретено в кредит).

К числу концессионных договоров относятся до некоторой степени и договора иностранных фирм с нашими трестами о технической помощи фирмы тресту. Эти договора не предусматривают вложения фирмой своих капиталов в СССР. Их валютными пунктами являются: 1) уплата фирме за поставленное оборудование, 2) уплата ей за техническую помощь. При учете роли концессий в нашем торговом и расчетном балансе и эти статьи расхода инвалюты должны быть приняты во внимание.

4. Возможны или невозможны концессии?

Концессионный договор, построенный на началах делового расчета и делового обсуждения и здраво учитывающий интересы обеих сторон, гарантирует концессионеру полную возможность успешного развития его деятельности. Однако, самое возникновение концессионного договора обусловлено целым рядом факторов, лежащих большею частью вне досягаемости концессионной политики. Привлечение иностранных капиталов в СССР зависит отнюдь не только от правильности или неправильности экономических принципов, лежащих в основе наших концессионных договоров. Поэтому необходимо вкратце остановиться на этих „внедоговорных" факторах привлечения иностранных капиталов.

Прежде всего, остановимся на факторах неблагоприятных. К таковым нужно отнести следующие:

1) Неблагоприятная финансово-экономическая кон'юнктура в странах Западной Европы, которые по своим старым связям с народным хозяйством России и по своему географическому положению явились бы наиболее естественными поставщиками капиталов для СССР. Крупные излишки капитала в Европе отсутствуют. Европа сама стоит перед необходимостью если не индустриализации, то сверх-индустриализации, чтобы подтянуться к уровню Америки.

2) Излишки американского капитала (и поскольку таковые имеются— излишки европейского) обладают широкими возможностями своего приложения в Канаде, Мексике, Южной Америке, в Австралии, в Полинезии, в Африке; дорога этому капиталу отнюдь не закрыта и в страны Азии, несмотря на эмансипацию туземной буржуазии. Да и сама Европа, как сказано, остается широким рынком для притока капитала.

3) Получение концессий в СССР связано с немалыми трудностями, потерей времени и т. д., которые зависят от недостатков нашего аппарата.

4) Возможности приложения капиталов в СССР, возможные об'екты концессий, условия их, порядок их получения мало знакомы в капиталистическом мире.

Помимо этих об'ективных факторов (из которых два последние могут и должны быть устранены нами в ближайшее время) существуют еще суб'ективные факторы, коренящиеся не в условиях экономической действительности, а исключительно в особенностях мышления буржуа. Сюда относится, прежде всего, боль от незажившей раны, которая именуется национализацией, и затем недоверие к социально-экономическому укладу СССР. В последние годы, впрочем, западная буржуазия стала понимать, что, во-первых, концессии являются единственным и потому лучшим способом излечения от ран, нанесенных национализацией, и, во-вторых, что политический строй СССР предусматривает существование в стране целых пяти социально-экономических укладов, одним из которых и являются концессии, что концессии представляют собой один из неизбежных и нужных элементов советской экономики.

Таким образом, одни из перечисленных факторов, неблагоприятно влияющих на дело привлечения иностранных капиталов, являются временными, устранимыми и постепенно устраняемыми, другие же представляют собой явление более постоянного характера.

Что касается благоприятствующих делу привлечения иностранных капиталов факторов, то вот их перечень:

1) промышленное перепроизводство, свойственное многим отраслям промышленности в Европе и Америке. Это перепроизводство, как фактор притока иностранных капиталов в СССР, имеет двоякое значение. Во-первых, оно зачастую побуждает предпринимателей пытаться перенести свои предприятия в СССР; во-вторых, оно побуждает производителей средств производства, сырья и полуфабрикатов форсировать вывоз в СССР своей продукции путем кредитования возникающих в СССР концессионных предприятий;

2) наличие в СССР обеспеченного рынка (особенно в случае отсутствия конкуренции госпредприятий) для тех товаров, которые в колониальных и полуколониальных странах такого рынка не имеют;

3) национализация тех недр, земли и пр., которые облегчают возникновение промышленных предприятий;

4) потребность в тех видах сырья, одним из немногих поставщиков которого является СССР (отсюда экспортные концессии, финансирование экспорта);

5) монополия внешней торговли, которая, как фактор притока в СССР иностранных капиталов, также играет двоякую роль. С одной стороны, она является совершенно исключительной гарантией интересов промышленника, работающего в СССР (наша система плановости в хозяйстве играет в этом отношении ту же роль), с другой стороны, она не дает иностранному промышленнику иного пути к прочному завоеванию рынка в СССР кроме пути организации в СССР промышленных предприятий.

Таков наиболее грубый и общий анализ перспектив привлечения иностранных капиталов в СССР.

Из него можно сделать следующие выводы:

1) на ряду с усовершенствованием методов выдвижения условий потем или иным концессиям необходимо улучшить аппарат, ведающий привлечением иностранных капиталов и наблюдением за работой действующих концессий;

2) необходимо популяризовать теорию и практику концессионного дела среди широких кругов партийных, государственных и профессиональных работников СССР;

3) необходимо заняться выработкой списка возможных в СССР концессий и не только выработкой списка, но и выработкой ряда разработанных с технической, финансовой, экономической и юридической стороны проектов конкретных концессий. Эти проекты должны быть составлены не только применительно к интересам нашего хозяйства, но и применительно к реальным возможностям в смысле привлечения к ним интереса со стороны определенных групп иностранных предпринимателей.

Эти мероприятия значительно увеличат и без того несомненные возможности привлечения иностранных капиталов в СССР. Наличие же этих возможностей лучше всего подтверждается наличием нескольких крупнейших по своему масштабу концессионных предложений, исходящих от первоклассных капиталистических групп, разрабатываемых сейчас в ведомствах.

Д. А. Городисский

Аренда государственных промышленных заведений и необходимые ее изменения [1]

В связи с национализацией промышленности, с одной стороны, и вынужденным бездействием части национализированных предприятий,— с другой, у нас развился своеобразный институт промышленной аренды. По своей экономической сущности он представляет собой одну из форм использования частного капитала в интересах социалистического строительства. Государство, не имея возможности по тем или иным причинам использовать в данный период времени, в соответствии с принципами хозяйственного расчета, известную часть промышленных заведений временно предоставляет их в распоряжение самостоятельных предпринимателей (частных лиц или общественных учреждений) на правах аренды. Основные условия арендных отношений заключаются, главным образом, в следующих обязательствах арендатора: 1) производство известного рода товаров в количестве не ниже определенного минимума; 2) уплата органам государства арендной платы, включающей в себя амортизационные отчисления и известную ренту; 3) производство определенного ремонта и возвращение арендованного заведения государству по окончании срока аренды в исправном состоянии.

Таким образом, введение промышленной аренды должно было привести к разрешению следующих задач: 1) перевод части заведений из пассивного в активное состояние и вытекающее отсюда увеличение промышленной продукции в целом; 2) восстановление основного капитала соответствующей части индустрии; 3) накопление в руках хозорганов некоторого резервного фонда как за счет арендной платы, так и в результате сокращения расходов по консервации бездействующих предприятий.

При этом предполагается, что арендатор по выполнении вышеуказанных обязательств вместе с тем получит известную прибыль, являющуюся для него стимулом к вступлению в соответственные договорные отношения.

Каковы же фактические результаты арендной политики?

Реальный эффект аренды промышленных заведений выявляется следующими цифрами: общая стоимость заведений, включенных в арендный фонд по РСФСР на 1/IV 1925 г., исчисляется в 153.580.048 руб. Принимая во внимание, что из 2.683 заведений арендного фонда на самом деле сдано всего 2.020 (около 75%), общую стоимость сданных в аренду заведений следует исчислять приблизительно в 110.000.000 руб. Арендная плата, причитающаяся за год (1924/25 г.), равняется 5.410.636 руб. В лучшем случае, если бы получилось стопроцентное выполнение

[1] В порядке обсуждения.

арендаторами своих обязательств и вся обусловленная плата поступила, то все же эти 5½ милл. арендной платы составляют всего 5% по отношению к стоимости сданных заведений и только 3,5% по отношению к стоимости всего арендного фонда, что далеко не достигает необходимых норм амортизационных отчислений.

Если мы примем во внимание, что оценка сданных в аренду заведений производилась по довоенным ценам с поправкой на коэффициент изношенности и что она значительно ниже оценки по восстановительной стоимости, то пред нами еще более отчетливо обрисуется основной факт арендной политики: дальнейшее сокращение основного капитала, хищническое использование арендного фонда. В отчетах местных хозорганов за 1924/25 г. мы встречаем такие указания: „Амортизация арендованного имущества договорами не предусматривалась и фактически она не производилась“ (Отчет Башкирского ЦСНХ, стр. 144). По арендному фонду МСНХ, оцененному в 84.766.000 руб., что составляет 55% стоимости всего арендного фонда РСФСР, арендная плата за 1924/25 г. составляла 1.991.777 руб. (Отчет Арендного Управления МСНХ, стр. 3), т.-е. около 2½%.

Таким образом, не может быть и речи о накоплении амортизационного фонда за счет арендной платы. Если мы примем во внимание, что арендная плата (согласно приказа № 108 МСНХ, „Инструкция по сдаче в аренду“) должна включать в себя рентный процент и амортизационный и что вся обусловленная арендная плата не достигает величины рентного процента (а фактически поступающая—еще ниже), то мы должны сделать вывод о том, что арендная плата не может ни в малейшей степени доставить государству, как собственнику арендного фонда, соответственный амортизационный фонд. К этому надо прибавить, что по имеющимся данным по 36% всех заключенных договоров общий процент поступления арендной платы за 1923/24 г. выражается в среднем в 80,3%; таким образом, недобор увеличивается.

Общий вывод таков: арендная плата не достигает среднего рентного процента на капитал, вложенный в заведения арендного фонда (с учетом износа), и ничего не дает для накопления амортизационного фонда.

Возникает вопрос о натуральном восстановлении основного капитала арендованной промышленности, о дооборудовании арендуемых заведений арендаторами и о капитальном ремонте. В докладе председателя Меткоопромсоюза, тов. Федорова, Арендному управлению МСНХ непосредственно установлен факт „неисполнения принятых на себя обязательств по капитальному ремонту в отношении ряда кооперативных организаций“.

Точных данных о производстве ремонта не имеется. Так, в статистическом п/отделе в Арендном управлении МСНХ на всех карточках арендуемых заведений в графе „О произведенном ремонте“ сведений никаких нет. Об'ясняется это тем, что инспекторский персонал не справляется даже с выполнением формальных процедур по передаче сданных в аренду заведений. Для собирания и разработки данных по фактически произведенному ремонту не остается ни времени, ни сил. Тем не менее в плане работ Арендного управления на 1925/26 г. мы находим таблицу о выполненном арендаторами за 1924/25 г. капитальном ремонте. Оказывается, что всего капитального ремонта за 1924/25 г. произведено по арендованным заведениям Арендного управления МСНХ на сумму

2.603.000 руб. Стоимость арендного фонда МСНХ (по ЦОС'у) составляет 84.766.000 руб. По данным плана работ Арендного управления МСНХ основной капитал сданных в аренду заведений оценен в 26.918.000 р.

Следовательно, исходя из первой цифры, мы получаем 3%, исходя из второй—10% для отношения стоимости капитального ремонта к стоимости сданных заведений. Между тем заведения арендного фонда изношены в среднем на 50—60%.

Отчет Арендного управления МСНХ за 1924/25 г. говорит (стр. 7): „При сдаче в аренду составляются технические описания ремонта, который необходимо выполнить для пуска предприятия“. Из 2.603.000 р. капитального ремонта такого „договорного“ ремонта произведено на сумму 1.753.000 р. Таким образом, ⅔ капитального ремонта имеют целью сделать возможным пуск предприятия в ход. Отсюда еще очень далеко до восстановительного капитального ремонта. На совещании 19/III с. г. в Арендном управлении указывалось: 1) что средняя изношенность арендуемых заведений равняется 50—60% и 2) что приобретение нового оборудования за границей (включая издержки транспорта и уплаты таможенных пошлин) стоит столько же, сколько полный восстановительный ремонт старого оборудования, производимый в местных условиях, а иногда дешевле последнего. При этом переоборудование повышает технический уровень производства, а при ремонте все остается по-старому.

Выводы: точных данных о ремонте нет; имеющиеся данные свидетельствуют о том, что в процессе ремонтных работ невозможно ожидать восстановления стоимости арендуемых заведений, что ремонт ничтожно мал. К этому следует прибавить, что арендаторы на совещании в МСНХ (19/III с. г.) прямо указывали, что у арендатора нет стимула к производству ремонта, так как по действующим законоположениям все дооборудование переходит в собственность государства (см. тезисы тов. Федорова, председателя Меткоопромсоюза). Наконец, отчет Арендного управления МСНХ говорит о том, что стоимость выполненного ремонта зачитывалась отчасти в покрытие арендной платы (стр. 7 отчета). Таким образом, одна и та же ценность фигурирует дважды: в счете зарплаты и в счете капитального ремонта. Для правильной оценки экономического эффекта аренды необходимо, чтобы в отчетах был устранен двойной счет такого рода. Учитывая этот дефект, мы должны еще более низко оценивать реальные результаты аренды.

Остается последний вопрос: в какой мере сдача в аренду разрешает проблему оживления промышленности и увеличения общей промышленной продукции. По РСФСР на 1/IV 1925 г., как мы уже отмечали, состояло в арендном фонде 2.683 заведений, из них сдано было 2.020. Действовало 1.504 заведения, бездействующих, таким образом, было в арендном фонде 1.179 заведений.

Если мы примем во внимание, что, кроме того, по РСФСР одновременно бездействовало 553 консервированных заведения, мы получим следующие данные:

действующих (государственных) заведений	1.686
действующих (арендованных) заведений	1.504
бездействующих заведений	1.732
(из них бездействующих по арендному фонду)	(1.179)

Таким образом, только 60% предприятий арендного фонда находится в действии (1.504 из 2.683). При этом необходимо принять во внимание, что арендованные предприятия относятся, главным образом, к отраслям производства с низким строением капитала. Прямых данных о распределении арендуемых предприятий по отраслям промышленности нет, но данные о распределении арендной платы по отраслям промышленности вполне заменяют их и притом лучше характеризуют положение, чем распределение числа заведений, так как по ним можно судить об экономическом значении соответственных групп (см. таблицу):

Причиталось зарплаты за 1924/25 г.

Пищевая	2.282.678 руб.	(45%)
Металлическая	911.958 „	(16%)
Текстильная	642.670 „	(11%)
Химическая	346.582 „	(7%)
Деревообрабатывающая	341.303 „	(7%)
Кожевенно-обувная	267.816 „	(5%)
Стекло-фарфоровая	214.074 „	(4%)
Бумажная	177.138 „	(3,2%)
Полиграфическая	142.213 „	(2,5%)
Керам.-строительная	48.178 „	(0,8%)
Горная	9.986 „	(0,18%)
Проч.	42.682 „	(0,7%)
Итого	5.427.279 руб.	—

Мы видим, что арендный капитал сосредоточен, главным образом, в тех отраслях, где основной капитал играет меньшую роль и, следовательно, в деле восстановления основного капитала и развития индустрии аренда не может привести к ощутительным результатам.

Отрицательные результаты государственной промышленной арендной политики побуждают нас отнестись с величайшей серьезностью к выяснению факторов, их обусловивших. Причины неудач могут корениться, с одной стороны, в неправильной постановке дела, в организационных или экономических промахах. С другой стороны, они могут лежать глубже, и отрицательные результаты могут происходить от коренных дефектов, вытекать из несоответствия аренды, как своеобразной экономической формы, тем экономическим потребностям, тем задачам экономической политики, с которыми связано самое возникновение у нас аренды фабрик и заводов. Вполне понятно, что мы должны в первую очередь выяснить вопрос о самой целесообразности промышленной аренды, так как наличие таких кардинальных дефектов делает бесплодным изучение частных дефектов и попытки их устранения.

Общий экономический анализ промышленной аренды слагается из двух основных вопросов: анализ и оценка аренды в промышленности вообще и анализ особых условий промышленной аренды у нас.

Аренда есть временное пользование известным об'ектом, связанное с обязательством возвращения его владельцу по истечении срока аренды. Арендатор заинтересован в максимальном использовании об'екта с наименьшими затратами; собственник заинтересован в сохранении капитальной ценности об'екта. Поэтому от арендатора требуется только

добросовестное пользование без повреждения об'екта. На него не возлагается производство капитального ремонта, так как, стремясь к возможному сокращению своих издержек, он будет производить ремонт лишь постольку, поскольку это может улучшить для него условия пользования об'ектом в течение срока аренды. Производить затраты, рассчитанные на более длительный срок, он не станет, так как у него нет никакой уверенности в том, что результаты таких затрат будут использованы им а не кем-либо другим по окончании срока аренды. Если бы он по условиям арендного договора и был обязан к такого рода хозяйственным операциям, он заинтересован в том, чтобы произвести их возможно дешевле, лишь бы удовлетворить формальным условиям договора. Поэтому на практике в истории аренды мы видим обычное разграничение обязательств по ремонту между собственником и арендатором: на последнего возлагается текущий ремонт, на первого — капитальный. Этим же об'ясняется и тот факт, что аренда всегда имела известные узкие пределы своего применения. Присматриваясь к ее эволюции, мы видим, что она применялась всегда лишь в отношении тех об'ектов, где возможно соответствующее разграничение пользования об'ектом и поддержание его ценности. Лишь постольку, поскольку возможно пользование без уничтожения ценности об'екта, поскольку самый об'ект или пользование им не сложны и различие между добросовестным и недобросовестным (т.-е. влекущим или не влекущим за собой уменьшение ценности, порчу) пользованием — не сложно и легко и явно может быть обнаружено и установлено, лишь в этих случаях мы наблюдаем существование арендных отношений. Наиболее яркий факт, подтверждающий данное положение, представляет собой эволюцию аренды в земледелии. Здесь мы видим на протяжении длительного периода широкое ее распространение и связанное с ней развитие феодальных отношений. Затем, в связи с прогрессом земледелия, с переходом к более интенсивным формам, когда качество почвы и, следовательно, ценность земли все более и более становится в зависимость от методов обработки, от характера пользования, мы видим падение земельно-арендных отношений и связанные с этим социально-политические перемены.

На ряду с земледелием мы видим широкое развитие аренды в жилищном деле. Сами по себе строения могут быть очень сложными, но отдельные виды пользования ими всегда легко поддаются разграничению и характеристике с точки зрения влияния на основную ценность строения. Поэтому здесь возможно и широкое развитие арендных отношений.

С другой стороны, мы наблюдаем наем и таких об'ектов, где пользование об'ектом тесно связано с поддержанием его ценности. Однако, это такие исключения, которые только подтверждают общее правило. Мы видим, что в таких случаях практикуются особые формы найма, устраняющие для пользователя возможность истребления основного капитала. Например, мы можем нанять лошадь и повозку на известный срок только при том условии, что возницей будет собственник или его представитель; паровая молотилка, трактор и другие аналогичные машины нанимаются вместе с машинистами. Мы можем купить трактор или лошадь или нанять их вместе с хозяином или его представителем, но

получить их во временное самостоятельное пользование несравненно труднее.

Вот почему мы нигде не наблюдаем до последнего времени развития аренды промышленных заведений. Фабрики и заводы—очень сложный об'ект пользования, и пользование ими может иметь самое различное влияние на их капитальную ценность, соответственно характеру пользования. Если „фактический владелец" не заинтересован в сохранении и поддержании ценности промышленного заведения, то в результате его „использования" последняя имеет тенденцию приблизиться к нулевой величине. За примерами далеко ходить не приходится. В отчетах местных хозорганов мы постоянно встречаем указание на хищническое отношение арендаторов к арендуемым заведениям. Обследования инспекторов Московского Арендного управления обрисовывают случаи совершенно исключительного беззаботного отношения арендаторов к оборудованию своих заведений (см. обследования завода „Красный Металлист" и др.).

Возникает, однако, вопрос: быть может специфические отличия нашего хозяйственного строя, нашей экономики создают особые условия, при наличии которых промышленная аренда становится целесообразной и необходимой?

Соотношение интересов арендатора и владельца в промышленности в основном остается без изменений. Начальник Арендного управления МСНХ отметил в своем выступлении на совещании по вопросам аренды в марте 1926 г., что арендаторы хищнически используют основной капитал сданных им заведений, и в результате получается ускоренное, форсированное изнашивание оборудования. Если есть новые элементы, то это разве „стремление большинства кооперативных организаций получить заведение даром". С своей стороны представители кооперативных организаций (МСПО, Москопромсоюз, Меткоопромсоюз) указывали, что у них в условиях аренды нет стимула вкладывать капиталы для восстановления и расширения заведений (сошлемся для примера на тезисы председателя Меткоопромсоюза, тов. Федорова, представленные совещанию).

Если есть что-либо действительно новое, особое, изменяющее обстановку промышленной аренды у нас, то это состояние заведений арендного фонда. В подавляющем большинстве случаев это сильно изношенные, полуразрушенные предприятия. Однако, это обстоятельство лишь обостряет противоречия между условиями индустриального производства и арендными отношениями. Оно приводит к тому, что промышленная аренда не может не быть хищнической.

В самом деле, возможно ли в данных условиях честное и разумное хозяйничанье арендаторов? Возможно ли это даже в том случае, если мы наши требования в отношении арендатора сведем к разумному минимуму? Возможно ли в таком случае восстановление заведений арендного фонда или аренда неизбежно выльется в хищническое добивание их?

Для того, чтобы в процессе хозяйственного использования промышленное заведение возродилось, необходимо, чтобы издержки производства, амортизационные отчисления и рентный процент покрывались реализацией продукции по рыночным ценам. Таким образом, амортизационные отчисления имеют известные реальные пределы, за которыми их величина делает использование данного заведения безнадежно убыточным делом. Между тем, размер амортизационного процента возрастает прямо пропорционально квадрату показателя износа. [1] Поэтому, если данное заведение изношено на 50% (показатель износа—2), если в нормальных условиях амортизационные отчисления составляли, примерно, 10% основного капитала, то амортизационные отчисления возрастают до 40%. К этому присоединяется рост восстановительной стоимости заведений в связи с общим вздорожанием и в связи с превышением индекса цен механического и иного оборудования над общим товарным индексом.

Достаточно уже этих схематических общих соображений, чтобы для нас стало понятным явление, на которое указывали арендаторы на совещании 19/III 1926 г. Они требовали предоставления им лицензий на ввоз из-за границы нового оборудования, так как выгоднее купить новый заграничный станок, чем чинить арендованный старый. Изношенность заведений арендного фонда делает их с точки зрения экономической целесообразности, если не мертвецами, то во всяком случае глубокими инвалидами. Необходимо создать предпосылки для привлечения новых капиталов; без этого притока новых средств эти истощенные хозяйственные организмы в лучшем случае могут несколько времени еще агонизировать, но не более. Внутренний запас сил давно ими исчерпан.

Но мы уже видели, что в условиях аренды предприниматель не имеет стимула к фиксированию своих средств в основном капитале.

Мы полагаем поэтому, что выявившаяся тенденция промысловой кооперации—добиваться передачи ей заведений арендного фонда в собственность на условиях долгосрочной ссуды—заслуживает самого серьезного внимания, как наиболее приемлемый метод разрешения непримиримых внутренних противоречий промышленной аренды.

[1] Это положение не трудно вывести, выразив соответствующие отношения математической формулой. Обозначим: 1) размер амортизационного процента (в нормальных условиях) — x; 2) абсолютную величину амортизационного отчисления — a; 3) первоначальную величину основного капитала — S; 4) длительность амортизационного периода — t; 5) показатель износа (коэффициент) — n; 6) уменьшившуюся вследствие износа величину основного капитала — S_1; 7) соответственный укороченный амортизационный период — t_1; 8) абсолютную величину амортизационных отчислений в условиях износа — a_1; 9) соответственный размер амортизационного процента — x_1.

„Нормальный" амортизационный процент вычисляется очень просто: $x = \frac{1}{t}$. Но совершенно неправильно применение этой формулы в случае с изношенным капиталом, так как при этом получится в конечном итоге сумма, ни в малейшей степени не обеспечивающая „восстановление" (воспроизводство) основного капитала. Необходимую сумму (S) в данном случае следует получить в более короткий период времени (t_1), поэтому $a_1 = \frac{S}{t_1}$. Принимая во внимание, что $n = \frac{t}{t_1}$, имеем $t_1 = \frac{t}{n}$; подставляя вместо t_1 — $\frac{t}{n}$, получаем: $a_1 = \frac{Sn}{t}$. Так как $x_1 = \frac{a_1}{S_1}$, выводим: $x_1 = \frac{Sn}{t} : S_1$; но так как S_1 вычисляется соответственно отношению $\frac{S}{S_1} = \frac{t}{t_1} = n$ и, следовательно, $S_1 = \frac{S}{n}$, то данная формула принимает следующий вид: $x_1 = \frac{Sn}{t} : \frac{S}{n} = \frac{n^2}{t}$; таким образом, вместо „нормальной" формулы амортизационного процента $\left(x = \frac{1}{t}\right)$ в случае изношенности основного капитала мы имеем формулу: $x_1 = \frac{n^2}{t}$; соотношение же амортизационного процента в этих двух случаях (полноценного и изношенного капиталов) получается: $\frac{x_1}{x} = n^2$; последняя формула представляет математическое выражение и обоснование нашего положения.

Б. Азарх

Сырьевая эмансипация текстильной промышленности СССР от заграницы

При изучении развития различных отраслей нашей текстильной промышленности мы видим, что с самого начала возникновения в России механизированной текстильной промышленности наблюдалась коренная диспропорция между развитием отдельных отраслей таковой и теми сырьевыми возможностями, которыми каждая из них могла быть обеспечена. Так, например, грубошерстная промышленность, несмотря на прочную сырьевую базу внутри страны, находилась и продолжает находиться в самом зачаточном состоянии по своему примитивному оборудованию, в то же самое время камвольная промышленность, не имевшая никакой своей сырьевой базы, находилась на одинаковом уровне развития с западно-европейской камвольной промышленностью.

Еще более разительна диспропорция между развитием льняной и хлопчатобумажной промышленности.

Действительно, в довоенное время Россия производила около 26 милл. пудов льняного волокна в год, что составляло около 80% всей мировой продукции, тогда как ее льняная промышленность перерабатывала всего около 16% того количества льняного волокна, которое перерабатывалось всей мировой льняной промышленностью.

Несмотря на то, что льняная промышленность имела все предпосылки для своего развития: она имела собственную вполне здоровую сырьевую базу, большие рессурсы почти готовой квалифицированной рабочей силы, так как население льноводческих районов исстари занималось кустарной обработкой льняного волокна, и, наконец, население привыкло к потреблению льняных тканей,—несмотря на все это на территории б. Российской империи начала развиваться не льняная промышленность, а хлопчатобумажная.

Каковы же причины всех этих ненормальных явлений?

Одной из основных причин этих противоречий было то, что в самом начале развития в России текстильной промышленности ее преимущественными насадителями являлись представители западно-европейского капитала. Естественно, что этот капитал считал для себя более выгодным насаждать в России те отрасли текстильной промышленности, которые работали бы на ввозном сырье, дабы иметь возможность получать за бесценок русское текстильное сырье—шерсть и льняное волокно.

Вот одна из причин, благодаря которой получилось то, что русская хлопчатобумажная промышленность, нарождаясь и развиваясь без собственной сырьевой базы, была в полной зависимости от иностранного капитала, а с другой стороны, русское льноводство было поставлено в полную зависимость от иностранных импортеров, так как не имело собственной здоровой льняной промышленности.

Перейдем к рассмотрению вопроса, в какой мере каждая из упомянутых областей текстильной промышленности имеет возможность развиваться в пределах собственной сырьевой базы.

По перспективному плану хлопчатобумажной промышленности на капитальный ремонт и новое строительство предполагается затратить в течение ближайших пяти лет около 878 миллионов рублей, значительная часть которых должна быть израсходована на покупку заграницей оборудования для текстильных фабрик.

Кроме затрат на строительство для выполнения производственной части того же перспективного плана потребуется импортировать иностранного хлопка до 30% всей потребности в таковом, что составит в общей сумме около 700 милл. рублей иностранной валюты за пятилетний период.

Из вышесказанного мы видим, что развитие хлопчатобумажной промышленности еще многие годы будет зависить от импортного хлопка.

Каковы же те возможности, которые могли бы позволить с меньшей затратой иностранной валюты ослабить существующий в настоящее время товарный голод на текстильные изделия, изжить который мы еще многие годы не будем в состоянии?

Эти возможности заключаются, по нашему мнению, во всемерном развитии льняной промышленности, располагающей для этого почти неограниченными собственными сырьевыми рессурсами, что видно из следующих, имеющихся в нашем распоряжении данных.

Россия производила в довоенное время около 26 миллионов пудов льняного волокна, что составляло около 80% мирового сбора. Урожайность с десятины посева составляла около 25 пуд. волокна. Товарный выход волокна в границах СССР (с Сибирью) составлял в довоенное время около 21 миллиона пудов. Общая же площадь посева в границах СССР составляла 782 тысячи десятин.

В 1925 году, при общей площади посевов льна в 1.062 тыс. десятин и урожайности с десятины около 15,6 пуд. льняного волокна, валовой сбор волокна составил всего около 16.500 тыс. пудов волокна.

Из этих немногих приведенных цифр мы видим, что: 1) площадь посева льна бурно возросла за последние годы, превысив в 1925 году довоенную площадь посева на 41%; 2) урожайность льняного волокна с десятины посева упала на 38% против довоенного; 3) валовой сбор волокна упал свыше, чем на 35% против довоенного; 4) товарный выход из производимых в довоенное время 26 милл. пудов льняного волокна составлял около 21 милл. и у крестьян оседало около 18% всего производимого льна; 5) в настоящее время из приводимых 16 милл. пудов собирается около 10.800 тыс. пудов волокна и у населения оседает свыше 5 милл. пудов, т.-е. около одной трети валового сбора.

Из сказанного мы видим, что льноводство в СССР бурно растет и для развития у нас этой области народного хозяйства имеются почти неограниченные возможности, ибо, как указано выше, площадь посева почти без малейшего участия со стороны государства возросла против довоенного на 41%, и стоит произвести лишь незначительные затраты, уделить хотя бы небольшое внимание этому делу со стороны органов, ведающих льноводством, урожайность десятины может быть быстро доведена до довоенного уровня, площадь посева льна начнет быстро возрастать и товарный выход льняного волокна может быть доведен в будущем до 50 милл. пудов в год. А это означает, что льняная промышленность имеет для своего развития почти неограниченную сырьевую базу.

Может ли, однако, продукция льняной промышленности заменить хлопчатобумажную?

Со стороны ряда ответственных работников ВСНХ имеются против этого некоторые возражения, заключающиеся в том, что продукция льня-

ной промышленности может заменить лишь хлопчатобумажные бельевые ткани, составляющие, якобы, небольшой процент общей выработки хлопчатобумажной промышленности, и, кроме того, даже при замене бельевых хлопчатобумажных тканей льняными эти последние не смогут рассчитывать на большой спрос, вследствие их высокой стоимости.

Возражения эти в корне неправильны, ибо из льняного волокна могут быть изготовлены ткани, начиная от мешкового рядка до тончайшего батиста. Рационально организованная льняная промышленность может изготовлять, кроме бельевых тканей, также ткани: для дамского и мужского верхнего платья, всякие фасонные и печатные ткани, а также ткани полульняные.

Но, если даже допустить, что продукция льняной промышленности может заменить только хлопчатобумажные бельевые ткани, то и тогда для развития льняной промышленности открываются большие возможности. Известно, что в ассортименте хлопчатобумажных тканей бельевые ткани составляют около 15%. Принимая общую сумму реализации хлопчатобумажной промышленности около одного миллиарда рублей в год, стоимость бельевой части составит сумму около 150 милл. руб., тогда как общая стоимость продукции, ныне вырабатываемой льняной промышленностью, составляет около 130 милл. руб., при чем около 75—80% этой продукции составляют грубые мешковые и брезентовые сорта тканей. Таким образом, путем замены только одних бельевых хлопчатобумажных тканей льняными мы имеем возможность расширить нашу льняную промышленность свыше, чем на 100% против ныне существующей.

Переходя к возражению, опирающемуся на высокую стоимость льняных тканей, необходимо отметить, что если подойти к вопросу развития льняной промышленности на основе ныне существующих цен на изделия этой промышленности, то тогда, конечно, о каких-либо экономически здоровых возможностях развития льняной промышленности говорить не приходится.

Высказывая мысль о развитии и новом строительстве льняной промышленности, мы исходим исключительно из того момента, что это развитие и новое строительство будет происходить на базе устранения недостатков производства нашей льняной промышленности и на использовании тех достижений западно-европейской техники, которые имеются в настоящее время в этой области промышленности. А эти достижения, как видно даже из тех небольших отрывочных сведений, которые в нашем распоряжении имеются,—чрезвычайно велики.

Приведем для ясности некоторые недостатки производства, установленные обследованием РКИ.

Основным недостатком производства нашей льняной промышленности является нерациональное использование сырья и неправильно построенная производственная программа. Производственная программа нашей льняной промышленности на 1925/26 г. построена так, что при частичном переходе на 2 смены предусматривается переработка 6,8 милл. пудов волокна против 4,5—4,9 милл. пудов, перерабатывавшихся в довоенное время, тогда как почти 25% оборудования промышленности ЦУГПРОМ'а находится на консервации. Такое явление получилось вследствие того, что эта производственная программа построена в сторону огрубления продукции льняной промышленности. Действительно, средний номер пряжи, вырабатываемый льняной промышленностью ЦУГПРОМ'а, снижен в настоящее время с 16—17, вырабатывавшегося в довоенное время, до 13,75.

Производственная программа льняной промышленности, неправильно построенная в сторону огрубления, приводит к такому положению, когда

фабрики вынуждены значительное количество сырья, доходящее до 30—40% перерабатываемого льняного волокна, срабатывать „на спуск", т.-е. производить более дорогостоящую операцию, при которой высокосортное волокно систематически обесценивается превращением его в очески, т.-е. в волокно менее ценное.

В области технических приемов льнопрядения и ткачества наша льняная промышленность не усвоила западно-европейскую практику, значительно снижающую себестоимость этих процессов обработки расходуемого сырья.

Наша промышленность вырабатывает пряжу одинаковой крепости и качества независимо от ее дальнейшего назначения, пойдет ли эта пряжа как основа или как уток, пойдет ли она, наконец, на выработку ткани, требующей пряжу большей или меньшей прочности; пряжа данного номера остается всегда одинаковой, тогда как заграничная практика очень внимательно учитывает дальнейшее назначение пряжи и в соответствии с этим применяет к выработке таковой те или другие технические приемы и расходует волокно соответствующего качества, чем достигается колоссальная разница в себестоимости, что видно из нижеследующей таблицы:

Английские цены по курсу 9 р. 40 к. за фунт стерл.	За пуд р. к.	Цены НКТорга	За пуд р. к.
№ 30 льняная уточная	38 07	№ 30	50 80
№ 30 оческовая основа	40 61	Не вырабатывается	
№ 35 льняная камчатн.	51 84	№ 36	59 50
№ 50 льняная уточная	45 47	№ 50	87 —
№ 60 льняная батист.	48 55	№ 60	99 —
№ 60 льняная камчатн.	78 73	№ 60	99 —
№ 100 льняная уточная	76 14	№ 100	206 —
№ 100 льняная батист.	89 19	№ 100	206 —

Из этой таблицы видно, что цена английской пряжи № 30 льняная уточная стоит по прейскуранту 38 руб. 07 к. за пуд, а пряжа № 30 оческовая основа стоит 40 р. 61 к., т.-е. разница свыше 6%. Пряжа же № 60 льняная батистовая стоит 48 р. 55 к., а льняная камчатная 78 р. 73 к. за пуд, т.-е. разница в цене превышает 60%. Себестоимость русской пряжи во всех случаях остается одинаковой.

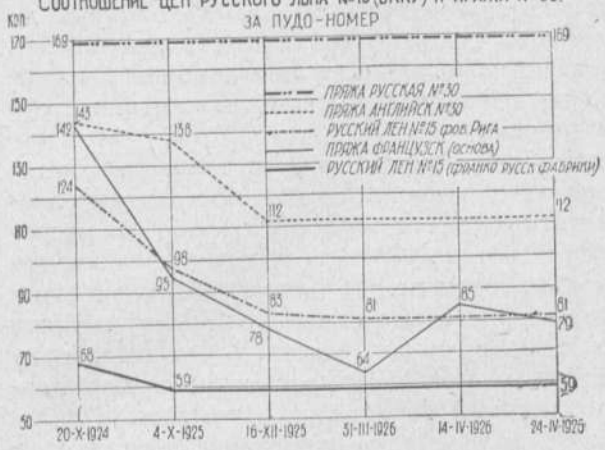
Уже из этих приведенных примеров мы видим, что возможности в области снижения стоимости продукции льняной промышленности чрезвычайно велики.

Это положение подтверждается даже теми скудными западно-европейскими данными, имеющимися в нашем распоряжении.

Возьмем диаграмму соотношения цен сырья и пряжи, разработанную инженером А. И. Штуцером (см. диагр. на стр. 88).

Из приведенной диаграммы видно, что: 1) цена русской льняной пряжи основы № 30 выше французской в 2,14 раза; 2) наши фабрики получают льняное сырье франко—фабрика на 27% дешевле, чем получают то же сырье французские фабрики Рига—порт, и 3) пудо-номер французской пряжи основы № 30 стоит на 2 коп. дешевле пудо-номера русского льна-сырья франко—Рига.

Из этой диаграммы мы также видим, что цена английской пряжи превышает цену французской пряжи на 42%. Явление это об'ясняется тем, что техническое оборудование английской льняной промышленности сильно отстало в настоящее время от оборудования французских льняных фабрик; кроме того, большинство французских фабрик района города, Лилля (центр французской льняной промышленности) и других районов

находившихся в полосе военной зоны, были во время войны разрушены и теперь вновь восстановлены по последнему слову техники. Это дало возможность французской льняной промышленности с успехом конкурировать с Англией на мировом льняном рынке, и в последнее время Англия вынуждена была даже импортировать из Франции значительные количества льняной пряжи.

Из приведенных данных нетрудно установить, что стоимость льняных тканей, сработанных из пряжи, цена которой приближается к цене французской, будет не выше стоимости соответствующей хлопчатобумажной ткани, при чем на стороне льняных тканей будут преимущества, свойственные этим тканям.

Основным выводом из всего вышесказанного является то, что центр тяжести развития и нового строительства в текстильной промышленности должен быть перенесен из хлопчатобумажной в льняную промышленность.

С другой стороны, необходимо разработать и провести в жизнь целый ряд мероприятий для расширения культур как хлопкового, так и льняного волокна.

В основном эти мероприятия, по нашему мнению, сводятся к следующему:

1. Создание неприкосновенных запасных хлебных фондов в хлопководческих и льноводческих районах, дабы население этих районов могло быть уверено в том, что, переходя на усиленный засев вышеуказанных технических культур, они не рискуют остаться без хлеба, а также не будут вынуждены платить за хлеб такую цену, которая делала бы невыгодным этот засев.

2. Необходимо принять меры к поднятию урожайности хлопка и льна с единицы площади посева, для чего следует улучшить посевной материал и снабдить население необходимым сельскохозяйственным машинным инвентарем и соответствующим удобрением, а также провести целый ряд других агрономических мероприятий.

Осуществление этих мероприятий даст возможность нашей текстильной промышленности, работающей на растительном сырье, освободиться в недалеком будущем от заграничной зависимости.

Переходя к промышленности, перерабатывающей текстильное волокно животного происхождения, необходимо отметить, что и ее сырьевая эмансипация от заграницы имеет большие возможности.

Возьмем план заготовки шерсти на 1926/27 г., представленный Наркомторгом 13/VIII 1926 г. По данным этого плана товарный выход шерсти в предстоящем году определяется в 2.576 тыс. пудов, при чем оседание шерсти у населения принимается в размере 50% всего валового сбора и явление это рассматривается, как должное.

Сравнивая, однако, ход шерстезаготовок в довоенное и в настоящее время на территории СССР, мы видим, что товарный выход шерсти по всему Союзу катастрофически понизился, и если в довоенный период он составлял 72,3%, то в 1925/26 г. определяется в 33,6%.

Товарный же выход районов сбора промышленной шерсти на 1926/27 г. Наркомторгом СССР определяется в 50%, а Акц. о-вом „Шерсть“ в 47% от валового сбора, тогда как в довоенное время товарный выход шерсти в этих районах составлял почти все 100% валового сбора.

С другой стороны, все увеличивающаяся потребность в шерсти шерстяной промышленности покрывается следующим образом:

Заготовка шерсти (в чистом виде) в пудах

	Внутренний рынок	% от общей заготовки	Сопредельн. страны	% от общей заготовки
В 1925 г.	785.766	54	668.913	46
В 1926 г. (предп. по плану)	867.305	50,9	835.500	49,1

Из приведенной выше таблицы мы видим, что удельный вес шерсти, заготовленной в сопредельных с нами восточных странах, возрос—с 46% в 1925 г. поднялся до 49,1%—и составляет в 1926 г. количество 835.500 пудов, тогда как в довоенное время Россия экспортировала за границу свыше 1.000.000 пудов в год.

Каковы же причины такого ненормально малого товарного выхода шерсти?

Для уяснения этих причин приведем сравнительную таблицу цен на шерсть в довоенное и настоящее время:

	В 1913 г.	В 1925 г.	Индекс
Ордовая	5 руб.	4 р. 85 к.	0,97
Верблюжья	10 „	13 „ 38 „	1,34
Мериносовая	12 „	30 „ 23 „	2,52

Вышеприведенная маленькая таблица является, по нашему мнению, ключом к разгадке того катастрофического положения, которое создалось на шерстяном рынке. Кроме того, из вышеприведенной таблицы также видно, что индекс вздорожания не одинаков для всех родов шести,—в то время как для ордовой шерсти он составляет 0,97%, для верблюжьей он равняется 1,34, а для мериносовой—2,52. В связи с этим резко меняется и процент оседания этих шерстей у населения. Так, например, обследованием особой комиссии НК РКИ шерстезаготовок в Средней Азии и Казакстане установлено, что заготовка ордовой шерсти в Казакстане определилась в 1925 г. в 47,7%, в среднем, от всего валового сбора, определяемого по поголовью в 582.500 пудов. Заготовка же верблюжьей шерсти по тому же району определялась в 74,8% от валового сбора в 127.000 пудов. А при обследовании шерстезаготовок Северного Кавказа выявлена сдача мериносовой шерсти в размере полных 100% всего валового сбора.

Здесь, таким образом, устанавливается некоторая закономерная зависимость процента оседания шерсти у населения от той цены, которую овцевод получает за эту шерсть, и, по мере того, как индекс этой цены приближается к общему индексу вздорожания по Союзу, товарный выход достигает до 100% валового сбора, как это имеет место с мериносовой шерстью.

Вышеприведенные данные с достаточной ясностью доказывают, что при установлении правильной политики цен на шерсть и проведении некоторых других мероприятий, направленных к поднятию овцеводства и повышению товарного выхода шерсти, наша грубошерстная промышленность имеет полную возможность освободиться от какой бы то ни было сырьевой зависимости от иностранного рынка.

Что же касается камвольной и тонкосуконной промышленности, то и эти отрасли шерстяной промышленности могут в значительной мере уменьшить контингент ввозимого сырья. Для этого необходим некоторый пересмотр производственных программ этих отраслей промышленности и ассортимент вырабатываемых ими тканей в сторону большего соответствия его потребностям широких рабочих и крестьянских масс.

Если к сказанному прибавить то, что в настоящее время организовано специальное общество „Овцевод", ставящее своей целью разведение тонкошерстных пород овец, то станет понятным, что сырьевая эмансипация от заграницы камвольной и тонкосуконной промышленности вполне возможна и жизненна.

М. Гитлер

Основные проблемы планирования и регулирования лесного хозяйства и лесной промышленности СССР [1]

Предварительное замечание

Можно без преувеличения сказать, что наше лесное хозяйство и лесная промышленность попали в тупик. Достаточно указать на то, что, начиная с прошлого года, когда благодаря росту строительства заметно увеличился спрос на древесину, предложение леса на корню все больше отстает от спроса на него (за исключением Сибири, Дальнего Востока и некоторых отдаленных районов Европейской части СССР), и что вследствие этого индекс цен на древесное сырье в настоящее время достиг 2,18 по Европейской части СССР, с колебаниями до 3,17 по Белоруссии и даже до 3.130 по Ветлужско-Вятскому району. Другой пример из области лесной промышленности показал бы, что развитие ее за последние 2 года заметно отстает от развития других отраслей промышленности, потребляющих древесину, при чем не лишено трагикомического курьеза то обстоятельство, что при этом отставании лесная промышленность в настоящую минуту переживает заминки в сбыте продукции. Третий пример из области дровозаготовок показал бы, что СССР впервые за всю историю народного хозяйства России переживает кризис потребления дров, характеризующийся недостатком наличных запасов дров и небывалым ростом цен на них (в настоящее время индекс цен на дрова доходит в отдельных районах до 4), каковые цены должны неизбежно в самые ближайшие месяцы привести к кризису сбыта. Все эти примеры, являющиеся на первый взгляд непонятными парадоксами, диктуют необходимость сформулировать основные проблемы планирования и регулирования лесного хозяйства и лесной промышленности.

К сожалению, ограниченность места не позволяет дать подробную характеристику современного состояния лесного хозяйства и лесной промышленности,—характеристику, которая вскрыла бы всю ненормальность и недопустимую неорганизованность этих важнейших отраслей народного хозяйства. Приходится поэтому ограничиться схематическим изложением и лишь наметить те основные задачи, которые стоят перед этими отраслями народного хозяйства.

1. Природа лесной промышленности и лесного хозяйства

На первый взгляд может показаться совершенно излишним уделять место этому теоретическому вопросу; но дальнейшее совершенно ясно покажет, что целый ряд ненормальностей нашего лесного хозяйства был бы устранен, если бы ввели ясность в самое понятие о том, что такое лесное хозяйство и лесная промышленность. По мнению НКЗ, лесное хозяйство должно охватывать не только весь цикл выращивания и охраны леса, но и эксплоатацию его вплоть до заготовки полуфабрикатов: дров, бревен, разных поделочных материалов и т. п.; лесная же промышленность должна

[1] В дискуссионном порядке.

заниматься только дальнейшей переработкой этих полуфабрикатов. Исходя из такого взгляда на лесное хозяйство (который практически осуществляется частично в Германии, где благодаря высокой культуре и интенсивному лесному хозяйству лесничие занимаются как культурой леса, так и заготовкой полуфабрикатов), НКЗ усиленно добивается применения этой практики у нас в СССР. На основании „Положения" о так называемых хозяйственных лесоразработках, утвержденного ЭКОСО РСФСР 1 октября 1925 г. НКЗ в настоящее время через специальный Лесозаготовительный отдел занимается заготовкой почти всех лесоматериалов, кроме пиленого леса, заготовка которого производится им в самых ничтожных размерах. В качестве одного из главных доводов за целесообразность этих заготовительных, а по существу лесопромышленных функций, НКЗ и отдельные теоретики лесного хозяйства выдвигают то обстоятельство, что при этой системе достигается наиболее рациональное использование древесины. Исходя из того, что в различных частях одного и того же дерева заинтересованы различные потребители, целесообразнее всего, по мнению этих теоретиков, разработать всю имеющуюся лесосеку одному органу, который сумеет снабдить этих потребителей различными древесными сортиментами. Таким образом, вместо того, чтобы продавать этим потребителям сплошные лесосеки, которые не могут быть использованы ими целиком для собственных нужд, каждый потребитель будет покупать лишь те полуфабрикаты, которые ему нужны; в частности, лесная промышленность, которая по существу также является потребительницей древесного сырья, должна покупать не лес на корню, а готовые полуфабрикаты, например, бревна, которые она перерабатывает на лесопильных и деревообрабатывающих заводах.

Такова теория лесного хозяйства НКЗ, которая, по формулировке отдельных лиц, коротко сводится к тому, что лесная промышленность не должна быть посредником или, как они выражаются, „контрагентом" между лесным хозяйством и потребителем лесоматериалов.

Другая теория, сторонниками которой являются представители лесной промышленности, сводится к следующему: функции лесного хозяйства заканчиваются на процессах культуры и охраны леса; никаких заготовительных операций, кроме тех, которые вызываются самой культурой и охраной леса (прокладка дорог, очистка лесосек, мелиоративные работы, наблюдение за нормальным ростом и т. д.), лесное хозяйство вести не должно. Теоретически хорошо было бы, если бы лесная промышленность могла покупать необходимое ей для дальнейшей переработки сырье (которое является для лесного хозяйства уже полуфабрикатом), но практика показала, что у нас нет таких лесопромышленных организаций, которые занимались бы только лесопилением или другим специальным видом переработки дерева; такой узкой специализации нет не только у нас, но и ни в каких других лесных странах.

Наоборот, новейшая теория и практика идут по линии создания комбинированных лесопромышленных хозяйств по полной механической и химической переработке древесины, — и в этом вся сила финляндской, шведской и американской лесной промышленности.

Всякая лесопромышленная организация, т.-е. разрабатывающая древесину не для нужд отдельных потребителей, а для рынка вообще, заготовляет все сортименты лесоматериалов, которые можно получить из дерева, вплоть до дров. При таком положении вещей весь спор сводится к тому, кто же должен заниматься этой полной, рациональной разработкой леса на корню: хозяин ли лесов (у нас НКЗ), который должен также думать о выращивании и охране леса, или специальная лесопромышленная организация, связанная, с одной стороны, капитальными вложениями в деревообрабатывающую промышленность, а с другой — разнообразными требованиями рынка. Вопрос осложняется еще тем, что ни одно деревообрабатывающее предприятие не может существовать без хозяйственной связи с источником сырья, не говоря уже о том, что во всех странах владельцы этих предприятий торгуют также и другими видами лесных материалов, кроме пиленого леса, а именно бревнами, шпалами, клепкой и т. д. Таким образом, при решении поставленной выше дилеммы необходимо сказать, что как теория, так и практика подтверждают целесообразность передачи эксплоатации лесов специальным лесопромышленным организациям, а не владельцу лесов, для которого заготовка леса, а подавно механическая переработка его является подсобным предприятием, отвлекающим его от основных задач по выращиванию и охране лесов. Если этот вывод совершенно ясен для всех почти лесных стран (Америка, Финляндия, Швеция, Польша, Чехо-Словакия и т. д.), то подавно он правилен для СССР, где вопрос этот должен решаться в условиях особой системы планового хозяйства и, в частности, направления капитальных вложений в различные отрасли народного хозяйства.

По существующей у нас системе народного хозяйства ВСНХ является промышленным наркоматом, по линии которого и проводятся все мероприятия по развитию, планированию и регулированию промышленности; отсюда вытекает, что и лесная промышленность должна была бы быть целиком в ведении ВСНХ. Между тем, последний заготовляет через свои лесопромышленные тресты и об'единения не больше 50% лесной продукции, заготовляемой в Союзе, при чем этот процент колеблется от 15% по дровам, 35% по круглому лесу до 70% по пиломатериалам. Остальная продукция заготовляется НКЗ (по дровам около 40% от промышленных дровозаготовок, по круглому лесу около 45% и по шпалам около 20%) самими потребителями как промышленными, так и особенно транспортными (по дровам свыше 50%, по круглому лесу около 25%, по шпалам около 70% и по пиломатериалам около 20%); прочая часть продукции падает на кооперативные и частные лесопромышленные организации.

Это своеобразие в структуре лесной промышленности можно также видеть и из только что опубликованных данных НКЗ об итогах соревнований и торгов на лесосеки за 1925/26 г.; эти итоги сводятся к следующему (см. таблицу № 1 на следующей странице).

Хотя помимо этих 5.183 тыс. куб. саж. древесины, проданных в прошлом году на торгах, отпущено было без соревнований и торгов 7.400 тыс. куб. саж. древесины, в отношении которых нет данных о составе их покупателей, однако, можно считать вполне характерными данные приведенной выше таблицы. Эти данные позволяют сказать, что лесная промышленность в отличие от всех других отраслей нашей промышленности крайне распылена не только в различных наркоматах, но и даже по различным потребителям одних и тех же наркоматов, в частности, самого ВСНХ. Это положение позволяет сделать вывод, что лесной промышленности, как таковой, т.-е. как определенной отрасли народного хозяйства, развивающейся и работающей по единому плану, с единой перспективой, едиными методами оценки леса и т. д., у нас в СССР нет.

В самом деле, у нас имеется лесная промышленность ВСНХ в лице лесотрестов, покупающих сырье, главным образом, путем соревнований и торгов и платящих за это сырье довольно высокие цены, промышленность, планируемая ВСНХ как по линии заготовки полуфабрикатов,

Таблица № 1

Итоги торгов 1925/26 г. по составу потребителей

Наименование групп потребителей	Наименование категор. покупателей	Куплено древесины в тыс. куб. саж.			В %% от общего количества купленной древесины		
		Делов.	Дров	Итого	Делов.	Дров	Итого
Промышленники	Лесотресты (ВСНХ)						
	Лесокооперация . .	1.127,2	855,3	1.982,5	44	34	38
	Лесозаготовители .	118,1	79,8	197,9	4,5	3	4
	(НКЗ)	138,2	224.6	362,8	5,5	9	7
	Итого . . .	1.383,5	1.159,7	2.543,2	54	44	49
Самозаготовки	Органы НКПС . . .	575,2	679,3	1.254,5	23	26	24
	Госпромышл.	466,2	662,3	1.128,5	18	25	22
	Госучреждения . . .	84,7	99,9	184,6	3	4	4
	Итого . . .	1.126,1	1.441,5	2.567,6	44	55	50
	С невыясненным распределением . .	47,1	25,1	72,2	2	1	1
	Всего . . .	2.554,7	2.646,3	5.183,0	100	100	100

так и переработки дерева; далее, у нас имеются так называемые „хозяйственные лесоразработки“ НКЗ, которые, по существу, ничем не отличаются от заготовок полуфабрикатов лесотрестами, между тем как лесозаготовительные отделы НКЗемов („лесзаги“), ведущие их, приобретают сырье, главным образом, без торгов и по пониженным таксам; за ними идут так называемые „самозаготовки“, т.-е. лесные заготовки потребителей, в особенности НКПС; хотя эти заготовки преследуют чисто потребительские цели, но так как каждый потребитель заинтересован в специальных сортиментах, то естественным ходом вещей они вынуждены выбрасывать на рынок ненужные им сортименты, т.-е. обращаться в лесопромышленников и лесоторговцев; между тем, многие из этих потребителей получают сырье в особом порядке и по особым таксам. Если ко всему этому прибавить многочисленные заготовки, которые ведут почти все исполкомы лесных районов, различные промышленные и торговые организации, а равно кооперативные и частные фирмы и, наконец, даже организации помощи инвалидам (б. Всерокомпом) и театральные общества,—то станет ясно, что у нас имеются заготовки, разработки и т. д., но нет единого лесопромышленного органа, планируемого и регулируемого одним хозяином и одним методом. А отсюда легко уже даже à priori понять тот хаос и те парадоксы, которые порождает эта своеобразная форма организации лесной промышленности, если можно вообще говорить о таковой.

Точно так же вряд ли можно говорить о правильном лесном хозяйстве в СССР. Ниже мы укажем на ряд разительных дефектов в деле распоряжения нашим лесным фондом; здесь же достаточно отметить, что

этим фондом распоряжаются все республиканские и областные наркомземы, проводящие самые различные способы отпуска и оценки леса. Так, в то время как НКЗ Украины еще в прошлом году провел районирование лесного хозяйства и плановый отпуск леса по твердым таксам, НКЗемы РСФСР и БССР [1] до сих пор придерживаются отпуска путем соревнований и торгов и никакого районирования не проводят, точно так же, как до сих пор они не установили твердых такс на древесину. Или в то время как в целом ряде районов лес гниет, в других районах наблюдается абсолютный дефицит против пред'являемого спроса, что легко видеть из следующей таблицы:

Таблица № 2

Сведения о результатах соревнований в 1925 г., относящиеся к количеству проданной древесины

№№ по порядку	Наименование лесных районов	Пред'явлено к соревнов.		Продано на соревнован.		Осталось не проданным на соревнованиях			
						Масса		%	
		Делов.	Дров	Делов.	Дров	Делов.	Дров	Делов.	Дров
1	Сев.-Западный	430	651	332	510	98	141	23	22
2	Северный	429	252	227	114	202	138	47	55
3	Западный	173	241	150	182	23	59	13	25
4	Центральный	561	847	483	568	78	279	14	33
5	Вятско-Ветлужский . .	524	1.051	424	353	100	698	19	66
6	Уральский	502	1.164	368	438	134	726	27	63
7	Средне-Волжский . . .	237	390	194	134	43	256	18	66
8	Восточный	66	184	47	83	19	101	19	55
9	Центр.-Черноземный . .	52	63	41	32	11	31	21	49
10	Кавказский	36	58	17	25	19	33	53	57
	Итого по Европ. части РСФСР.	3.010	4.901	2.283	2.439	727	2.462	24	50
	Всего . .	7.911		4.722		3.189		40	
11	Сибирь	250	318	158	159	92	159	37	50
12	ДВО	421	262	116	28	305	234	72	89
	Итого по всей РСФСР	3.681	2.481	2.557	2.628	1.124	2.855	31	52
	Всего . .	9.162		5.183		3.979		43	

Эти результаты соревнований и торгов прошлого года, которые проходили при большой конкуренции различных организаций и неслыханном ажиотаже, однако, показывают, что в общем по всей РСФСР, и в частности по ее Европейской части, довольно большое количество древесины осталось не проданным, в том числе около 3 милл. куб. саж. дров, что достойно особенного внимания! Даже апологеты системы соревнований и торгов вынуждены были сделать убийственный для них вывод из этих цифр. Один из них Н. И. Паевский пишет: „Из этого видно, что на соревнованиях выявилась серьезнейшая неувязка потре-

[1] НКЗ БССР в самые последние дни (конец октября) ввел плановый отпуск леса

бителя с пред'явленным ему для использования лесосырьем — лесосеками".[1]

Уже одного этого достаточно, чтобы сказать, что у нас имеются большие запасы леса на корню (около 1/4 мирового лесного запаса), но что лесного хозяйства, рассчитанного на постепенное вовлечение новых лесных массивов в оборот, на увязку этих массивов с топографией деревообрабатывающих заводов и других предприятий, хозяйства, планируемого единой волей и единым методом, что такого хозяйства у нас нет. Кризис лесного сырья в богатейшей в мире лесом стране—этот парадокс позволяет высказать сомнение в наличии у нас правильного лесного хозяйства.

2. Сырьевая проблема

Уже из сказанного выше явствует полное отсутствие плана в нашем лесном хозяйстве. Правда, и до революции наше лесное хозяйство было крайне запущено; мы получили в наследство, особенно после империалистической войны, крайне разрушенное, неустроенное и даже не совсем учтенное лесное хозяйство; гражданская война, заставившая нас истребить для народнохозяйственных топливных нужд ценнейшие лесные массивы на расстоянии 15 верст от полосы отчуждения и пристаней больших рек, еще более усугубила тяжесть положения. Лишь в 1921 г. мы стали на путь выздоровления от недугов, вызванных помещичьей бесхозяйственностью и мировой и гражданской войнами. Понятно, за 4 года нельзя еще окончательно избавиться от этих недугов, но подумать о том, что в условиях дефицитности целого ряда лесных районов необходимо внести план в лесное хозяйство,—это прямой долг государства и, прежде всего, владельца лесов—НКЗ. Между тем такого плана мы не видим до настоящего дня; уже одно стремление НКЗ РСФСР и БССР ввести отпуск леса путем соревнований и торгов показывает полное непонимание задач лесного хозяйства и лесной промышленности.

Уже в прошлом году, едва начались первые торги, выявилось резкое превышение спроса над предложением, а за ним последовал сильный под'ем цен на лесосырье, и сразу стало ясно, что этим путем потребители не сумеют удовлетворить своих нужд в древесине; под угрозой находились даже лесопильные заводы, которые оставались без сырья, тяготеющего к этим заводам и закупленного посторонними организациями. Потребовалось специальное распоряжение ЭКОСО РСФСР от 1 декабря 1925 г. о пред'явлении к торгам всех имеющихся запасов древесины, короедников, гарей и даже опытных лесничеств; впоследствии, когда и это распоряжение не помогло, то же ЭКОСО вынуждено было распорядиться о сверхсметном дополнительном отпуске лесосек в плановом порядке; и только такими экстренными мерами удалось, правда, с большим запозданием (которое и вызвало резкий упадок лесозаготовительных работ в первом квартале прошлого года) кое-как обеспечить сырьем лесную промышленность.

В настоящее время, когда уже намечены контрольные цифры по лесной промышленности и лесному хозяйству, мы вновь присутствуем при осложнении сырьевой проблемы; как видно из материалов НКЗ РСФСР различные государственные потребители леса заявили потреб-

[1] См. журнал „Лесное хозяйство, лесопромышленность и топливо", № 7, 1926 г., стр. 9.

ность на 1926/27 г. в 8 милл. куб. саж. строевой древесины, между тем, как максимальная возможность НКЗ РСФСР, если прекратить разорительные для лесного хозяйства сверхсметные отпуска, определяется в 6 млн. куб. саж.

Еще больший дефицит имеется в области дров: при потребности 7 милл. куб. саж., удобных для эксплоатации дровяных лесосек, имеется не больше 5 милл. куб. саж.; рассчитывать же на то, что в этом году удастся вовлечь в оборот далекие лесные массивы Сибири и Дальнего Востока, конечно, не приходится. Казалось бы, что перед лицом таких осложнений необходимо было бы решительно провести плановый отпуск леса, между тем, система соревнований и торгов оставлена и на этот год.

Еще большее противоречие с элементарными требованиями планового хозяйства представляет собой система оценки леса на корню. Выше мы уже упомянули об установившихся в прошлом году индексах цен на лесное сырье,—индексов, которые даже превышают общепромышленный и тотальный индексы Госплана. Этот неслыханный в истории советского народного хозяйства скачок цен на лесное сырье привел к удорожанию лесной продукции в среднем на 60% против 1924 25 г., с колебаниями от 50 до 100 слишком процентов на отдельные лесные материалы. Правда, среди факторов, вызвавших этот рост цен на лесные материалы, играло также большую роль удорожание рабгужсилы на лесозаготовках, большая отдаленность мест заготовок от транспортных путей и др. Но, как видно из материалов специальной комиссии ВСНХ и НКТорга по регулированию цен на лесоматериалы, попенная плата выросла на 189%, стоимость рабгужсилы — на 75%, в то время как накладные и торговые расходы сократились на 12%. Если же принять во внимание, что стоимость сырья составляет 40% от стоимости готовой пилопродукции и до 60% от стоимости полуфабрикатов, то совершенно ясно будет значение роста попенной платы в росте цен на лесные материалы.

Ниже мы покажем, как этот рост цен вызвал сокращение потребления лесоматериалов и большие заминки в сбыте, после того, как первое полугодие текущего года протекало в условиях превышения спроса над предложением лесоматериалов. Здесь же отметим только это обстоятельство, поскольку оно должно было бы всякого привести к выводу о необходимости нормирования цен на лесное сырье на уровне, соответствующем нормальным рыночным ценам на лесные материалы. Между тем, до настоящего времени НКЗ, которому еще в 1924 г. поручено было приступить к пересмотру лесных такс, этой работы не произвел и, как в прошлом году, цены на древесину в этом году стоят на том же высоком уровне: больше того, имеется много показателей возможности дальнейшего роста этих цен.

За ограниченностью места мы не можем подробно изложить ту систему оценки лесосек, которая введена постановлением ЭКОСО РСФСР от 24 июля текущего года. Укажем только на то, что согласно этого постановления лесосеки пред'являются в настоящее время к отпуску (т.-е. как на соревнованиях и торгах, так и при отпуске без торгов) »по льготной оценке, исходя из продажных [1] цен в 1925/26 г. по дачам, с понижением их на 20%, но не ниже оценки 1925 года, при чем в отдельных случаях резкого несоответствия цен 1925/26 г. настоящей экономической кон'юнктуре, может быть допущено большое снижение оценки их, но не ниже 70% наддачи на оценку 1925 г." (8 пункт).

[1] Курсив наш.

Итак, за исходные берутся продажные цены 1925/26 г. невзирая на то, что и ВСНХ, и НКТорг, да и сам Госплан РСФСР (автор этого постановления) установили, что они служат препятствием к дальнейшему снижению цен на лесоматериалы. Любопытнее всего то, что 9 пунктом того же положения устанавливается новый метод исправления слишком высоких покупных цен на торгах 1926/27 г., в каковых случаях разрешается снижать их до цен 1914 г., с поправкой на тотальный индекс Госплана. Укажем, кстати, на методологическую неправильность этой директивы (к тому еще условной), так как нельзя применять тотальный индекс Госплана к оценке чисто сельскохозяйственного продукта, как лес на корню. Но как бы там ни было, если признано возможным применять тотальный индекс Госплана к оценке лесосырья, то почему нельзя на этом основании установить твердые таксы на древесину, вместо того, чтобы разыгрывать ее в лотерейных играх?

Нам, конечно, известно, что главной целью системы торгов является получение максимального лесного дохода (ибо нельзя же считать таковой целью обнаружение неувязки лесного хозяйства и лесной промышленности, что, по мнению цитированного выше тов. Паевского, является главной заслугой системы торгов). Действительно, в настоящем году мы собрали, примерно, 150 милл. руб. лесного дохода [1] вместо 90 милл. в прошлом году. Но неужели нельзя и при помощи планового отпуска леса собрать тот же доход? Наоборот, при настоящей кон'юнктуре лесного рынка, когда спрос на лесоматериалы заметно упал, а с ним и цены, можно сомневаться в дальнейшем расширении лесного дохода.

Таким образом, и система оценки леса не только находится в полном противоречии с элементарными требованиями планового хозяйства, но является серьезнейшим тормозом к расширению сбыта лесной продукции, а следовательно, и производственной программы лесной промышленности, в том числе и самого НКЗ.

3. Проблемы производства и потребления лесоматериалов

До 1924/25 года учет потребности внутреннего рынка в лесоматериалах даже не производился. Дело в том, что до этого времени спрос внутреннего рынка на лесоматериалы был очень слабый и все годы после нэпа отставал от предложения. Выработка лесоматериалов лесной промышленностью ВСНХ за период 1921—1924 гг. составила:

Годы	Лесоматериалов	Пиломатериалов
1921/22	1.002 тыс. к. с.	61.360 т. к. ф.
1922/23	1.439 „ „ „	110.000 „ „ „
1923/24	1.237,5 „ „ „	135.000 „ „ „

Сравнивая выработку пилопродукции за указанные три года с выработкой 1912 г., составившей 440 милл. куб. фут. пиломатериалов, легко видеть, насколько она отстала от довоенного потребления. Дело в том, что в эти годы строительство еще очень мало развивалось, а одновременно крупные государственные потребители древесины продолжали вести собственные заготовки и удовлетворять свою потребность в лесоматериалах хозяйственным способом. Таким образом, огромная часть

[1] Эта цифра НКФ вызывает некоторые сомнения, так как данные НКЗ РСФСР указывают на средний процент наддачи к оценкам 1924/25 г. в 118, иначе говоря, лесной доход должен в этом году составить не 150, а 196 милл. руб. если даже не больше.

потребления не удовлетворялась специально лесной промышленностью, работавшей на рынок. Вот почему даже при указанных скромнейших размерах выработки реализация лесоматериалов развивалась очень слабо, и остатки готовой продукции на складах все увеличивались, что видно из следующих данных:

Остатки готовой продукции

Лесотовары	На 1/X 1923 г.	На 1/X 1924 г.
Пиломатериалы	53,7 м. к. ф.	66
Лесоматериалы	98,9 м. к. с.	146,9
Фанера клеен.	22,6 м. к. метр.	26,3

Таковы производственные итоги работ лесной промышленности ВСНХ; если прибавить к ним данные о лесозаготовках НКЗ (тогда еще скромных), НКПС и других самозаготовителей, а равно кооперативных и частных организаций (при чем последние до 1924 года производили сравнительно крупные заготовки), то совершенно ясно будет, что производство лесоматериалов превышало его потребление. Вот почему в указанное трехлетие лесной рынок переживал систематически кризис сбыта, нашедший свое отражение в очень низких ценах, которые были даже меньше себестоимости; за этот период индекс цен на лесоматериалы колебался по разным товарам от 1,1 до 1,8, составляя в среднем по всем лесным товарам 1,4, т.-е. значительно ниже общепромышленного индекса. Одним из последствий этих низких цен была убыточность почти всех операций лесной промышленности на внутреннем рынке, что нашло свое выражение в их балансах за 1922/23 и 1923/24 гг.

Начиная с 1924/25 г., внутренний лесной рынок систематически вырастает, увеличивая спрос на лесные материалы, вплоть до того, что к концу этого года начинает уже ощущаться недостаток сначала специальных лесоматериалов (вагонный материал, тара, стружка и др.), а впоследствии и общеходовых сортиментов. Благодаря развитию строительства и появлению на рынке массового потребителя, кривая реализации лесной продукции делает заметные скачки, и перед лесной промышленностью поднимается вопрос о резком повышении производственных программ. Одновременно поднимается вопрос о выявлении потребности внутреннего рынка в лесоматериалах.

Согласно ориентировочных подсчетов Строительной секции Госплана СССР в прошлом году, потребность внутреннего рынка для 1925/26 г. определялись в 300 милл. куб. фут. пиломатериалов и 1,2 милл. куб. саж. круглого леса. ВСНХ, оспаривая этот расчет, доказывал, что потребность эта не превысит 220 милл. куб. фут. пиломатериалов и 1 милл. куб. саж. круглого леса. Не имея возможности по финансовым и другим причинам резко увеличить свои производственные программы, тем более, что в течение предшествующего трехлетия лесотресты все время страдали от кризиса сбыта и накопления излишней продукции на складах, ВСНХ решил расширить программу лишь на 40%, исходя из указанных выше цифр определенной им потребности внутреннего рынка. Что же касается других наркоматов, которые, как было уже упомянуто, также занимаются лесозаготовками, то НКПС увеличил в текущем году свои

лесозаготовки на 40%, а НКЗ на 45%. Между тем, начиная с самого начала текущего операционного года, рынок стал пред'являть все больший и больший спрос на лесоматериалы; в течение первых четырех месяцев этого года почти все биржи СССР (за исключением Сибири и Дальнего Востока) сообщали о невозможности удовлетворять спрос на лесоматериалы и особенно на пилопродукцию; цены повышаются с каждым месяцем, и обороты также растут; в общем первое полугодие закончено было с оборотом, вдвое превышавшим оборот всего 1924/25 года. Но уже в апреле—мае начинается перелом в этой блестящей кон'юнктуре: спрос все более падает, а с ним и оборот; последующие месяцы показывают еще большее падение, которое к настоящему времени перешло уже в определенную заминку сбыта, переживаемую всеми лесопромышленными организациями СССР.

Не касаясь здесь всех причин этого неожиданного перелома в кон'юнктуре лесного рынка и указав лишь на то, что одной из главных причин являются высокие цены на лесоматериалы, обратим внимание на то, что мы снова стоим перед фактом неувязки производства и потребления лесоматериалов.

Эта неувязка также намечается и для 1926/27 г. В самом деле, если взять ориентировочные планы производства лесоматериалов для внутреннего рынка в 1926/27 г., то получим следующие итоги:

Таблица № 3

Ориентировочный план снабжения внутреннего рынка на 1926/27 г.

Материалы	ВСНХ	НКЗ	НКПС	Кооперация	Разные государ. орган.	Частн.	Всего
Пиломатериалы . (милл. куб. фут.)	215	9	26	15	15	15	295
Кругл. лес . . . (тыс. куб. саж.)	500	480 [1]	80	120	150	100	1.430
Шпалы . . . . . (милл. штук)	7	6	13	—	—	—	26
Дрова . . . . . (тыс. куб. саж.)	1.240	1.407	1.470	60	2.335	488 [2]	7.000
Клееная фанера . (тыс. куб. метр.)	68	—	—	—	2	—	70

В течение 1925 26 г. было реализовано на внутреннем рынке не больше 220 милл. куб. фут. пиломатериалов, 1.100 тыс. куб. саж. круглого леса, 4,5 милл. куб. саж. дров, около 50 тыс. метров клееной фанеры и 25 милл. штук шпал (в эту цифру включаются собственные заготовки НКПС). Таким образом, можно опасаться, что намеченные заготовки лесоматериалов не найдут „платежеспособного спроса", если не будут найдены способы расширения сбыта лесной продукции.

Согласно контрольных цифр Госплана, в 1926/27 году предполагается расширить строительство минимум на 20%; что же касается непланируемого строительства, то при условии снижения цен на лесоматериалы можно смело рассчитывать и на его заметное расширение, тем более, что частное строительство 1925/26 г. еще более сократилось, чем государственное и коммунальное, а удовлетворительный урожай и накопление товарных запасов хлебной продукции позволяют надеяться на выделение достаточных средств на строительство со стороны крестьянства. Эти соображения, как будто противоречащие высказанным выше сомнениям в возможности реализации намеченной к выработке в 1926/27 году лесной продукции, однако, при анализе емкости лесного рынка ничего противоречивого в себе не содержат. Даже сейчас, когда рынок переживает заминки в сбыте, целый ряд районов сообщает о неудовлетворенной потребности в лесоматериалах, так как существующие в настоящее время цены на них совершенно непосильны для потребителя, особенно крестьянства, при существующих ценах на хлеб; в степной полосе Украины в августе прошлого года при цене на пшеницу в 1 р. 70 к. за пуд торговый дюйм досок стоил 1 р. 70 к., а в настоящее время эти цены соответственно составляют 1 р. 10 к. и 2 р. 60 к. Здесь кроется вся проблема расширения емкости лесного рынка, а следовательно, и производства лесных материалов.

С точки зрения потребности расчеты Госплана (300 милл. куб. фут. пиломатериалов) совершенно правильны, но все дело в платежеспособности потребителя лесных материалов. Даже госпотребители в настоящем году вынуждены были сократить свои строительные программы, в значительной мере из-за высоких цен на лесные материалы. В качестве примера можно было бы привести тот факт, что одна Азнефть переплатила в этом году на покупку лесных материалов 3 милл. руб. против 1924/25 г. Тем более вынужден был сократить потребление лесных материалов широкий потребитель и, в особенности, крестьянство. Необходимо помнить, что потребление пиленого леса все еще отстает от довоенного, когда внутренний рынок поглотил (в 1912 г.) 276 милл. куб. фут., в то время как даже в настоящем году он поглощает только 220 милл. куб. фут. Что же касается выработки пиломатериалов, то в 1924/25 году она составила 175 милл. куб. фут., а в 1925/26 году—275 милл. куб. фут., в то время как в 1912 году она составляла 440 милл. куб. фут.

Оставляя в стороне сложный вопрос об условиях сбалансирования производства и потребления лесных материалов, укажем на те выводы, которые можно сделать на основании приведенных данных и соображений. Эти данные показывают, с одной стороны, полную неувязку того и другого, а с другой стороны, почти полное отсутствие необходимых мероприятий по планированию и регулированию как производства, так и потребления лесных материалов. Это положение является не только причиной целого ряда осложнений на лесном рынке, о которых за ограниченностью места нельзя распространяться, но и сплошной угрозой нормальному развитию строительства, вопреки постановления последнего пленума ЦКК.

Эта проблема является одной из актуальнейших не только для лесной промышленности, но и для строительства в целом.

4. Торговые проблемы лесной промышленности

Мы уже упомянули выше о крайней распыленности лесной промышленности. Еще большую распыленность, неорганизованность и хаотичность мы видим в лесной торговле. Начать с того, что за исключением одного акционерного общества „Лесосклад" лесная промышленность до настоящего года не имела никаких специальных лесоторговых организа-

[1] Кроме того, 520 тыс. куб. саж. для сельского населения.
[2] Сюда входят и заготовки случайных, не частных организаций.

ций; этой лесной торговлей занимались и занимаются еще до сих пор сами лесопромышленные организации, перегруженные сложнейшими работами по заготовке, вывозке, сплаву и переработке древесины. Если принять во внимание, что каждая из этих операций имеет свои сложнейшие проблемы и разнообразный оборот капитала, то легко будет понять, какое слабое внимание могут оказать лесопромышленные организации вопросам насыщения рынка лесоматериалами, организации правильной товаропроводящей сети, регулированию цен и т. д. Вот почему лесной рынок является одним из наиболее хаотичных и неорганизованных, несмотря на то, что как лесные фонды, так и лесная промышленность находятся почти целиком в руках государства. Эта неорганизованность рынка выражается в систематическом несоответствии спроса и предложения, неравномерном распределении лесной продукции по отдельным районам, в резких колебаниях цен, в отсутствии какого бы то ни было плана снабжения широких масс лесной продукцией. Вопрос о синдицировании лесной торговли неоднократно поднимался на с'ездах лесной промышленности, но практическое его осуществление затруднялось вследствие невозможности из'ятия каких бы то ни было оборотных средств из лесной промышленности. По этой причине она вынуждена была ограничиться различными суррогатами конвенционного регулирования своей торговой деятельности. Вполне понятно, что эти суррогаты не давали и не дают никаких результатов, и только в настоящем году лесная промышленность вплотную подошла к осуществлению этой задачи: в мае 1926 г. организован был Всероссийский синдикат лесной и деревообрабатывающей промышленности „Лесосиндикат". Но эта первая организация уже успела показать свою немощность, так как основной капитал „Лесосиндиката" составляет только 2 милл. руб., а при таких средствах говорить о каком бы то ни было влиянии на лесной рынок не приходится. „Лесосиндикат" является, по существу, новой торговой единицей, присоединившейся к многочисленным торговым лесным организациям, выступающим на рынке; никакой заметной организующей и регулирующей роли „Лесосиндикат" играть не может. Между тем, лесной рынок вновь переживает тревожные дни: заминки в сбыте при неудовлетворенной потребности, нездоровая конкуренция многочисленных лесных организаций, отсутствие какого бы то ни было районирования сбыта и т. д. Что же касается цен, то здесь как нигде проявляется вся неорганизованность лесного рынка. В самом деле, 26 июня с. г. Наркомторг впервые за весь советский период установил лимитные цены на пиломатериалы по 15 организациям, но не успели эти цены быть опубликованы в печати, как вследствие изменившейся кон'юнктуры рынок начал их снижать, и, таким образом, эти лимитные цены не оказали никакого влияния на рынок; больше того, лесопромышленные организации в настоящее время вынуждены продавать лесную продукцию даже ниже себестоимости, как это было в 1922/23 и 1923/24 гг. Если вспомнить, что даже эти рыночные цены непосильны для потребителя и являются серьезным тормозом к расширению сбыта, то легко себе будет представить те ненормальности, которые имеются в нашей лесной торговле.

Необходимо, далее, указать, что ни кооперация, ни торги не играют до сих пор более или менее заметной роли в реализации лесной продукции даже среди крестьянства. Пользуясь этим, а также крайней неорганизованностью гослеспромышленности и гослесторговли, частный капитал, который покупает всего 1% сырья, отпускаемого НКЗ для гослеспромышленности, и ведя заготовки в размере не более 2—3% от общих заготовок, частный капитал играет значительно большую роль в торговле. По данным Московской Товарной Биржи оборот частных фирм на лесном

рынке составил: в 1922/23 г.—25%, в 1923/24 г.—15%, в 1924/25 г.—8,9%, а в текущем году несколько поднимается до 9%; после падения в 1924/25 г. частный капитал начинает вновь усиливаться, и по данным Совета С'ездов Биржевой Торговли делает в настоящем году уже свыше 10% оборота; в частности, на московском дровяном рынке частные фирмы реализуют в настоящем году до 30% дров. Закупая ничтожное количество сырья и ведя также ничтожные заготовки, частный капитал может играть такую сравнительно большую роль в торговом обороте лишь благодаря тому, что он, пользуясь, крайней слабостью торгового аппарата гослеспромышленности, скупает готовые полуфабрикаты у крестьянства, разрабатывающего леса местного значения.

Таким образом, и здесь мы видим крайне слабое планирование и регулирование лесной торговли.

Таковы те основные проблемы по планированию и регулированию лесного хозяйства и лесной промышленности. Размеры журнальной статьи не позволяют остановиться на целом ряде частных проблем, которые стоят перед лесной промышленностью; но даже схематическое изложение основных проблем указывает на то, что дальнейшее игнорирование лесной промышленности и отсутствие целого ряда мероприятий по ее планированию и регулированию чревато самыми серьезными последствиями как для самой лесной промышленности, так и для строительства в целом.

М. Бубнов

О тяжести обложения населения СССР

Вопрос о тяжести обложения населения СССР имеет не только научно-теоретическое значение, но и по преимуществу практическое значение. Анализ этого вопроса нам должен дать не только ряд абсолютных цифр, показывающих, сколько налога уплачено той или иной категорией населения, но он должен наглядно показать, как распределяется эта тяжесть обложения между различными социальными группами населения, т.-е. должен быть выяснен вопрос о том, какой процент составляет обложение к доходу облагаемого суб'екта и в конечном итоге выяснить, насколько в обложении населения осуществляется классовый принцип налоговой политики. Поэтому и тяжесть обложения должна быть исследована для всех социальных групп населения, т.-е. деревенского населения, рабочего населения, служащих, лиц свободных профессий и прочего городского населения.

Способом определения тяжести обложения, и по преимуществу по акцизам, в нашем анализе являются бюджетные обследования, т.-е. нормы потребления населением промышленной продукции. Этими данными мы располагаем только для деревенского и рабочего населения.

Обследование крестьянских бюджетов по приобретению ими промышленной продукции производилось в 1924/25 году ЦСУ по заданию Госплана.

Душевые нормы приобретения подакцизных об'ектов крестьянским населением им исчислены для 98 милл. человек. Средне-взвешенные душевые нормы нами распространены на все крестьянское население Союза и эти нормы нами взяты при анализе тяжести обложения по каждому подакцизному об'екту.

Бюджетные обследования по некоторым категориям рабочего населения производились в 1924 г., при чем душевые нормы потребления рабочим населением подакцизных об'ектов исчислены Отделом Труда Статистики Труда ЦСУ, а некоторые из этих норм, не исчисленные ЦСУ, нами заимствованы у тов. Микеладзе („Вестник Финансов", № 10, 1925 г.). [1]

Бюджетными нормами по приобретению продуктов промышленности служащими, лицами свободных профессий и прочим городским населением к настоящему времени мы не располагаем. Поэтому, тяжесть обложения городского населения мы анализируем только для одной группы этого населения, а именно, рабочего населения. В состав этой группы мы включаем рабочих крупной фабрично-заводской промышленности,

[1] В момент напечатания настоящей статьи нами получены от ЦСУ окончательные сведения о душевых нормах потребления подакцизных предметов рабочим населением и служащими, каковые не могли быть использованы за поздним их получением.

мелкой промышленности и жел.-дор. транспорта. Ко второй группе мы относим остальное городское население, и не имея возможности для каждой из этих групп анализировать тяжесть обложения за неимением бюджетных норм, мы тяжесть обложения для этой категории произвели в целом, т.-е. отнесли на их долю сумму акциза, оставшуюся за вычетом из суммы поступлений акцизов за год акциза, уплаченного деревенским и рабочим населением.

Из поставленной выше задачи вытекает необходимость выяснить и численность населения Союза и численность населения по различным социальным группам, т.-е. численность деревенского населения и, в особенности, численность различных категорий городского населения: рабочих и прочих. На 1 января 1925 года все население Союза исчислено ЦСУ в 139,8 милл. чел. Из них деревенского населения 116,8 милл. чел. и городского—23 милл. чел. Социальный состав городского населения в 1924/25 году ЦСУ не исчислен. По исчислению тов. Гухмана [1] число рабочих крупной промышленности в 1924/25 году было 1.890 тыс. человек, рабочих мелкой промышленности—400 тыс. человек и рабочих железнодорожного транспорта—945, а всего рабочих перечисленных категорий труда было 3.235 тысяч человек. Беря средний состав семьи в 3,1 души на каждого рабочего, мы получаем все население этой категории в размере—10.030 тысяч человек. Таким образом, прочее городское население исчисляется в размере 12.970 тыс. человек.

Наконец, для окончательного разрешения поставленной нами цели необходимо также исчислить и средне-душевой доход как для крестьянского и рабочего населения, так и прочего городского населения. Как мы говорили вначале, анализ этого вопроса необходим для выяснения процента налогов к этому доходу, т.-е. определения тяжести обложения указанных выше категорий населения. Анализ этого вопроса будет сделан в конце настоящей работы.

Теперь же обратимся к рассмотрению тяжести акцизного обложения в 1924/25 г.

Текстиль. Душевые нормы потребления текстиля деревенским населением в 1924/25 году следующие. По хлопчатобумажным тканям 4,44 арш., по льняным—0,046 арш., по шерстяным—0,16 арш. и по прочим тканям—0,026 арш. Акцизные ставки на текстильные изделия устанавливаются не на готовый товар, а на пряжу, при чем при различных сортах выработки пряжи мы имеем и дифференцированные ставки акциза. Акциз на хлопчатобумажные ткани деревенского потребления, как говорит тов. Строгий („Вестник Фин.", № 10, 1925 г.), изготовляемые из пряжи № 29, определяется в 16 к. с килограмма пряжи или 1,2 коп. с 1 аршина товара; крестьянское население при общем их потреблении 518.592 тыс. арш. уплатило акциза по этим тканям 6.223,1 тыс. рубл.

Суконных и прочих шерстяных тканей крестьянское население потребило 13.306 т. метров. При среднем акцизе на эти ткани в 25,5 коп. с метра уплачено акциза по ним 3.393 т. рублей. Прочих смешанных тканей крестьянское население приобрело — 2.159.164 метра. Беря для них средний акциз в 25,5 коп. с метра, получаем общую сумму акциза, уплаченную по ним крестьянством, в 550,5 т. рублей.

[1] „Плановое Хозяйство", № 12, 1925 г.

Потребление льняных тканей деревенским населением составило 5.840 т. метров. В это потребление входят и ткани крестьянского производства.

Поэтому, имея в виду их весьма незначительное потребление, мы тяжесть обложения по этим тканям исчислять не будем.

Таким образом, акциза по текстилю крестьянское население уплатило 10.166,6 т. руб., что составило на 1 душу населения 8,8 коп.

Душевая норма потребления хлопчатобумажных тканей рабочим населением по бюджетным обследованиям 1924/25 г. равна 12 метрам. При акцизе на эти ткани, учитывая характер потребления хлопчатобумажных тканей рабочим населением, затем общую сумму реализованных им тканей — 120.360 т. метров и акциз в 1,9 коп. с метра, получаем, что эта категория населения уплатила акциза по ним 2.286,8 т. руб. Душевая норма потребления шерстяных и прочих тканей по тем же данным выразилась в размере 2.453 метра и акциза за всю реализованную продукцию уплачено 6.248,2 т. рублей. По льняным тканям уплачено акциза, при душевой норме 0,667 метра и акцизе—1,7 коп. с 1 метра, 113,7 т. рублей.

Всего акциза по текстилю рабочим населением в 1924/25 г. уплачено 8.648,7 т. руб., что составляет на 1 душу 86,2 коп.

Акциза по текстилю 1924/25 г. поступило 46.075 т. руб. Деревенским и рабочим населением уплачено акциза 18.815,3 т. руб. Остальную сумму акциза в размере 27.259,7 т. руб. мы относим на прочее городское население и душевая тяжесть обложения этой категории населения была в размере 2 р. 10 коп.

Сахар. Душевая норма потребления сахара деревенским населением составила 3,27 фунта.

При общем потреблении сахара в размере 9.548,4 т. пуд. этой категорией населения Союза уплачено акциза 38.193,6 т. руб., что составило акциза на 1 душу населения 32,7 коп.

Душевая норма потребления сахара рабочим населением составила 22,9 фунта. Акциза этой категорией городокого населения уплачено 22.968 тыс. руб. и душевая тяжесть обложения выразилась в размере 2 р. 29 к.

Акциза по сахару в 1924/25 г. поступило 114.857 т. руб. Остальная часть акциза в размере 53.695,4 т. руб. падает на прочее городское население, тяжесть обложения на душу которого определяется в 4 руб. 14 коп.

Соль. По бюджетным обследованиям крестьянского населения душевая норма потребления соли выразилась в размере 22 фунтов. При акцизе на соль в 22 коп. на пуд деревенское население уплатило соляного акциза 14.132,8 т. руб.

Душевая норма потребления соли рабочим населением, по тем же данным, выразилась в размере 17,04 фунта, и при том же акцизе на соль рабочее население уплатило последнего 940 т. руб.

Акциза по соли в 1924/25 г. поступило 15.699 т. руб. и остальную часть акциза, т.-е. 626,2 т. руб., мы относим на прочее городское население.

Спички. Душевая норма потребления спичек деревенским населением, по бюджетным обследованиям, составила 14 коробок. Исходя из акцизной ставки в 6 руб. за ящик, деревенское население уплатило акциза 9.811,2 т. руб.

Реализация спичек рабочим населением, при душевой их норме потребления в 16,7 коробки, составила 167.501 ящик и акциза уплачено по ним 1.005 т. руб.

Акциза по спичкам в 1924/25 г. поступило всего 15.295 т. руб., так что на прочее городское население падает акциза 4.478,8 т. руб.

Нефтепродукты. По данным бюджетных обследований норма потребления керосина деревенским населением составила 6,65 фунта и вся реализация керосина этой группой населения выразилась в размере 19.418 т. пуд. Исходя из акцизной ставки в 60 коп. на пуд керосина, деревенское население уплатило акциза 11.650 т. руб.

Норма потребления керосина рабочим населением в 1924/25 г., как то видно по бюджетным обследованиям, достигла 26,3 фунта. Акциза этой категорией населения уплачено 3.956,8 т. руб.

Всего акциза по нефтепродуктам поступило 24.331 т. руб. За вычетом из этой суммы акциза, уплаченного первыми двумя категориями населения, прочее городское население уплатило акциза 8.724,2 тыс. руб.

Табачные изделия и гильзы. В состав табачных изделий входят все желтые табаки, папиросы, сигары, сигареты, нюхательный табак и махорка.

По данным бюджетных обследований душевая норма потребления махорки деревенским населением выразилась в 0,8 фунта, и при акцизе в 13 коп. на 1 фунт махорки эта категория населения уплатила акциза 12.147,2 тыс. руб. Душевая норма потребления табака этим же населением составила 0,048 фунта, папирос 9,64 штуки, а всего, т.-е. в переводе табака в папиросы, 57,64 папиросы. Имея в виду, что крестьянское население потребляет, главным образом, папиросы низших сортов, мы и акциз для них берем в размере 1 р. 40 коп. на тысячу папирос (ставка акциза на второй сорт Б). Таким образом, акциза по желтым табакам деревенское население уплатило 9.425,2 т. руб. и по махорке 12.147,2 т. руб., а всего акциза по табачным изделиям—21.572,4 тыс. рублей.

Нормы потребления табачных изделий рабочим населением, по бюджетным обследованиям, нижеследующие: по махорке 1,45 фунта, по табакам—0,056 фунта, или 208 папирос, и по папиросам 202 штуки. Беря акцизную ставку по папиросам в 2 р. 5 коп. с тысячи папирос, всего акциза по табачным изделиям рабочее население уплатило 6.159,2 тыс. рублей.

Акциза по табачным изделиям поступило 82.940 т. руб. За вычетом из этой суммы акциза, уплаченного первыми двумя категориями, на долю прочего городского населения приходится акциза 55.208,4 тыс. рублей.

Чай и кофе. По бюджетным обследованиям крестьянского населения душевая норма потребления им китайского чая составила 0,05 фунта и 0,002 фунта кофе. Деревенское население обычно потребляет чаи низшего сорта и потому, беря акцизную ставку в 70 коп. на фунт чая, как „среднюю“ (ставка 70 коп. на плиточный чай и 80 коп. на фунт кофе), всего, таким образом, акциза за реализованную чайную продукцию деревенское население уплатило 4.274,8 т. руб.

Душевые нормы потребления чая и кофе рабочим населением по данным бюджетных обследований составили 0,55 фунта по чаю и 0,115

фунта по кофе. Беря те же акцизные ставки, что и для деревенского населения, получаем, что эта категория городского населения уплатила акциза по чаю и кофе 5.065,1 т. рублей. Акциза по чаю и кофе в 1924/25 г. поступило 21.621 т. руб. и остальную часть акциза в размере 12.281,1 т. руб. мы относим на прочее городское население.

Галоши. При душевой норме потребления галош в 0,028 пары, вся реализация галош деревенским населением выразилась в размере 3.270,4 т. пар и акциза по ним уплачено 850,3 т. рублей. Рабочее население, при душевой норме потребления галош 0,294 пары, реализовало 2.948,8 т. пары и уплатило акциза по ним 766,7 т. рублей. Остальную сумму акциза по галошам в размере 1.387 т. рублей уплатило прочее городское население.

Свечи. Акцизом облагаются изокеритовые свечи, идущие для украшения (елочные свечи), и восковые, потребляемые населением для религиозных целей.

Душевых норм потребления свечей как крестьянским, так и рабочим населением мы не имеем; анализ тяжести обложения населения по ним мы произвели, исходя, примерно, из потребления их различными категориями населения, и душевую тяжесть для крестьянского населения исчислили в 1 коп., рабочего—1,5 коп. и прочего городского населения—2,5 коп.

Исходя из исчисленной тяжести обложения, приходим к выводу, что деревенское население уплатило акциза по свечам 1.168 т. рублей, рабочее—15 т. руб. и прочее городское население 318 т. рублей.

Дрожжи. Бюджетных норм потребления дрожжей крестьянским населением мы не имеем и получить данные о потреблении дрожжей этой категорией населения не представилось возможным. Учитывать потребление дрожжей в зависимости от количества приобретенной в 1924/25 году деревенским населением белой муки мы не можем, ибо при хлебопечении крестьянское население обходится дрожжами своего производства, а если и потребляет прессованные дрожжи, то в весьма незначительном количестве. Довоенные нормы потребления дрожжей крестьянским населением также не могут служить материалом для сравнения; крестьянское население потребляло дрожжи в довоенные годы тоже в весьма незначительном количестве. Поэтому здесь можно говорить о потреблении крестьянским населением в 1924/25 году дрожжей, главным образом, для приготовления самогона.

Общее количество дрожжей, потребленных в 1924/25 году деревенским населением, тов. Строгим [1] исчислено в 25% от общей их реализации. Мы полагаем, что такой процент потребления дрожжей деревенским населением, имея в виду указанные выше условия, вполне реален, а потому, и беря 25% поступления акциза по дрожжам, получаем, что эта категория населения уплатила в 1924/25 г. акциз 2.336 т. руб.

По данным бюджетных обследований душевая норма потребления дрожжей рабочим населением составила 0,43 фунта и уплачено акциза этой категорией населения 1.121,4 т. рублей.

Остальная часть акциза в размере 5.296,4 т. рублей уплачена прочим городским населением.

[1] „Вестник Финансов", № 10 за 1925 г.

Пиво. При душевой норме потребления пива деревенским населением в 0,161 бутылки вся реализация этого напитка деревенским населением выразилась в размере 940.240 ведер. При акцизе на пиво в 1 р. 70 коп. с ведра деревенское население уплатило акциза 1.598,4 т. рублей.

Душевая норма потребления пива рабочим населением по бюджетным обследованиям исчислена тов. Микеладзе [1] в 1,5 бутылки, и реализовано пива этой категорией населения—15.045 т. бут.

При том же акцизе на пиво, т.-е. 1 р. 70 к. с ведра, рабочим населением уплачено акциза по пиву 127,9 т. рублей.

Всего акциза по пиву поступило 31.934 т. рублей. Остальная часть акциза в размере 30.207,7 т. рублей уплачена прочим городским населением.

Питья без пива и дрожжей. В эту категорию подакцизных об'ектов входят наливки, настойки, водка (хлебная) и виноградные вина.

По бюджетным данным душевая норма потребления вина населением выразилась в размере 0,19 бут., при общей их реализации в количестве 22.192 шт. бутылок.

Душевую норму потребления водки мы заимствуем у тов. Строгого. [2] По бюджетным данным эта норма составила 0,01 бут. на душу и вся реализация этого алкоголя в размере 1.168 шт. бутылок.

При акцизе на вина в 16 коп. на бутылку и на водку 23 р. с ведра всего акциза по этим питиям деревенским населением уплачено 4.894,9 т. руб.

Душевых норм потребления деревенским населением наливок и настоек мы не имеем. ЦСУ реализация этого алкоголя включена в состав потребления вин этой категории и выделить из него потребление деревенским населением наливок и настоек не представляется возможным.

Норма потребления по преимуществу водки является очень низкой и вся реализация этого напитка очень незначительна. В 1924/25 г. на рынок выпускалась сначала 20°, а затем 30° водка и деревенским населением потреблялась в незначительном количестве. Она заменялась самогоном, столь доступным для потребления деревенским населением и дешевым по цене. Но все же несмотря на эти условия душевые нормы по вину и водке являются значительно преуменьшенными, и потому мы на долю деревенского населения сверх исчисленного выше акциза относим еще 10 милл. рублей с уменьшением на эту сумму доли акцизов, падающих на прочее городское население. Таким образом, деревенское население уплатило акциза по питиям 14.894,9 т. рублей.

Душевые нормы потребления рабочим населением вина и водочных изделий по бюджетным обследованиям исчислены тов. Микеладзе („Вестн. Фин.", № 10, 1925 г.). По вину эта норма выразилась в размере 1,5 бут. и 0,44 бут. по водочным изделиям.

Акциза по этим питиям рабочим населением уплачено 3.329,9 т. руб. Душевые нормы потребления вина и водочных изделий рабочим населением являются так же, как и у деревенского населения, значительно преуменьшенными при бюджетных показаниях [3] и потому к сумме уплачен-

[1] „Вестник Финансов", № 10 за 1925 г.
[2] Там же.
[3] По заявлению зав. отд. Статист. Труда ЦСУ, тов. Полляка, и по специальным исследованиям этого вопроса тт. Дмитриевым, Первушиным и др.

ного акциза мы также делаем надбавку в 5 милл. руб. и отчисляем их от прочего городского населения.

Всего акциза по питиям уплатило рабочее население 8.329,9 т. руб. Остальную часть акциза в размере 114.087 т. рублей мы относим на прочее городское население.

Подводя итог нашим замечаниям о тяжести обложения деревенского рабочего и прочего городского населения, мы видим, что деревенское население Союза уплатило акцизов в 1924/25 г. 130.649 т. рублей или 26% поступлений акцизов в 1924/25 г., и душевая тяжесть обложения этой категории населения составила 1 р. 11,8 коп.

Рабочее население уплатило акцизов 59.103,7 т. р. или 11,7% поступлений акцизов, и душевая тяжесть обложения выразилась в размере 6 р. 02,3 коп.

Прочее городское население Союза уплатило акцизов 313.570,3 т. р., или 62,3% всех поступлений по акцизам, и душевая тяжесть обложения этого населения составила 24 р. 17,1 коп.

Какой процент составило обложение по акцизам к доходу облагаемых суб'ектов, мы выясним после анализа тяжести обложения населения по остальным налогам.

Таблица № 1

Тяжесть акцизного обложения в СССР на душу деревенского, рабочего и прочего городского населения в 1924/25 г.

	Деревенское население		Рабочее население		Пр. город. населения		Все населен.	
	Уплач. акциза всем населен. (тыс. руб.)	Акциз на 1 душу населения (в коп.)	Уплач. акциза всем населен. (тыс. руб.)	Акциз на 1 душу населения (в коп.)	Уплач. акциза всем населен. (тыс. руб.)	Акциз на 1 душу населения (в коп.)	Уплач. акциза всем населен. (тыс. руб.)	Акциз на 1 душу населения (в коп.)
Текстиль	10.166,6	8,8	8.648,7	86,2	27.259,7	210	46.075	32,9
Сахар	38.193,6	32,7	22.968	229	53.695,4	414	114.857	82
Соль	14.132,8	12,1	940	9,4	626,2	4,8	15 699	11,2
Спички	9.811,2	8,4	1.005	10	4.478,8	34,5	15.295	10,9
Нефтепродукты .	11.650	10	3.956,8	39,5	8.724,2	67,2	24.331	17,8
Табачн. изделия и гильзы	21.572,4	18,4	6.159,2	61,6	55.208,4	426	82.940	59.2
Чай и кофе	4.274,8	3,6	5.065,1	50,5	12.281,1	94,6	21.621	15,4
Галоши	850,3	0,7	766,7	7,6	1.387	10,7	3.004	2,1
Свечи	1.168	1	15	1,5	318	2,5	1.501	1
Дрожжи	2.336	2	1.121,4	11,2	5.296,6	40,8	8.754	6,3
Пиво	1.598,4	1,4	127,9	12,8	30.207,7	233	31.934	22,8
	115.754,1	99,1	50.773,8	519,3	199.483,1	1.538,1	366.011	262
Питья без пива и дрожжей	14.894,9	12,7	8.329,9	83	114.087,2	879	137.312	98
Итого . . .	130.649	111,8	59.103,7	602,3	313.570,3	2.417,1	503.323	360

Приложение I к таблице № 1

Душевые нормы приобретения подакцизных предметов деревенским населением в 1924/25 году по данным Бюджетн. п/отдела ЦСУ и тяжесть обложения населения по подакцизным предметам

ПРЕДМЕТЫ	Колич. населения	Душевая норма	Общее потребление	Акцизн. ставка	Уплачено всего акциза (в тыс. руб.)	Акциза на 1 душу насел. (в коп.)
Сахар	116,8 м. чел.	3,27 ф.	9.548.400	10 к. с. ф.	38.193,6	32,7
Чай	„	0,05 „	5.840.000 ф.	70 к. с ф.	4.088	3,5
Кофе	„	0,002 „	233.600 ф.	80 к. с ф.	186,8	0,1
Соль	„	22 „	64.240.000 п.	22 к. с п.	14.132,8	12,1
Водочн. изд. . .	„	0,01 б.	1.168.000 б.	23 р. с в.	1.344,2	1,1
Вино	„	0,19 б.	22.192.000 б.	16 к. с б.	3.550,7	3,04
Пиво	„	0,161 б.	940.240 в.	1 р. 70 к. с ведра.	1.598,4	1,4
Папиросы . . .	„	9,64 кур. ед.				
Табак	„	0,048 ф.		1 р. 40 к. с тыс. пап.	9.425,2	8,0
		57,64 п.				
Махорка	„	0,8 ф.	93.440 т. ф.	13 к. с ф.	12.147,2	10,4
Спички	„	14 кор.	1.635.200 ящ.	0,6 к. с кор.	9.811,2	8,4
Керосин	„	6,65 ф.	19.418.000 п.	60 к. с п.	11.650	10
Дрожжи	„	„	„	26 к. с ф.	2.336	2
Свечи	„	„	„	„	1.168	1
Галоши	„	0,028 п.	3.270.400 п.	26 к. с пар.	850,3	0,7
Хл.-бум. ткани .	„	4,44 арш.	518.592.000 арш.	1,2 к. с арш.	6.223,1	5,3
Шерст. ткани .	„	0,16 арш.	13.306.000 м.	25,5 к. с м.	3.393	3
Проч. ткани . .	„	0,026 „	2.159.164 м.	„	550,5	0,5
Итого	—	—	—	—	120.649	103,2

Примечания. Норма потребления кофе и водочн. изделий нами взяты у тов. Строгого („В. Ф.", № 10, 1925 г.).

За отсутствием данных о нормах потребл. дрожжей и свечей тяжесть обложения по ним исчислена нами.

Тяжесть обложения по водочн. издел. и вину исчислена без надбавок (об этом см. в тексте).

Приложение II к таблице № 1

Душевые нормы потребления подакцизных предметов рабочим населением в 1924/25 г. по данным Отдела Статистики Труда ЦСУ и тяжесть обложения этого населения по подакциз. предметам

ПРЕДМЕТЫ	Колич. рабоч с их семьями	Душев. норма	Общее потребление	Акцизная ставка	Уплач. всего акциза	Акциз на 1 душ. населен.
Сахар	10.030	22,9 ф.	5.742.175	4 р. с пуд.	22.968	229 к.
Чай	„	0,55 ф.	5.516.500 ф.	70 к. с фун.	3.861,5	38,5 „
Кофе	„	0,15 ф.	150.450 ф.	80 к. с фун.	1.203,6	12 „
Соль	„	17,04 ф.	4.272.780 п.	22 к. с пуд.	940	9,4 „
Водочн. изд.	„	0,44 б.	4.413.200 б.	70 к. с б.	3.089,2	30,8 „
Вино	„	1,5 б.	15.045.000 б.	16 к. с б.	240,7	24 „
Пиво	„	1,5 б.	15.045.000 б.	8,5 к. с б.	127,9	12,8 „
Папиросы	„	202 шт.	2.082.228 т.п.	2 р. 05 к. с тыс. пап.	4.268,6	42,6 „
Табак	„	0,056 ф.				
Махорка	„	208 п. 1,45 ф.	14.543.500 ф.	13 к. с фун.	1.890,6	19 „
Спички	„	16,7 к.	167.501 ящ.	6 р. с ящ.	1.005	10 „
Керосин	„	26,3 ф.	6.594.750 п.	60 к. с пуд	3.956,8	39,5 „
Дрожжи	„	0,-3 ф.	4.313.005 т.ф.	26 к. с фун.	1.121,4	11,2 „
Свечи	„	—	—	—	15	1,5 „
Галоши	„	0,294 п.	2.948,8	26 к. с пар.	766,7	7,6 „
Хл.-бум. тк.	„	12 м.	120.360.000	1,9 к. с м.	2.286,8	22,8 „
Льняные тк.	„	0,667 м.	6.690 т. м.	1,7 к. с м.	113,7	1,1 „
Шерст. тк.	„	1,123 м.	11.263.690 м.	25,5 к. с м.	2.872,2	28,6 „
Проч. тк.	„	1,352 м.	13.239.600 м.	„ „ „ „	3.376	33,7 „
Итого	—	—	—	—	54.103,7	574,1 к.

Примечания. Нормы потребл. по водочн. издел. вину, пиву, керосину и проч. тканей взяты у тов. Микеладзе („В. Ф.“, № 10, 1925 г.).

В душевую тяжесть облож. по махорке входит и курительная бумага.

Данных о душев. норме потреб. свечей и тяжесть обложения по ним исчислена условно.

Тяжесть обложения по водочным изделиям и вину исчислена без надбавки (об этом см. в тексте).

Приложение III к таблице № 1

Душевая тяжесть обложения по акцизам прочего городского населения в 1924/25 году

ПРЕДМЕТЫ	Количест. населения	Поступило акциза	Уплачено акциза дер. и рабочим населением	Уплачено прочим городским населен.	Акциза на 1 душу населения
Сахар	12.970	114.857	61.161,6	53.695,4	414 к.
Чай и кофе	„	21.621	9.339,9	12.281,1	94,6 „
Соль	„	15.699	15.072,8	626,2	4,8 „
Водочные изделия и вина	„	137.312	23.224,8	114.087,2	879 „
Пиво	„	31.934	1726,3	30.207,7	233 „
Табачные изделия и гильзы	„	82.940	27.731,6	55.208,4	426 „
Спички	„	15.295	10.816,2	4.478,8	34,5 „
Керосин	„	24.331	15.606,8	8.724,2	67,2 „
Дрожжи	„	8.754	3.457,4	5.296,6	40,8 „
Свечи	„	1.501	1.183	318	2,5 „
Галоши	„	3.004	1.617	1.387	10,7 „
Текстиль	„	46.075	18.815,3	27.259,7	210 „
	—	503 323	189.752,7	313.570,3	2.17,1 к.

Примечание. Акциз на 1 душу прочего городского населения исчислен из цифры, полученной в результате вычета из поступлений акцизов за год доли последних, уплаченной деревенским и рабочим населением.

Теперь рассмотрим тяжесть обложения на 1 душу деревенского населения, городского рабочего и прочего по другим видам налогов.

Единый сельскохозяйственный налог. По положению об едином сел.-хоз. налоге обложению этим налогом подлежат все занимающееся сельским хозяйством население, а также коллективные и советские хозяйства, получающие доход от полеводства, луговодства, крупного рогатого и рабочего скота, а также и от других видов сельского хозяйства. Не анализируя вопроса переложения этого налога, мы целиком переносим его на деревенское население. Поступление по этому налогу в 1924/25 году составило 251 милл. руб., и душевая тяжесть обложения деревенского населения выразилась в размере 2 р. 15 коп.

Промысловый налог. Промысловый налог составляется из двух видов налога — уравнительного и патентного сбора. Первый из них уплачивается лицами и предприятиями в форме известного процента с оборота предприятия высших разрядов, а второй — всеми лицами и предприятиями при выборке ими патентов на право торговли, промыслов и проч. Лица, предприятия и заведения, платящие промысловый налог, оканчивающие свой хозяйственный год без убытка, не являются носителями налога. В цене товаров и вообще промышленных изделий они перелагают этот налог, и носителем налога является потребитель этих товаров.

Поэтому данные распределения промышленной продукции между городом и деревней, т.-е. процент потребления этой продукции той или другой категорией населения, нам и должен уже дать процент уплаченного промыслового налога этой категорией населения от общей суммы поступившего за год этого налога.

По балансу ЦСУ деревенское население в 1923/24 году потребило товаров 28,6% от всей промышленной продукции.

По грубым подсчетам Торговой и Экон.-Статист. секций Госплана этот же процент потребления товаров деревенским населением остался и в 1924/25 г. Не имея точных данных по этому вопросу, мы полагаем, что сюда необходимо внести некоторые поправки, имея в виду условия, указанные ниже. В 1924/25 г. значительно возросла товарность крестьянского хозяйства при поднятии цен на сел.-хоз. продукты по сравнению с 1923/24 г. и снижении единого сел.-хоз. налога. Кроме этих условий, столь благоприятных для деревенского населения, в 1924/25 г. неустанно продолжалась политика снижения цен на предметы личного и хозяйственного потребления, приобретенные деревенским населением. Учитывая все эти условия, а также ряд других, являющихся отличительными от городских и не способствующих значительному увеличению приобретения деревенским населением промышленной продукции, приобретение ее деревенским населением мы берем в размере 35% от всей промышленности. Беря этот процент промыслового налога, уплаченного деревенским населением, получаем, что таковой уплачен этой категорией населения в размере 54.635 т. руб. и душевая тяжесть обложения населения деревни выразилась в размере 46,8 коп.

По данным Торговой секции Госплана, рабочее население города в 1924/25 г. реализовало 30% всей промышленной продукции, приобретенной городским населением. Поэтому, беря этот процент от промыслового налога, уплаченного всем городским населением, мы полу-

чаем, что рабочее население уплатило 30.439,5 т. руб. и тяжесть обложения на душу последнего по этому налогу выразилась в размере 3,03 руб.

Остальную часть промыслового налога, в размере 71.025,5 т. руб., мы относим на прочее городское население. Душевая тяжесть обложения этой категории населения выразилась в размере 5 р. 47 коп.

Подоходный налог. Крестьянское население Союза подоходного налога не уплачивает и поэтому его целиком переносим на городское население. Население Союза, получающее доход от личного труда по найму, согласно положения о подоходном налоге, и получающее в месяц не более 100 рублей, уплачивает в год 7 руб. 20 коп.; получающее в месяц свыше 100 рублей, но не более 150 р.—14 р. 40 к. за год.

По исчислению тов. Микеладзе (В. Ф., № 10, 1925 г.) общее количество рабочих, получающих зарплату от 75 до 100 в месяц и платящих указанную ставку налога, составило 2,5% от всего количества рабочих. Состав последних, как было указано вначале, в 1924/25 году определялся в 3.235 тыс. человек. Беря от этого количества рабочих 2,5%, получаем, что рабочих, плативших ставку основного подоходного налога в 1924/25 г. в размере 7 р. 20 коп., было 80.875 человек и уплачено ими подоходного налога 582.300 руб.

Рабочих, получающих зарплату свыше 100 руб., но не более 150 р.[1] в месяц и платящих налог в размере 14 р. 40 коп., было 1% всего количества рабочих, т.-е. 32.350 человек и уплачено было ими налога—465.840 руб. Таким образом, всего подоходного налога рабочим населением уплачено 1.048.140 руб., а душевая тяжесть обложения этой категории населения составила 10,4 коп.

Подоходного налога в 1924/25 г. поступило 94,8 милл. рублей. Таким образом, на долю прочего городского населения падает 93,8 милл. руб. и душевая тяжесть населения выразилась в размере 7 р. 23 коп.

Единовременный налог взыскивался на нужды населения, пострадавшего от неурожая. По положению о единовременном налоге, лица, занимающиеся сельскохозяйственным промыслом, не платящие подоходного налога, были освобождены от налога. Поэтому единовременный налог мы целиком относим на городское население. Рабочее население, получающее в месяц от 75 руб. до 100 руб., уплачивало налога 4 руб. в год и получающее свыше 100 руб.—6 рублей за год. Исходя из численности рабочих, получающих зарплату от 75 руб. до 150 руб. в месяц, рабочее население уплатило единовременного налога 517,6 т. рублей. Остальная часть единовременного налога в размере 13.982,4 т. руб. падает на прочее население.

Рентный налог взимается с земель, находящихся в черте городских поселений и на территории, предоставленной транспорту. Являясь по своей юридической форме реальным налогом, по своему существу рентный налог является личным налогом и уплачивается из дохода лица в квартирной плате и всем населением Союза, как перелагаемый, в цене изделий промышленности. По данным ВСНХ госпромышленность уплатила рентного налога 400 т. руб.

[1] Число рабочих, получающих свыше 150 руб. в месяц в отношении общего количества рабочих, столь незначительно (меньше 1%), что мы сочли возможным не принимать их в расчет.

В виду незначительного процента приобретенной крестьянским населением промышленной продукции и незначительной суммы поступления рентного налога, мы рентный налог целиком относим на городское население.

Рабочее население уплачивает квартирную плату обычно ниже существующей нормы цен для самоокупаемости дома и вообще является плательщиком нерентабельным. Поэтому переложения на них в этой форме рентного налога нет. Приобретение им изделий промышленности также составляет незначительное количество. Практика амортизации и вообще сохранения домов показала, что уплата рентного налога происходила отчасти и за счет растраты основного капитала домоуправлений. Существующие ставки квартирной платы для нетрудовых элементов давали возможность только лишь компенсировать небольшие ставки квартирной платы, уплачиваемой рабочим населением. Но имея в виду, что учесть полностью сумму рентного налога, как непереложимого и уплаченного домоуправлениями из основного капитала домоуправлений, почти не представляется возможным, и то обстоятельство, что рентного налога в общегосударственный бюджет поступила незначительная сумма, мы рентный налог целиком относим на прочее городское население Союза.

Рентного налога в 1924/25 год поступило 2.500 т. руб. и душевая тяжесть населения выразилась в размере 19 коп.

Таможенный доход. Таможенного дохода в 1924/25 г. поступило 101.700 т. руб. Бóльшая часть таможенного дохода поступает от предметов импорта, потребляемых и приобретаемых не только населением, но и промышленностью. Имея в виду переложимость этого налога, мы его целиком относим на городское и деревенское население. Данных об уплате той или иной категорией населения таможенного дохода мы не имеем и поэтому при анализе тяжести обложения этого налога мы поступили аналогичным способом, что и при исчислении промыслового налога с незначительным изменением для рабочего населения. На долю деревенского населения мы относим 30% всего таможенного дохода. И если деревенское население при низких нормах потребления изделий промышленности и не потребило такого процента импортированных товаров, то это население приобретало по преимуществу изделия, облагаемые высокими пошлинами (тракторы) и уплатило по ним около 15 милл. руб., в общей же сумме оно уплатило исчисленный нами % таможенного дохода, что составило в абсолютной сумме 35.595 т. руб.

Помимо обложения таможенным доходом предметов личного потребления, как, например, мануфактуры, кож и пр., таможенным доходом по преимуществу облагаются предметы роскоши, не входящие в круг потребления рабочих. Поэтому процент потребления импортированных товаров, а также и уплаты таможенного дохода по ним, мы вместо 30%, взятых нами при исчислении тяжести обложения рабочего населения по промысловому налогу, берем в размере 25%, и в абсолютной сумме таможенного дохода уплачено рабочим населением 11.568,4 т. рублей.

Остальную часть налога в размере 54.536,6 т. рублей мы относим на прочее городское население.

Гербовый сбор. Поступления по гербовому сбору в 1924/25 г. составили 98.100 т. руб. Гербовый сбор уплачивается населением или

непосредственно при подаче им заявлений, или в процессе переложения в цене изделий промышленности. Данных об уплате гербового сбора деревенским населением мы не имеем и поэтому заимствуем их у тов. Строгого („В. Ф.“, № 10, 1925 г.).

В основу исчисления тяжести обложения по гербовому сбору тов. Строгий берет довоенную норму гербового сбора 0,07 коп. на 1 душу деревенского населения, исчисленную тов. Вайнштейном, а в отношении перелагающегося гербового сбора — 0,5% цены покупаемого товара. Таким образом, деревенское население уплатило непосредственно гербового сбора 8.176 т. рублей и в процессе переложения 0,5% от 2.100 милл. рублей, т.-е. 10.500 т. рублей, а всего 18.676 т. руб.

Душевая тяжесть обложения по гербовому сбору рабочего населения исчислена тов. Микеладзе („В. Ф.“, № 10, 1925 г.) в размере 1,48% к расходному бюджету рабочего. Средний доход на 1 душу рабочего населения выразился в размере 156,5 рубля. Беря от него 1,48%, мы получаем душевую тяжесть рабочего населения по гербовому сбору в размере 2 р. 31 коп., и уплачено всего налога — 23.169,3 т. р.

Остальная сумма гербового сбора в размере 56.255 т. руб. падает на прочее городское население.

В заключение, остановимся на выяснении душевого дохода деревенского, рабочего и прочего городского населения. Анализ этого вопроса нам дает возможность выяснить и тот процент, который занимает обложение к этому доходу, без исчисления которого картина тяжести обложения не дает того представления и вообще выявления той политики, которая проводится в СССР в налоговом обложении различных классов населения Союза.

Народный доход от сельского хозяйства в 1924/25 году выразился в размере 8.750 милл. черв. руб., и на душу сельского населения в 1924/25 г. этот доход составил 74,91 черв. руб.[1]

В абсолютной сумме деревенским населением уплачено налогов, как показал анализ тяжести обложения этой категории населения,— 4 р. 19,6 коп., что составляет 5,6% ко всему душевому доходу деревенского населения.

Исчисление зарплаты и других источников дохода пролетариата СССР в 1924/25 году мы имеем у тов. Гухмана (Сумма доходов СССР 1922—24 гг., „Пл. Хоз.“, № 12, 1925 г.). Численность пролетариата СССР тов. Гухманом для 1924/25 г. исчислена в размере 8.513 т. человек. Имея выплаченную сумму зарплаты в размере 2.590 т. черв. руб. в 1923/24 г., для 1924/25 г. таковую тов. Гухман исчисляет в размере 3.860 т. руб., при средней заработной плате на 1 рабочего в 453 рубля. Имея столь значительное увеличение зарплаты, тов. Гухман говорит, что не доверять этим данным нет никаких оснований, так как учеты численности и заработной платы лиц наемного труда, производимые Центр. Бюро Стат. Труда, являются в общей массе наших статистических материалов одним из наиболее достоверных.

Но эти данные еще не определяют полностью всей суммы доходов пролетариата. Кроме зарплаты у него имеются еще и другие источники доходов. Таковы—доход от своего хозяйства, от приработков в ремесле,

[1] Контр. цифры Госплана на 1926/27 г. Изд. „Плановое Хозяйство“. М. 1926 г.

в торговле и т. п. По бюджетным данным зарплата в доходе рабочей семьи составляет 85% всей его величины. Из остальных 15%, 7% в среднем падает на такие источники доходов в бюджете рабочего, которые являются непереходящими и потому они должны зачисляться в доход рабочей семьи.

Увеличивая причитающуюся к выплате в 1924/25 г. всему пролетариату сумму зарплаты в 3.860 милл. руб. на 7%, тем самым получаем 4.130 т. милл. червонных рублей, как доход пролетариата СССР от зарплаты и иных источников дохода. В среднем, на 1 лицо наемного труда получается зарплаты 485,1 рубля, что составит на 1 душу рабочей семьи, принимая ее в среднем—3,1, 156,5 рубля.

Всего налогов в 1924/25 г. рабочим населением уплачено 12 р. 66,8 к., что составило 8,0% к их душевому доходу.

Средний годовой доход прочего городского населения тов. Микеладзе исчислен в размере 326,46 рубля на 1 душу населения. Всего налогов в 1924/25 году этой категорией населения уплачено 46 р. 71,1 к.

Местные налоги. Помимо уплаты государственных налогов, анализ тяжести по каковым мы уже произвели, население СССР уплачивает еще и местные налоги, надбавки к госналогам и налоги в порядке инициативы мест. Без рассмотрения этих налогов картина тяжести обложения населения не была бы полностью закончена.

По данным Наркомфина единого с.-хоз. налога в 1924/25 году поступило 343 милл. рублей. Из них 251 милл. руб. мы уже исчислили, отнеся их полностью на деревенское население. Остальная часть этого налога, в размере 92 милл. руб., как надбавка к сел.-хоз. налогу почти целиком поступила в сельский бюджет, и поэтому мы ее полностью отнесли на деревенское население, что составит душевую тяжесть обложения населения этой категории в 78,8 копейки.

Надбавки к промналогу, согласно положения о нем, составляют сто процентов. В госбюджет промналога в 1924/25 году поступило 156 милл. рублей и такая же сумма надбавок к нему в местный бюджет. Имея в виду полную переложимость промналога, мы его целиком относим как на деревенское, так и на городское население Союза. При распределении тяжести обложения этого налога мы оставляем тот же принцип, который мы взяли при анализе тяжести обложения по промналогу, поступившему в госбюджет, а потому надбавки к промналогу между деревенским и городским населением оставляем без изменений.

По тем же данным, надбавок к подоходному налогу в 1924/25 г. поступило 18.000 тысяч рублей. Подоходного налога поступало 1924/25 г. 94,8 милл. рублей, каковой мы целиком отнесли на городское население. Как показал анализ тяжести обложения населения по этому налогу, рабочее население уплатило этого налога 1,1 процента и остальное— прочее городское население.

Распределяя в таком порядке тяжесть обложения городского населения и по надбавкам к подоходному налогу, мы на рабочее население относим 198 тысяч руб. и 17.802 т. руб. на прочее городское население.

Квартирный налог в 1924/25 году составил 8.000 т. рублей. По смыслу закона о квартирном налоге таковой целиком падает на плечи прочего городского населения, составив душевую тяжесть обложения населения этой категории 61,7 копейки.

Таблица № 2

Тяжесть обложения на душу населения СССР в 1924/25 году

НАЛОГИ	Деревенск. население			Рабочее население			Проч. город. население			Все население	
	Уплачено налога всем населением	Налога на 1 душу населения (в коп.)	% к доходу	Уплачено налога всем населением	Налога на 1 душу населения (в коп.)	% к доходу	Уплачено налога всем населением	Налога на 1 душу населения (в коп.)	% к доходу	Уплачено налога всем населением	Налога на 1 душу населения (в коп.)
Единый сел.-хоз. налог . . .	251.000	215	2,9	—	—	—	—	—	—	—	—
Промысловый налог	54.635	46,8	0,6	30.439,5	303	1,9	71.025,5	547	1,6	156,100	111,5
Подоходный налог	—	—	—	1.048,1	10,4	0,06	93.751,9	723	2,2	—	—
Единовременный налог . . .	—	—	—	517,6	5,2	0,03	13.982,4	107	0,3	—	—
Рентный налог	—	—	—	—	—	—	2.500	19	0,05	—	—
Акцизы	130.649	111,8	1,5	59.103,7	602,3	3,8	313,570,3	2.417,1	7,4	503,323	360
Таможенный доход	35.595	30,4	0,4	11.568,4	115	0,7	54.536,6	420	1,2	101,700	87
Гербовый сбор	18.676	15,6	0,2	23.169,3	231,9	1,5	56.255	434	1,3	98,100	84
Итого	490.555	419,6	5,6	125.846,6	1.266,8	8,0	605.621,7	4.667,1	14,3	—	—
Местные налоги											
Надбавки к госналогам:	92.000	78,8	1,1	—	—	—	—	—	—	—	—
а) к единому с. х. налог.	54.635	46,8	0,6	30.439,5	303	1,9	71.025,5	547	1,6	156,100	111,5
б) „ промысловому „	—	—	—	198	0,2	—	17.802	137	0,4	—	—
в) „ подоходному „											
Квартирный налог	—	—	—	—	—	—	8.000	61,7	0,2	—	—
Рентный налог (дополн. рента)	—	—	—	—	—	—	5.000	38,5	0,1	—	—
Местные налоги в порядке инициативы мест	18.000	15,4	0,2	18.000	179,5	1,1	36.000	276	0,8	72,000	51,5
Итого местных.	164.635	140,9	1,9	48.637,5	484,9	3,0	137.827,5	1.062,6	3,2	351.100	258,3
Всего	655.190	560,9	7,5	174.484,1	1.739,7	11,1	743.449,2	5.727,3	17,5	1.573.123,3	1.125

Рентный налог. Тяжесть обложения населения по основной ренте нами уже произведена. Здесь же мы говорим о тяжести обложения по дополнительной ренте, поступающей в местный бюджет. Имея в виду высказанные нами выше условия, мы рентный налог (дополнительную ренту) относим на прочее городское население, что составит налог на душу населения этой группы 38,5 коп.

Местные налоги в порядке инициативы мест. В состав местных налогов в порядке инициативы мест входят следующие налоги: 1) со строений, 2) с имуществ, получающих особые выгоды от новых мероприятий, 3) с древесины, 4) с промышленных садов и огородов, 5) с транспортных средств, 6) разовый сбор, 7) со скота в городских поселениях, 8) с грузов, привозимых и вывозимых по жел. дорогам и водным путям, 9) за ветеринарно-санитарный осмотр скота, 10) со счетов, подаваемых в гостиницах, 11) с приезжающих в лечебные местности, 12) с публичных зрелищ и увеселений, 13) с плакатов, реклам и об'явлений, 14) с биржевых сделок, 15) с аукционных продаж в городских поселениях, 16) прописочный сбор в городских поселениях, 17) за перемену имен и фамилий, 18) с золотопромышленных предприятий и 19) прочие сборы.

По данным Наркомфина, в 1924/25 г. поступило в местный бюджет означенных налогов 72 милл. руб. По характеру самих налогов мы полагаем, что крестьянское и рабочее население уплатило этих налогов не более 50% от общей суммы их поступления, по 25% каждая категория этого населения, т.-е. 36 милл. руб., что составит налога на 1 душу деревенского населения 15,4 коп. и 1 руб. 79,5 коп. на душу рабочего населения. Остальная часть этих налогов, в размере 36 милл. рублей, падает на прочее городское население.

Таким образом, подводя итог анализу тяжести обложения населения СССР, мы видим, что деревенское население в 1924/25 году уплатило косвенных и прочих видов налогов как государственных, так и местных 655.190 т. рублей и душевая тяжесть населения выразилась в размере 5 р. 60 к., составив 7,5 процента к душевому доходу этой категории населения.

Рабочее население также уплатило в 1924/25 г. косвенных и других налогов как государственных, так и местных 174.484,8 т. руб., что составляет на душу населения этой категории 17 руб. 39,7 коп. и 11,1% к их душевому доходу.

И, наконец, прочее городское население уплатило налогов как государственных, так и местных 743.449,2 т. рублей. Душевая тяжесть обложения этой категории населения выразилась в размере 57 руб. 27,3 коп., составив 17,5% к их душевому доходу.

Д. И. Опарин

Экономический анализ Гарвардского барометра[1]

Русским экономистам, занимающимся вопросами кон'юнктуры, в настоящее время довольно хорошо известен так называемый Гарвардский барометр. Принцип, лежащий в основе этого барометра, заключается в последовательности чередования колебаний (под'емов и падений) трех линий, характеризующих фондовый рынок, товарный рынок и денежный рынок.[2] Диаграмма № 1 дает представление о движении вышеуказанных кривых в довоенное время с 1903 по 1914 гг.

Гарвардский барометр для довоенного времени

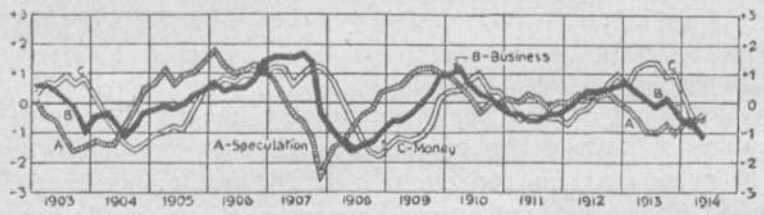

Диаграмма № 1

Рассмотрим движение обозначенных линий после кризиса 1907 г. Первой достигла минимума в конце 1907 года линия фондового рынка, после чего начинает обнаруживаться повышательное движение этой кривой. Линия товарного рынка достигает минимума в середине 1908 г., после чего также начинается повышательное движение. Наконец, линия денежного рынка изменяет свое понижательное движение на повышательное только в конце 1908 года. Таким образом, последовательность движения указанных трех линий в разбираемые годы совершенно очевидна. Та же последовательность чередования наблюдается и в период перемены движения от повышательной тенденции к понижательной. Так, первой начинает понижаться линия фондового рынка в конце 1909 г.; линия товарного рынка переходит в понижательное движение в начале 1910 г. и, наконец, линия денежного рынка дает снижение в середине того же года. Опять указанная последовательность обнаруживается с полной очевидностью.

Ту же картину чередования повышений и понижений линий, характеризующих три указанные рынка, дает и послевоенное время, что явствует из диаграммы № 2.

На приведенной диаграмме видно, что достижение наивысшей точки и затем кризисное понижение фондового рынка наступило уже в конце

[1] Доклад, заслушанный в заседании Кружка кон'юнктуристов-схематиков при Институте Экономики РАНИОН'а от 4 октября с. г.

[2] Обычно русские экономисты обозначают три указанные линии следующим образом: 1) линию фондового рынка—„спекуляцией" (Speculation), 2) линию товарного рынка—„торговлей и промышленностью" (Business) и 3) линию денежного рынка—„деньгами" или „банковской деятельностью" (Money). (См. диаграммы Экон. Бюллетеня Кон'юнктурного Института, № 7, 1926 г. и др. сочинения, указанные ниже.) Хотя наш перевод менее дословен, но, как нам кажется, более правильно передает экономическую сущность линий Гарвардского барометра.

1919 г., товарного рынка—в середине 1920 г. и денежного рынка—в конце 1920 г. Подобное чередование наблюдается и при под'еме конца 1921—начала 1922 гг. В дальнейшем картина становится менее отчетливой, хотя чередование все же имеет место.

Какие же показатели входят в состав линий, характеризующих фондовый, товарный и денежный рынки? Следует, прежде всего, указать, что состав показателей Гарвардского барометра в довоенное и послевоенное время несколько различается между собой.[1] В довоенное время в состав линии, характеризующей фондовый рынок, входили следующие показатели: 1) курсы промышленных акций, 2) курсы железнодорожных акций, 3) обороты расчетных палат в Нью-Йорке и 4) обращенная доходность 10 ж.-д. облигаций. В послевоенное время состав показателей

Гарвардский барометр для послевоенного времени

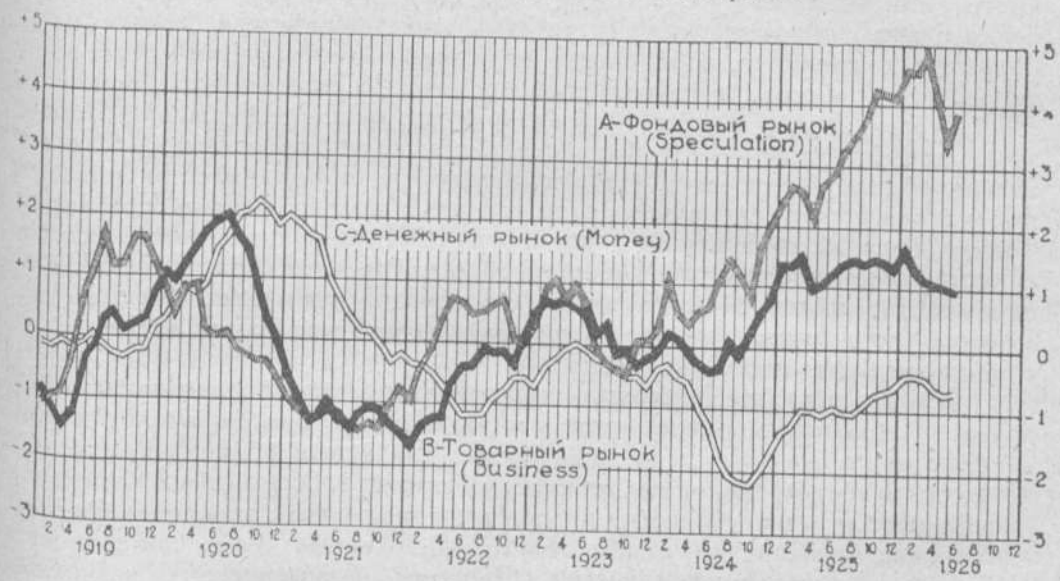

Диаграмма № 2

означенной линии сильно сократился. В нем остались только курсы промышленных акций и суммы пред'явленных к оплате за месяц чеков (debits)[2] нью-йоркских банков.

В состав линии, характеризующей товарный рынок, в довоенное время входили: 1) обороты расчетных палат провинциальных (не нью-йоркских) банков, 2) индекс цен Брэдстрита, 3) индекс цен Бюро Труда и 4) производство чугуна. В послевоенное время состав показателей

[1] См. Crum. „The Interpretation of the Index of General Business Conditions". (The Review of Economic Statistics, Supplement 2, September, 1925).

[2] Таким образом, „debits" представляют из себя более полные сведения, чем обороты расчетных палат, ибо в эти сведения включены не только чеки, прошедшие через расчетные палаты, но и чековые требования по индивидуальным счетам, непосредственно погашенные в том или ином банке.

Некоторые русские экономисты переводят слово „debits" термином „счета дебиторов", что, конечно, совершенно неправильно (см. нижеуказанную статью А. Л. Вайнштейна).

Позволяем себе кстати заметить, что в С.-А. С. Ш. нет центрального банка, а потому выражение „обороты расчетного отдела центрального банка растут" звучит несколько странно (см. нижеименованную статью С. П. Боброва, стр. 140).

Краткое изложение федеральной резервной системы можно найти в интересной статье А. И. Зака: „Регулирование кредитного рынка в Соединенных Штатах Америки" („Эконом. Обозр.", март 1926 г.).

этой линии значительно сократился, ныне включая в себя всего индекс товарных цен и суммы пред'явленных к оплате за месяц чеков (debits) банков 140 городов (без Нью-Йорка).

Наконец, линия, характеризующая денежный рынок, в довоенное время составлялась из: 1) размера учетного процента векселей сроком на 60—90 дней, 2) размера учетного процента векселей на 4—6 месяцев, 3) обращенных данных о ссудных операциях нью-йоркских банков и 4) обращенных данных о размерах депозитов также в нью-йоркских банках. В послевоенное время данная линия включает в себя только размеры учетного процента по первоклассным и хорошим векселям сроком на 4—6 месяцев.

Подбор соответствующих показателей в свое время был произведен на основе сходства движения данных показателей, установленного чисто эмпирическим путем. Интересно, однако, с точки зрения экономического анализа понять, почему те или иные показатели давали однообразные движения и, следовательно, являлись подходящими для характеристики движения того или иного рынка. Рассмотрим этот вопрос.

Курсы акций, конечно, характеризуют фондовый рынок. Против этого показателя не может быть сделано никаких возражений. Относительно облигаций известно, что их доходность понижается при повышении их курса; курс же повышается вместе с повышением курсов акций. Таким образом, обращенная доходность облигаций повышается вместе с повышением курсов акций. Наконец, обороты расчетных палат Нью-Йорка отражают, главным образом, сделки по торговле фондами. Отсюда, увеличение означенных оборотов характеризует усиление деятельности с ценными бумагами.

Все эти показатели, достаточно правильно характеризовавшие фондовый рынок в довоенное время, оказались не совсем аналогичными в своем движении в послевоенное время. Так, курсы облигаций, конечно, не должны всегда следовать за курсами акций.[1] Хотя в их движении и наблюдается известная аналогичность, однако (как это подтверждают и немецкие источники),[2] курсы облигаций во время депрессии начинают повышаться ранее курсов акций. Обороты нью-йоркских расчетных палат были заменены суммами пред'явленных к оплате за месяц чеков, как наиболее полно охватывающими чековый оборот. Т. о., в послевоенное время для характеристики фондового рынка были оставлены только курсы промышленных акций и чековый оборот нью-йоркских банков.

Характеристика товарного рынка в довоенное время составлялась из движения цен, из оборотов провинциальных (не нью-йоркских) расчетных палат, ибо эти обороты отражали в себе торгово-промышленные обороты страны, и из выплавки чугуна, как важнейшего производственного показателя, следовавшего в своем движении за движением общего уровня цен. Послевоенное время показало различие движений некоторых указанных показателей, вследствие чего в составе линии, характеризующей товарный рынок, остались только индексы товарных цен и чековый оборот провинциальных банков, характеризующий расширение торгово-промышленной деятельности.

Наконец, состав линии денежного рынка включает в себя в настоящее время только размеры учетного процента, ибо обращенные количества ссуд и депозитов нью-йоркских банков дают, повидимому, известные отличия в своем движении по сравнению с движением учетных ставок.

[1] В ряде работ имеются утверждения, что движение курсов акций противоположно движению курсов облигаций. См., например, следующие работы: Туган-Барановский, Периодические промышленные кризисы, Момберт. Введение в изучение кон'юнктуры и кризисов (стр. 115).

[2] См. Vierteljarshefte zur Konjunkturforschung, 1926, Heft 1, S. 16 (Institut für Konjunkturforschung).

В своем новом сокращенном виде состав линий, характеризующих фондовый, товарный и денежный рынки, едва ли вызывает против себя возражения, ибо движение курсов промышленных акций является наиважнейшим показателем фондового рынка, движение цен—товарного рынка и изменение учетной ставки—денежного рынка. Правда, в состав линий фондового и товарного рынков входят еще чековые обороты нью-йоркских и провинциальных банков. Поскольку изменение суммы пред'явленных к оплате чеков нью-йоркских банков характеризует собой расширение деятельности с фондами, а увеличение чекового оборота провинциальных банков—расширение торгово-промышленной деятельности, против подобного включения с точки зрения принципов построения Гарвардского барометра возражать не приходится, однако, следует указать, что подобное разграничение чекового оборота на спекулятивный и торгово-промышленный присуще в значительной степени лишь американской системе денежного обращения.

Мы не будем останавливаться на тех статистико-математических приемах, каковыми обработаны анализируемые статистические ряды, отослав интересующихся читателей к появившимся на русском языке статьям по этому вопросу.[1] Укажем только, что каждый статистический ряд был разложен (в разные периоды различными методами) на составляющие его компоненты, а именно: на вековое движение, на циклические колебания и на сезонные вариации. Так как исследователя интересовали только циклические колебания, то он на основе статистико-математических приемов исключил из исследуемых рядов вековые тенденции[2] и сезонные вариации. Следовательно, те диаграммы, которые нами были только что проанализированы, представляют из себя выделенные циклические колебания.[3] Подобное выделение было необходимо для установления чередования анализируемых циклических колебаний, ибо законы связи вековых тенденций и сезонных вариаций совсем иные; поэтому наличие этих движений в анализируемых рядах могло бы затемнить проявление циклических колебаний.[4]

[1] 1) М. Ленуар. Экономические показатели Комитета экономических исследований Гарвардского университета (Сборн. „Методы изучения динамики хозяйства и цен", издание ЦСУ, 1925 г., а также „Вестник Статистики", книга XV). Перевод под ред. А. Л. Вайнштейна и Н. В. Якушкина. 2) Проф. С. А. Первушин. Хозяйственная кон'юнктура. (Изд. „Эк. Жизни", Москва, 1925 г., стр. 114—120). 3) М. В. Игнатьев. Кон'юнктура и цены (Изд. НКФ, 1925 г., стр. 89—90). 4) А. Л. Вайнштейн. Показатели кон'юнктуры Гарвардского университета" (Экон. Бюлл. Кон'юнкт. Инст., № 1, 1925 г.). 5) Гарвардский показатель экон. кон'юнктуры, пер. с англ. И. Ламброва (Эк. Бюлл. Кон'юнкт. Инст. № 1, 1925 г.). 6) С. П. Бобров. Проблема экономического барометра („Плановое Хозяйство", № 1, январь 1926 г.).

[2] Для ученых Гарвардского университета „Secular trend" в известном смысле действительно является вековым движением, ибо в их барометре плавный уровень стремится „схватить" общую тенденцию движения, как бы проходящую через циклические колебания. Когда же русские ученые всякий плавный уровень, не имеющий ничего общего с вековой тенденцией, обозначают этим термином, то подобная терминология в лучшем случае является небрежностью перевода. Еще хуже, когда в одном месте „вековой тенденции" приписывается экономический смысл, а в другом он решительно отвергается (к сведению проф. Кондратьева).

[3] В эти ряды входят и случайные колебания, выделить которые в данных условиях не представляется возможным.

[4] Следует прибавить, что в некоторых случаях разница интенсивности колебаний циклов была элиминирована путем деления на средний квадрат отклонений. По технике применения этого метода см. работу М. В. Игнатьева. Кон'юнктура и цены, с исправлениями, указанными в моей рецензии на означенную книгу („Экономическое Обозрение", октябрь 1925 г.).

На основании установленной последовательности движения линий указанных трех рынков Гарвардский барометр давал возможность предсказывать будущее в том смысле, что по движению одной линии (скажем, фондового рынка) можно было предугадать настроение другого рынка (товарного, а затем и денежного).

На чем же базируется подобная последовательность движения линий различных рынков? Среди некоторых кругов русских экономистов существует убеждение, что подобная последовательность основывается просто-на-просто на подмеченной эмпирической правильности чередования, каковая экономически совершенно не проанализирована и не оправдана. Иначе говоря, найденная эмпирическая правильность чередования указанных линий не опирается ни на какие экономические законы и, следовательно, представляется чрезвычайно шаткой. [1]

Подобное мнение имеет свои правильные корни в том обстоятельстве, что, действительно, последовательность разобранных элементов была найдена Гарвардским университетом эмпирически (на основе формально-математических приемов), а также в том, что подобное чередование (не будучи экономически обоснованным) не дает уверенности его наличия в случаях изменения тех условий, в каковых это наличие было констатировано. [2] (Что в действительности и имело место в отношении некоторых показателей, входивших раньше в состав трех разбираемых линий.)

Однако, можно утверждать, что при наличии определенных структурно-экономических предпосылок найденная эмпирическая правильность базируется на экономических законах, и с точки зрения экономического анализа вполне об'яснима.

Присмотримся к движению сначала двух линий, а именно линии фондового рынка и линии денежного рынка, но не в плоскости последовательности их колебаний (т.-е. наступления повышения или понижения учетного процента через несколько месяцев после повышения или понижения курсов акций), а с точки зрения движения означенных показателей в один и тот же момент времени. При подобном рассмотрении видно, что движение фондового рынка противоположно движению денежного рынка. [3] Правда, моменты минимумов фондового рынка не вполне совпадают с моментами максимумов денежного рынка (и наоборот), однако, противоположное движение означенных двух показателей констатируется с достаточной ясностью. В самом деле в конце 1903 г. (см. диаграмму № 1) линия фондового рынка достигала минимума, а линия денежного рынка, примерно, максимума; в середине 1904 г. анализируемые линии скрестились, чтобы разойтись в течение 1905 г. и вновь скреститься в конце 1906 г.; в последней четверти 1907 г. линия фондового рынка достигает минимума, а линия денежного рынка, примерно, максимума, после чего скрещивание происходит в середине 1908 г. В дальнейшем такое же движение расхождения и скрещивания рассматриваемых линий наблюдается на всем протяжении приведенного на диаграмме периода. Та же картина известной противоположности движений линии фондового рынка и линии денежного рынка наблюдается с известным приближением и в послевоенное время (см. диаграмму № 2).

[1] Наиболее резко эта мысль высказана в примечании редакции „Планового Хозяйства" к статье С. П. Боброва. Проблема экономич. барометра („Плановое Хозяйство", № 1, январь 1921 г., стр. 132).

Сам С. П. Бобров в реферате „Работа Уоррена Персонса" („Вопросы кон'юнктуры", том II, 1926 г.) также находит, что у школы Персонса наблюдается „почти нелепое игнорирование экономических теорий, экономический нигилизм и грубейшая эмпирика" (стр. 196).

[2] Meerwarth в своей работе „Nationalökonomie und Statistic" (Berlin und Leipzig 1925) считает, что предсказания Гарвардского барометра базируются на очень шатком логическом основании, а именно на аналогии. Подобное мнение противоречит, на наш взгляд, утверждению самого Меерварта о том, что Гарвардский барометр есть „идеально-типическая конструкция".

[3] На противоположность движения фондового и денежного рынков указывает тот же Берлинский Кон'юнктурный институт в своей вышецитированной работе „Vierteljahrshefte zur Konjuncturforschung", 1926, Heft I, S. 34.

Подобное расхождение анализируемых линий вполне понятно. В самом деле, как уже было выше указано, основным стержнем фондового рынка являются курсы ценных бумаг, а денежного рынка—учетные ставки первоклассных и хороших коммерческих векселей. Отсюда совершенно ясно, что линия спекуляции с фондами и линия денежного рынка должны расходиться между собой, ибо курсы ценных бумаг могут повышаться только в том случае, если спекуляции предоставляется достаточный кредит нью-йоркскими банками по низкому учетному проценту. [1] Как только учетная ставка достигает такого размера, что становится невыгодной покупка ценных бумаг на занятые деньги, так немедленно понижаются займы на спекулятивные цели в нью-йоркских банках, вследствие чего курсы ценных бумаг начинают падать. О связи размера учета первоклассных коммерческих векселей сроком на 60—90 дней и учетно-ссудных операций нью-йоркских банков говорит диаграмма № 3.

Эта диаграмма показывает противоположность движения размеров учетных ставок и об'ема учетно-ссудных операций. В самом деле, рассматриваемые линии расходятся в течение 1903 г., скрещиваются в начале 1904, затем снова расходятся и снова скрещиваются в конце 1905 г. Дальше также наблюдается расхождение и скрещивание.

Циклические колебания учетного процента и ссудных операций банков Нью-Йорка

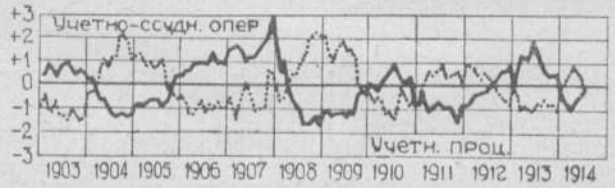

Диаграмма № 3

Почему же, однако, как было выше указано, максимумы линий курсов акций не вполне совпадают с минимумами размера учетного процента? Подобное несовпадение наиболее рельефно можно иллюстрировать на диаграмме № 4.

На приведенной диаграмме с очевидностью констатируются, прежде всего, обратные движения курсов промышленных акций и среднего размера учетной ставки первоклассных векселей, а во-вторых, некоторое запаздывание движения курсов акций по сравнению с размером учетного процента, при чем это запаздывание по временной своей продолжительности очень различно. В самом деле, учетный процент достиг своего минимума уже в конце 1898 года, курс же акций продолжал повышаться еще в течение нескольких месяцев, достигнув первого максимума в конце первой четверти 1899 года и решительно повернув на понижение в конце того же года. Учетный процент поднялся до максимума в декабре 1899 года, а курс акций спустился до минимума только в октябре 1900 г. и т. д. Разница продолжительности запаздывания может быть иллюстрирована следующим сопоставлением. В только что разобранном 1900 году опоздание в обратном движении курса акций по сравнению с учетным процентом достигает 10 месяцев (с декабря 1899 года до октября 1900 года), тогда как в 1907 году подобного опаздывания совсем не наблюдалось, ибо учетный процент подошел к максимуму в конце

[1] На это указывает и Crum в вышеприведенной работе.

ДВИЖЕНИЕ КУРСОВ ПРОМЫШЛЕННЫХ АКЦИЙ И УЧЕТНОГО ПРОЦЕНТА

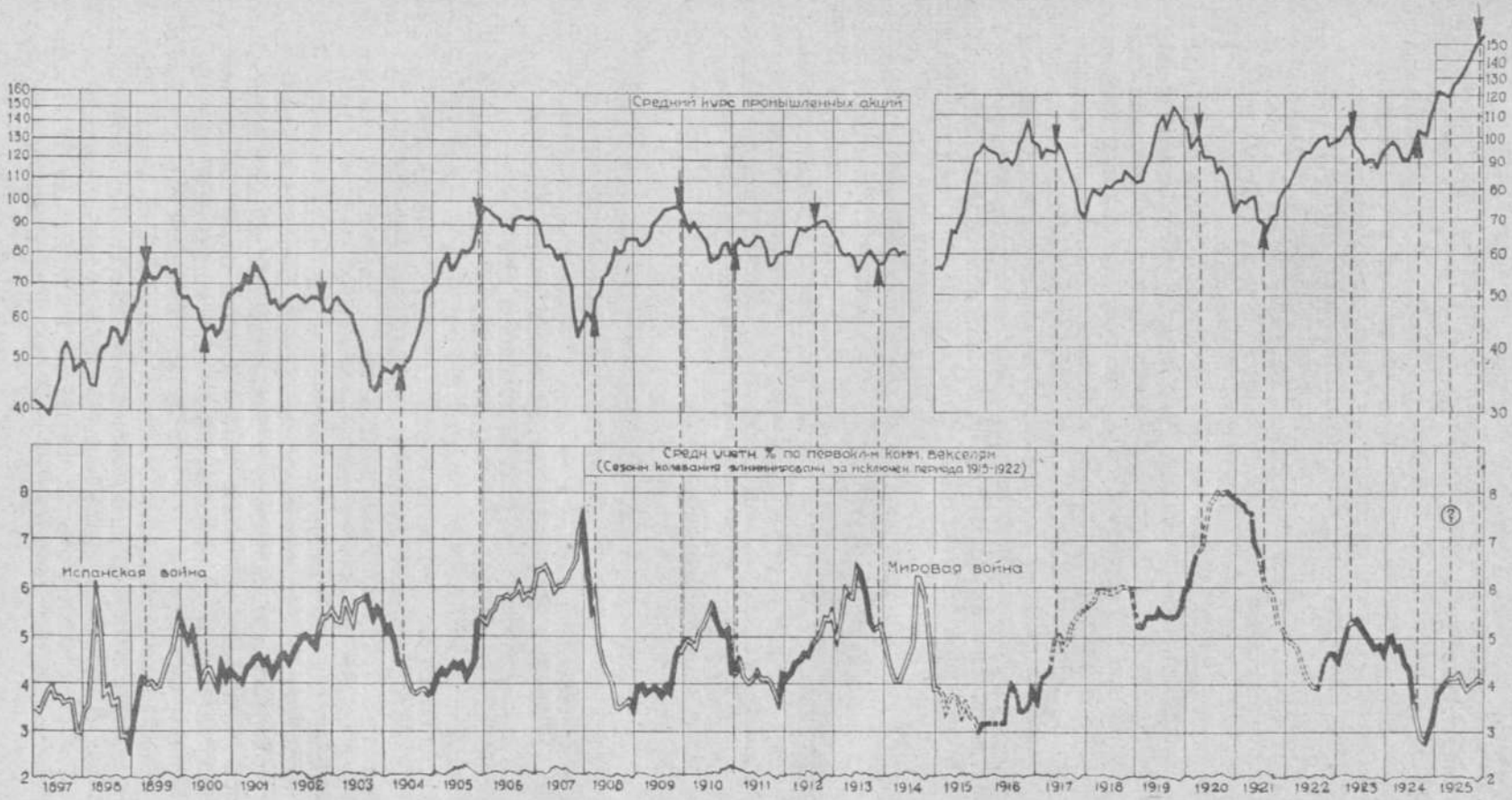

Диаграмма № 4

Изменения учетного процента от высшего или низшего пункта на $1^1/_4\%$ обозначены жирными линиями, от правых концов каковых восстановлены пунктиры до линии курсов промышленных акций.

1907 г. почти одновременно с достижением минимума курсом промышленных акций.

В виду того, что период запаздывания не мог служить надежным критерием для определения времени перелома в движении курсов акций по сравнению с движением учетного процента, Персонсом было произведено исследование в иной плоскости. Принцип этого исследования заключался в том, чтобы определить, насколько процентов пала или повысилась учетная ставка по сравнению со своей максимальной или минимальной предшествующей точкой к тому моменту, когда курс акций достиг своего поворотного пункта.[1] Иначе говоря, переломы движения курсов акций связываются теперь не с известным периодом запаздывания по сравнению с движением учетного процента, а с размером повышения или понижения учетной ставки от крайней предшествующей точки, независимо от того, в какой период времени соответствующее изменение учетного процента совершается. На основе интересных статистических приемов Персонс нашел, что поворотные пункты изменения курсов акций близки к моментам, когда учетная ставка падает или повышается на $1^1/_4\%$ против своего предшествующего крайнего пункта.

Принимая во внимание, что в русской литературе не был еще изложен примененный Персонсом в данном случае метод, остановимся в кратких чертах на его описании.

Персонсом были составлены семь таблиц для изменений учетной ставки от предшествующего кульминационного (крайнего) пункта на $^1/_2\%$, $^3/_4\%$, 1%, $1^1/_4\%$, $1^1/_2\%$, $1^3/_4\%$ и 2%. Для уяснения техники исчисления ниже приводится одна из семи таблиц для изменений учетного процента на $1^1/_4\%$ от предшествующего кульминационного пункта для периода времени с 1897 по 1913 гг.

Следя за графами приведенной примерной таблицы, легко уяснить себе составление и всех других. В каждой из семи таблиц в графе 1-ой обозначались даты высших и низших точек движения размеров учетной ставки. В графе 2-ой против соответствующих дат графы 1-ой проставлялись эти высшие и низшие уровни учетной ставки. В графе 3-ей исчислялся размер повышения или понижения против высшей или низшей предшествующей точки на соответствующий процент (т.-е. на $^1/_2\%$ для 1 таблицы, на $^3/_4\%$ для 2 таблицы, на 1% для 3 таблицы и на $1^1/_4\%$ для приведенной в тексте примерной таблицы и т. д.). Данные графы 4 представляли собою суммы графы 2 и графы 3, т.-е., иначе говоря, указывали на тот размер учетной ставки, каковой достигался при изменении на $^1/_2\%$ или на $^3/_4\%$ или на 1% и т. д. против предшествующего крайнего пункта. В графе 5 каждой из семи таблиц указывались временные даты достижения учетной ставкой размера, обозначенного в предшествующей графе. В графе 6 тех же таблиц были приведены курсы акций для месяцев, немедленно следующих за теми датами, которые были найдены для графы 5.

Внизу таблиц даны результаты соответствующих исчислений, а именно: 1) средний курс акций в месяцы, непосредственно следующие за датой достижения учетной ставкой известного размера повышения от предшествующих наинизших пунктов, 2) средний курс акций в месяцы, непосредственно следующие за датой достижения учетным процентом известного размера понижения от предшествующих наивысших пунктов и 3) разница между найденными двумя средними курсами акций.

---

[1] См. Persons and Frickey. Money Rates and Security Prices („The Review of Economic Statistics", № 1, January 1926).

Движение учетного процента (сезонные вариации элиминированы)					
Низшая (или высшая) точка		Повышение (или понижение) учетной ставки на 1¼% против предшествующей низшей (или высшей) точки			Индекс курсов промышл. акций в месяцы, непосредственно следующие за повышением (или понижением) учетной ставки на 1¼%. (Сезонные вариации элиминированы).
ДАТЫ	Курс	Повышение (+) или понижен. (—)	Курс	ДАТЫ	
1	2	3	4	5	6
Декабрь . . 1897 г.	2,92	+ 1,93	4,85	Март . . . 1898 г.	1
Апрель . . 1898 г.	6,02	— 2,26	3,76	Июнь . . . 1898 г.	1
Декабрь . . 1898 г.	2,53	+ 1,58	4,11	Март . . . 1899 г.	75,0
Декабрь . . 1899 г.	5,38	— 1,48	3,90	Май . . . . 1900 г.	56,6
Сентябрь . 1900 г.	3,82	+ 1,31	5,13	Сентябрь . 1902 г.	65,2
Август . . 1903 г.	5,78	— 1,45	4,33	Апрель . . 1904 г.	48,1
Ноябрь . . 1904 г.	3,69	+ 1,54	5,23	Ноябрь . . 1905 г.	93,1
Декабрь . . 1907 г.	7,50	— 2,06	5,44	Февраль . 1908 г.	65,5
Декабрь . . 1908 г.	3,35	+ 1,30	4,65	Ноябрь . . 1909 г.	98,0
Июль . . . 1910 г.	5,61	— 1,45	4,16	Декабрь . . 1910 г.	83,3
Ноябрь . . 1911 г.	3,48	+ 1,28	4,76	Июль . . . 1912 г.	91,0
Июнь . . . 1913 г.	6,42	— 1,32	5,10	Октябрь . 1913 г.	77,2
Средний курс промышленных акций в месяцы, непосредственно следующие за повышением учетной ставки на 1¼% . . .					84,5
Средний курс промышленных акций в месяцы, непосредственно следующие за понижением учетной ставки на 1¼% . . .					66,1
Разница между обоими средними курсами					+ 18,4

Следующая стадия работы заключалась в суммировании результатов всех семи таблиц, что дано в следующем подсчете:

Размер изменения учетного процента от предшествующ. крайнего пункта	Средний курс промышл. акций в месяцы, следующие за соответствующ. повышением учетной ставки	Средний курс промышл. акций в месяцы, следующие за соответствующ. понижением учетной ставки	Разница между средними курсами промышл. акций
½%	74,3	66,6	+ 7,7
¾%	83,3	66,3	+ 17,0
1 %	84,2	65,5	+ 18,7
1¼%	84,5	66,1	+ 18,4
1½%	82,4	67,8	+ 14,6
1¾%	80,8	70 3	+ 10,5
2 %	81,8	70,6	+ 11,2

Таким образом, мы видим, что средний наибольший курс, средний наименьший курс промышленных акций, а также наибольшая разница

[1] Испанская война. См. текст.

между ними приходится на изменение учетной ставки на 1% или на 1¼%. (Персонс останавливается на 1¼% изменения учетной ставки, ибо произведенное им аналогичное исследование в отношении курсов жел.-дор. акций дало решительный перевес изменению учетной ставки на 1¼.)

Таким образом, если, действительно, решительный поворот движения курсов акций связан с тем или иным размером изменения учетной ставки, то этим размером должен явиться 1¼% в отношении предшествующего кульминационного пункта.

Однако, может быть неправилен сам подход к исследуемой проблеме. Может быть полученный нами максимум курсов промышленных акций в размере 84,5 далеко не достигает действительного среднего максимума, а наш средний минимум в 66,1 значительно превышает действительный средний минимум курсов акций. Ответ на этот вопрос дает следующая таблица:

	Фактический	Исчисленный
Средний максимум курсов акций	88,3	84,5
Средний минимум курсов акций	61,4	66,1

Таким образом, мы можем заключить, что повышение учетного процента на 1¼% против своего наинизшего пункта указывает на достижение курсом акций момента, близкого к действительному максимуму, и понижение учетного процента на 1¼% против предшествующего наивысшего пункта указывает на достижение курсом акций момента, близкого к действительному минимуму.

На вышеприведенной диаграмме № 4 черной краской залиты линии изменения учетной ставки на 1¼% против предшествующих кульминационных пунктов. Пунктирные перпендикуляры восстановлены от крайних правых пунктов этих залитых черной краской отрезков до кривой движения курсов акций для того, чтобы можно было легко проследить, с этого ли момента начинается обратное движение курса акций.

Прослеживая движение кривых по нашей диаграмме мы наглядно видим, что принятый Персонсом принцип довольно хорошо устанавливает движение курсов акций. Исключение составляют: период Испанской войны (1897—98 годы), период мировой войны (1914—16 гг.) и период послевоенного кризиса (1919—20 гг.), т.-е. те годы, когда течение экономической жизни было нарушено пертурбационными факторами.

Не останавливаясь подробно на исключениях, постараемся об'яснить с точки зрения экономического анализа установленное Персонсом правило. Об'яснение дать нетрудно, исходя из тех принципов, которые нами были ранее развиты. Мы уже указывали, что повышение курсов акций может иметь место только в том случае, когда есть смысл брать ссуды на покупку ценных бумаг. Получать же деньги для помещения их в акции есть смысл только в том случае, когда учетный процент падает ниже такого размера, что ценные бумаги, купленные на занятые деньги, приносят известный доход даже при депрессивном состоянии торгово-промышленного оборота. Иначе говоря, когда имеет место разница между доходом с ценных бумаг и выплатой процента по полученным займам. Таким образом, повышательное движение курсов акций может начаться только после того момента, когда учетный процент снизится, примерно, на 1¼% против своего продшествующего высшего пункта. Затем, чем ниже падает учетный процент, тем выгоднее брать займы на спекуляцию с фондами и тем выше курсы этих фондов поднимаются. Постепенно кредиты исчерпываются как вследствие означенных займов, так и вследствие ухода средств в провинциальные банки для торгово-промышлен-

ных операций. Учетная ставка начинает повышаться, но она еще недостаточно высока, чтобы прекратить увеличение спекулятивных займов, вследствие чего курсы акций продолжают повышаться. Наконец, учетная ставка превышает $1^1/_4\%$ против своего предшествующего наинизшего пункта. Спекулятивные займы становятся невыгодными, и курсы акций идут на понижение.

Таким образом, взаимное движение фондового и денежного рынков вполне об'ясняется на основе надлежащего экономического анализа. [1]

Переходим к экономическому рассмотрению закономерности движения товарного рынка (основным стержнем какового в Гарвардском барометре является движение цен).

Предположим, что потребительский спрос в общем претерпевает довольно слабые колебания (если отвлечься от влияния крупных социальных потрясений и урожаев), представляя собою процесс постепенного и медленного увеличения. Номинальный потребительский спрос есть не что иное, как количество денег у населения, предназначенное на покупку потребительских благ. Так как количество золота в обращении ежегодно увеличивается, вместе с чем увеличивается и общая денежная масса, то повышается также и номинальный потребительский спрос. Вместе с увеличением номинального потребительского спроса идет и увеличение реального потребительского спроса (т.-е. количества продуктов, выраженных в тех или иных натуральных единицах), ибо население увеличивается и потребности его разнообразятся и повышаются. Принимая предпосылку равномерного увеличения реального потребительского спроса, посмотрим, как растет производство в связи с соответствующим движением цен. Начнем анализ с состояния депрессии.

Когда промышленно-торговый оборот депрессивен, то он не требует большого количества денег. Отсюда значительное скопление наличных денег в банках и низкий учетный процент. Депрессивное промышленное производство рассчитано на размер потребительского рынка данного момента. Но ведь, как выше было указано, потребительский спрос постепенно расширяется. Отсюда истощение запасов промышленных готовых товаров, вследствие чего цены должны начать повышаться. Повышение цен вызывает стремление к расширению производства. К этому имеются надлежащие возможности в смысле получения кредитов, ибо учетный процент низок. Однако, для расширения производства необходимо увеличение орудий производства, в каковых ощущается недостаток. Отсюда увеличение выплавки чугуна и стали. Торговцы и промышленники продолжают брать надлежащие ссуды в банках и расширяют свою производственную деятельность. Цены на товары продолжают расти, с одной стороны, вследствие увеличения требований потребительского и производственного рынков, а с другой стороны — на основе увеличения издержек производства (каковое увеличение всегда имеет место при хорошей кон'юнктуре).

На основе вновь созданных дорогих орудий производства промышленный оборот и товарные цены потребительских благ повышаются

[1] Интересно отметить, что некоторые американские авторы не признают правильного чередования под'емов сначала курсов акций, а затем кривой товарного рынка. Это об'ясняется, главным образом, тем, что они определяют начало повышательного движения не по достижению курсами акций наинизшей точки, а по моменту решительного под'ема вверх. Во всяком случае, анализ означенных авторов косвенным образом подтверждает, по нашему мнению, положение о том, что движение курсов акций с экономической точки зрения определяется не „предшествованием" движению товарного рынка, а соотношением с движением учетного процента (См. Axe and Honghton. The Stock Market as a General Business Forecaster, „Annalist", август. 1926 г, №№ 13 и 20).

до таких размеров, что общая сумма цен начинает превышать платежеспособный спрос. Вместе с тем, нельзя медлить с реализацией товара, ибо расширившийся производственный оборот требует денег, а займы становятся невыгодными вследствие сильного вздорожания кредита (повышения учетного процента). Отсюда падение цен на товары в связи с падением займов и полное прекращение (а иногда и аннулирование) заказов на орудия производства.

Процент продолжает повышаться, ибо наличных резервов в банках немного и эти последние ведут сдержанную кредитную политику.

Однако, сжимание производственной деятельности и понижение цен вновь влияет на приток средств в банки, вследствие чего учетная ставка начинает снижаться.

Потребительский и производственный рынки находятся в состоянии депрессии, ибо покупательная сила населения недостаточна для поглощения всего произведенного количества потребительских благ при все еще достаточно высоких товарных ценах. [1] Промышленники не расширяют, а скорее сокращают производство, ибо товарные запасы достаточно высоки и цены продолжают понижаться.

По прошествии достаточного периода времени постепенно расширяющийся потребительский спрос вновь поглощает накопившиеся товарные запасы, продаваемые теперь по низким ценам. Циклический процесс вновь возобновляется. Отсюда понятно движение линии товарного рынка.

Для полной наглядности и уяснения себе поворотных моментов движения различных экономических процессов и их соотношений между собой приводим схему, изображенную на диаграмме № 5 (на стр. 132).

Приведенная диаграмма разделена на три части. Первая верхняя часть изображает: 1) движение производства потребительских благ, 2) движение производства средств производства (чугуна) и 3) движение свободных средств в банках. На второй сверху части той же диаграммы нанесено движение запасов потребительских благ. Наконец, на нижней части диаграммы дано движение цен и движение учетного процента. Подобное деление изображения экономических процессов в трех отдельных частях является, конечно, искусственным, ибо в действительности все процессы совершаются вместе в одном и том же народном хозяйстве. Означенное разделение, однако, дает возможность глазу ориентироваться с большей быстротой и ясностью, чем в том случае, если бы все шесть линий были изображены вместе на одном и том же диаграммном поле.

Все линии вьются около горизонтальных прямых, которые являются для них нормалями или иначе - линиями схемы равновесия. Иначе говоря, если бы все разбираемые явления следовали бы по означенным линиям, то никаких колебаний не было бы, ибо народное хозяйство находилось бы в таком случае в состоянии прогрессирующего равновесия. [2]

Несомненно, что наклон длительных движений (Гарвардский университет называет их secular trend, т.-е. вековая тенденция) у разных

[1] На значение потребительского рынка в циклических колебаниях указывает Маркс, когда он говорит: „Но эти векселя представляют в большинстве случаев действительные купли-продажи, расширение которых далеко за пределы общественной потребности и лежит, в конце концов, в основе всего кризиса" (Капитал, том III, глава 30). Ту же мысль выражает Ленин следующими словами: „Известное состояние потребления есть один из элементов пропорциональности" („Заметки к вопросу о теории рынков". Собр. сочинений, том II, ГИЗ, 1923, стр. 471).

[2] См. нашу статью „Исследование кон'юнктурных колебаний методом сопоставления схематических отклонений" („Экономическое Обозрение", сентябрь 1925 г.).

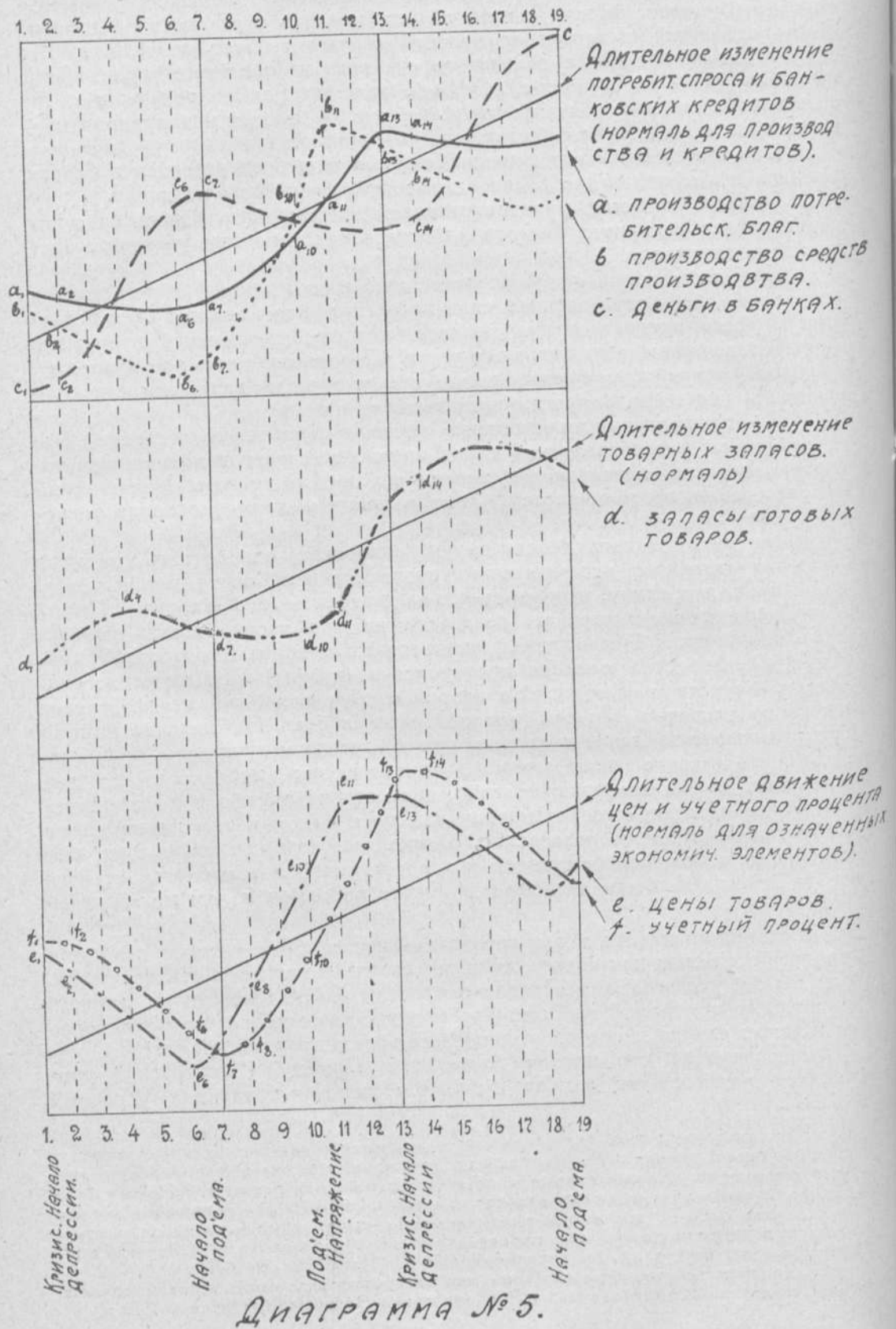

Диаграмма № 5.

явлений различен, и формулы их движения могут не являться прямой линией. Однако, для простоты изображения нами принята для всех шести длительных движений прямая линия с одним и тем же наклоном.

Длительным движением (нормалью или линией схемы равновесия) для производства служит потребительский спрос, который может быть изображен в форме плавно поднимающейся прямой линии. Нормалью для наличия денежных средств в банках служит плавное изменение их количества в связи с общим расширением экономической жизни страны. Нормалью для цен и учетного процента являются длительные движения этих явлений, вызываемые соотношением количества золота и денег в обращении и общим товарным оборотом. Наконец, линией схемы равновесия для товарных запасов будет служить известное их плавное увеличение в связи с увеличением общего потребления.

Вертикально диаграмма разделена на несколько временных периодов, обозначенных арабскими цифрами.

Каждая кривая того или иного экономического процесса имеет ту или иную латинскую букву. Например, „a" изображает движение производства благ потребления, „в"—движение производства средств производства и т. д.

Момент „a_1" является пунктом пересечения первого временного периода и кривой „a" и, следовательно, изображает размер производства готовых благ в первый временный период. Соответствующие значения имеют „a_2", „a_3", „a_4" или „$в_1$", „$в_2$", „$в_3$" и т. д. [1]

Начнем анализ диаграммы с периода между первым и вторым временными пунктами, т.-е. с момента кризиса.

В этот период запасы товаров значительно превышают надлежащее нормальное их количество (см. на диаграмме пункт „d_1"). В деньгах ощущается большая потребность на нужды расширенного производства благ потребления (см. пункт „a_1") и необходимости оплаты орудий производства, продукция каковых превышает нормальные размеры (см. пункт „$в_1$"). Между тем, получить денег в банках нельзя, ибо их там мало (пункт „c_1"), и учетный процент очень высок (f_1). Приходится снижать цены (пункты e_1—e_2), уменьшать производство средств производства ($в_1$—$в_2$), вследствие чего постепенно падает и производство благ потребления (a_1—a_2). Запасы товаров продолжают расти (d_1—d_2), так как производство все еще превышает свою потребительскую нормаль. Денег в банках нет (c_2) и учетный процент продолжает стоять на высоком уровне (f_2).

Снижение производства продолжается в течение довольно значительного периода времени, при чем производство средств производства снижается значительней ($в_2$—$в_6$), чем производство благ потребления (a_2—a_6), что понятно, если принять во внимание, что увеличение производства чугуна шло на создание новых орудий производства, в каковых в настоящее время нет нужды. Запасы готовых товаров продолжают повышаться до тех пор (d_4), пока производство готовых продуктов лежит сверх потребительской нормали, т.-е. до четвертого временного пункта, после чего начинается процесс их снижения. Цены продолжают падать (e_2—e_6). В связи с сжатием производственного оборота и понижением цен увеличивается количество денег в банках (c_2—c_6). Учетный процент начинает понижаться (f_2—f_6).

Возникает вопрос, почему снижение производства не останавливается в том пункте, когда оно достигает нормали (a_4), а продолжает снижаться дальше (a_6). Ответить нетрудно. Ведь промышленники и торговцы руко-

[1] Во избежание скопления значков, на диаграмме символами обозначены только некоторые пункты.

водствуются положением на рынке, а именно движением товарных запасов и цен. Запасы же все еще сильно превышают их нормальное количество (d_4), вследствие чего цены продолжают понижаться (e_6).

Но вот запасы достигают в пункте 6 (d_6) нормального количества. Цены достигнули на повышение (e_6). Производство потребительских благ сразу увеличиться не может (a_6), ибо для этого нужно увеличение средств производства, каковое с этого момента и начинается ($в_6$). Этому благоприятствует возможность получить дешевую ссуду, ибо денег в банках много (c_6) и учетный процент низок (f_6).

В следующем 7 временном пункте производство средств производства продолжает сильно увеличиваться ($в_7$). С этого момента начинает увеличиваться и производство благ потребления (a_7), ибо созданные орудия производства уже позволяют повысить продукцию готовых товаров. Запасы потребительских благ все еще понижаются (d_7), ибо производство благ потребления ниже нормали. Свободные деньги в банках находятся некоторое время в стационарном состоянии (c_6—c_7), ибо незначительно увеличившаяся промышленность в это время не может поглотить избытка средств. Однако, в дальнейшем (с пункта 7) наличные свободные денежные средства начинают понижаться, вследствие чего учетный процент, достигший низшего размера в пункте седьмом (f_7), начинает затем повышаться (f_7—f_8). Он стоит, однако, настолько ниже нормали, что совершенно не препятствует промышленным займам и расширению производственной деятельности. Цены продолжают повышаться (e_7), ибо ощущается недостаток товаров.

Такой ход экономической жизни продолжается до пункта десятого. В этот момент производство средств производства достигает своей нормали ($в_{10}$). Казалось рынок должен был бы обнаружить успокоение и прекратить дальнейший бешеный рост. Однако, на основании тех симптомов, которыми пользуются торгово-промышленные предприниматели, совсем нельзя установить необходимости приостановления промышленной экспансии. Напротив, производство готовых потребительских благ все еще значительно ниже требований рынка (a_{10}) запасы товаров стоят на очень низком уровне (d_{10}) и цены продолжают сильно повышаться (e_{10}). Следовательно, для промышленников нет оснований приостанавливать свою производственную деятельность. Расширение производства продолжается, тем более, что учетный процент все еще ниже нормали (f_{10}).

В одиннадцатом временном пункте производство готовых благ достигает нормального уровня (a_{11}), вследствие чего запасы потребительских товаров начинают накапливаться (d_{11}). Цены обнаруживают стационарность и в случае неблагоприятного толчка готовы пойти на понижение (e_{11}). Производство средств производства с этого момента резко сокращается ($в_{11}$—$в_3$). [1] Однако, ранее произведенные орудия производства, достигшие именно в пункте одиннадцатом небывалой высоты, толкают на дальнейшее увеличение производства благ потребления, что в действительности и имеет место (a_{11} – a_{13}). Кредит сильно напряжен, ибо чрезвычайное расширение продукции при повышенных ценах выка-

[1] На нашем чертеже колебания производства средств производства превышают колебания производства благ потребления. В действительности, разница амплитуд означенных колебаний еще значительней. Подобное явление об'ясняется тем, что создание новых средств производства, например, в двойном количестве, повысит производство благ потребления в значительно меньшей степени, ибо основная часть благ потребления будет производиться старыми орудиями производства. Это явление подмечено рядом авторов и в частности Касселем. См. „Theoretische Socialökonomie", 1923 г., стр. 534. Имеется русский перевод части, касающейся конъюнктурных движений, Кассель. „Теория конъюнктур". Перев. с немецкого Б. Лившиц. Изд. ВСНХ.

чало свободные средства из банков (c_{13}), и учетный процент в пункте 13 настолько высок (f_{13}), что есть смысл скорей по пониженным ценам реализовать запасы готовых товаров, чем брать новые ссуды. Цены стремительно падают (e_{13}).

В дальнейшем разражаются обычные кризисные явления. Запасы товаров накапливаются (d_{14}), ибо производство готовых продуктов (a_{14}) превышает потребность в них. Производство чугуна катастрофически падает ($в_{14}$). Кредит страшно напряжен (c_{14}), и учетный процент стоит на очень высоком уровне (f_{14}).

Промышленный цикл дошел в своем развитии до того пункта, с которого мы начали наш анализ. [1]

Приведенная схема является, конечно, чрезвычайно грубой и, если угодно, примитивной. Не говоря о том, что она отражает только воображаемый плавный механизм соотношений (каковые в действительности развиваются и различно и скачкообразно), на чертеже не учтен целый ряд побочно развивавшихся процессов, в свою очередь влияющих на ход циклических колебаний. Во всяком случае, приведенная схема полезна с точки зрения наглядного выявления воздействующих друг на друга и обусловливающих друг друга циклических колебаний. Если присмотреться к движению изображенных кривых и исключить из них вековые тенденции, то мы получим соответствующие колебания Гарвардского барометра по ценам (e), учетному проценту (f) и производству чугуна (в).

Все наши предшествующие рассуждения велись в предположении, что потребительский спрос представляет собою прямую линию. Однако, можно вообразить такое положение (и такую схему), когда потребительский спрос (на основе хотя бы урожаев [2] или отраженно под влиянием цен и движения промышленной конъюнктуры) также испытывает волнообразные движения. Это осложнение не только не искажает вышеприведенного анализа, а напротив, его подтверждает. В самом деле, если в течение депрессии обнаруживается наличие факторов, которые сильно увеличивают потребительский спрос, то запасы товаров начинают истощаться, увеличиваются заказы на промышленное оборудование, цены повышаются и проч. Одним словом, мы имеем прежний изображенный нами процесс промышленного подъема.

На основании всего вышеизложенного мы можем признать, что движение всех трех линий Гарвардского барометра вполне оправдывается экономическим анализом в условиях наличия определенных предпосылок.

Такими предпосылками существования циклических колебаний (отвлекаясь от влияния пертурбирующих факторов) являются два момента. Первый момент (объективного характера) лежит в самой технике промышленного производства, требующего известного периода времени для увеличения потребительских благ (ибо их увеличение зависит от предварительного увеличения орудий производства). Второй момент имеет

[1] Интересный анализ механизма циклических колебаний можно найти в работе Aftalion. „Les crises periodiques de surproduction", tome II, Paris, 1913. К сожалению, Афталион при своем анализе опирается на теорию предельной полезности, которая для его построения в лучшем случае не нужна, в худшем же — вредит некоторым его утверждениям. Краткое изложение теории Афталиона на русском языке имеется в сборнике „Проблема рынков и кризисов" (часть II, изд. „Планового Хозяйства"). Обращаем внимание читателей также на статью В. А. Базарова „Кривые развития капиталистического и советского хозяйства" („Плановое Хозяйство", № 4, 1926 г.).

[2] Некоторые авторы в вопросе циклических колебаний придают урожаям даже исключительное значение. См. Jevons. „Investigations in Currency and Finance" Dietzel. „Ernten" (Статья в Handw. d. Statswiss. III Auflage, III Bd.) и Moore „Generating Economic Cycles", New-York, 1923.

суб'ективный характер и лежит в психике хозяйствующего суб'екта капиталистического общества. В самом деле, как было выше указано, предприниматели руководствуются симптомами рынка данного момента и соотношением в движении цен и учетного процента. Частному предпринимателю нет оснований сокращать производство, когда рынок обещает хорошие прибыли.

Отсюда совершенно ясно, что устранение циклических колебаний возможно только в том случае, когда руководители предприятий будут руководствоваться не симптомами рынка данного момента, а строгим подсчетом настоящих и будущих потребностей, и когда их действование будет обусловливаться нормирующими предписаниями (научно-обоснованными) руководящих общественных организаций или, иначе говоря, когда народное хозяйство встанет на рельсы планового начала.

ОТДЕЛ II

За Советским рубежом

К. Калисская

Забастовка горнорабочих в Англии[1]

Англия находилась под угрозой всеобщей забастовки еще в июле 1925 г. Тройственный союз—горнорабочих, транспортников и железнодорожников—все уже для нее подготовил, и забастовка разразилась бы, если бы правительство не предупредило ее в последнюю минуту путем предоставления горной промышленности субвенций во избежание понижения заработной платы. К концу апреля 1926 г. срок этих субвенций истек. Когда на возобновление их правительство не согласилось, предприниматели об'явили новый тариф с пониженными ставками зарплаты. Это и послужило сигналом к прекращению работ.

Итак, в начале мая разразилась забастовка, которая сначала была всеобщей, а затем, по прошествии 10 дней, свелась к стачке горнорабочих. Забастовка эта длится уже три месяца. Срок бесконечно долгий, если принять во внимание то значение, какое имеет угольная промышленность для всей промышленности Англии в целом, если вспомнить, что уголь является становым хребтом всего вывоза этой страны, кладущей экспорт в основу своего существования. Срок бесконечно долгий и для той более чем миллионной армии горнорабочих, которую питает собой угольная промышленность.

Еще 20 июля 1926 г. Рёнсимэн определял стоимость забастовки приблизительно в 148,5 милл. фунт. стерл., при чем он считал убытки от всеобщей забастовки в 30 милл., а потери, причиненные тяжелой индустрии, в 46 милл. фунт. стерл. В заработной же плате потери составили бы уже свыше 30 милл. фунт. стерл. Несмотря на всю огромность этих потерь, прямые и косвенные последствия которых можно будет приблизительно измерить лишь спустя много времени после возобновления работ, как работодатели, так и работополучатели обнаруживают самое непримиримое упорство. Как и в 1921 г., противники в своей борьбе проявляют выдержку и настойчивость, соответствующие тому значению, какое обе стороны придают конечной победе.

Одни лишь требования, связанные с заработной платой и условиями труда, едва ли вызвали бы столь ожесточенную борьбу. Действительную подоплеку забастовки, как и 1920 и 1921 гг., составляют принципиальные вопросы социально-экономического свойства.

Английская горная промышленность переживает тяжелые времена с конца 1920 г., с тех пор, как недостаток угля на мировом рынке сме-

[1] Статья была написана в конце июля 1926 г. За истекший с тех пор период накопилось много новых фактов. Тем не менее, редакция считала целесообразным поместить в журнале эту работу, в виду целого ряда освещенных автором интересных моментов, сохраняющих свое значение и в настоящее время.

нился его избытком. Тогда вместо прежних прибылей горная промышленность начала приносить убытки, и английское правительство сочло целесообразным отменить государственный контроль: тем самым оно освобождало себя от обязательства, возникшего еще во время войны и заключавшегося в дальнейшем предоставлении шахтам налоговых гарантий, в обеспечение установленного уровня заработной платы. После отмены начала принудительности в хозяйстве убытки, приносимые горной промышленностью, возрастали из месяца в месяц, попутно с падением экспортных цен.

При таких обстоятельствах горнопромышленники сочли для себя невозможным более выплачивать заработную плату, значительно поднявшуюся после Санкейского соглашения и забастовки 1920 г., и весною 1921 г. об'явили об отмене прежней заработной платы. Такова была причина большой забастовки, продолжавшейся 14 недель и окончившейся установлением минимальных ставок с прибавками.

В 1923 г. на помощь находившейся в тяжелом положении горной промышленности пришла Рурская оккупация, которая и принесла ей кратковременную передышку. Недостаток угля в Германии позволил добычу, составлявшую в 1920 г. 233 милл. тонн, а в 1922 г. — 250 милл. тонн, довести в 1923 г. до 280,4 милл. тонн, между тем как вывоз составлял в 1913 г. — 99,3 милл. тонн, в 1922 г. — 87,6 милл. тонн и в 1923 г. — 104,3 милл. тонн. Вместе с увеличением вывоза увеличивались и экспортные цены, и, таким образом, копи снова смогли принести значительные прибыли. Так, из величайшей нужды Германии Англия извлекла значительные выгоды, которыми воспользовались не только шахтовладельцы, но также и горнорабочие, ибо благоприятная кон'юнктура принесла им в 1924 г. повышение заработной платы, выразившейся в увеличении приблизительно на 10% ставок, остававшихся неизменными со времени забастовки 1921 г.

Этот благоприятный для горной промышленности период продолжался недолго. Когда в середине 1924 г. добыча угля в Германии снова пошла полным ходом, последняя не только могла своим углем покрыть собственную потребность в топливе, но с все возрастающим успехом пыталась вновь завоевать свои рынки сбыта, которые за время Рурской оккупации успели перейти к Англии. Хозяйственное положение последней определялось теперь такими признаками, как уменьшение добычи, понижение цифр вывоза и падение цен, что при повысившейся себестоимости привело к убыткам.

Королевская комиссия, назначенная в августе 1925 г. для обследования положения горной промышленности, приводит для освещения этой ситуации следующую таблицу:

	1909—13 гг.	1924 г.	1925 г.
	(в милл. тонн)		
Добыча	269.59	267.12	244.42
Вывоз	88 37	81.75	68.97
Собственное потребление . .	181.22	185.37	175.45

Эти цифры показывают, что внутреннее потребление Англии с 1913 г. несколько пошло на убыль. Об'ясняется это отчасти успехами топливного хозяйства, переходом к жидкому топливу и расширившимся применением электрического тока, дешево получаемого из малоценных углей. Помимо этих причин существенное для Англии значение имеет слабая степень нагрузки некоторых отраслей промышленности, и в первую очередь железо- и сталепромышленности, что выражается в большом количестве безработных.

Если в упомянутом докладе Королевской комиссии также указывается на эти обстоятельства, то гораздо большее значение придается в нем падению вывоза. В 1913 г. Англия покрывала еще 7% всей иностранной потребности в угле, а в 1925 г. уже лишь около 5%. Вывоз Англии в 1924 г. был меньше среднего годового вывоза периода 1909—13 гг. на 7,5%, в 1925 г.—на 22%. Потеря рынков сбыта относится прежде всего к Европе.

В разные страны было вывезено (в тоннах):

Название страны	Вывоз за 1909—13 гг. (в среднем за год)	Увеличение или уменьшение вывоза	
		1924 г.	1925 г.
Франция	10.836.700	+ 3.890.000	— 411.100
Скандинавия с Данией .	9.917.900	+ 1.672.800	— 1.111.600
Италия	9.483.400	— 2.409.000	— 2.244.600
Германия	9.039.400	— 1.864.500	— 4.815.800
Южная Америка [1] . . .	6.751.000	— 2.127.800	— 2.217.000
Россия и пр.	4.110.500	— 2.767.000	— 3.184.200
Египет	2.952.100	— 1.088.700	— 952.400
Испания	2.527.400	— 817.300	— 550.200
Нидерланды	2.186.100	+ 608.800	— 638.100
Бельгия	1.707.000	+ 1.719.400	+ 917.500
Общее уменьшение вывоза. . .	—	— 3.185.300	— 15.207.600

Таблица эта показывает, что более всего ухудшился вывоз в Германию, а затем в Россию, куда в 1925 г. был ввезен лишь один миллион тонн угля против средней годовой цифры за 1909—13 гг. в 4,1 милл. В одной только Европе Англия в 1925 г. потеряла в вывозе по сравнению с 1909—13 гг. около 12 милл. тонн, к чему присоединяется потеря 2,2 милл. тонн в Южной Америке и 1 милл. тонн в Египте. Такой упадок английского экспорта об'ясняется отчасти неблагоприятным хозяйственным положением Европы, отчасти увеличением некоторыми странами, как Голландия, Франция и Бельгия, собственной продукции, отчасти вытеснением английского угля углем, входящим в репарационные поставки и, наконец, вытеснением Англии Соед. Штатами. Очевидно, что на обратное завоевание своих рынков сбыта в прежних размерах Англия не может рассчитывать даже в том случае, если по отпадении репарационных поставок Франция, Бельгия и Италия должны будут покрывать свою потребность в угле в порядке свободной конкуренции

[1] Включая Аргентину, Уругвай, Бразилию и Чили.

Англия пыталась устранить конкуренцию путем установления возможно более дешевых цен:

	Экспортная цена					
	Максимальная			Минимальная		
	Ф. стерл.	Шилл.	Пенсы	Ф. стерл.	Шилл.	Пенсы
1921 г. . . .	3	5	—	1	4	11
1922 г. . . .	1	3	9	1	2	1
1923 г. . . .	1	7	2	1	2	5
1924 г. . . .	1	5	—	1	1	7
1925 г. . . .	1	1	7	—	18	4

Эти старания привели к некоторому увеличению сбыта лишь во II полугодии 1925 г., когда правительственные прибавки сделали возможным преодоление конкуренции. Но в хозяйственном отношении они не принесли горной промышленности никакой пользы. Вместо прежних прибылей, она должна была снова терпеть убытки, особенно высокие в округах, участвующих в вывозе.

В 1913 г., в связи с запросом в Нижней Палате, выяснилось, что доходы горной промышленности равнялись 16,9 милл. фунт. стерл. или 1 шилл. 3 п. на каждую тонну. Они составляли:

в 1920 г. в	I	квартале	+ 5	шилл.	1,97 пенс.
„ 1920 г. „	IV	„	— 0	„	6,19 „
„ 1921 г. „	I	„	— 6	„	11,80 „
„ 1921 г. „	IV	„	+ 0	„	3,47 „
„ 1923 г. „	I	„	+ 2	„	5,3 „
„ 1923 г. „	II	„	+ 3	„	2,64 „
„ 1923 г. „	IV	„	+ 1	„	11,53 „
„ 1924 г. „	I	„	+ 2	„	9,63 „
„ 1924 г. „	IV	„	+ 0	„	7,61 „
„ 1925 г. „	I	„	+ 0	„	6,13 „
„ 1925 г. „	II	„	— 0	„	11,81 „
„ 1925 г. „	III	„	— 0	„	2,82 „
„ 1925 г. „	IV	„	+ 1	„	6,70 „

Без правительственных прибавок убытки производства составили бы в III кв. 1925 г. 1 шилл. 6,89 пенс. и в IV кв.—1 шилл. 5,67 пенс.

Таким образом, цифры убытков постоянно возрастали, и рост их был, наконец, приостановлен только правительственными субвенциями. Цифры эти об'ясняют то заключение, к которому пришла Королевская комиссия в результате обследования и которое она изложила в следующих выражениях: „Вопреки собственному желанию, мы приходим к тому заключению, что при существующих ныне рабочем времени и ставках заработной платы себестоимость горной промышленности выходит за пределы ее производительности".

Может показаться удивительным, что несмотря на эту ни у кого не вызывающую сомнений дефицитность рабочие могли отклонить предложение работодателей, работать при более низких ставках зарплаты и предпочли скорее лишиться работы, чем согласиться на ухудшение условий своего труда. Это сопротивление об'ясняется отношением рабочих к хозяйственной организации горной промышленности.

Одну из основных причин убыточности хозяйства рабочие усматривают в раздробленности английской горной промышленности. Господствовавший во время войны и после ее окончания угольный голод имел своим последствием открытие бесчисленного множества мелких копей, которые давали прибыль даже при примитивных способах их эксплоатации, покуда цены на уголь были нездорово высокими. За переходный период число их уменьшилось лишь незначительно.

Еще в 1924 г. насчитывалось 1.400 предприятий, занимавшихся разработкой 2.481 угольной копи. Среди них имеется большое число карликовых хозяйств, ибо 98% общей добычи вырабатывалось лишь 715 предприятиями и 93% добычи вырабатывалось 467 предприятиями, в каждом из которых было занято свыше 500 человек. Таким образом, около 1.700 разработок доставляли лишь 2% всего производства, при чем некоторые из них обслуживались лишь двумя рабочими, а другие разрабатывались самими собственниками земли и служили их собственным потребностям или же потребностям ближайшего соседства. Очевидно, что, обладая слишком малыми капиталами, эти предприятия не могут соответствовать требованиям современной техники и работать безубыточно.

Но, если и не принимать в расчет этих карликовых предприятий, английская горная промышленность все же обнаруживает чрезвычайно неэкономичную раздробленность. Так, из 613 крупнейших предприятий за время с января до июня 1925 г. имелось:

С годовой добычей (в тыс. тонн)	Число предприятий [1]	В %% от общей добычи	Доход (в шилл. с тонны)	Себестоим. (в шилл. с тонны)	Прибыль или убыток (в шилл. с тонны)	Число предприятий имеющих		Производительн. на 1 раб. в смене (в Cwts) [2]
						Убыток	Прибыль	
менее 5	10	—	23,51	32,01	— 8,50	8	2	12,78
5—200	307	12,7	19,02	20,23	— 1,21	206	101	16,22
200—400	126	16,9	18,43	19,21	— 0,78	87	39	17,05
400—600	72	16,3	17,90	18,04	— 0,14	42	30	18,34
600—800	28	8,9	17,58	17,82	— 0,24	17	11	18,86
800—1000	20	8,4	17,52	17,65	— 0,13	14	6	18,68
1000—2000	42	26,2	17,77	17,49	+ 0,28	18	24	19,66
свыше 2000	8	10,6	17,39	17,11	+ 0,28	4	4	19,76

Таблица эта позволяет сделать выводы, заслуживающие внимания. Она показывает, что вместе с величиной копей производительность отдельных рабочих в смене быстро возрастает и что еще более быстрым темпом понижается себестоимость. Совсем другое дело с доходами. Они

[1] Таблица эта неполна. Отсутствует несколько крупных, успешно работающих предприятий, а также и несколько мелких, не приславших никаких сведений относительно заработной платы.

[2] Cwt (= hundred-weight) — особая английская единица веса, соответствующая 50,80 кг.

выше всего в самых мелких копях и падают с ростом предприятия. Это явление станет понятным, если вспомнить, что мелкие предприятия имеют возможность сбывать свой уголь в непосредственно прилегающем районе внутреннего сбыта и, таким образом, выигрывают на фрахте. Эти более высокие доходы, однако, никоим образом не обусловливают рентабельности предприятия. Напротив, с падением добычи повышается число предприятий, работающих в убыток, а также и доля этих убытков. Из 114 предприятий, показывающих дефицит в размере более 3 шилл. (с тонны), 110 имело годовую добычу менее 400.000 тонн и лишь 4—5 более 400.000 тонн. Можно говорить о рентабельности лишь тех предприятий, продукция которых превышает 1.000.000 тонн. Если исключить из вышеприведенной таблицы самые мелкие группы, то прочие должны были бы в общей сложности показать небольшую прибыль.

Таким образом, таблица эта показывает, что рабочие правы, утверждая, что раздробленность в английской горной промышленности имеет влияние на ее неэкономичность. В Германии также сохранялось от военного времени небольшое число предприятий, до тех пор пока возрастающая их нерентабельность в эти столь неблагоприятные для горной промышленности времена не привела к их закрытию. В одной лишь рейнско-вестфальской горной промышленности в течение 1925 г. закрылось 40 предприятий, так как разработка их в условиях сжатых цен не покрывала более себестоимости. Закрытие этих предприятий, в которых было занято около 75.000 рабочих, было для шахтовладельцев сильно облегчено тем, что они смогли свои доли участия в этих копях перенести в другие, их же владения. Благодаря этому явилось возможным повысить дивиденд и увеличить рабочий персонал. В Англии против этого говорят именно частно-хозяйственные условия, препятствующие закрытию предприятий.

Они лежат в отношениях владения. Там недра земли и право распоряжения ими принадлежит собственнику земной поверхности. Последний сдает право на разработку в аренду за плату (royalties), которая, будучи вычисляема с каждой добытой тонны, сама по себе большей частью невысока, однако, обеспечивает владельцу хорошую ренту. Это право собственников поверхности на недра земли, возникшее еще в 1568 г., оказывает большое влияние на развитие угольной промышленности: оно препятствует техническому прогрессу.

Прорытие шахт возможно лишь, с согласия владельца поверхности, в местах, соответствующих его интересам, но не всегда отвечающих требованиям горного дела. При разработке флецов (горизонтальных пластов) необходимо сообразоваться с меняющимися отношениями владения, а не с хозяйственностью разработки или с большей или меньшей насыщенностью их углем. Поэтому случается, что рабочие должны проходить очень длинные расстояния до мест их работы, — доклад говорит о двух часах пути под землей, — и, таким образом, получается большая потеря продуктивного рабочего времени, а вместе с тем и производительности. Это арендное отношение является часто причиной того, что лицо, имеющее право на разработку, не заботится о снабжении рудников новейшими техническими средствами. Еще в настоящее время часты случаи, когда уголь и рабочие перевозятся лошадьми, несмотря на то, что в старых копях такой способ передвижения представляет большое неудобство.

Но, помимо этого, существующие в Англии отношения владения землей привели к тому, что закрытие мелких или ставших нерентабельными разработок затруднилось именно в силу длительного срока арендных договоров, а также к тому, что об'единение нескольких рациональных крупных разработок встречает значительные препятствия. В этих отношениях владения рабочие усматривают не последнюю из причин удорожания продукции. Вот почему они вновь выдвигают одно из старых своих программных требований — национализацию горной промышленности, которая должна привести к ее рационализации. Право на недра должно быть выкуплено у землевладельцев государством, которое должно стать собственником горно-заводского предприятия. Не встречая препятствий со стороны частно-хозяйственных интересов, оно должно предпринять закрытие одних и об'единение других предприятий для того, чтобы поднять горное дело на возможно большую хозяйственную высоту. В противовес неизбежным увольнениям рабочих проект рабочих выдвигает требование новой организации применения и сбыта угля. Так же, как и угольная промышленность, должны быть национализированы газовые и электрические предприятия, и, поскольку это является необходимым, государство должно оживить электрическое хозяйство. Далее, они требуют развития производства кокса, бездымного топлива, увеличения добычи масел и практического применения всех научных достижений в угольном деле.

Национализация горной промышленности — старое требование горнорабочих. Впервые требование это было выставлено союзами горнорабочих в 1890 г., затем было сформулировано в виде законопроекта в 1913 г. и с тех пор постоянно пропагандировалось. Оно было одним из пунктов в программе условий возобновления работ после забастовки 1921 г. До сих пор, конечно, союзам удалось добиться от горнопромышленников немногого. Неизвестно также, принесет ли им какой-нибудь результат и настоящая забастовка, несмотря на то, что откуп прав на разработку государством включен в программу Королевской комиссии по обследованию. Правда, эта вставка комиссии не имеет ничего общего с национализацией. Комиссия стоит на той точке зрения, что вместо частного предпринимателя право на разработку должно сдаваться в аренду государством и что, таким образом, арендная плата (royalties) должна уплачиваться не частному собственнику земельной площади, а государству. Остается сомнительным, чтобы таким путем можно было достигнуть существенного удешевления продукции. Плата, взимаемая с количества добычи, как уже указывалось, не составляет значительной доли в себестоимости. В 1924/25 г. она составляла около 3% общей стоимости. Улучшения можно было бы, конечно, достигнуть при условии более рационального устройства установок, сокращения подземных путей и облегчения возможности закрытия нерациональных разработок. Именно в этом направлении, повидимому, и работают сейчас в связи с забастовкой горнопромышленники. Судя по газетным сообщениям, они собираются теперь об'единиться для того, чтобы через механизацию и рационализацию достичь удешевления продукции и путем сочетания угольных копей с промышленными предприятиями проложить дорогу к лучшему использованию угля.

Но попытки, направленные к рационализации горной промышленности, как бы энергично они не проводились, требуют все же времени

и на первых порах никоим образом не покроют того дефицита, который до сих пор покрывался субвенциями. Вот почему работодатели и остаются при своих первоначальных требованиях—удлинения рабочего времени и понижения заработной платы.

Рабочее время в английской горной промышленности составляло до 1920 г. 8 часов, после доклада Санкейского комитета было понижено до 7 часов (работы в шахте) и, таким образом, составляет теперь около 7 3/4 часов, считая от начала спуска в шахту до конца обратного под'ема. Оно, следовательно, на 1/4 часа короче рабочего времени, являющегося обычным в большей части европейских стран (Франция, Германия и др.). Рабочие противятся удлинению рабочего времени весьма энергично, и даже Королевская комиссия в своем докладе меру эту отклоняет. Причины этого понятны. Фактически, на что указывает также Королевская комиссия, о мере этой пришлось бы сильно пожалеть как в национальных, так и в международных интересах, потому что: 1) она оказала бы влияние на рабочее время в других отраслях промышленности в Англии; 2) в дальнейшем, в случае, если бы она и вызвала ожидаемое увеличение добычи, то повела бы к увольнению рабочих; 3) она не повысила бы конкурентоспособность Англии, так как удлинение рабочего времени горнорабочих в Англии, несомненно, принудило бы к подобным же мерам и другие страны, которые с точки зрения удешевления себестоимости и сохранения способности конкурировать не могли бы избрать иного пути, кроме такого же удлинения рабочего времени. Несмотря на все это Нижняя и Верхняя Палаты приняли недавно закон о восьмичасовом рабочем дне, закон, который фактически приносит рабочим девятичасовой рабочий день. Судя по прежней твердости рабочих, нельзя, однако, предположить, чтобы они подчинились этому режиму.

Другой основной вопрос нынешней забастовки, по которому до сих пор не было достигнуто соглашения, это вопрос о заработной плате.

Нынешнее положение о зарплате английских горнорабочих основано в главном на соглашении 1921 г., так как 1924 г. принес лишь мелкие изменения в сумме общего заработка.

С тех пор заработная плата складывается из минимальной платы и прибавок, которые должны регулировать общий заработок сообразно с положением горной промышленности в соответствующем округе. Основная или минимальная плата сводится не только к обеспечению прожиточного минимума. В гораздо большей мере она должна соответствовать тому образу жизни, который с годами укоренился в быту горнорабочих. Основой ее является поэтому уровень 1914 г., который она превышает теперь на 33%. К этим минимальным ставкам присоединяются „экономические“ прибавки, исчисляемые из прибылей предприятий. Горнопромышленные предприятия обязаны доставлять сведения о своих доходах и себестоимости, которые потом вычисляются по округам. Из общей суммы издержек исключается, прежде всего, минимальная плата, а также стоимость материалов, затем расходы по управлению и страхованию, равно как и плата землевладельцу. Амортизация и налоги туда не входят. Из остающейся суммы 83% идет в пользу рабочих, как прибавка к заработной плате, и 17% остается предприятию в виде предпринимательской прибыли. Такой порядок имеет свои выгоды и невыгоды. Выгодные стороны заключаются в участии рабочих в предприятии. Они являются участниками в прибылях предприятия,—правда, не того именно предприятия, в котором они работают, но всей совокупности предприятий своего горнопромышленного округа. Поэтому в благоприятные времена заработная плата их должна быть высока, и такой она бывала в действительности. Зато в тяжелые времена, подобные нынешним, она имеет тенденцию к понижению до уровня основной платы. Так, даже в первой половине 1925 г. она сравнялась бы по некоторым округам с основной платой, если бы не подмога в виде государственных субвенций. Этот способ вычисления заработной платы вносит в доход рабочего момент большой неустойчивости. Да и помимо того, доход этот будет недостаточным, если рабочий, работающий в предприятии, доставляющем большие излишки, будет получать лишь маленькую прибавку к своей основной плате, потому что излишки его предприятия обращаются на выравнивание дефицита других предприятий, расположенных в том же округе. Таким образом, если участие рабочих в прибылях предприятия, вообще говоря, могло бы пробудить в них интерес к делам предприятия, то существующий порядок такую возможность исключает.

Главная невыгода такого способа регулирования заработной платы заключается, однако, в том, что этим создается зависимость заработной платы от вычисления доходов. Для чисто угольных предприятий легко установить цену, полученную при продаже, а вместе с тем и доход, и, напротив, очень трудно это сделать для смешанных предприятий. По каким ценам продается уголь, сбываемый в родственных предприятиях, как оценивается коксовый уголь, поступающий в обработку? Таковы вопросы, задаваемые рабочими.

Правда, лица, проверяющие расчет и избираемые работодателями и работополучателями, во всякое время имеют возможность проверки оснований расчета и давали Королевской комиссии удовлетворительные отзывы о способах ведения книг. Но рабочие не хотят этим удовлетвориться. Здесь имеется основание для недоверия, которое необходимо устранить. Комиссия внесла предложение, сводящееся к тому, что расчет доходов должен отныне производиться не по продажным ценам в отдельном предприятии, а путем перемножения добытого количества и официально установленной цены для каждого сорта угля. Вместе с тем, она пытается найти выход и в других мелких мероприятиях. Но смогут ли они удовлетворить рабочих?

Радикальная помощь будет получена, несомненно, лишь при осуществлении требуемой рабочими национализации. Но до этого остается еще пройти длинный путь. Между тем, вопрос о возможности удержания заработной платы на ее прежнем уровне остается во всей своей остроте. Работодатели обосновывают свое отклонение требований рабочих ссылкой на то, что ставки заработной платы поднялись гораздо выше индекса оптовых цен.

	Издержки в зарплате на каждую добытую тонну	Зарплата по индексу оптовых цен
	(в шиллингах)	
1909—13 гг.	5,995	5,995
1922 г. . . .	14,49	7,45
1924 г. . . .	13,24	7,65
1925 г. . . .	12,99	7,51

Они подчеркивают, далее, что сейчас ставки зарплаты составляют 70—71% себестоимости и поднялись гораздо выше, нежели цены, превышающие довоенный уровень лишь на 20%.

Что значат по сравнению с этим мелкие сбережения, которые, быть может, и удастся получить в результате об'единения и других производственных изменений?

Они пытаются доказать, что убыточность горной промышленности связана лишь с высотой ставок заработной платы. Поэтому они добиваются понижения их до уровня 1921 г., когда минимальные цены составляли лишь 120% заработка 1914 г. Рабочие согласиться на это не хотят.

Все прежние попытки, с чьей бы стороны они не исходили, руководителями предприятий постоянно отклонялись. Положение чрезвычайно запутано, ибо и правительство не согласно более платить субвенции даже в течение короткого переходного времени, чтобы тем самым помочь горнопромышленности во время возможной рационализации и сохранить зарплату на прежней высоте.

П. Китайгородский

Экономическое и политическое положение Турции

1. Финансово-экономическое положение [1]

Турция переживает в настоящий момент острый финансовый кризис. Этот кризис обусловливается, главным образом, ограниченностью размеров народного хозяйства и пределов налоговой платежеспособности. Чрезвычайно медленный темп накопления и недостаток рабочей силы суживают размах народного хозяйства. Это отражается на притоке государственных доходов. Увеличивается государственная задолженность в виде непогашения долгов, задержки уплаты жалованья и т. д.

Возьмем бюджет Турции за 1926 г. В ноябре 1925 г. Бюджетная комиссия меджилиса утвердила общую смету в сумме 233,3 милл. лир. Но оказалось, что такая смета совершенно непосильна для страны. Пришлось меджилису сократить ее до 189,4 милл. лир. И тем не менее бюджет сведен с дефицитом в 20 милл. лир. По сравнению с 1925 г. принятый меджилисом бюджет превышает ассигнования на 1926 г. на 22,4 милл. лир, т.-е. на 13,4%. Но это увеличение ассигнований падает целиком на статьи национальной обороны, которые составляют 45% всей государственной сметы. (Вспомним, что в связи с моссульским конфликтом и угрозами Муссолини по адресу Турции, турецкому правительству пришлось в срочном порядке принять ряд чрезвычайных военно-оборонительных мер на восточной и юго-западной границах, что повело к разбуханию сметы военного комиссариата.) Эта гипертрофия военной сметы произошла за счет сокращения сметных ассигнований на нужды хозяйственных комиссариатов.

Для покрытия непогашенных долгов и чрезвычайных расходов на военные мероприятия правительству пришлось прибегнуть к услугам налогового пресса и введению новых монополий. Среди новых налогов первое место принадлежит налогу на всеобщее потребление. Основное свойство этого налога заключается в том, что он не посягает на продукт производителя, а настигает продукт у потребителя на всех этапах продвижения этого товара. Пока сельскохозяйственные продукты дойдут до потребителя через целый ряд скупщиков, складчиков, оптовиков и розничных торговцев, потребитель в каждом этапе платит продавцам 2,5% всей изменяющейся стоимости. Как видим, больше всего этот налог затрагивает интересы городского потребителя.

---

[1] При составлении этой главы автор пользовался следующими материалами: „L'Economiste d'Orient" за январь—сентябрь 1926 г.; „Bulletin de la Chambre de Commerce et d'industrie de Constantinopole" за январь—август 1926 г.; „Торговый бюллетень" Торгпредства СССР в Турции за тот же период; газета „Джумхуриет"; журнал „Near East", газета „Le Journal d'Orient" и др.

Казна рассчитывала выручить от этого налога на потребление около 37,5 милл. лир (для городских жителей, кроме налога на всеобщее потребление, введен еще налог на потребление в ресторанах, столовых, чайных и кофейнях).

Введение налога на потребление вызвало бурю протестов со стороны купечества и прессы. Смирнская Торговая палата в своей докладной записке указывает, что „система, выработанная для взимания налога на потребление, в действительности является многократным взиманием налога с одного и того же товара, что поведет к вздорожанию жизни на 15%". Комиссариатом финансов издан целый ряд дополнительных правил по взиманию налога, но они ясности в положение не внесли. В результате введения этого налога обнаружилось депрессивное состояние торговли и закрытие ряда экспортных фирм в Смирне, а также сокращение потребления городских слоев населения, особенно беднейших и средних классов, на плечи которых взвалена вся тяжесть этого налога.[1]

Вторым крупным налогом, введенным в 1926 г., является прямой подоходный налог. И этот последний взимается только с городских жителей. Вот ставки этого налога:

С доходов до	3000	лир	в	год	6%
„ „ „	5000	„	„	„	7%
„ „ „	6000	„	„	„	8%
„ „ „	8000	„	„	„	9%
„ „ „	10000	„	„	„	10%
„ „ „	20000	„	„	„	11%
„ „ „	30000	„	„	„	12%
„ „ „	50000	„	„	„	13%
„ „ свыше	50000	„	„	„	14%

Эта шкала прогрессии, как видим из таблицы, бьет в первую очередь середняка-налогоплательщика. По мере перехода к высшим группам рост ставки замедляется. Законодатель не щадит мелких доходов рабочих и мелкой буржуазии, усиливает давление на средние доходы, и ослабляет его на крупные доходы.

Помимо этих двух налогов введен еще личный налог. Вся налоговая политика проводится таким образом, чтобы щадить сельское хозяйство и крестьянство, переложить всю тяжесть налогов на низшие и средние городские классы с явной тенденцией слабее нажимать на крупных финансово-торговых акул, содействуя этим аккумуляции больших капиталов.

В отношении политики монополий в этом году введены монополии на керосин и бензин, сахар и спиртные напитки. И опять-таки в системе монополий, вызванных к жизни потребностями казны в новых источниках доходов, сказалась та же тенденция турецкого правительства поднять производительные силы деревни за счет портовых городов.

Однако, натиск частных фирм и торговых палат был столь велик, что правительству пришлось отказаться от сосредоточения в своих руках монополию на нефтепродукты и сахар и пришлось ограничиться введением

[1] Кемалийская народная партия отменила средневековый натуральный налог на десятину („ашар"), дававший государству 1/4 бюджетных поступлений. Чтобы заполнить пробел, созданный этой реформой, правящая партия решила прибегнуть к налогу на всеобщее потребление, который должен был дать 37,5 милл. лир в год.

косвенного налога в размере восьми пиастров с килограмма сахара или керосина.

Вообще, как показал опыт первого года, монополии с точки зрения режима государственной монополии не оправдали себя. Правительству не удалось наладить складочный и распределительный аппарат, отчего некоторые виды монополии были сведены на-нет. Но с точки зрения фиска монополии на нефть, спирт и сахар дали более или менее реальные результаты (около 8 милл. лир).

В области торговли внешней и внутренней Турция тоже переживает острый кризис. Турецкая лира необычайно низка. В прошлом году фунт стерлингов стоил 832 пиастра, а теперь 970 пиастров. Турецкому экспорту приходится выдерживать конкуренцию со стороны Греции, Болгарии, Южной Африки, Калифорнии по целому ряду продуктов, составляющих основную массу экспортной номенклатуры Турции. За первое полугодие 1926 г. в Смирне закрылось свыше 60 экспортных фирм, правда, преимущественно среднего масштаба. Инородческие и иностранные элементы сокращают размеры своей торговли, покупательная способность населения уменьшается.

Что касается вопроса индустриализации страны, то если в 1925 г. было заметно значительное оживление в области промышленного строительства, то в 1926 г. мы наблюдаем ослабление темпа строительства.

Правительство поощряло развитие индустрии, стремясь вовлечь в строительство национальные элементы путем оказания субсудий фабрикантам и промышленникам и даже государственного участия в строительстве (сахарный завод, текстильная фабрика и т. д.). В провинции построен целый ряд мельниц, несколько новых хлопкоочистительных заводов. В Константинополе появилось несколько новых кожевенных заводов, три чулочных и трикотажных фабрики и несколько новых металлических мастерских.

Однако, в 1926 г. наступила заминка в области промышленного строительства из-за недостатка капиталов и отсутствия достаточного количества дешевой рабочей силы. Страх перед введением новых монополий, боязнь налогов парализует частную предприимчивость.

Единственный и достаточно крупный успех в области промышленности можно отметить в добыче угля. Запрещение правительственным учреждениям, железным дорогам и пароходствам употреблять иностранный уголь, а впоследствии английская забастовка создали довольно благоприятные условия для турецкой угольной промышленности. В последние 5 месяцев (считая с апреля) добыча угля с 85—90 тыс. тонн в месяц поднялась до 120 тыс. тонн. Успех был бы еще больший, если бы не недостаток рабочей силы. Гераклеевское общество в своем докладе по этому поводу указывает на совершенную невозможность усиления добычи и на необходимость механизации в тех видах труда, где это представляется возможным, с целью освободить рабочие руки для работы в шахтах.

Характерно то, что в 1925 г. мы наблюдали оживленный ввоз тракторов и механических плугов (около 800), а в этом году ввоз последних сократился. Земледельцы предпочитают экспансивное зерновое хозяйство дорогостоящим техническим культурам, тем более, что турецкие табаки и хлопок все сильнее ощущают конкуренцию на внешних рынках.

Недостаток рабочей силы и отсутствие капиталов для изменения технического уровня хозяйства порождают тенденцию к усилению экстенсивного хозяйства.

В области банковской политики турецкому правительству нечем особо похвастаться. Национальные банки отличаются небольшой кредитоспособностью. Собственные капиталы Сельскохозяйственного банка, Горнопромышленного банка и Банка национального кредита не превышают 25 миллионов тур. лир, что составляет 1/4 одного знаменитого Оттоманского банка, где преобладает французский капитал. (Капитал Оттоманского банка равен 10 милл. фунт. стерл.)

Турецкая казна испытывает чрезвычайную нужду, и правительству приходится прибегать к помощи Оттоманского банка, этого спрута, одно время крепко вцепившегося в тело Оттоманской империи. По недавно состоявшемуся соглашению Оттоманский банк открыл турецкому правительству текущий счет в 10 миллионов, которые должны погашаться поступлениями государственных доходов. Этим самым воскрешается старый порядок, практиковавшийся еще при Абдул-Гамиде и заключающийся в том, что государственные суммы протекали через каналы Оттоманского банка, этого полного владыки довоенной Турции. Кемалистская Турция уничтожила этот порядок, свела его почти на-нет, изъяв табачную и сахарную монополию из рук Оттоманского банка. Но в последнее время мы замечаем, как под давлением финансового кризиса, кемалистское правительство вынуждено закладывать свои государственные доходы Оттоманскому банку, который опять начинает приобретать черты государственного банка. Турции в силу своего тяжелого финансового состояния приходится приносить политическую жертву.

Чрезмерно разбухший военный бюджет, политика железнодорожного строительства, политика государственной помощи при оборудовании промышленных предприятий и участия самого государства в возникающей промышленности, политика кредитной государственной помощи сельскому хозяйству,—вся эта экономическая политика не может быть реализована собственными средствами, поступающими из внутренних источников. Вопрос о неизбежности внешнего займа, об обращении за помощью к иностранному капиталу встал остро перед правящими сферами Новой Турции.

Во время моссульских переговоров турецкое правительство надеялось выговорить заем в виде компенсации, но это сорвалось. Англия предоставила право Турции получить компенсацию за полный отказ от каких бы то ни было прав на моссульскую нефть в размере 500 тыс. фунтов стерлингов. Но эта сумма явится каплей в море финансовой нужды Турции.

Турецкие, английские и французские газеты сообщают о каких-то переговорах, ведущихся в Лондоне между представителями Сити и бывшим турецким министром финансов Гассан-беем. Сведения, поступившие в печать, разноречивы: одни сообщают о займе в 10 миллионов, другие—в 20 и даже 30 миллионов фунтов стерлингов. Англия обусловливает заем обязательством для Турции 2/3 его получить в виде товаров и только 1/3 наличными.

В случае завершения этой сделки Турция неизбежно подпадет под экономическое влияние Англии, а за экономическим укреплением влияния английского капитала неотвратимо последует и политическое усиление Англии в Турции.

Чтобы успокоить Францию, доля которой в государственном долге Турции составляет 65—70%, англичане, по словам „Таймса“, „Дейли Телеграфа“ и „Нир Иста“, заявляют, что заключение займа невозможно до тех пор, пока не будет урегулирован вопрос об уплате по купонам и способе исчисления старого долга. Дело в том, что на Лозаннской конференции, закончившейся в июле 1923 г., Турция согласилась с тем, чтобы свести старый оттоманский долг к 80 милл. лир. Но Исмет-паша, возглавлявший турецкую делегацию, категорически воспротивился исчислять купоны в золотой валюте. Вопрос остался открытым. Турецкий бюджет в своей расходной части заключает статью по погашению государственного долга в размере около 10 милл. бумажных лир ежегодно. По сообщению турецкой прессы, турки уже согласились половину долга исчислять в золотой валюте.

Таким образом, если заем будет предоставлен Турции, последней придется дорого заплатить за него. Уже теперь Англия предлагает Турции пересмотреть Лозаннскую торговую конвенцию. Разумеется, такой „пересмотр“ должен иметь в основе своей укрепление и закрепление английских позиций в Турции.

Турция находится в опасности. Едва освободившаяся от империалистического ига, она рискует попасть вновь в кабалу к иностранному капиталу. Иностранный капитал „задаром“ не пойдет в Турцию. Он потребует крупных компенсаций, он предъявит в первую очередь требование отменить налоговую и национально-экономическую политику. Но тут мы переходим к другому вопросу—политическому, о котором речь в следующей главе.

2. Политическое положение Турции

Самым крупным событием в политической жизни Турции за последнее время является судебный процесс о заговоре против президента Турецкой республики и республиканского режима. Чтоб лучше понять значение этого процесса, мы должны вспомнить, что теперешняя турецкая буржуазия является, так сказать, двуликой. Одна часть турецкой буржуазии связана с иностранным капиталом, преимущественно с финансовым миром Парижа и Лондона. Это—портовая буржуазия Константинополя и Смирны по преимуществу.

Эта буржуазия портовых городов враждебно настроена в отношении Новой Турции. Торговцы-посредники, биржевые маклера, банковские деятели и спекулянты разных мастей слишком задеты реформами кемалистского правительства, его налоговой и прочей экономической политикой, идущей на пользу анатолийскому населению во вред Константинополю.

Последний является в полном смысле слова очагом контр-революции. Именно здесь реакционная оппозиция нашла свою родную стихию. Рауф-бей, Джамболат, Джахид, Абдул-Кадер, Кара-Кемаль и Джавид-бей, этот кумир делячества и финансово-спекулятивного константинопольского мира и любимец парижской биржи,—все они находили питательную среду в константинопольской общественности и поддержку со стороны

иностранных миссий банков, торговых фирм, которыми изобилует Константинополь.

Именно здесь старая партия „Единение и прогресс“, вовлекшая Турцию в империалистическую войну, перерядилась в новую, „республикански-прогрессивную“ тогу и стала постепенно готовиться к свержению республиканского кемалистского режима. Загнанная в подполье турецкая контр-революционная оппозиция подготовила заговор против Кемаля, своевременно раскрытый турецкими властями. Чрезвычайный трибунал или суд независимости, заседавший в Смирне, а впоследствии переехавший в Ангору, вынес лидерам и идеологам портовой буржуазии смертный приговор.

В противовес портовой буржуазии в Анатолии зародилась буржуазия новейшей формации. Крепкие узы материальной заинтересованности связывают ее с республиканским строем. С лихорадочной поспешностью, пользуясь примитивными методами, этот кулацкий, „чумазый“ класс силится овладеть всеми богатствами страны и преуспеть в деле аккумуляции капиталов.

Правительство приходит ему всесторонне на помощь. Мы уже видели, как при введении подоходного налога меджилис пощадил крупный капитал. Правительство правящей кемалистской „народной партии“ всячески стремится поощрять образование национального капитала. В Анатолии мы замечаем процесс головокружительного обогащения небольшого слоя молодой провинциальной буржуазии.

Начатки индустриализации, постройка железных дорог, основание банков,—все это дело рук молодой буржуазии, среди которой мы имеем как представителей лиц свободных профессий (журналисты, бывшие офицеры, врачи), чиновничьего мира, так и выходцев из деревенского кулацкого слоя.

В угоду этому классу „новоиспеченных буржуа“ правительство Кемаля проводит политику самого яркого протекционизма. В первой главе мы видели, что государство идет навстречу промышленникам и коммерсантам Анатолии, оказывая им непосредственную поддержку (законы, поощряющие промышленность, освобождение от налогов, выдача беспроцентных ссуд, субсидий и т. д). Самые видные политические деятели кемализма, опираясь на поддержку правительства, заняли видное место в деловом мире. Многие депутаты, командиры и бывшие министры превратились в промышленников и крупных торговцев.

Вот этот новый класс анатолийской буржуазии тесно связал свою судьбу с республикой Кемаля. Доморощенная, провинциальная, „чумазая“ националистская Ангора силится перещеголять „компрадоровский“ Константинополь. Но последний не хочет сдаться, не хочет склонить свою голову перед грубоватой „деревенщиной“—Ангорой. Отсюда и борьба не на жизнь, а на смерть между этими двумя буржуазными группировками старой и новой формации. Кемалисты, являющиеся выразителями интересов восходящего класса, идеологами анатолийского „третьего сословия“, этой новой буржуазии, вышедшей из чрева турецкой революции, нанесли почти смертельный удар турецкой реакции. Оппозиция обезглавлена. Ангорская „чрезвычайка“ не остановилась даже перед казнью Джавида-бея, этого крупного финансового дельца довоенной послегамидовской Турции, связанного тесными узами дружбы с парижскими банками.

Вся империалистическая пресса посвятила теплый некролог этому бывшему при „младотурках“ министру финансов, неоднократно оказывавшему финансовому миру Парижа и Лондона ценные, далеко не бескорыстные услуги в деле финансового закабаления Турции.

Суд над вождями старой „младотурецкой“ партии „Единение и прогресс“ и ее „alter ego“—„прогрессивно-республиканской партии“—выявил всю беспринципность и реакционность идеологии этих деятелей, запятнавших себя изменой своей родине, посягавших на самые основы турецкой революции.

С какой программой подсудимые выступали на суде? Они в своих выступлениях старались доказать, что 1) кемализм переоценил внутренние силы молодой Турции; 2) кемализм взял слишком непримиримый курс по отношению к Западу; 3) кемализм не создал благоприятных условий для привлечения иностранного капитала; 4) кемалисты посягнули на религию и нарушили принципы демократии.

Иными словами подсудимые повторили на суде то самое, в чем империалистическая пресса обвиняет кемалистов. Все эти „вожди“ явились, в сущности, проводниками идей парижской биржи, а наиболее крупный из этих вождей, Джавид-бей, действовал сообща с западным капиталом, взявшим курс на финансовое изнурение Турции. Подсудимые выявили себя смертельными врагами республиканского строя, врагами турецкого крестьянства Анатолии и сторонниками реставрации былой политической и экономической роли Константинополя, который широко раскрыл бы двери перед иностранным капиталом.

Эти реакционеры, прикрывшиеся личиной демократии, окончательно скомпрометировали себя на суде. Суду удалось выявить перед всем турецким обществом все убожество этих „вождей“, тянувших Турцию назад к „младотурецкому“ режиму благодаря которому страна оказалась закабаленной иностранным капиталом.

В области внешней политики замечается явная тенденция со стороны империалистических держав втянуть Турцию в разного рода международные комбинации, направленные против СССР. В первой главе мы уже видели, как переживаемый Новой Турцией финансово-экономический кризис толкает руководящие круги на путь экономического „сближения“ с Западом, на путь кабальных займов. За экономикой следует и политика, Англия стремится оторвать Турцию от СССР, расширить свою экономическую деятельность в Турции и, закабалив ее экономически и политически, ликвидировать независимость политики ангорского правительства.

Англия, этот худший враг молодой Турции, предлагает свои „услуги“ турецкому правительству. На арабском Ближнем Востоке Англия противодействует росту турецкого влияния, Турция наталкивается на непрекращающиеся интриги англичан в Персии, в Курдистане и до сих пор не может установить нормальных отношений с Ираком. Сближение с Англией означало бы для Турции конец независимости, завоеванной столь дорогой ценой.

А между тем, судя по английской и французской прессе, Турция понемногу дает себя вовлечь в орбиту империалистической политики. Да и турецкая пресса все время систематически подготавливает общественное мнение к мысли о том, что, например, вступление Турции

в Лигу Наций было бы не бесполезно для страны. Турецкие послы Лондона и Бухареста были специально командированы в Женеву для зондирования почвы на этот счет.

Руководящие сферы Анатолии должны, однако, не забывать, что от вступления в Лигу Наций они скорее потеряют, нежели выиграют. Что на Лигу слабые нации не могут возлагать никаких надежд, доказывает хотя бы пример Абиссинии. Несмотря на то, что последняя является членом Лиги, это обстоятельство ничуть не помешало Англии и Италии разделить Абиссинию на экономические сферы влияния, при этом даже не сочли нужным справиться у последней, какова ее точка зрения на этот вопрос.

Турция, попав в Лигу Наций, потеряет свободу инициативы и маневрирования на Востоке и сделается игрушкой в руках сильных держав, задающих тон в Лиге. Турция не сумеет активизировать свою политику на арабском Востоке, где она пользуется небывалым авторитетом.

ОТДЕЛ III

Экономика и техника

В. Золотарев

Электрификация и режим экономии

Кампания за осуществление режима экономии, весьма настойчиво проводимая на самом широком хозяйственном фронте, превратилась в организованный поход против непроизводительных расходов всякого рода.

Во многих отраслях торговли и промышленности уже выявились основные моменты реорганизации, которая должна будет дать в конечном результате сокращение непроизводительных затрат. Такую реорганизацию значительно легче произвести в области государственного аппарата, в торговле и т. д., нежели непосредственно на производстве.

В последнем случае проведение режима экономии не исчерпывается сокращением до известной степени накладных расходов, а идет значительно дальше,—идет по пути технического усовершенствования самих методов производства. Заводская практика, и заграничная и наша, неизменно направленная в сторону сокращения количества сырья, энергии и рабочей силы на единицу продукции, каждый день говорит все о новых и новых возможностях в смысле проведения режима экономии. Установить пределы, за которыми применение режима экономии в производстве оказалось бы бесцельным, совершенно невозможно, ибо нельзя установить пределов достижений техники, являющейся самым мощным оружием при осуществлении режима экономии. В этом отношении чрезвычайно интересны некоторые данные, рассказанные Генри Фордом в его книге „Сегодня и завтра“. Если говорить о режиме экономии в производстве, то нельзя отрицать, что мировой рекорд в проведении этого режима побил Форд, а он рассказывает: „Мы стремимся экономить сырье и труд, и не проходит почти ни одной недели без того, чтобы не было проведено какое-нибудь изменение в производстве... Любопытно отметить, что некоторые из наиболее крупных сбережений достигаются при выработке таких частей, производство которых мы считали довольно совершенным. В одном случае оказалось, что употребляя на 2 цента больше материалов при выработке детали, мы можем снизить ее общую стоимость на 40%“.[1] Он же рассказывает и о других случаях, противоположных вышеприведенному,—стоимость изготовленной детали резко понизилась благодаря уменьшению количества материала и некоторому увеличению количества труда для ее изготовления. Выбор материала, его рациональное использование и углубление технологиче-

[1] Генри Форд, „Сегодня и завтра“, ГИЗ, 1926 г., стр. 50—51.

ского разделения труда при производстве,—основные моменты при проведении режима экономии в производстве.

Практика последних лет показала, что наиболее рационализированные производства, в большинстве случаев, построены на электроэнергетической базе и, следовательно, электрификация, в самом широком ее понимании, является могучим средством в проведении режима экономии. Такая роль электрификации, совершенно доказанная международной практикой последних лет, заставляет нас с особым вниманием оценить электрификацию в условиях нашей действительности и, конечно, проанализировать два основных момента: 1) режим экономии при осуществлении программы электрификации и 2) роль электрификации при проведении режима экономии.

Первый вопрос весьма сложен и требует серьезнейшего изучения состояния нашей электрификации в обеих ее частях—электроснабжении и использовании добываемой энергии. О режиме экономии при осуществлении электрификации еще нет господствующего мнения, этот вопрос почти совершенно не освещался нашей прессой, как многие другие области нашего хозяйства, для которых уже выбрано направление реконструкции, связанной с режимом экономии.

Основные вопросы промышленности и торговли ежедневно освещались и освещаются в прессе, в них свободно разбираются широкие круги трудящихся, тем или иным образом причастные к хозяйству страны. Что же касается электрификации, то по этому поводу в широкой среде трудящихся еще нет сложившегося убеждения, ибо вопросы электрификации разрешаются в относительно замкнутом кругу работников и с детальным положением дела знакомо чрезвычайно ограниченное число людей.

Попытаемся осветить некоторые стороны нашего электроснабжения, наиболее интересные для рассмотрения их в аспекте режима экономии.

Мы не можем отрицать, что некоторые положения, выдвинутые тов. Шкловским в статье „К пленуму ЦКК“,[1] обоснованы на фактах нашей действительности и, следовательно, для проведения режима экономии дан кое-какой конкретный материал, но суть дела тов. Шкловским недостаточно исследована, а это необходимо сделать, в противном случае мы будем стоять лишь перед бесспорным фактом—„электрическая энергия у нас дорога“, а истинная причина этой дороговизны целиком не может быть отнесена за счет „четырех легковых автомобилей“ и многого другого, указанного в статье тов. Шкловского...

Нельзя отрицать, что и автомобили и вообще всякий непроизводительный расход в конечном итоге приводят к повышенной цене на электрическую энергию, но все же центр тяжести вопроса мы должны отнести к трем основным моментам: 1) к первоначальным затратам на электростроительство, 2) к коэффициенту использования выстроенной электроцентрали и 3) к эксплоатационным расходам, среди которых важнейшим должен быть расход на топливо.

Стоимость киловатта установленной мощности есть один из аргументов, от которых зависит анализируемая нами функция—стоимость квтч электрической энергии. Для освещения этого вопроса мы должны

[1] См. „Правду“, № 154 за 1926 г.

анализировать две совершенно отличных друг от друга сметы на сооружение электроцентрали — нашу и американскую. По этому вопросу мы уже однажды дали свое заключение;[1] но напомним еще раз, что мы строили электроцентрали очень дорого, что предполагавшиеся затраты на сооружение данной электроцентрали к моменту окончания станции составляли почти всегда лишь часть фактически израсходованных сумм. Хронические перерасходы по сметам, иногда превышающие основное ассигнование, имеют место и в силу настойчивых наших спутников—экономических и технических ошибок при проектировании, и в силу слишком большой „шикарности“, с которой обычно мы ведем работу. Строить „дешево“ мы еще не научились, это надо признать фактом, а „дорогая“ стройка „фабрик энергии“, не улучшая качества продукции, лишь подрывает экономику электрификации, ибо непомерно удорожает стоимость квтч электрической энергии. Нет сомнения, что в этом вопросе мы плетемся в хвосте мировых достижений, и наши цифры стоимости 1 квт установленной мощностн побили мировой рекорд... Изжить этот серьезнейший недостаток нашего электростроительства не очень легко, так как в некоторой своей части он является суммой непременных слагающих: дороговизны строительных материалов, несвоевременности финансирования всегда дорого стоящей у нас организации работ и т. д., и т. д. Тем не менее, в данном случае есть конкретное применение для режима экономии, так как ликвидация лишь одной „помпезности“, с которой мы ведем работы, даст солидные сбережения. Нельзя не напомнить, что к началу строительства какой-нибудь совершенно незначительной по мощности станции, солидные суммы уже израсходованы на „комиссии“, „управления“, „доклады“, „командировки“ и т. д. Бывает и так, что когда созвано совещание по вопросу строительства, то никто из обильной „делегации докладчиков“, совершивших путь в несколько тысяч верст, „не захватил“ с собой конкретных материалов по проекту данной станции... Это не утрировка действительности, это факт, быть может, случайный, но все же показательный. Нет нужды доказывать, что в вопросах электростроительства надо „крепко подтянуть возжи“ и категорически пресечь стихийное стремление к созданию сооружений, почему-то называемых местными электроцентралями. „Явочные“ электроцентрали слишком дорого стоят, и нужно раз навсегда установить, что без исчерпывающего проекта, утвержденного соответствующими инстанциями, и без плановой увязки вопроса ни одна электроцентраль не должна строиться,—это даст солидное сбережение средств и понижение стоимости квт установленной мощности, а с другой стороны, даст то направление электрификации, которое нужно для нашего народного хозяйства. В такой постановке вопроса нет ничего опасного с точки зрения „умерщвления инициативы мест“,—наш топливный баланс мы должны рассматривать только в общесоюзном масштабе. Даже в стране „владетельных лордов“—в Англии,—последний закон об электрификации предусматривает лишь „плановое“ электростроительство. У нас, тем более, понятие „внеплановой“ электрификации должно отойти в область предания, ибо „внеплановая“ и „беспланова‍я“ электрификация по своим

[1] См. W. Z., О нашем и американском крупном электростроительстве, „Плановое Хозяйство“, № 9 за 1925 год.

результатам совершенно идентичны. Нужно ли доказывать справедливость этого положения? По нашему мнению—нет, оно логически вытекает из сущности самой электрификации, и в этом единогласно расписались делегаты I Всемирной конференции по энергетике в Лондоне, состоявшейся в 1924 году. К тому же, считаю не лишним напомнить, что в нашем понимании планирования „план“ и „электрификация“—друг друга дополняющие понятия.

Что касается самого процесса создания электроцентралей, то никогда не надо забывать, что „самый плохой архитектор отличается от наилучшей пчелы в первую очередь тем, что прежде чем строить ячейку из воска, он уже построил ее в своей голове“ (Маркс). Но в проекте электроцентрали слишком много отдельных деталей и экономического и технического характера,—их можно „перепутать“; чтобы этого не случилось, надо иметь рабочий проект, многократно его проверить со всех точек зрения и лишь после этого строить. „Семь раз отмерь, один раз отрежь“ более всего должно быть отнесено к электростроительству. Стоимость 1 квт установленной мощности имеет серьезнейшее отражение в тарифе на электрическую энергию, а в условиях наших финансов стоимость обращения капитала делает это „отражение“ весьма неприятным для электрификации и, следовательно, для народного хозяйства в целом. Трудно установить во что должен обходиться 1 квт установленной мощности в наших условиях строительства,—это зависит от типа станций, от местных условий и многого другого, но во всяком случае стопроцентный „запас прочности“ в стоимости 1 квт установленной мощности у нас частенько налицо. В дальнейшем, мы остановимся и на удельном весе первоначальных затрат при калькуляции себестоимости электрической энергии, а теперь перейдем к анализу второго существенного фактора—топливной слагающей.

Нельзя не указать, что наши существующие электроцентрали, за исключением некоторых, построенных при советской власти, представляют собою весьма старые сооружения, которые по своей конструкции мало имеют общего с современным типом станций, с другой стороны, оборудования этих станций достаточно изношены за истекшие годы и потому сравнивать наши топливные слагающие с американскими, относящимися к новым станциям, можно лишь в целях констатирования морального износа большинства наших оборудований. Но все же это сделать нужно, ибо надо раз навсегда установить, можем ли мы на наших станциях получать „такую дешевую“ электрическую энергию, как это имеет место в Америке.

Наши станции общего пользования в 1923/24 году показали расход тепла, примерно, около 7.500 калорий на 1 квтч добытой электрической энергии. Эти данные относятся лишь к нашим самым крупным центрам (Москва, Ленинград, Баку), продукция которых покрывает, примерно, 90% всей энергии станций общего пользования в СССР. Остальные станции, в общем количестве более 300, расходуют и 13.000, и 22.000 и 30.000 калорий на 1 квтч, но этот уродливый расход тепла мы не будем принимать во внимание при нашем подсчете. Если считать цену на нефть равной 70 коп. за пуд, что составляет 0,000427 коп. за 1 нефтяную калорию, то при расходовании 7.500 калорий на 1 квтч только топливная слагающая равна $0{,}000427 \times 7.500 = 3{,}2$ коп. на квтч.

Интересно знать, какова топливная слагающая нефтяных паротурбинных станций в С.-А. С. Ш. Чтобы наше сравнение было для эквивалентных единиц по мощности, возьмем станцию в 20.000 квт, для нее топливная слагающая – 0,5 цента, что кругло дает 1 коп. Если принять во внимание, что станция в 20.000 квт, при хорошей нагрузке, дает у нас 75.000.000 квтч в год, то мы по сравнению с американскими нормами теряем в год на этой станции (3,2—1) 75.000.000, т.-е. 1.650.000 р., или 82,5 рублян а 1 квт установленной мощности... Очевидно, есть прямой смысл и необходимость обменять наше оборудование на новое, тем более, что сжигаемая нефть есть бесспорная валютная ценность. Вот это было бы настоящим проведением режима экономии в электрификации, и мы должны признать, что для проведения режима экономии в электрификации нужны огромные наличные средства или, по крайней мере, приемлемая форма кредита, в данном случае бесспорно покрываемого из экономии при рационализации производства электроэнергии.

Не даром Стиннес как-то говорил: „американцы потому могут экономить, что они для этого достаточно богаты“.

Таким образом, „4 легковых автомобиля“, о которых писал тов. Шкловский,[1] увеличивая тариф на электрическую энергию, менее „влиятельны“, нежели те 7.500 калорий на 1 квтч, о которых мы только что сказали. Тем не менеее, об этих „автомобилях“ и в прямом и в переносном смысле следует говорить громко и настойчиво, ибо их „ликвидировать“ можно гораздо скорее, нежели сменить все оборудование на наших электроцентралях общего пользования. Мы убеждены, что и кроме топливной слагающей есть на чем экономить на наших электроцентралях, и в этом отношении самое прямое применение режима экономии даст весьма солидные сбережения. Выше указывалось, что у нас высокое относительно нынешних американских норм потребление топлива есть в значительной части результат морального износа наших оборудований, а потому мы можем лишь условно ориентироваться на американские цены на электроэнергию. Указание тов. Шкловского на то, что „за границей энергия для промышленности обходится в дроби копейки“ должно быть корректировано, ибо оно весьма неточно.

Необходимо выяснить методологию калькуляции себестоимости электрической энергии, без этого мы будем иметь весьма искаженное понятие об истинной цене на электрическую энергию и в Америке и где бы то ни было. Как на пример, мы сошлемся на практику одной из грандиознейших американских фирм по строительству центральных станций „Stone & Webster“. Эта фирма предложила свои услуги одному крупному промышленному предприятию и доказала ему, что обзаведясь мощной централью, обслуживающей предприятие и постороннего потребителя, владельцы централи получат для своих нужд энергию даром и, кроме того, солидный годовой доход... Все случилось именно так, как утверждала фирма... но из этого никак нельзя построить заключения, что за границей энергия дается даром... и потребителю еще приплачивают... В чем же дело? Дело в том, что новая электроцентраль фактически оказалась связующим звеном между двумя производствами, ко-

[1] См. „Правду“ № 154.

торые в сумме и создали возможность максимального использования тепла. Мы имеем дело с хорошо известным типом американского комбината, и „энергия даром“ имеет особое значение, коммерчески вполне справедливое. „Дроби копейки“ бесспорно имеют место при массовом потреблении энергии мощных гидростанций и при „комбинированных“ (экономически или технически) отношениях протребителя (промышленности) и электроснабжающей индустрии, но в качестве нормы такой расценки нет и в С.-А. С. Ш. Мы уже указывали, что новейшие нефтяные американские паротурбинные централи имеют только топливную слагающую в 1 коп. на квтч и, следовательно, дроби копейки здесь не могут иметь места. Есть еще один случай „льготного“ отпуска энергии – это тогда, когда нагрузка выравнивает работу станции. В этом случае станции выгодно отпускать по какой-угодно цене энергию, ибо, с одной стороны, выгодно получить хоть сколько-нибудь, нежели ничего не получить, а с другой стороны, нагрузка бывает необходима по чисто техническим соображениям.

Однако, каков средний тариф наших станций общего пользования и какую роль играют накладные расходы?

Наше наиболее крупное об'единение—МОГЭС—в 1923/24 году отпускал энергию для промышленных целей в зависимости от масштаба потребления по 5,3, 6,3 и 7,4 коп. за квтч. Примем средний тариф в $\frac{5{,}3+6{,}3+7{,}4}{3}=6{,}3$ коп. за квтч. Тогда стоимость капитала, амортизация (у нас их принято расценивать в 10%) и „прочие расходы“ плюс доход составляют около 100% непомерно выросшей топливной слагающей... Вот эти „прочие расходы“ должны быть в первую очередь „облагорожены“, если бы для этого даже потребовалось совершение весьма серьезной операции хирургического порядка. Но, быть может, тариф в 6,3 коп. за квтч назначен с „заранее обдуманным планом и намерением“, чтобы полученные „огромные“ доходы обратить в фонд электростроительства? Это, конечно, не так, хотя нельзя не отметить, напр., работ, произведенных МОГЭС'ом отчасти и по этой статье.

Теперь надлежит осведомиться, какое количество тепла расходуют американские станции на квтч добытой энергии и какова топливная слагающая американских электроцентралей, сжигающих низкосортные угли? В 1924 году электроцентраль „Crawford Plant“, принадлежащая Эдисоновскому обществу, потребляла 1,54 анг. фунта угля на 1 квтч, что при теплотворной способности потребляемого угля в 9.984 Б. 1. Е. составляет 3.843 калории. Таким образом, необходимо, во-первых, констатировать, что крупнейшие русские электроцентрали, сжигая наиболее дорогое и совершенное топливо—нефть, расходуют в 2 раза более тепла на квтч, нежели американские станции, сжигающие топливные отбросы и низкосортные угли. Топливная слагающая американской станции „Crawford Plant“ при подсчете себестоимости 1 квтч выразится суммой $0{,}000140 \times 3.843 = 0{,}558$ коп. на квтч.

Таким образом, ясно, что более дешевую энергию в наших условиях можно получить за счет снижения процента непроизводительных и ненужных для дела расходов, а главное, за счет перехода на дешевое топливо и уменьшения расходования топлива на единицу электрической энергии. Наши станции общего пользования, данные о которых мы приводим, и в частности станции МОГЭС'а имеют оборудование „весьма довоенного“ типа. От них и нельзя требовать расхода топлива, применительно к нормам новейших американских станций, тем более, что мы говорим о 1923/24 г. Вновь построенные станции дадут уже другие цифры расхода тепла, но все же это нас мало приблизит к американским нормам. По этому поводу не раз приходилось слышать мнение: „что проще скопировать новейшие заграничные станции“. Как будто это и так, тем более, что мы вводим заграничное оборудование. Но практически это очень трудно сделать, и все заграничные новинки очень медленно прививаются у нас, — мы консервативны и порою враждебны всяким нововведениям. В этом отношении мы способны устроить „электрический бунт“ по примеру „картофельного бунта“, учиненного нашими праотцами...

И американцы „не сразу“ получили дешевую электрическую энергию; путь к дешевой энергии проходился в течение десятилетий. На этом пути точно так же имеется много закрытых из-за нерентабельности станций, но, правда, Америка создавала, не имея „образца“, а мы в этом отношении поставлены в несравненно лучшие условия...

Нынешние американские нормы расходования тепла на 1 квтч являются результатом длительной и упорной работы, стоившей немало времени и денег, но эта работа привела к полной победе электрификации. Ниже приводим основные этапы в потреблении угля на 1 квтч (потребление в англ. фунтах):

1900	1903	1907	1908	1913	1923	1924
5,9	5,0	3,17	2,88	1,94	1,83	1,52

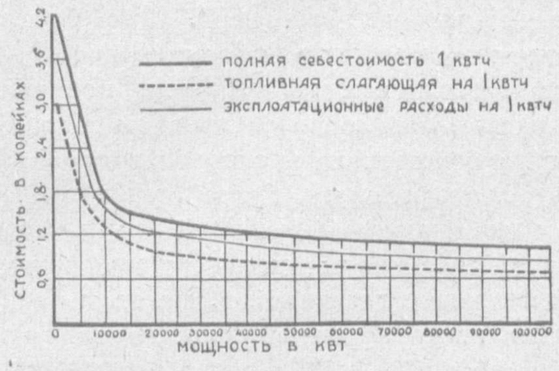
Таким образом, если бы мы пожелали „вписаться“ в американскую историю потребления тепла на квтч, то даже по признаку лучших, наиболее мощных наших станций мы принуждены были бы занять весьма скромное место, ибо 7.500 калорий соответствуют, примерно, 1907 году. Само собой разумеется, что потерянные 19 лет мы могли бы наверстать, но для этого требуется крупное и массовое строительство, для этого требуются мощные единицы на станциях и густая сеть высоковольтных передач. Необходимо использование не каждой станции в отдельности, а всей мощной системы, и лишь при этих условиях мы получим дешевую энергию.

Не надо забывать, что в ближайшие годы мы будем проходить под флагом топливного голода и это обстоятельство говорит как нельзя более в пользу крупного электростроительства не только в силу необходимости покрытия основной потребности в энергии, но и в силу режима экономии.

В топливном балансе наших электроцентралей нефть еще играет весьма крупную роль (Москва—49%, Баку—100%, Ленинград—37,4% в 1923/24 г.), а поэтому интересно, как убывает топливная слагающая нефтяных паротурбинных станций при росте мощностей отдельных единиц. По этому поводу есть американское исследование, результат которого виден из чертежа № 1 (см. черт. на стр. 166).

Как видно из чертежа, топливная слагающая падает с ростом мощности, при чем станция в 5.000 квт по потреблению топлива на 1 квтч энергии очень мало сходна со станцией в 20.000 квт. При дальнейшем

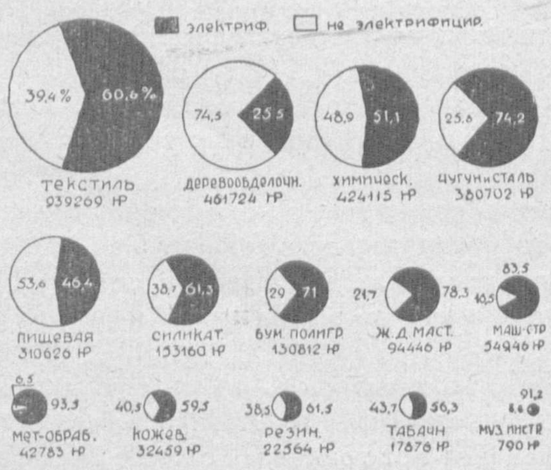
росте мощности, топливная слагающая еще более снижается. Остальные эксплоатационные расходы остаются, приблизительно, равнозначными, и, следовательно, снижение стоимости энергии может быть произведено за счет укрупнения электростроительства и улучшения использования станций. Но в данном случае мы встречаем целый ряд препятствий. Для сооружения мощных станций необходимы большие средства, а с другой стороны, не всегда удается использовать мощные станции, ибо наша промышленность еще нуждается в подготовке к принятию электрической энергии. Еще не так давно и американская промышленность только приступила к своей реконструкции на базе электрификации, а теперь эта работа близится к концу. Вот картина состояния электрификации промышленности в „Южных приатлантических штатах“ (см. чертеж № 2).

Чертеж № 1

Работа по электрификации промышленности проделана в несколько лет и совершенно очевидно, что скоро радиусы этих кружков исчезнут, а вместе с ними исчезнут и заводские станции, ибо эти станции не в состоянии будут конкурировать с мощными централями С.-А. С. Ш.

Крупное электростроительство мало вероятно без соответствующей крупной реконструкции нашей промышленности. Дешевой энергии не будет без крупного электростроительства. Режим экономии в электрификации частично может быть осуществлен созданием крупных промышленно-электрических комбинатов, в которых электрификация и теплофикация, дополняя друг друга, повышают использование вложенных капиталов, а с другой стороны, позволяют наиболее экономно расходовать энергетические рессурсы. Путь комбинатов в переходной эпохе к мощной электрификации—испытанный путь. Нам не следует избегать этого пути тем более, что промышленное строительство большого масштаба у нас на очереди. В развитии нашей электрификации должны сыграть роль и районные станции и промышленно-электрические комбинаты. Важную роль сыграют и крупные заводские централи, но районные станции переживут заводские станции. Картину борьбы между этими двумя видами станций можно наблюдать во всех странах. Заводская станция сделает свое дело—дешево подготовит промышленность к приему тока мощной районной сети—и в определенный момент уйдет, не выдержав натиска районной станции. Это „эволюционный“ метод электри-

Чертеж № 2

фикации... Можно все строить „заново“ — сразу мощные районные станции и промышленность, но здесь решающую роль играет наличие капиталов.

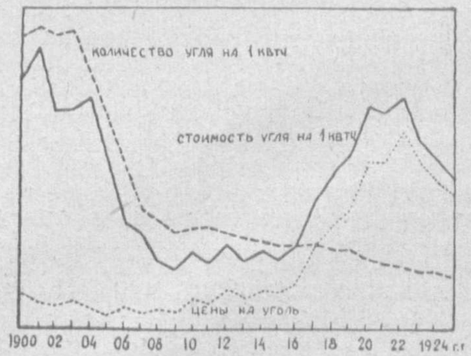
Режим экономии в электрификации может и должен иметь самое действительное применение, и если этот режим будет рационально применен, то сама электрификация окажется мощным средством в проведении режима экономии.

Мировая практика доказала, что электрификация—лучший метод в решении топливного вопроса, а наиболее дешевая энергия получается от мощных станций, снабженных крупными единицами.

Некоторые страны, имеющие недостаточные собственные топливные рессурсы и посему всегда находящиеся в зависимости от иностранного угольного рынка, сэкономили огромные суммы денег благодаря электрификации. Другие страны предпочли импортировать вместо угля электрическую энергию и на этом деле также выгадали. В последние годы есть уже проверенные практикой результаты, и как на примеры, мы сошлемся на испанскую и итальянскую электрификацию, об успехах которой не могут спокойно говорить даже американцы, считающие Европу весьма „отсталой страной“.

Итальянские промышленность и транспорт действительно реконструировались на базе электрификации и итальянские железные дороги побили мировой рекорд в экономичности эксплоатации. Все это как нельзя более говорит в пользу мощной электрификации, преимущества которой доказаны исчерпывающим образом.

В истории развития американской электроснабжающей индустрии есть много моментов, которые будут самыми яркими страницами в истории международной электрификации. Мы уже указывали, что американцы тоже „не сразу“ пришли к современным нормам потребления тепла на квтч электрической энергии. Достаточно взглянуть на нижеприведенные кривые (см. чертеж № 3), изображающие динамику роста цен на уголь, падение норм потребления угля на 1 квтч электрической энергии и третью кривую,—характеризующую рост топливной слагающей, чтобы убедиться в том, что американская электрификация с честью вышла победительницей, преодолев все стоявшие перед ней препятствия.

Чертеж № 3

Мы указали, что в 1923/24 году по уровню наших достижений в расходовании тепла на 1 квтч электроэнергии мы равнялись, примерно, по 1907 году американских достижений. Кривая потребления угля на 1 квтч, конечно, не указывает нашего дальнейшего пути в этом направлении, мы пройдем этот путь скорее, но забывать эту кривую нам не следует потому, что в 1907 году американская электрификация находилась в чрезвычайно тяжелом положении. Это обусловливалось низкими ценами на уголь, высоким (равным нынешнему нашему) потреблением тепла для генерации электрической энергии и дорогою стоимостью сооружения электростанций, электропередач и токоприемников всякого рода.

При нынешней технике сжигания низкосортных углей и наличия мощной системы электропередач совместная эксплоатация целого ряда мощных электроцентралей обеспечивает дальнейший прогресс американской электрификации. Рост цен на топливо еще более способствует расширению поля применения электрической энергии и одновременно ведет к укрупнению электростроительства. Нынешние мощные американские термические станции оборудованы исключительно крупными единицами (50—75—100 тыс. квт), рентабельность которых доказана практикой, Укрупнение отдельных единиц сказывается самым положительным образом не только на первоначальных затратах по сооружению станции, но и на топливной слагающей, понижающейся с ростом мощностей отдельных единиц. При крупных единицах здание станции имеет иную кубатуру, иную поверхность пола, а в результате двойная экономия—понижение стоимости 1 квт установленной мощности и понижение расхода топлива, что именно и ведет к удешевлению себестоимости электрической энергии. Итак, для нас должно быть совершенно ясным, что кроме самого жесткого похода на типично непроизводительные расходы, рационализация электроснабжения требует централизации электроснабжения на мощных электроцентралях, снабженных крупными единицами. Нередко по этому поводу приходится слышать возражения самого общего характера и, между прочим, указания на то, что аггрегаты в 75—100 тыс. квт еще не показали каких-либо особенных преимуществ своей конструкции. Но мы, по всей вероятности, тогда признаем эти мощности, когда они устареют... А за это говорят новые достижения американской техники—американское отделение завода „Броун и Бовери“ сооружает самый большой в мире турбогенератор. Мощность турбины 251.000 HP. Мощность генератора—186.250 квт. Общий вес аггрегата—2.810.000 анг. фунтов.

Конечно, и по этому поводу нам скажут „потерпим, посмотрим, как будет работать этот аггрегат“... А мы убеждены, что вслед за этой машиной начнут строить другую, еще большей мощности...

Небезынтересным будет указать, что находящийся в постройке аггрегат по своей мощности превосходит располагаемую мощность станций общего пользования всего Центрально-Промышленного района почти в 2 раза, а их немало—359. Есть и другая сторона дела, говорящая в пользу укрупнения электроцентралей и снабжения их мощными единицами.

В марте этого года американцами было произведено обследование целого ряда электроцентралей и электропередач; в результате этого обследования выяснено, что рентабельность станций бурно возрастает с ростом мощностей отдельных единиц, а с другой стороны, с ростом совместного их использования. Ниже приводим результаты этого обследования:

Мощность станции в квт	Количество квтч на 1 квт установленной мощности
До 300	334
От 300 до 1.000	1.224
От 1.000 до 5.000	1.524
От 5.000 до 10.000	1.700
Более 10.000	2.525

Очевидно, мощные станции имеют все преимущества с точки зрения стоимости 1 квт установленной мощности и с точки зрения стоимости эксплоатации. Так как наш план развития народного хозяйства имеет своею основой широкое применение электрической энергии в производственных процессах, то проблема дешевой электрической энергии—основная для нас проблема. В данном случае режим экономии обязывает нас удешевить электростроительство, а с другой стороны, увеличить масштаб электростроительства, дабы покрыть им потребности в энергии, о которых в ближайшие годы заявят промышленность, транспорт и хозяйство вообще. Оба положения—масштаб электростроительства и необходимость его удешевления—как нельзя более говорят в пользу мощных электроцентралей, снабженных крупными единицами.

В настоящее время электрификация еще не проникла у нас вглубь производственных процессов, но многие виды промышленности уже твердо ориентируются на реконструкцию на электроэнергетической базе.

Эта тенденция совершенно правильна и в последнее время никем не оспаривается. Небезынтересно привести мнение одного весьма популярного американского экономиста: „Правильные пути к удешевлению и улучшению фабриката бесспорно проходят через унификацию продукции, через принцип массового производства, полную заменимость отдельных частей машин (стандартизацию. В. З.). Основное направление указывается линией электропередач высокого напряжения, и все то, что не по пути этих электропередач, хотя бы в будущем, может существовать лишь временно и обречено на смерть“.

Так оценивается роль электрификации в условиях капиталистического строя. В данном случае одну из сторон электрификации расценили совершенно правильно—электрификация понята не как цель, а как средство. Мы бы нисколько не возражали, если бы и у нас эта сторона электрификации была осознана „по-американски“... быть может, мы тогда лучше поняли бы, что „средства“ бывают иногда так дороги, что пользование ими недоступно. Но так как „средство“ оказалось весьма рациональным, признанным всем миром, то, очевидно, на очереди вопрос об его удешевлении. Каковы пути этого удешевления? Первый и самый верный путь состоит в переходе на малокалорийное, нетранспортабельное топливо. Один из видов этого топлива имеется у нас в изобилии, являясь для большинства районов местным топливом,—это торф. Ко всему этому надо прибавить, что этот вид топлива принадлежит к восстанавливающимся энергетическим рессурсам и что сжигание торфа у нас технически разрешено.

Здесь мы считаем уместным вспомнить наше посещение немецкой „торфяной“ электроцентрали в 1923 году. На территории станции оказались солидные запасы угля, и на наш вопрос, для какой цели этот уголь, директор ответил: „Я не выжил из ума, чтобы одним только торфом греть котлы“. По всей вероятности, теперь этот директор не считает нашу новую Шатурскую станцию „сумасшедшим домом“, ибо нам случилось прочесть в немецком журнале подробнейшее „описание конструкции и действия топки проф. Макарьева“.

Торфу должно быть уделено особое внимание, мы склонны верить, что в конечном результате мы будем иметь „торфяную электрификацию“. В пользу такой электрификации имеется много предпосылок внутри на-

шего Союза и серьезнейшие показания мировой практики. Территориальное распределение наших топливных рессурсов (угля и нефти) совершенно не совпадает с центрами потребления этих видов топлива. Наши промышленность и транспорт базируются на привозном топливе, что, конечно, имеет свое отражение в себестоимости продукции. С другой стороны, электрификацию надо считать антиподной сжиганию привозного топлива в фабрично-заводских предприятиях. Само собою разумеется, что привозное топливо должно обладать наибольшей теплотворной способностью, дабы стоимость перевозки наименьшим образом отражалась на цене калории, получаемой от привозного топлива. Так как при электрификации, построенной на сжигании местного топлива, вопросы транспорта перестают играть решающую роль в выборе топлива, то оказывается весьма выгодным сжигать местные нетранспортабельные топлива, дающие дешевое тепло. Последнее совершенно справедливо для большинства иностранных государств и в особенности для С.-А. С. Ш., но в нашей действительности потребует некоторых поправок на специфичность наших условий. В С.-А. С. Ш. цена 1 калории, добытой из угольных отбросов и низкосортных углей, резко разнится от цены нефтяной калории: для первой цена 0,000145 коп., для второй,—0,000316 коп. Более чем стопроцентная разница, существующая в цене на калорию, конечно, „учтена" американцами, и в последние годы отчасти по этим соображениям, а отчасти и по многим другим, нефть „изгоняется" как топливо для электрификации. Каким быстрым темпом производится это „изгнание" нефти, можно видеть из нижеследующих данных о термических станциях одного из штатов С.-А. С. Ш.:

	Добыто электрической энергии в квт (январь)	Потребление топлива		
		Уголь (тонны)	Нефть (барр.)	Газ (куб. футы)
1925 г.	3.445.240	3.230.153	1.329.855	2.848.225
1926 г.	3.754.280	3.272.761	972.131	3.661.363
Прирост в %%.	+ 8,9	+ 1,3	— 27,8	+ 26,3

Сокращение потребления нефти для целей электрификации началось и у нас. Уже в 1923/24 году торф играл важную роль в общем топливном балансе станций общего пользования Центрально-Промышленной области. При пересчете на условное топливо торф дал 30%, нефть—47%. Замена нефти торфом или каким-либо другим низкокалорийным топливом (подмосковным углем) есть реальнейший шаг в проведении режима экономии. Результаты такой замены особенно важны при массовом производстве энергии. Для паровых станций С.-А. С. Ш. средняя нефтяная топливная слагающая равна приблизительно 1 копейке на 1 квтч, в то время как угольная приблизительно 0,5 коп. Если подсчитать экономию, получаемую от замены нефти углем, при годовой производительности термических станций в 50 млрд. квтч, то мы получим огромную сумму в 250 милл. рублей в год. Но здесь нужны поправки на наши условия, ибо у нас в настоящее время не американский порядок величин

в количестве добываемой энергии, а с другой стороны, мы еще переживаем тот период, когда для многих случаев нефтяные топки оказываются более выгодными. Но в будущем, нет сомнения, мы должны будем перейти на низкосортные топлива для электрификации, и потому все расходы, направленные к достижению этой цели, оправдаются. Для того, чтобы проводить режим экономии в электроснабжении не с точки зрения сегодняшнего дня, а с точки зрения интересов хозяйства в целом, необходимы огромные затраты, полный эффект от которых будет получен, быть может, и не сейчас, а лишь в будущем.[1] По этому поводу мы имеем целый ряд весьма поучительных примеров из нашего прошлого. Одна из писчебумажных фабрик, расположенная в торфяном районе, предпочла пользоваться древесным топливом вместо торфяного. Случилось это потому, что, состоя на „хозяйственном расчете", необходимо пользоваться таким топливом, которое дешевле. А так как *сегодня дешевле* оказались дрова, то им и было отдано предпочтение. В результате этой „экономики" фабрика сожгла древесину, которую для целей производства теперь привозит издалека... а под котлами сжигает торф... В системе планового хозяйства это совершенно недопустимая постановка дела—мы строим хозяйство будущего и забота о *будущем* является весьма важным вопросом в планировании. В С.-А. С. Ш. уже теперь возник целый ряд процессов о „хищнической" эксплоатации естественных богатств,—это пресечение того, что сделала наша писчебумажная фабрика. Еще один пример из практики планирования. Каширская станция строилась для сжигания подмосковного угля, при чем в основу принято, что в угольных отбросах недостатка не будет, в виду развития угледобычи в подмосковном бассейне, и что топливо должно подвозиться по Веневской ветке. Ясно, что целесообразность Каширской станции может оправдаться лишь при наличии двух вышеуказанных условий. Но если под влиянием чрезвычайных обстоятельств на некоторое время отчасти *консервируется* подмосковный угольный бассейн и перестает существовать Веневская ветка, то ясно, что основные условия нормального функционирования Каширской станции ставятся на голову. Но эта пора „диковинной" на первый взгляд эксплоатации Каширской станции миновала. Станция окрепла, в ближайшие годы она превратится в мощную централь, сжигающую низкосортные угли и, следовательно, целиком соответствующую тому значению, какое ей приписывалось планом ГОЭЛРО. Мало того, успехи поставленного на ней опыта горячего дутья показывают, что эта станция обещает быть одной из наиболее экономичных. В данном случае считаем не лишним напомнить читателю заключение по этому вопросу проф. Рамзина. Тов. Шкловский не писал о Кашире в период „упадка" этой станции, но был бы прав, если бы „в свое время" раскритиковал эту станцию. Мы могли бы привести много примеров, именно таких, о которых написал тов. Шкловский, и конкретно доказать, что получившаяся в результате бесплановость в электростроительстве есть функция тех изменений, которые вносятся в обще-

[1] Соглашаясь с этой мыслью автора, редакция, однако, считает необходимым отметить, что для осуществления „экономии" такого порядка (т.-е. реконструкции) и необходима в первую очередь экономия в „накладных", „прочих" и т. п. расходах, непроведение которой есть задержка в накоплении средств, необходимых для реконструкции, есть бесхозяйственная растрата их.

государственный план развития хозяйства уже после начала сооружения электроцентрали.

Нельзя не признать, что планирование в условиях нашего Союза, представляет собою большие трудности, а посему возможны и ошибки всех видов. Однако, не лишним будет напомнить что и в такой стране как С.-А. С. Ш. не редки случаи ликвидации вновь построенных станций. И там оказались возможными ошибки не только экономического, но и технического порядка. Например, 2 большие станции, совсем недавно пущенные в ход в Пенсильвании, были закрыты в виду их нерентабельности.

План электрификации не может существовать раздельно от общего плана развития народного хозяйства и поскольку будут вноситься изменения в общий план уже после того, как начаты постройки определенных станций, весьма вероятно, что это может отражаться самым нежелательным образом на работе станций.

Эти два примера, по нашему мнению, весьма показательны и могут служить иллюстрацией к разрешению энергетической проблемы в плановом порядке. Решением проблемы может быть только плановое электроснабжение. Другой порядок электроснабжения не должен существовать в нашем хозяйстве.

Третий важный фактор, влияющий на себестоимость электрической энергии—коэффициент использования установленной мощности. В данном случае мы приходим к плановой увязке производства и потребления. Если перед нами случай полного возможного использования мощности станции в течение круглых суток—это наш идеал. Такие случаи практически не существуют в годовой эксплоатации, и различные станции в различных странах работают с переменными коэффициентами использования. Но если эти коэффициенты напоминают данные из нашей эксплоатации, то такие станции могут отпускать энергию лишь по повышенной цене или прекращают свое существование в виду их нерентабельности. Наши лучшие коэффициенты использования дают, примерно, 25%, и это третий момент не в пользу дешевой энергии.

Как повысить коэффициент использования? В заграничной практике встречаются самые различные методы решения этой задачи, но наиболее распространенный метод—это льготные тарифы в часы минимумов.

В наших условиях это тоже было бы применимым, тем более, что очень немного производств у нас работает в три смены. На очереди увязка электроснабжения во времени (суточная). Крупным потребителям электрической энергии все равно придется считаться с нашими топливными затруднениями в ближайшее время, и к этому надо быть готовым заранее. Итак, основные слагающие нашего тарифа на электрическую энергию—затраты на электростроительство, топливная слагающая, коэффициент использования установленной мощности и накладные расходы; все они для применения режима экономии представляют собою богатейший материал. Это несомненный факт. Но порядок и форма применения этого режима в электроснабжении представят некоторые затруднения, преодолеть которые необходимо во чтобы то ни стало. На этих затруднениях и на роли электрификации при проведении режима экономии мы остановимся отдельно.

М. Кислик и И. Малецкий

Дальность железнодорожных перевозок и режим экономии [1]

Возникающий недостаток железнодорожных перевозочных средств, весьма необходимых как для доставки промышленного сырья, так и для сбыта продукции, создает угрозу, заключающуюся в том, что темп промышленного восстановления может быть замедлен, если промышленности в своем развитии придется равняться по транспортным возможностям.

Это обстоятельство властно требует, чтобы помимо восполнения наших транспортных рессурсов за счет нового строительства, надобность в котором уже является общепризнанной истиной, также были широко использованы мероприятия, вытекающие из проведения жесткого режима экономии в использовании провозной способности железных дорог.

Из анализа транспортной статистики нельзя не усмотреть, что по пути режима экономии возможны достижения на транспорте и даже не малые.

В периодической печати [2] уже обращалось внимание на то, что средняя дальность железнодорожных перевозок за последние годы в сравнении с довоенным периодом сильно возросла.

И действительно, изменение средней дальности перевозок по обследованиям, произведенным Советом С'ездов промышленности, торговли и транспорта УССР на основании данных железнодорожной статистики всего Союза, представляется в следующем виде:

Средняя дальность пробега, выраженная в верстах

Годы \ Наименование грузов	Хлебные	Нефтепрод.	Каменный уголь	Лесомат.	Дрова	Прочие грузы	Все грузы
1907	569	545	403	417	184	516	468
1908	548	527	406	428	198	520	465
1909	602	551	398	466	188	525	485
1910	559	491	360	453	198	528	471
1911	522	507	368	478	187	494	454
1912	535	552	395	523	192	480	458
1913	505	594	441	464	184	492	467
1923/24	692	600	493	440	197	516	469
1924/25	833	689	566	622	218	589	600
Процентн. отнош. дальности пробегов 1924/25 г. в сравнении с 1913 г., принимаемым за 100	165	115	128	133	118	119	128

[1] В порядке постановки вопроса.

[2] См. статью М. Земблинова и В. Д. Ещенко в №№ 41 и 52 „Вестника Путей Сообщения" за 1925 г.

Из таблицы видно, что наиболее резкое увеличение дальности пробега падает на хлебные грузы (65%), за ними идут лесоматериалы (33%), каменный уголь (28%) и т. д., а все вообще перевозимые по железным дорогам грузы, в среднем, увеличили дальность своего пробега на 28%.

Приняв данные о пробегах за 1913 г., как характерные для предшествовавшего войне периода, попробуем приблизительно исчислить, какие результаты дает народному хозяйству такое увеличение дальности перевозок.

Как видно из железнодорожной статистики, каждый вагон после выгрузки совершает порожний пробег под новую погрузку в средних размерах около 35% предшествовавшего груженного пробега. Средний пробег товарного (рабочего) вагона составляет 65 верст, а цистерны — около 100 верст в сутки.

Исходя из указанного расчета, определим, как изменился оборот вагонов:

Наименование грузов	При пробегах 1913 г.	При пробегах 1924/25 г.
Для хлебных грузов . . .	10,5 сут.	17,3 сут.
„ нефтепродуктов . . .	8 „	9,3 „
„ каменного угля . . .	9,2 „	11,6 „
„ лесоматериалов . . .	9,7 „	12,6 „
„ дров	3,8 „	4,5 „
„ проч. грузов	10,2 „	12,1 „
„ всех грузов	9,7 „	12,5 „

Это значит, что, имея рабочий парк в 350.000 товарных вагонов при определившемся ныне среднем обороте одного товарного вагона для всех грузов в 12,5 суток, мы получаем возможность грузить ежедневно (350.000 : 12,5) 28.000 вагонов, в то время как при довоенном обороте в 9,7 суток, мы могли бы при том же вагонном парке грузить ежедневно (350.000 : 9,7) 36.000 вагонов, т.-е. на 28% больше.

Если вагонный парк, выделенный под хлебные перевозки, условно примем равным 60.000 вагонов, то при определившемся ныне среднем обороте одного вагона в 17,3 суток получим возможность ежедневной погрузки хлеба в 3.468 вагонов, в то время как при довоенном обороте в 10,5 суток, мы могли бы грузить ежедневно 5.714 вагонов, т.-е. на 65% больше.

Обратившись к финансовым результатам, получаемым от перевозке на близких и на дальних расстояниях, также нельзя не усмотреть значительных невыгод при удлинении расстояний, на которых совершаются перевозки. Возьмем для сравнения два примера.

Пример первый. 2.000.000 тонн зерна перевезены на расстояние 500 километров, т.-е. выполнено (500 × 2.000.000) 1.000.000.000 тонно-километров. Согласно существующему тарифу, провоз одной тонны на расстояние 500 километров стоит 10 руб. 40 коп. или с одного тонно-километра 2,070 коп. Следовательно, перевозка в 1.000.000.000 тонно-километров дала железной дороге выручку в 20.800.000 руб.

Пример второй. 1.000.000 тонн зерна перевезено на расстояние 1.000 километров, т.-е. выполнено (1.000 × 1.000.000), как и в первом случае 1.000.000.000 тонно-километров. Провоз одной тонны на расстояние 1.000 километров стоит, согласно тарифу, 13 руб. 26 коп. или с одного

тонно-километра 1,326 коп. Следовательно, вся выручка дороги от этой перевозки составит 13.260.000 руб.

Таким образом, за одинаковое число выполненных тонно-километров железные дороги во втором случае получают выручку на 7.540.000 р., или на 36%, меньше, чем в первом.

Если при этом заметим, что свои доходные сметы НКПС строит на расчете дальности перевозок, установившейся в предшествующие годы, то, полагаем, станет ясно, что всякое непредвиденное удлинение пробегов коренным образом нарушает все бюджетные расчеты НКПС и может, пожалуй, привести к тому, что будет потеряна возможность черпать из выручки средства не только на восстановление основного капитала железных дорог, но даже и на покрытие эксплоатационных расходов последних. А так как при этом общий бюджет государства не обеспечивает возможности покрытия недовыручки железных дорог дотациями из средств НКФ, то и эта сторона вопроса может явиться лишним и весьма серьезным препятствием в восстановлении и развитии нашей промышленности.

С другой стороны, нельзя не отметить также и того, что чем длиннее расстояния перевозок, тем медленнее оборачивается вложенный в перевозимые грузы капитал и тем, конечно, больше расходы предприятия на проценты по кредитованию.

Таким образом, непомерный рост дальности перевозок является при современных условиях фактором для народного хозяйства вредным, так как при стабилизировавшемся наличии подвижного состава, в связи с продолжающим удлиняться средним пробегом груза, размеры возможной суточной погрузки все уменьшаются.

Нам приходилось неоднократно слышать высказываемое мнение, что транспорт вообще, а железнодорожный транспорт, как более усовершенствованный, в частности, для того и сооружается, чтобы можно было дешево и удобно перевозить грузы на далеких расстояниях, что промышленность и торговля должны быть свободны в выборе мест, откуда привозить необходимые грузы. Конечно, и такая мысль правильна, но лишь до известной степени. Мы полагаем, что как цена продукта, так и расстояние, на которое он перевозится, не могут не подвергаться известным ограничениям, диктуемым экономической целесообразностью. А так как в настоящее время мы входим в такую полосу, когда железнодорожный транспорт легко может стать той узкой горловиной, в которой рискуют застрять сырье и продукция нашей промышленности, так как существующие транспорные средства на многих железнодорожных линиях уже на исходе, а промышленность еще способна к некоторому росту, то к использованию транспорта, повидимому, необходимо относиться с исключительной бережливостью.

Поэтому в современных условиях необходимо, чтобы наши хозорганизации не менее твердо, чем и регулирующие органы, уяснили себе описанное выше положение и реально озаботились таким планированием и регулированием своих перевозок, при котором последние совершались бы на кратчайших расстояниях. Чтобы восстановительный процесс в нашей промышленности не был парализован недостаточностью транспортных рессурсов — сокращение дальности перевозок должно стать для нас лозунгом дня.

В числе прочих причин, влияющих на увеличение дальности перевозок, как нам кажется, весьма значительную роль играет и существующая архитектура тарифных схем.

Тарифные схемы по железнодорожным перевозкам строились и строятся у нас на принципах дифференциации, т.-е. с постепенным понише-

нием пудо-верстной (тонно-километровой) тарифной ставки по мере удлинения расстояния, однако, шкала дифференциации тарифов современных резко отличается от дифференциации довоенной.

Для того, чтобы разницу довоенной и современной дифференциации тарифов представить себе более отчетливо, в нижеследующей таблице приводим ее в процентных соотношениях, приняв стоимость перевозки одной тонны на протяжении первых 500 верст (километров) за 100% и сравнивая со стоимостью того же груза на последующих пятисотверстных (пятисоткилометровых) поясах расстояния, проходимого грузом.

Сравнительная таблица процентного соотношения размеров провозных плат на различных поясах 500-верстных для 1913 г. и 500-километровых для 1926 г.[1]

Классы	1913 год, 500-верстные пояса						Классы	1926 год, 500-километровые пояса					
	1	2	3	4	5	6		1	2	3	4	5	6
I	100,0	82,7	69,0	59,7	28,7	28,7	II	100,0	79,2	61,6	52,0	42,8	33,0
II	100,0	80,0	69,4	62,5	45,1	34,7	IV	100,0	78,1	60,3	49,5	38,5	31,0
III	100,0	86,2	76,4	69,2	60,1	51,0	VI	100,0	80,2	59,2	45,8	37,6	30,6
IV	100,0	86,5	78,3	69,9	54,0	51,1	VIII	100,0	77,0	52,3	43,4	35,6	26,4
V	100,0	80,4	73,8	67,8	62,8	62,8	XI	100,0	63,4	45,7	35,8	24,9	22,0
VI	100,0	84,6	76,8	71,6	67,6	67,6	XIII	100,0	65,4	44,5	31,4	18,1	13,6
VII	100,0	86,6	82,1	68,6	63,5	79,2	XVI	100,0	65,8	38,2	21,8	18,0	18,0
VIII	100,0	87,4	80,1	63,5	65,2	71,0	XVIII	100,0	53,6	25,1	21,9	21,9	21,7
IX	100,0	87,6	80,6	64,5	63,6	70,6	XX	100,0	47,0	28,1	28,1	28,1	28,0
X	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	XXII	100,0	42,7	39,0	39,0	39,0	39,0
XI	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	XXV	100,0	66,6	66,6	66,6	66,6	66,6
XII	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	XXVIII	100,0	85,1	85,1	85,1	85,1	85,1
Хлеб	100,0	56,1	39,1	35,9	35,9	42,9	Хлеб	100,0	27,3	22,1	22,1	20,0	18,9

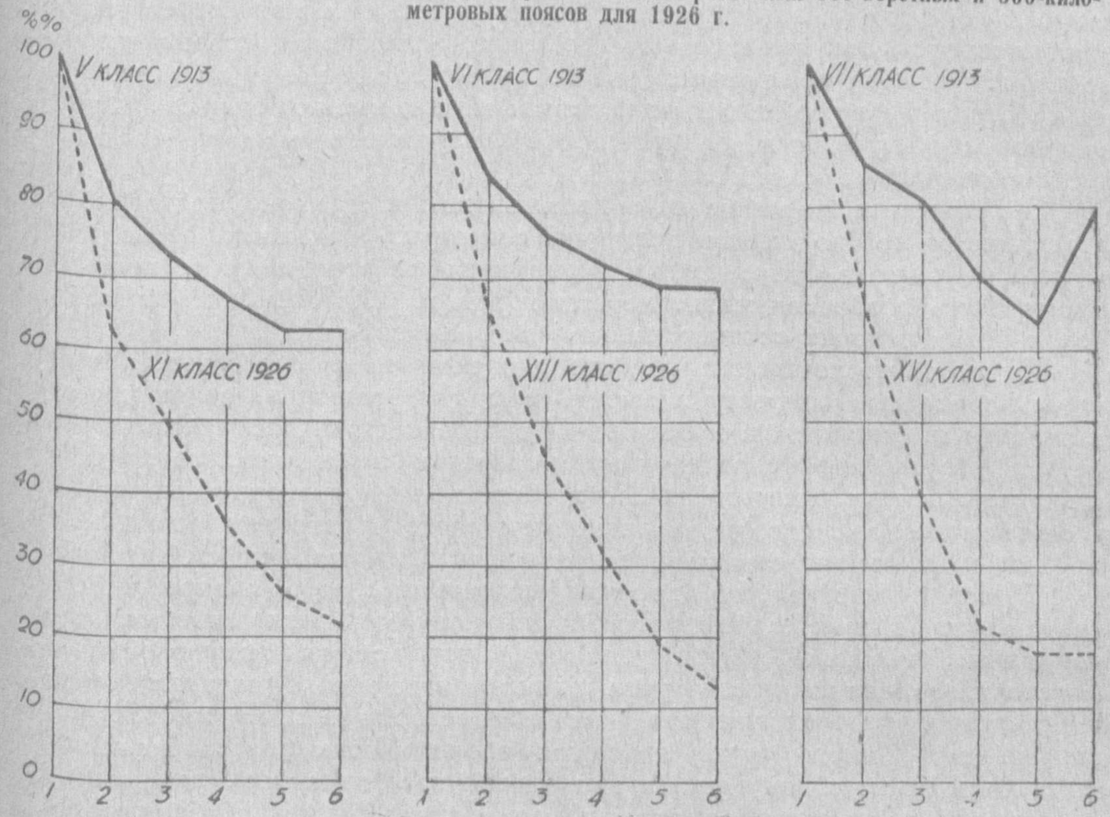
Для еще большей наглядности некоторые данные вышепомещенной таблицы изображены нами в виде графика.

Из таблицы и графика видно, что в отличие от довоенной, весьма смягченной дифференциации современная дифференциация построена на основах большого взвинчивания тарифных ставок на коротких расстояниях и стремительного снижения таковых на далеких.

По некоторым тарифным схемам 1926 г. падение средней стоимости перевозки по мере ее удлинения достигает прямо удивительных размеров. Например, по XX классу за ту же почти плату, за которую перевозится груз на протяжении первых 500 километров можно перевезти тот же груз на расстояние еще трех последующих таких же 500-километровых поясов (47% + 28,1% + 28,1%), т.-е. на расстояние 1.500 километров. А для хлеба за стоимость провоза в пределах первого пятисоткилометрового пояса можно перевезти в дальнейшем груз на протяжении еще около 4 последующих поясов, т.-е. около 2.000 километров (27,3% + 22,3% + 22,1% + 20,0%). Между тем, до войны соответственные классы и специальные тарифы давали возможность перевезти в первом случае не более 520 километров, а во втором—немногим более 1.000 километров.

[1] До войны действовали тарифы, разделенные на 12 основных классов. Ныне действуют тарифы, разделенные на 28 классов. Для сравнения нами приняты за 1926 г. те классы из числа 28, которые отвечают соответственным довоенным классам (из числа 12).

График процентного соотношения размеров провозных плат различных 500-верстных и 500-километровых поясов для 1926 г.

Такое построение тарифных схем ни в какой мере не стимулирует осторожности грузохозяев при перевозках и весьма способствует удлинению пробегов, так как хозорганы, связанные плановыми календарными производственными программами, часто прибегают к более отдаленным, чем действительно необходимым перевозкам, каковые при существующей тарифной структуре от удлинения пробега ощутительным изменениям в своей стоимости не подвергаются.

Останавливая внимание на вышесказанном и еще раз подчеркивая определенную необходимость всемерно сокращать дальности перевозок, мы полагаем, что в числе других мероприятий в этом вопросе необходимо уделить особое внимание пересмотру тарифных схем и перестроить последние на основах соответственной нивеллировки.

Мы вовсе не хотим сказать, что для разрешения выдвинутой нами задачи необходимо попросту повысить тарифные ставки на дальних расстояниях или понизить на коротких. Перестройка тарифных схем должна явиться результатом определенных подсчетов и анализа, которые и будут, повидимому, выполнены соответственными органами. Мы только настаиваем на более рациональном, чем ныне, построении тарифных схем, на выдвижении стимулирования тарифными мерами сжатия расстояний при перевозках, но, конечно, сжатия в строго продуманных и отвечающих действительной потребности пределах. Мы считаем, что рациональ й тарифной схемой будет только такая схема, при которой отвечающие платежеспосо ности груза и другим важнейшим условиям тарифные ставки дадут благоприятные условия перевозок на таких расстояниях, которые для данного груза являются экономически целесообразными, может быть, даже с допущением запретительного характера тарифов на расстояниях случайных. Повидимому, лучше было бы при необходимости массового вывоза грузов из отдаленных мест прибегать в каждом отдельном случае к применению исключительных (пониженных) или льготных тарифов, не допуская, однако, существования общих тарифных схем, ведущих в конечном итоге к понижению производительности наших и без того недостаточных перевозочных рессурсов.

В заключение, считаем нужным сказать, что и в смысле достижений в области повышения доходности железных дорог перестройке тарифных схем следует отдать предпочтение перед часто практикуемым в последнее время огульным процентным повышением тарифов.

ОТДЕЛ IV

По районам

И. Ходоров

Пятилетний хозяйственный план Средней Азии

I

В народном хозяйстве Средней Азии преобладающую роль играет сельское хозяйство; в сельском хозяйстве первое место принадлежит полеводству, главным образом, поливному земледелию. Поэтому отправной точкой хозяйственного плана Средней Азии является перспектива по ирригации.

В 1915 году орошаемая площадь в Средней Азии равнялась 3.743.120 гектаров, в эту площадь входят поливные земли южных губерний Казакстана и Кара-Калпакской автономной области, ранее входивших в состав Туркреспублики. За время гражданской войны ирригация в Средней Азии пришла в крайний упадок—в 1921/22 г. орошаемая площадь составляла уже только 1.700.000 гектаров, снижение выразилось, таким образом, в 54,6%. Этот упадок ирригации был вызван прекращением ассигнований на оросительное дело и значительным ослаблением натуральной ирригационной повинности населения. Затем начинается процесс восстановления. Так, в этом году на ирригацию было ассигновано 4,5 милл. руб., в 1923/24 г.—6,5 милл. руб., в 1924/25 г.—13,2 милл. руб., а в 1925/26 г. –21,3 милл. руб., всего за 4 года по госбюджету было затрачено на ирригацию 45,5 милл. руб. Кроме того, само население затратило на ее восстановление натурповинностью в переводе на деньги 38,5 милл. руб. Эти мероприятия дали рост орошаемой площади до 2.808.700 гектаров, т.-е. на 1.108.000 гектаров, или 65,2% против наиболее упадочного года.

Ирригационный план предусматривает следующее нарастание поливных площадей (вместе с южной частью Казакстана): в 1926/27 г. площадь должна составить 2.920.843 гект., в 1927/28 г.—3.083 999 гект., в 1928/29 г.—3.377.256 гект., в 1929/30 г.—3.726.546 гект., в 1930/31 г.—4.109.806 гект. Общий прирост поливной площади за пятилетие должен составить 1,3 милл. гектаров, что составляет 46,4% от существующей площади. К концу пятилетия ожидается восстановление поливной площади 1915 года с сравнительно небольшим превышением ее — на 367.000 гект. Восстановительным характером программы об'ясняется то, что большая часть намечаемого роста поливных площадей относится к введению в культурный оборот перелогов, т.-е. земель, обарыченных и некогда обрабатывавшихся, но впоследствии заброшенных. Из общего прироста поливной площади на долю восстановления перелогов приходится 72,3%, а на долю нового орошения 27,7%. Такой характер оросительной программы облегчает разрешение сложных вопросов освоения вновь орошаемых площадей: перелоги частью находятся в непосредственной близости к уже существующим хозяйствам, а частью, если и находятся в отдалении от них, то не на таком расстоянии, как массивы пустующей земли, впервые орошаемой и предназначаемой для полеводства.

Все новое орошение (без перелогов) должно составить за пятилетие 359.780 гект., и его имеется в виду произвести: в Ширабадской системе—из Сурхан-Дарьи, в Учкурганской степи—из Нарына, в Дальверзинской степи—из Сыр-Дарьи, в Чар-Дарьинской степи—из той же реки, по Ак-Буре, Куршабу, реке Чу и некоторым другим системам. Регулирование стока предусматривается планом на ближайшее пятилетие: по Мургабу - Меручакское водохранилище, по Зеравшану—Ак-Дарьинское, по Кашка-Дарье — Бекбудинское, в Фергане — Акбуринское, на Арыси—Бурулдайское.

План ирригации ставит себе три задачи: в первую очередь—оросить земли, которые могут быть использованы под хлопок, во-вторых—произвести работы, без которых могут пострадать уже обрабатываемые культурные районы, и, в-третьих—оросить районы в средне азиатских республиках или в непосредственном соседстве с ними, которые могут стать хлебными базами для Средней Азии. Первая задача является основной для ирригации, две вторые план должен был поставить по следующим основаниям. Усиление орошения в Фергане означает гораздо большее использование воды Сыр-Дарьи в ее верхнем и среднем течении, чем это было до сих пор. В казакские районы — Чар-Дарьинский, Кзыл-Ординский, Казалинский—Сыр-Дарья будет уже приходить с горизонтом, более низким чем сейчас. Это представляет угрозу лишения воды для указанных районов и перспективу их запустения. Чтобы избегнуть этих последствий необходимо возведение по Сыр-Дарье на казакской территории нескольких барражей с целью поднятия горизонта реки и обеспечения поступления воды в каналы. Что касается проблемы хлебных баз, то она органически связана с вопросом развития хлопководства. Чем больше растет хлопковая площадь, тем больше увеличивается хлебный дефицит Средней Азии и возрастает затруднение по бесперебойному снабжению ее завозным хлебом. Поэтому Средняя Азия должна думать о создании внутри себя в тех районах, которые по почвенным или климатическим условиям не подходят для хлопководства, орошаемых площадей, годных под посевы зернозлаков. Та же задача ставится относительно смежных с Средней Азией районов Казакстана, откуда получение хлеба будет много легче, чем из внутренних районов Союза и Сибири. Этим об'ясняется наличие в ирригационном плане работ по орошению долин Таласа или Чу и некоторых других рек.

Народнохозяйственный эффект от ирригационных мероприятий должен выразиться следующими данными. В средне-азиатских республиках стоимость валовой продукции полеводства, садоводства и виноградарства на поливных землях составляет в 1925/26 г. по довоенным ценам—243,3 милл. руб., к концу пятилетия стоимость валовой продукции должна повыситься до 418,3 милл. руб., т.-е. на 73,4%. При этом доля хлопка в стоимости валовой продукции составляет в 1925 26 г.—48%, а в конце пятилетия она должна составить по плану—58%.

Расходы по ирригации на пятилетие по госбюджету СССР и бюджетам национальных республик, со включением ассигнований по мелиоративному фонду, выражаются в сумме 328 милл. руб., а на 1926/27 г.—в сумме 55,7 милл. руб.

По назначению ассигнования на пятилетие распределяются следующим образом: на строительство—237,8 милл. руб., на изыскания—16,7 милл. руб., на исследования—7,7 милл. руб., на гидротехнические образования—3,2 милл. руб., на гидротехнический институт—4,1 милл. руб., на эксплоатацию—20,6 милл. руб., на содержание штатов—37,9 милл. руб. Кроме указанных расходов, ирригация еще потребует затраты средств населения по внеплановому строительству—по ремонтированию старой

сети, проведению новых каналов, поднятию хозяйственной сети, орошению новых земель по инициативе самого населения - общая сумма этих расходов на пятилетие 10,6 милл. руб. Затраты населения натурповинностью за пятилетие в переводе на деньги выражаются в сумме 62,8 милл. руб.—из расчета 1 рубль на гектар на инженерных системах и 4,6 рубля на туземных системах. Расходы населения на ирригационное освоение составят 63,5 милл. руб.

Орошение земель ставит вопрос об их освоении. По расчетам Водохозяйственного комитета рациональная норма наделения по Средней Азии 4,18 гект. на хозяйство в среднем, со значительными колебаниями по республикам. Для наделения землею по рациональным нормам понадобилось бы в течение пятилетия расселить на новых площадях 1.022 т. хозяйств, но для такого количества хозяйств земли нехватит. План предусматривает устройство всего только 294.654 хозяйств, при чем расход на их устройство определяется Водохозяйственным комитетом в 95,6 милл. руб. Но планы республик исходят из более скромной цифры—в 67,7 милл. руб. на пятилетие и 14,7 милл. руб. для 1926/27 г.

Земреформа 1925 года поставила задачей ликвидацию нетрудовых хозяйств, отобрание излишков земли у полутрудовых хозяйств и наделение ею безземельных и малоземельных. Всего по земреформе было устроено 76.620 хозяйств, получивших 256.133 дес. земли. Теперь на очереди проведение реформы в Зеравшанской области (в частях бывшей Бухары). Расходы на пятилетие по Узбекистану по этой статье—40,1 м. р. По Таджикистану земли, вновь орошаемые, будут в значительной мере осваиваться реэмигрантами, возвращающимися из Афганистана после ликвидации басмачества. В Афганистан ушло во время гражданской войны из Таджикистана свыше 200 тысяч жителей, сейчас происходит их массовое возвращение: в нынешнем году вернулось свыше 20 тысяч человек.

В Туркмении землеустроительный план предусматривает работы только в земледельческих оседлых районах и не захватывает кочевых пастбищных районов. В Полторацком округе в период оседания кочевников (с половины XIX века) первоначальное освоение земли происходило, по преимуществу, на началах вольно-захватной системы. Группы, осваивавшие земли, образовывали замкнутые дольные общины с правами собственности на землю и воду. Посторонние допускались в аулы, но не в качестве равноправных членов общины. Община делила принадлежавшую ей землю: на мюльковую, находившуюся в подворно наследственном владении, и на санашиковую (общинную), подлежавшую переделам. С проникновением в Туркменский аул товарных отношений стало продаваться и покупаться право на долю в общинных землях. Это привело к дифференциации землепользования и к обезземелению маломощных хозяйств. С правом на землю бедняки отчуждали и право на воду. В Мервском оазисе община не так замкнута, как в Полторацком. Здесь, по обычаю, женившийся мужчина имел право на надел как из санашиковых, так и из мюльковых земель и вод, но для того, чтобы жениться, нужно было уплатить калым в 1—2 тыс. рублей. Это превращало маломощных крестьян в пожизненных батраков, а богатым давало возможность концентрации больших участков земли. Земельная реформа там, где она была проведена в 1925/26 г., ликвидировала эти отношения, но в разной форме и степени пережитки указанного права и обычаев еще существуют. В Туркмении, кроме того, имеет место чрезвычайная чересполосица. Земля, принадлежащая общине, делится в зависимости, главным образом, от ее близости к воде на пять, шесть, а иногда и на 20 групп. Каждому хозяйству предоставляется по полосе в каждой

из групп земель. План предусматривает доведение до конца начатой земельной реформы, в процессе которой было наделено землей 17 тыс. хозяйств, а землеустроено 49.485 хозяйств. Расходы на пятилетие по Туркмении по освоению и землеустройству намечены в сумме—12,1 м. р.

В районах нынешней Киргизии была проведена земельная реформа в 1922/23 г. Наркомземом Туркреспублики. Целью реформы было уравнение в правах на землю и воду пришлого европейского населения с коренным. Реформа, сопровождавшаяся передачей киргизам земель, обрабатываемых русскими и украинцами, вызвала в некоторых местах их запустение. Пятилетний план предусматривает проведение коррективов в землеустройстве, а также землеустройство населения, которое пришло в Киргизию из внутрениих губерний Союза в последние голодные годы. Пришельцы, по преимуществу, выходцы из Поволжья. Они проживают в селениях в качестве батраков и арендаторов, в числе около 3.000 хозяйств. Наделение их землей возможно в виду предполагаемого орошения новых площадей в Пишпекском и Каракольском округах. План предусматривает также проведение земельной реформы в тех районах Ферганы, которые отошли к Киргизии, именно, в Ошском и Джалал-Абадском округах: в этих местах до сих пор существует практика тайной купли-продажи земли. Наконец, землеустроительный план по Киргизии ставит себе также задачей межселенное землеустройство кочевого населения. Расход на пятилетие по Киргизии должен выразиться в сумме 15,9 милл. руб.

Как мы уже сказали, главное назначение ирригационных работ—это увеличение площади под хлопком. Максимальная хлопковая площадь в Средней Азии была в 1916 г. 680 тыс. десятин. В годы гражданской войны площадь подверглась чрезвычайно сильному снижению—весною 1922 г. хлопком было засеяно всего только 50—60 тыс. десятин, но с 1922/23 года начался процесс восстановления хлопководства, и в 1924/25 г. площадь под хлопком равнялась уже 459 тыс. десятин, а в 1925/26 г.—524 тыс. десятин.

План предусматривает нарастание хлопковой площади в Средней Азии в следующих цифрах:

1925/26 г.	572,7	тыс. гект.
1926/27 г.	673,7	„ „
1927/28 г.	763,45	„ „
1928/29 г.	901,9	„ „
1929/30 г.	1.067,9	„ „
1930/31 г.	1.266,5	„ „

Общий рост хлопковой площади за пятилетие должен выразиться в 693,8 тыс. гект., что дает 121% прироста против существующей площади. Сейчас хлопковый клин составляет 21,3% от всей поливной площади. К концу пятилетия удельный вес хлопкового клина должен подняться до 29,1%. Если взять одни средне-азиатские республики без южных губерний Казакстана и Кара-Калпакии, то хлопковый клин сейчас составляет 25,8% от общей поливной площади, а к концу пятилетия он должен составлять 33,1%, со следующим распределением по республикам: Узбекистан—38,7%, Туркмения—42,2%, Киргизия—13,2%, Таджикистан—12,5%.

Урожайность хлопка принята для 1925/26 г.—49,96 пуд. с гектара, а для следующих лет соответственно: 56,8—60,86—62,13—63,58—65,16 пуда с гектара. Выход волокна принят для 1925/26 г. в 29,9%, а для следующих лет соответственно: 30,1—30,3—30,4—30,6—30,9%. Исходя из

этих коэффициентов и вышеприведенных площадей, получаем следующую перспективу сбора хлопка-волокна в Средней Азии:

Годы	Сбор сырца	Валовой выход волокна	Коммерческ. выход волокна	Потребн. союзной промышл.	% удовлетворения
	В тысячах пудов				
1925/26	28.618	8.571	8.200	15.400	—
1926/27	38.242	11.517	10.900	16.000	50,9
1927/28	46.466	14.083	13.400	23.000	47,6
1928/29	56.039	17.087	16.200	24.000	55,7
1929/30	67.896	20.842	19.800	25.200	64,4
1930/31	82.530	25.546	24.300	26.400	75,0

При чтении этой таблицы необходимо иметь в виду два обстоятельства: 1) коммерческий выход волокна меньше валового выхода на 5%, которые остаются у местного населения для его собственных нужд, 2) текстильная промышленность в каждом данном хозяйственном году потребляет волокно, получающееся в результате засева площадей прошлого хозяйственного года Из таблицы видно, что к концу пятилетия Средняя Азия сможет дать 75% от союзной потребности в волокне, при чем это вместе с Закавказьем, которое должно, по плану ГХК, дать в 1930/31 году 2,7 милл. пуд. волокна. Союз получит в своих собственных пределах 85,3% от общей потребности текстильной промышленности в волокне. Таким образом, план предусматривает значительное приближение к решению задачи об освобождении Союза от необходимости покупать хлопок за границей.

В какой мере задача эта важна, видно из следующих данных. По пятилетней гипотезе ВСНХ СССР хлопчатобумажная промышленность должна потребить в пятилетие 1926/27—1930/31 гг. 114,6 милл. пуд. хлопка-волокна. При нынешнем состоянии хлопководства Средняя Азия и Закавказье могут давать Союзу ежегодно, примерно, 9 милл. пудов волокна, а за пять лет Союз мог бы получить волокна собственного производства 45 милл. пудов. Для пополнения недостатка в хлопке Союзу—при стационарности хлопководства в указанных районах—пришлось бы купить за границей 70 милл. пуд. волокна, что при цене 19 руб. за пуд означало бы затрату 1.330 милл. руб. за пять лет или по 266 милл. руб. в среднем за каждый год. Суммы эти должны были бы выплачиваться золотом или валютными статьями экспорта. Между тем, запасы воды, земли и людской силы в Средней Азии и Закавказье позволяют, как это видно из приведенного плана, расширить хлопководство в указанных районах уже в ближайшие годы и тем ослабить зависимость Союза от иностранного сырья в важнейшей отрасли легкой индустрии.

Задача развития хлопководства не должна умалять значения другой задачи—развития площади под зерновлаками, без чего спокойный рост хлопководства в средне-азиатских республиках не будет обеспечен. По плану площадь под зерновлаками на поливных землях в средне-азиатских республиках остается стационарной: для 1925/26 г.—1.149 тыс. гект., а для 1930/31 года—1.145 тыс. гект. Здесь прирост поливной площади

целиком используется под технические культуры—в первую очередь, под хлопок. В южных же губерниях Казакстана в течение предстоящего пятилетия из общего прироста поливной земли в 341 тыс. гектаров под хлопок должны пойти только 70 тыс. гект., остальную же землю можно будет использовать для посева зернозлаков. План предусматривает далее расширение площади зернозлаков на богаре (неполивной земле) с 751 тыс. гектаров до 1.151 тыс. гект. На поливных и богарных землях средне-азиатских республик, взятых вместе, площадь под зернозлаками должна возрасти за пятилетие с 1.900 тыс. гект. до 2.297 тыс. гект., т.-е. на 21%. Это должно дать снижение хлебного дефицита Средней Азии с 21,2 милл. пуд. в нынешнем году до 14,5 милл. пуд. к концу пятилетия. Если же принять во внимание и покрытие дефицита за счет заготовок в южных губерниях Казакстана, которые должны увеличиваться в меру роста орошаемых площадей, то количество хлеба, подлежащего завозу из Союза в Среднюю Азию, снизится за пятилетие с 22 милл. пудов до 8,2 милл. пуд.

План ставит также задачу развития технических культур в Средней Азии, это относится к свекле, табаку, опию, клещевине, кендырю и кенафу. Площадь под свеклой составляет сейчас 3,2 тыс. гект., в пятилетней перспективе она доводится до 14 тыс. гект. В Узбекистане свекла сеется в Ташкентском районе, где спрос создается Каунчинским сахарным заводом,—площадь здесь 3,1 тыс. гектаров. Подходящие условия для посевов свеклы представляет Киргизия, в которой урожай доходит до 1.000—1.200 пуд. с десятины при средней сахаристости в 18%. В Киргизии имеется в виду построить в течение ближайших пяти лет два свекло сахарных завода. Под табаком сейчас имеется в Средней Азии 2,9 тыс. гектаров, а к концу пятилетия должно быть 4,9 тыс. гектаров. Площадь под табаками в период революции не падала, а возрастала. Спрос на сырой табак пред'являет открытая в 1925/26 г. в Ташкенте табачная фабрика—сейчас она удовлетворяет свои потребности в сырье на 22% за счет средне-азиатских плантаций.

Под опийным маком сейчас 3,8 тыс. гектаров, площадь в пятилетие предполагается сохранить на том же уровне. Мак разводится почти исключительно в Киргизии (и в Джетысуйской губернии Казакстана). Реализация урожая ведется акционерным обществом АКОСПО, которому предоставлено исключительное право посева, сбора, обработки опия и торговли им. АКОСПО организует посевы при помощи задатков и договоров с посевщиками. Под клещевиной занято 2,1 тыс. гект., к концу пятилетия площадь должна возрасти до 14,6 тыс. гект. Клещевина требует очень много воды, ее имеется в виду поэтому развивать в нехлопковых районах Узбекистана и в Киргизии. Монопольное право на посев клещевины предоставлено Масложирсиндикату, который точно так же ведет работу по системе задатков и договоров. В промышленный план Средней Азии внесено сооружение касторовых заводов в Узбекистане и Киргизии.

Большое внимание план уделяет проблеме кендыря. Это—дико растущее многолетнее растение с ежегодно отмирающими стеблями, из коих добывается волокно. Население пользуется этим волокном для выделки грубых тканей, веревок, ниток и рыболовных снастей. Площадь, занятая кендырем в средне-азиатских республиках, равна 500—600 тыс. гект. и с нее можно получать 18 милл. пуд. волокна в год. При опытах кендырь на всех прядильных машинах прошел без сбоя и без порывов, ткань, получаемая из кендыря, хорошо окрашивается. Сейчас при Экономсовете Средней Азии образована специальная комиссия по развитию культуры кендыря. Что касается кенафа, то это культурное растение, волокно которого может заменить джут, привозимый из Индии, и манильскую пеньку, идущую на выделку шпагата. Для культуры кенафа могут быть использованы площади Киргизии и нехлопковые районы Узбекистана. Кенаф не будет конкурировать с хлопком, ибо по плану площадь под ним должна занять только полпроцента от перспективной поливной площади. В 1926/27 г. площадь под кенафом должна составлять 9,5 тыс. гектаров, а к концу пятилетия—12,7 тыс. гектаров.

Площадь под виноградниками составляет в Средней Азии 35.300 гект., т.-е. 22,4% от союзной площади, а площадь под садами—26 тыс. гект. Садоводство и виноградарство имеют в Средней Азии высокоразвитой рыночный характер. Урюковые сады Ходжента и Исфары, яблоневые и грушевые сады Приташкентского района, гранатовые сады Шахризябского района и виноградники местами вытесняют хлопок, но в них в виду особо благоприятных климатических условий необходимо стать на путь благоприятствования садово-виноградным культурам. План предусматривает рост площади под садами до 30.800 гект., а под виноградниками до 45.900 гект.; это даст по садам восстановление довоенного уровня, а по виноградникам превышение довоенной площади на 20%.

Лесные пространства в Средней Азии мало обследованы. Площадь лесов в Средней Азии, по неполным данным, определяется в 2.564 тыс. гект. горных лесов и 2.657 тыс. гект. равнинных лесов. Леса в Средней Азии как в горной зоне, так и в полупустынях и тугаях, имеют защитный характер—в отношении охраны вод и предупреждения движения песков. Особого внимания заслуживают еловые леса Киргизии, на южном берегу Иссык-Куля и по Нарыну. Доставка леса к берегам Иссык-Куля и перевозка его по озеру не вызывает трудностей. Нарынские же леса изолированы от потребляющих рынков состоянием гужевых путей, но леса здесь высокого качества, и площадь их определяется сотнями тысяч гектаров. Средне-Азиатским Экономсоветом снаряжена на Нарын специальная экспедиция для изучения возможности эксплоатации здесь лесов. Ценным видом лесов в Средней Азии являются арчевые леса, древесина которых используется для карандашного производства. Эксплоатация этих лесов затрудняется их расположением в высокогорной зоне, выше еловых лесов, но уже и сейчас Мосполиграф снабжается арчевым сырьем. Еще более ценным видом продуктов лесоводства является ореховый наплыв, который в довоенное время вывозился в переработанном виде за границу. Сейчас в Киргизии этот промысел возобновлен.

В стоимости валовой продукции сельского хозяйства Средней Азии продукция скотоводства составляет сейчас 20,5%, но по отдельным республикам удельный вес животноводства не одинаков. Так, в Узбекистане удельный вес скотоводства по довоенной стоимости—19,7%, в Киргизии—32%, в Туркмении—35%, а в Таджикистане—56%. Общее поголовье скота в Средней Азии составляло в 1914 г. 19,548 тыс. голов, а в 1925/26 г.—12.904 тыс. голов, т.-е. 66% от довоенного поголовья. В составе стада преобладают овцы: курдючные, составляющие 38%, каракулевые—16%; козы составляют 18%, крупный рогатый скот—17%, лошади—6%; верблюды—2%, ослы и мулы—3%. План предусматривает почти полное восстановление стада к концу пятилетия.

В Средней Азии культурная площадь составляет едва только 3% от всей территории, остальная же площадь за вычетом пустынь и полупустынь представляет громадное пространство горных и степных пастбищ, которые используются сейчас в небольшой степени. Лошади и крупный рогатый скот разводятся, по преимуществу, на горных пастбищах, в степных же пространствах, где растительности и воды мало, разводятся овцы, козы и верблюды. Орошаемые долинные районы являются в от-

ношении скотоводства потребляющими районами. Животноводство в Средней Азии имеет экстенсивный характер. Если считать, что только 25% всей территории Средней Азии может быть использовано для пастбищ, то, принимая 30 пудов сена с гектара, получаем 690 милл. пудов сена—количество, которое может обеспечить кормами поголовье, в 6—7 раз превышающее современное. Тем не менее, своего скота в Средней Азии в мясо-продовольственном отношении нехватает, и дефицит покрывается поступлением скота из Казакстана и сопредельных стран.

В скотоводческих районах запасов кормов на зиму не делается—скот круглый год пользуется подножным кормом. Вследствие этого годы бескормицы производят опустошение в скотоводческих хозяйствах. Местное животноводство мало продуктивно, но оно легко поддается улучшению. В предгорьях хребтов Александровского, Кунгей-Алатау и в Кугартской долине на основе местного скотоводства выработана хорошая крестьянская лошадь, стоимость которой на 300—400% выше киргизской. Там же выработан мясо-рабочий скот, живой и убойный, вес которого на 50% выше киргизского. Перенесенное в Среднюю Азию из Северного Кавказа мериносовое хозяйство облагородило местное грубошерстное овцеводство. Чистокровные производители, привезенные в Среднюю Азию 20—25 лет тому назад, значительно подняли качество табунов. Швицы, привезенные 10 лет тому назад в Фергану, дали хороший метисный молочный скот, иммунный к субтропическим заболеваниям.

План ставит следующие задачи в области животноводства. По коневодству—выработка сельскохозяйственной лошади, что требует метизации с орловским рысаком, и выработка кавалерийской лошади, что требует метизации с английскими, ахал-текинскими, иомудскими и лошадьми других пород. Во время войны Средняя Азия снабжала лошадьми не только русскую, но и английскую армии, и сейчас конский состав Средней Азии может явиться одним из ценных резервов для удовлетворения потребностей в лошадях Красной армии. По крупному рогатому скоту ставится задачей: разведение в низменных районах мясо-молочного скота, в горных районах—мясо-рабочего скота и использование летнего лактационного периода для переработки молока в масло и сыры.

Овцеводство Средней Азии располагает каракулевой овцой, имеющей мировую известность, гиссарской овцой, отличающейся высокой мясо-жировой продукцией, мериносовой и валашской овцой, но преобладает киргизская мясо-шерстная курдючная овца. Основная задача по овцеводству—это улучшение качества киргизской овцы путем метизации с постепенным приближением ее к качествам мериносовой овцы. Союзная промышленность потребляет сейчас ежегодно 440 тыс. пуд. тонкой шерсти. На приобретение недостающей шерсти за границей расходуется ежегодно 50—60 милл. рублей. Средне-азиатская киргизская овца, которой имеется 5 милл. голов, может послужить солидным основанием для улучшения качества наших собственных шерстей и освобождения Союза и в этой области от иностранной зависимости. План ставит также задачей улучшение качества каракулевых овец.

Общей для всего сельского хозяйства является задача его реконструкции. Принцип реконструкции должен быть проведен и в ирригации, и в хлопководстве, и в прочих отраслях полеводства, и в животноводстве. Современное ирригационное хозяйство позволяет использовать только 7—15% воды от общего оросительного запаса. Холостой ход каналов сплошь и рядом доходит до $^2/_3$ их длины. Водосбросы во многих местах отсутствуют, и это ведет к заболачиванию, к засолонению почв и к потере площади. Каналы во многих местах выведены параллельно друг к другу. Необходимость реконструкции хлопкового хозяйства явствует из того,

что в Соединенных Штатах на получение 1 пуда чистого волокна требуется затрата 12—23 часов труда людей, а у нас требуется 45—61 ч. труда. Для нынешнего года средняя урожайность хлопка принята в 50 пуд. на гектар, между тем до войны урожай на гектар составлял 68—69 пуд.

Повышение качества хозяйства путем введения плодосмена не может получить применения в поливном земледелии в Средней Азии. Ни многополье, ни пар не подходят для условий орошаемого хозяйства. Вот почему в Средней Азии особенно большое значение имеет проблема удобрения. Оно производится в отношении хлопка люцерниками, жмыхом, навозом, а отчасти и суперфосфатом. Сейчас удобряется только 20% поливной площади, план предусматривает увеличение удобряемой площади к концу пятилетия до 35%.

Весьма существенным вопросом является увеличение тяговой силы, которой располагает дехканское хозяйство. Сейчас в Средней Азии 1.154 трактора. План дальнейшего завоза по годам пятилетия следующий: 714—771—1.083—1.209—1.839. Основной частью плана тракторизации является устройство больших базисных мастерских. Вторым источником пополнения нехватки в тяговой силе является завоз рабочего скота. В Узбекистане в 1914 году приходилось на 1 голову рабочего скота 1,94 гектара, а сейчас приходится 2,44 гектара. По другим республикам, кроме Таджикистана, цифры аналогичны. Общая потребность в рабочем скоте по Средней Азии на 1926 27 г. определяется в 870 тыс. рабочих лошадей. Наличие же рабочего скота в переводе на лошадей на этот же год определяется в 1.034 тыс. единиц. Общее наличие, таким образом, больше потребности, но не это обстоятельство определяет реальный баланс по рабочему скоту, ибо дефицит создается крупными недостатками по отдельным районам и по бесскотным и малоскотным группам хозяйств. Вследствие этого в Средней Азии происходит оживленное перераспределение наличного скота между районами и хозяйствами.

Кроме того, не весь дефицит одних средне-азиатских районов покрывается за счет избытков других районов—значительная часть этого дефицита покрывается за счет завоза рабочего скота из Казакстана, Западного Китая, Афганистана и Северной Персии. Дефицит Ферганы определяется в 38,8 тыс. лошадей, Ташкентской области—в 7,8 тыс. лошадей, Джалал-Абадского района—3,6 тыс., Ошского—4,2 тыс. В некоторых районах избыток рабочего скота выражается в избытке верблюдов, которые используются, главным образом, на работы по транспорту. На 1926/27 год всех хозяйств в Средней Азии—1.218 тысяч, из них бесскотных—24,7%, между тем, многие бесскотные хозяйства имеют землю. Так, всех бесскотных хозяйств в Узбекистане 180 тыс., из них 125 т. имеют землю. Несоответствие между наличием земли и обеспеченностью ее рабочим скотом об'ясняет факт широкого развития в Узбекистане мардекерства (батрачества), чайрикерства (издольной аренды), а также супряги. План предусматривает в 1926/27 году покрытие дефицита в рабочем скоте в размере 42,8 тыс. лошадиных единиц, на что требуется 5,2 милл. руб.

Реконструкция сельского хозяйства требует замены местного инвентаря. План предусматривает завоз в 1926/27 году на 3,9 милл. руб., а в последующие годы: на 5—5,6—6,1—6,8 милл. руб. Осуществление плана инвентаризации европейским инвентарем позволит вспахать плугом в ближайший год 9% всей площади, а в конце пятилетия—20%. Тракторы должны вспахать в ближайший год 3%, а в конце пятилетия—10% общей площади.

Агропунктов в Средней Азии имеется сейчас 109, в 1926/27 году их должно быть 137, а концу пятилетия должно быть 214; машино-про-

катных пунктов имеется 99, должно быть к концу пятилетия 354; для ремонтных мастерских и кузниц соответственные цифры 33 и 176; для зерноочистительных пунктов—99 и 354; для сельхозскладов—36 и 88. В текущем году одним агропунктом обслуживается 10.882 хозяйства, в 1926/27 году должно обслуживаться 8.964 хозяйства, а к концу пятилетия 6.191 хозяйство. Опытных учреждений в Средней Азии сейчас 26 единиц, в 1926/27 году должна быть 31 единица, а к концу пятилетия 48 единиц. План предусматривает ряд мероприятий по борьбе с вредителями и по семенному фонду.

В результате намеченных мероприятий предполагается следующий рост урожайности: а) пшеница—на поливных землях сейчас 44—56 пуд. с гектара, в зависимости от района, а в последний год пятилетия—45—64 пуда; на богарных соответственно 34—41 и 36—48; б) ячмень—на поливных землях сейчас 46—57 пуд. с гектара, а в конце пятилетия—47—62; на богарных соответственно 35—53 и 36—59, в) джугара—сейчас 48—89 пуд. с гектара, а в последний год пятилетия—49—94. По хлопку данные были приведены выше.

II

План ставит себе задачей индустриализацию Средней Азии. В 1925/26 г. стоимость валовой продукции сельского хозяйства и промышленности Средней Азии определяется в довоенных рублях в 534,1 милл. руб. Из этой суммы на долю государственной промышленности приходится 130,5 милл. руб., или 24,4%. К концу пятилетия общая стоимость продукции сельского хозяйства и промышленности должна составить по плану 1.047 милл. довоенных рублей, из коих на государственную промышленность будет приходиться 387 милл. руб., или 37%. Капитальные вложения по промышленности в течение пятилетия должны составить 113,4 милл. руб.

Распределение продукции промышленности в 1925/26 году следующее: добывающая промышленность—1,7%, обрабатывающая—98,3%. В последний же год пятилетия доля добывающей промышленности должна повыситься до 5%, рост добывающей промышленности за пять лет предположен в 8 раз. В добывающей промышленности первое место принадлежит добыче угля—59%, второе добыче нефти—25%, далее следует соляная промышленность и добыча озокерита. По обрабатывающей промышленности первое место принадлежит хлопкоочистительной отрасли—82,5%. В абсолютной цифре стоимость валовой продукции хлопкоочистительной промышленности высока—155,5 милл. руб. в 1925/26 г. Однако, необходимо иметь в виду, что в хлопкоочистительной промышленности стоимость сырья, употребляемого в производстве, составляет 80% от стоимости валовой продукции. Прочие отрасли обрабатывающей промышленности в Средней Азии следующие: маслобойная, мукомольная, винодельческо-пивоваренная, шелкообрабатывающая, табачно-махорочная, шерстомоечная, стекольная и сахарная.

Число рабочих в цензовых предприятиях Средней Азии в 1913 г. было 21 тыс. В государственных предприятиях в 1925/26 г.—17.397. К концу пятилетия число рабочих—постоянных и сезонных—должно возрасти до 51.983 человека. Максимум рабочих будет в шелкообрабатывающей промышленности—14.340, в хлопкоочистительной промышленности будет занято 8.929 рабочих, в маслобойной—4,762, в каменноугольной—3.858, в нефтеобрабатывающей—1.548, в текстильной—3.800, в рыбной—3.270.

В добывающей промышленности план уделяет центральное место развитию добычи каменного угля. До сих пор топливный бюджет Средней Азии строился, главным образом, на завозном жидком топливе. Между тем, имеющийся в Средней Азии уголь может сделаться базой минерализации ее топливного бюджета как в части промышленности и бытового потребления, так и для железнодорожного хозяйства. Минерализация топливного бюджета освободит за пятилетие свыше 60 миллионов пудов нефти, которая сможет получить иное, в частности, экспортное, назначение.

Запасы каменного угля в Средней Азии только в обследованных районах, близких к железным дорогам, определяются в 30 млрд. пудов: в Суллюктинском—5 млрд., Шурабском—6 млрд., Кзыл-Кийском—5 млрд., Нарынском—8 млрд., Кок-Янгакском—3 млрд., Зеравшанском—3,5 млрд., Ягманском—0,005 млрд. пудов. Угли Средней Азии делятся на две группы: а) средне-юрские угли, не спекающиеся, матовые, с теплотворной способностью от 4.700 до 5 500 калорий, полоса этих углей тянется по южной окраине Ферганской долины, б) ретические угли, бурые, отчасти спекающиеся, блестящие, более устойчивые в хранении, с теплотворной способностью в 6.500—7 400 калорий, расположены в восточной и северо-восточной частях Ферганской долины. Основная масса углей более высокого качества и может быть использована как для отопления паровозов, так и на ответственных установках.

В 1926/27 г. железные дороги должны перевести свои стационарные установки на каменный уголь. В дальнейшем, после опытов сжигания угля в топках паровозов, постепенное возрастание потребления угля железными дорогами представляется в следующей перспективе в милл. пуд. по годам, начиная с 1927/28 года: 3,4—16,2—35,6—51,6. Общая же потребность в угле по годам, начиная с 1926/27 г., определяется в милл. пудов: 11,3—31,2—51,8—78,8—101,9. План развертывания каменноугольной промышленности на пятилетие предусматривает добычу, по годам, начиная с 1926/27 г., в милл. пуд.: 12,0—27,0—49,6—79,5—110,8. Значительное увеличение добычи должно быть достигнуто путем ввода в работу кок-янгакских и нарынских месторождений. Характер залегания свит и пластов угля, а также и рельеф местности в этих месторождениях благоприятны для вскрытия и эксплоатационных работ. От существующих железных дорог месторождения эти отстоят на 24—30 верст, размер капитальных вложений в угольную промышленность за пятилетие должен составить 18,9 милл. руб., на 1 тонну проектной добычи—11 р. 63 коп., что значительно меньше ориентировочной цифры вложения по Донбассу.

По нефти в промышленной эксплоатации находятся сейчас три промысла: Чимион и Санто в Узбекистане и Челекен в Туркмении. Средне-азиатская нефть, в виду высокого содержания парафина, сгущаясь при низкой температуре, представляет неудобство при использовании ее в качестве топлива, но зато средне-азиатская нефть имеет преимущества в смысле получения из нее ряда ценных светлых и темных продуктов. План предусматривает дооборудование силового хозяйства промыслов, переход их с ударного на вращательное бурение, усиление эксплоатационного и разведывательного бурения. Сейчас нефти добывается 2.1 милл. пудов в год, к концу пятилетия добыча должна возрасти до 12.8 милл. пуд. Для отгонки продукта на туркменских промыслах намечена постройка заводов: газолинового, нефтеперегонного и парафинового. Изменение направления нефтяной промышленности позволяет ставить вопрос о повышении цен на средне-азиатскую нефть. Капитальные затраты по нефтяной промышленности за пятилетие 8,7 милл. руб. (без сумм на нефтеперегонный и парафиновый заводы). В союзном ВСНХ выдвинута

мысль о создании акционерного общества „Средазнефть“ с участием Азнефти и Нефтесиндиката, мысль эта поддерживается и средне-азиатскими республиками.

В Средней Азии имеются озокеритовые месторождения в Туркмении на Челекене и Нефтедаге, в Узбекистане — в Шор-Су и Сельрохо, считающиеся наиболее богатыми в мире. Добыча озокерита к концу пятилетия должна дойти до 4 тыс. пуд. Основная задача по этой отрасли—переработка добываемого сырца на высокоценные продукты церезиновой промышленности. Ассигнования на пятилетие выражаются в сумме 3 милл. руб. Залежи глауберовой соли, встречающиеся в двух видах: мирабилит (водная глауберовая соль) и теннардит (безводная), имеются в Туркмении. Запасы теннардита определяются в $1^1/_2$—2 млрд. пуд., мирабилита же в 36 млрд. пудов. Спрос союзной силикатной промышленности на естественные сульфаты выражается в ближайшие годы в 6 милл. пуд., но последняя цифра, нужно думать, в дальнейшем значительно повысится. По плану добыча сульфатов в Средней Азии должна быть доведена до 6 милл. пуд. в год, ассигнования по этой отрасли 0,5 милл. руб.

Месторождения серы имеются в Узбекистане (Шор-Су в Фергане) и в Туркмении (Кырк-Тюльба в Кара-Кумах). Союзная промышленность и сельское хозяйство потребляют серу в крупных размерах, вся она завозится из-за границы; довоенный ввоз серы превышал 1,2 милл. пуд. в год. В Узбекистане строится серный завод, который приступает к работе в 1926/27 г. В Туркмении необходимо продолжение промышленных разведок серы. В Туркмении же имеются богатые месторождения соли—в Куйли и Джебеле. Горные и ископаемые богатства в Средней Азии мало разведаны. Между тем, в Средней Азии имеются залежи золота, радиоактивных руд (эти руды сейчас разрабатываются), барита, железа, меди, свинца, селитры, серного колчедана, азбеста, графита, наждака, огнеупорной глины. План предусматривает развитие разведок, которые потребуют в течение пятилетия ассигнования в размере 2,9 милл. руб.

В области обрабатывающей промышленности первое место принадлежит развитию хлопкоочистительной и маслобойной отраслей. Исходя из роста сырца, получающегося по плану хлопководства, необходимо в пятилетие добавить по хлопкоочистительной промышленности 26.080 пил, что в переводе на заводы дает постройку за это время 16 однобатарейных и 22 двухбатарейных заводов с общим количеством 320 джин. Скуппунктов имеется в виду построить и оборудовать за пятилетие 144. Общая стоимость строительства хлопкоочистительных заводов и скуппунктов—29,9 милл. руб. План составлен из расчета нагрузки на одну пилу 10″ в 1200 пуд. сырца при 150 днях в сезоне, но одновременно ставится вопрос о технической возможности и экономической целесообразности удлинения срока работы хлопкоочистительных заводов. Исходя из выхода семян, предусмотренного планом хлопководства, и из нагрузки на один маслобойный пресс в 250 тыс. пуд. семян, план маслобойной промышленности предусматривает установку за пятилетие новых 109 маслобойных прессов, что потребует ассигнования 21,9 милл. руб.

В шелковом деле в Средней Азии происходят сейчас существенные изменения. До войны урожай сырых коконов выражался в 350 тыс. пудов, из этого урожая 42% использовалось на экспорт за границу, 35% перерабатывали местные кустари, 20% шло на бытовое потребление и лишь 3% вывозилось в центральную Россию для надобностей русской промышленности. В 1913 г. потребность шелковой промышленности центра в сырых коконах составляла 1,6 милл. пудов, а Средняя Азия дала центру только 12 тыс. пуд. Средне-азиатские сырые коконы вывозились за границу, там перерабатывались в грежу и ввозились обратно в переработанном виде на сумму, примерно, 30 милл. руб. в год. В настоящее время экспорт коконов за границу составляет всего 7% от урожая, потребление же местных кустарей и бытовое потребление составляет 82%. План предусматривает к концу пятилетия заготовку для надобностей центра 84% всего урожая. Такое направление шелководства вызывает необходимость в быстром развитии шелкомотальных фабрик.

План предусматривает следующий рост производства сырых коконов по годам пятилетия, начиная с 1926/27 г., в тысячах пудов: 325, 400, 518, 660, 775. Гренаж должен быть расширен путем механизации 10 имеющихся гренажных заводов и постройки 5 новых заводов. В связи с повышением урожайности с коробки грены от 1,7 пуда до 2,5 пуда это обстоятельство позволит значительно увеличить экспорт грены в Западный Китай и Персию и довести его до 180 тыс. коробок. Что касается шелкомотания, то сейчас в Средней Азии имеется одна шелкомотальная фабрика на 104 таза. В течение пятилетия эта фабрика должна быть дооборудована 52 тазами и, кроме того, должно быть построено новых 8 фабрик на 1.300 тазов. Такое развертывание шелкомотания позволит получать, начиная с 1926/27 г., следующее количество грежи в тыс. пудов: 4,8, 12,2, 16,6, 23,0, 25,3. В связи с развитием фабричного шелкомотания должна будет претерпеть изменение шелковая кустарная промышленность: кустарная размотка шелка должна пойти на убыль, а кустари-размотчики должны быть втянуты в фабричное производство в качестве рабочих, кустари же ткачи должны перейти на грежу фабричной выработки. Капитальное вложение по шелкообрабатывающей промышленности выражается за пятилетие в 4,8 милл. руб.

Мельничное хозяйство в Средней Азии находится в крайне неудовлетворительном состоянии. Из общего числа 5.210 мельниц на долю товарных мельниц приходится только 16 единиц, остальные же являются мелкими мельницами кустарного типа. Такое состояние мельничного хозяйства не соответствует исключительному значению, какое имеет организация хлебного рынка в Средней Азии. Положение ухудшается тем, что немногочисленные товарные мельницы пришли в состояние полной изношенности, что они к тому же устарелой конструкции. В результате, стоимость помола на государственных мельницах—37 коп. пуд. План предусматривает постройку 10 товарных мельниц с суточной производительностью в 26,8 тыс. пудов, переоборудование 6 существующих товарных мельниц, с доведением их суточной производительности до 21,1 тыс. пуд., постройку новых 44 сельскохозяйственных мельниц и 386 механизированных кустарных мельниц. Для выполнения этой программы потребуется затрата 7,6 милл. руб., из коих по госбюджету—3,9 милл. руб.

В связи с мукомольным делом необходимо рассмотреть и проблему элеваторов. В Средней Азии нет элеваторов, как нет и хорошо оборудованных хлебных складов. Между тем в климатических условиях Средней Азии—жаркое лето и сырая зима—к складским помещениям приходится предъявлять высокие требования. Программа элеваторного строительства предусматривает на пятилетие постройку 4 терминальных элеваторов в важнейших пунктах сосредоточения завозного хлеба и хранения маневренных запасов и 12 линейных элеваторов в крупных пунктах хлебных заготовок. Терминальные элеваторы имеется в виду построить в Ташкенте, Коканде, Красноводске и Пишпеке. Общая стоимость элеваторного строительства за пятилетие — 6,2 милл. руб. План предусматривает также постройку 9 хлебных заводов общей стоимостью в 2,2 милл. р.

Советом Труда и Обороны утверждена еще в прошлом году постройка в Средней Азии двух хлопчатобумажных прядильно-ткацких фабрик, каждая на 40 тыс. веретен и 1.100 ткацких станков. К постройке обеих фабрик приступлено—одна строится в г. Фергане, другая—в Полторацке. По программе первой очереди на каждой фабрике устанавливается 10 тыс. веретен и 300 ткацких станков. Проектная стоимость каждой из фабрик 11,5 милл. руб., полное развертывание должно произойти в течение пятилетия. План предусматривает также постройку суконной фабрики в Туркмении, с годовым производством в 60 тыс. метров и стоимостью в 0,8 милл. руб., а также постройку в Туркмении ватной фабрики, с годовым производством в 60 тыс. пудов ваты и стоимостью в 0,6 милл. руб.

Средняя Азия в виду больших гидротехнических и строительных работ нуждается в цементе. В среднем, в ближайшее пятилетие потребность в цементе в год составляет 3—3,5 милл. пудов. Стоимость фрахта на цемент Вольских заводов в Среднюю Азию составляет 47 к. на пуд или 90% отпускной цены франко—завод, на фрахте Средняя Азия переплачивает ежегодно 1,5 милл. руб. План предусматривает дооборудование существующего в Средней Азии цементного завода на станции Хилково, эвакуированного сюда из Риги в 1916 году, а также постройку второго завода вблизи каменноугольных копей Кзыл-Кия в Фергане. Производительность обоих заводов превысит 4 милл. пуд. в год. Общая сумма ассигнований—2,3 милл. руб. Отдаленное положение Средней Азии, крупный рынок стекольных изделий и удачный опыт по организации в Туркмении немеханизированного завода делают целесообразным постройку в Средней Азии одного из 14 намеченных программой союзного строительства больших стекольных заводов. План предусматривает постройку этого завода с годовой производительностью в 19 тыс. тонн стекла (главным образом, бутылочного и оконного) в Полторацке. Производственная себестоимость тонны стекла исчислена в 81 р. против 86 р. на новых заводах, проектируемых в СССР. Проектная стоимость завода—1,6 милл. руб.

Довоенный завоз сахара в Среднюю Азию составлял 3 милл. пуд. Фрахт на 1 пуд сахара составляет 1 руб. 28 коп., т.-е. 25% отпускной фабричной цены, ежегодная переплата Средней Азии на фрахте составляет сейчас около 3 милл. руб. Между тем в северных районах Киргизии имеются благоприятные условия для широкой культуры сахарной свеклы. Пятилетний план намечает постройку двух сахарных заводов в Киргизии, общая стоимость заводов с жилстроительством—7,8 милл. р. По консервной промышленности имеется в виду постройка пяти заводов, общей стоимостью в 1,4 милл. руб. В этом отношении наибольший интерес представляют районы: Ташкентский, Канибадамский, Исфаринский, Теджентский и Наманганский. Касторовый завод имеется в виду построить в Ташкенте, стоимость его—0,7 милл. руб.

План предусматривает также строительство по винодельческой, химической, бумажно-целлюлозной, кожевенной, деревообделочной, табачной и кирпичной промышленности.

С вопросами индустриализации Средней Азии тесно связана проблема электрификации. В Средней Азии для целей электрификации могут быть использованы вода и уголь. Общие запасы водной энергии оцениваются в сумме до 12,5 милл. лош. сил, но не вся эта мощность может быть использована. Подсчеты потоков, которые могут быть использованы, дали для летнего периода 2.181 тыс. лош. сил, а для зимы—611 тыс. лош. сил. Насколько велики эти запасы энергии, видно из того, что сейчас в гидроэлектрических станциях используется только 1% зимней мощности. Запасы угля в Средней Азии определяются в 30 млрд. пудов. При добыче угля в 1930/31 году в 1.850 тыс. тонн угольной мелочи будет получено свыше 360 тыс. тонн; сжигание ее на электрических станциях может дать 250 милл. киловатт-часов. При 45% использования годовых часов можно достигнуть величины 60 тыс. киловатт или 80 тыс. лош. сил, чего с избытком хватит для покрытия нужды в энергии пятилетней хозяйственной перспективы.

В 1924/25 г. в Средней Азии имелось 50 электрических станций с 130 установленными двигателями на общую мощность 16.869 лош. сил. Если исключить три станции—Ташкентскую, Гиндукушскую и электростанцию Ташкентских мастерских, то средняя мощность одной станции окажется в 38 лош. сил, число установленных двигателей—25. Цифры говорят о мелком характере установок. Все станции общественного пользования, за исключением 3, подают энергию в сеть лишь для нужд освещения. Тепловых электростанций на местном угле нет. До 90% установленной мощности сжигает в двигателях внутреннего сгорания 600 тыс. пудов бакинской нефти, не пользуясь местной вследствие ее сильной парафинистости.

Для составления пятилетнего плана электрификации по Средней Азии сейчас не имеется достаточных материалов. Важнейшими об'ектами электрификации являются три района: Ферганский, Ташкентский и Самаркандский, по всем этим районам необходимы дополнительные изыскания. План предусматривает отпуск на эту надобность в 0,5 милл. руб. За отсутствием необходимых данных план по электрификации составлен на один только 1926/27 г. В этом плане центральное место занимает проблема г. Ферганы. Здесь строится маслобойный завод на 16 прессов, мощностью в 1.750 киловатт. Здесь строится текстильная фабрика с установкой 450 киловатт с перспективой расширения до 900 киловатт. Здесь же имеются хлопкоочистительные заводы и шелкомотальная фабрика. В недалекой перспективе на угольных копях Кзыл-Кия возникает цементный завод, с силовой установкой до 1.000 киловатт. Сами копи Кзыл-Кия требуют силового хозяйства в 300—400 киловатт. Во избежание возникновения ряда сепаратных блок-станций и в целях централизации производства всей энергии для района г. Ферганы план предусматривает сооружение тепловой централи на кзыл-кийском угле, мощностью в первую очередь до 5.000 киловатт с резервом. Стоимость станции—2,1 милл. руб. План предусматривает также установку по Ташкентскому району на существующей Боз-Суйской станции третьего аггрегата, мощностью в 1.000 киловатт. Имеются в виду также электроустановки в Самарканде и в ряде городов и крупнейших кишлаков Средней Азии.

План гражданского строительства не полон. Расходы по плану на пятилетие—248 милл. руб. со следующим распределением по основным статьям: жилстроительство—67 милл. р., промстроительство—65 милл. р., коммунальное строительство и благоустройство городов—57 милл. руб., нужды народного здравоохранения—15 милл. руб., нужды народного просвещения—32 милл. р., административно-служебные здания—9 милл. р. и общественные здания—3 милл. р. Промышленное строительство проходит по промпланам. Что касается жилищного строительства, то нужда в нем видна из того, что средняя норма жилой площади сейчас составляет 4 кв. метра. В результате осуществления пятилетней программы потребность в жилой площади будет удовлетворена в Узбекистане на 12%, а в Туркмении—на 30%. Финансирование жилищного строительства должно происходить, примерно, в половину за счет ссуды Центрального Коммунального банка и на 25% она должна быть произведена за счет предприятий.

По источникам финансирования гражданское строительство распределяется следующим образом: средства промышленности—60,9 милл. р., ЦКБ—52,5 милл. р., субвенция—46,7 милл. р., госбюджет—14,7 милл. р., местный бюджет—32,3 милл. р., специальные средства—16 милл. р., частный капитал—13,8 милл. руб., фонд улучшения быта рабочих—5,8 милл. р., целевой налог—4,6 милл. р. Из материалов придется завозить: цемент, железо всех видов, сосновый лес, стекло, москательный и скобяной товары. На месте можно будет получить жженый и сырцовый кирпич, известь, ганч, камни всех видов, песок и в небольшом количестве тополевый лес. При развитии местной цементной промышленности потребность в цементе покроется местными заводами. Потребность в строительных материалах на пятилетие определяется в 100 милл. руб. Финансовой предпосылкой широкого жилищного строительства является долгосрочный кредит. План предусматривает разработку проекта рабочих городков, перепланировку старых городов и выработку строительного регламента.

Существенное место уделено в пятилетнем плане холодильному строительству. Назначение холодильников в Средней Азии—содействие вывозу свежих фруктов, завозу мяса, перевозке рыбы, а также молочных продуктов и яиц. Проектируемые холодильные устройства рассчитаны для пропуска в конце пятилетия 1,8 милл. пудов экспортных фруктов (до войны из Средней Азии вывозилось 1,2 милл. пудов свежих фруктов). Холодильное строительство в Средней Азии уже началось, в 1925/26 г. на него было отпущено центром 830 тыс. руб. для приступа к сооружению трех холодильников—в Ташкенте, Самарканде и Ходженте. Общая стоимость холодильных устройств на пятилетие—4,6 милл. руб., в виду отпуска указанной выше суммы необходимое доассигнование определяется в 3,7 милл. руб.

III

По торговле, бюджетам и кредиту средне-азиатскими республиками разработан план только на один 1926/27 год. Этот план предусматривает завоз хлеба из Союза в количестве 22 милл. пуд. против плана прошлого года в 17,5 милл. пуд. Завоз промтоваров намечен в размере 278,2 милл. руб. (по ценам франко Средней Азии) против завоза в 240,8 милл. руб. прошлого года. По ценам франко—фабрика завоз определяется в 251 милл. руб. План заготовок продуктов сельского хозяйства (исключая зернозлаки, хлопок и скот) составлен на 1925/26 г. в сумме в 35,7 милл. руб. по заготовительным ценам против 26,5 милл. р. прошлого года. План же вывоза сырья в Союз, со включением хлопка, составлен в сумме 207,7 милл. руб. против 211 милл. руб. прошлого года; снижение суммы об'ясняется менее удовлетворительным урожаем хлопка в нынешнем году, нежели в 1924/25 г.

В порядке ориентировочной схемы план все же дает на пятилетие общую перспективу. Исходя из валовой продукции сельского хозяйства по отдельным отраслям и из товарной части этой продукции, план предусматривает следующую схему развития вывоза из Средней Азии в Союз в предстоящие пять лет, начиная с 1926/27 г., в милл. руб.: 211, 259, 305. 361, 428. В составе вывоза доля хлопка повышается с 76% почти до 83%. В абсолютных цифрах вывоз хлопка повышается с 150 милл. руб. до 330 милл. руб., вывоз продуктов животноводства—с 23,1 милл. руб. до 33,4 милл. руб., по садоводству и виноградарству—с 16,8 милл. руб. до 19,3 милл. руб. На основании роста вывоза и, принимая во внимание, что по Средней Азии ввоз всегда превышает вывоз

вследствие капитальных вложений центра в различные отрасли хозяйства Средней Азии,—перспектива ввоза, включая завоз хлеба и импорт по западно-европейской границе, намечена для ближайшего пятилетия, начиная с 1926/27 г., в следующих цифрах, в милл. руб.: 323, 370, 414, 464, 520.

По транспорту и связи план разработан на пятилетие. В отношении путей сообщения Средняя Азия занимает одно из последних мест в Союзе. На 1.000 кв. *клм* территории в Средней Азии приходится 3,9 *клм* железнодорожных путей, между тем, в северном районе Союза соответственная цифра 4,4 *клм*, в Белоруссии—18,2 *клм*, в центральном черноземном районе—25,5 *клм*, на Украине—30,5 *клм*. Дороги, соединяющие Среднюю Азию с внутренними районами Союза, находятся в неудовлетворительном состоянии и требуют капитального ремонта. Грузооборот по железным дорогам быстро растет. По Ташкентской дороге грузооборот составлял в 1913 г. 184 милл. пуд., по плану на 1926/27 г. он составит 200 милл. пудов, а к концу пятилетия дойдет до 320 милл. п. По Средне-Азиатской дороге грузооборот составлял в 1913 году 170 милл. пуд., а по плану на 1926/27 г. он составит 190 милл. пуд., к концу же пятилетия грузооборот дойдет до 320 милл. пуд.

Пятилетний план предусматривает на ряду с капитальным ремонтом существующих дорог проведение ряда новых линий. Некоторые из них должны усилить связь Средней Азии с внутренними районами Союза, другие должны установить связь Средней Азии с Сибирью в целях облегчения получения оттуда хлеба, ряд дорог местного значения имеется в виду провести в хлопковые и угольные районы, некоторые дороги имеют целью облегчить нашу внешнюю торговлю с сопредельными странами. Общая стоимость ремонта железных дорог на пятилетие 200 милл. руб., а стоимость нового строительства—114,2 милл. руб.

Водное сообщение поддерживается сейчас: 1) по Аральскому морю, 2) по Аму-Дарье, 3) по Иссык-Кулю, 4) по реке Или (здесь оно только организуется). План предусматривает производство ряда работ по улучшению фарватеров рек и по обстановке путей. Общий расход на эти цели за пятилетие—2,8 милл. руб. Судоходство на указанных путях поддерживается Средне-Азиатским госпароходством. Плавающий состав состоит из 14 паровых и паротепловых единиц и 13 непаровых судов. Суда—устаревшие и мало соответствующие режиму тех рек, по которым они плавают. На ряду с государственным флотом на водных путях Средней Азии работает и частно-владельческий флот: на Аральском море в виде парусных судов и на Аму-Дарье в виде каюков (количеством до 600 единиц). На Аму-Дарье тоннаж каючного транспорта 12.500 тонн при тоннаже госпароходства—1.025 тонн. Госпароходство, имея тоннаж в 7,5% от общего тоннажа Аму-Дарьи, перевезло в 1925 г, 29% всех грузов. Каючники, пользуясь своим превосходством, а также побуждаемые высокими расходами по этому крайне примитивному виду транспорта, назначают высокие фрахты. План предусматривает сооружение за пятилетие 18 паротепловых судов и 11 барж. На это потребуется 5,2 милл. руб.

Гужевые дороги имеют в Средней Азии большее значение, чем в ряде других районов Союза. В последнее время на них обращено серьезное внимание. Так, в 1923/24 г. на гужевые дороги было ассигновано 87 тыс. руб., в 1924/25 г.—377 тыс. руб., а в 1925/26 г.—1.195 тыс. руб. Для ряда областей гужевые дороги являются единственными артериями, соединяющими их с внешним миром. В последний год в Средней Азии начинает прививаться на гужевых дорогах автомобильный транспорт. Перевозка гужом обходится в 80 коп. с тонно-километра, авто-

мобильное сообщение снижает расход до 45 коп. Для осуществления пятилетнего плана развития автомобильного сообщения потребуется покупка 315 пассажирских машин и 581 грузовой машины. Общий же расход на гужевой транспорт за пятилетие выражается в сумме 62,2 милл. руб.

Финансовое выражение пятилетнего плана не может быть сейчас подытожено за отсутствием данных по ряду статей. Но важнейшие слагаемые могут быть приведены: ирригация—228,1 милл. руб., освоение земель и землеустройство—67,7 милл. руб., промышленность по госбюджету—118,2 милл. руб., промышленность за счет хозорганизаций—45 милл. руб., холодильное строительство—3,7 милл. руб., элеваторное строительство—6,2 милл. руб., железнодорожное строительство—114,2 милл. руб., ремонт железных дорог—200 милл. руб., водный транспорт—9,4 милл. руб., гужевой транспорт—62,2 милл. руб., воздухофлот—3,6 милл. руб., связь—6,3 милл. руб., автотранспорт—3,7 милл. руб.; всего 968,6 милл. рублей.

Народнохозяйственный эффект от этих капитальных затрат должен сказаться в том, что стоимость валовой продукции сельского хозяйства и промышленности, составляющая в 1925/26 г. в довоенных ценах 534,1 милл. руб., должна повыситься к концу пятилетия до 1.046,7 милл. руб., т.-е. почти удвоиться. При этом удельный вес государственной промышленности должен подняться с 24,4% до 37%, в сельском же хозяйстве удельный вес хлопководства по стоимости валовой продукции на поливных землях должен повыситься с 48% до 58%. В абсолютной же цифре Средняя Азия сможет дать в конце пятилетия 25,5 милл. пуд. волокна вместо даваемых ею в нынешнем году 8,6 милл. пудов.

Н. Стефанов

Внешняя торговля СССР в Средней Азии

I

Современное состояние внешней торговли по Средне-Азиатской границе характеризуется следующими данными.

Общий товарооборот с сопредельными странами за 1923/24 г. выразился в сумме 10.215.600 рублей, в 1924/25 г. он возрос уже до 21.559.099 рублей. Оборот за первое полугодие 1925/26 г. показывает еще более сильный рост, составляя уже свыше 18.000.000 рублей, распределяющихся по странам следующим образом (в рублях):

	Экспорт	Импорт	Товарооборот
Персия (Хоросан)	3.006.375	7.946.446	10.952.821
Афганистан	917.007	1.763.526	2.680.503
Западный Китай	1.382.577	3.125 603	4.508.180
Итого .	5.305.959	12.835.575	18.141.533

Товарооборот истекшего полугодия по Западному Китаю и Афганистану превышает итоговую цифру всего 1924/25 г., и лишь по Персии темп роста товарооборота более замедленный.

Товарооборот

	1924/25 г.	I полуг. 1925/26 г.	I полуг. 1925/26 г. в % % к 1924/25 г.
Персия	16.269.000	10.952.821	66,4
Афганистан	2.288.000	2.680.533	117,2
Западн. Китай	3.002.099	4.508.180	150,2

Годы войны и революции сильнее ударили по нашему экспорту в сопредельные страны, чем по импорту, в результате чего импорт оказался менее разрушенным и восстанавливался быстрее экспорта. Это продолжалось до 1924/25 г.

1924/25 год можно считать поворотным пунктом в развитии внешней торговли. С этого года наш экспорт начинает быстро восстанавливаться и по темпу роста обгоняет импорт. Это наглядно показывает процентное соотношение экспорта и импорта в общем обороте:

	1923/24 г.	1924/25 г.	I полуг. 1925/26 г.
Персия (Хоросан)			
Экспорт	18,2	27,6	26,4
Импорт	81,8	72,4	73,6
Афганистан			
Экспорт	7,9	20,5	34,2
Импорт	92,1	79,5	65,8
Западный Китай			
Экспорт	5,8	21,7	30,7
Импорт	94,2	78,3	69,3
По всем границам			
Экспорт	14,4	26,0	28,7
Импорт	85,6	74,0	71,3

Таким образом, совершенно ясно выступает тенденция увеличения в общем обороте доли экспорта и падения доли импорта. Соответственно сокращается и пассивное сальдо торгового баланса.

Исключением из этой тенденции является лишь некоторое относительное снижение доли экспорта и увеличение импорта по Хоросану в первом полугодии 1925/26 года и вследствие этого небольшое увеличение пассивности торгового баланса по персидской границе. Этот рост пассивности произошел в первом квартале (октябрь—декабрь) и приходится за счет сильного роста импорта сухофруктов, кишмиша и чая.

С окончанием сезона и введением лицензий в феврале состав импорта по границе с Хоросаном во втором квартале резко улучшился в сторону увеличения ввоза товаров, абсолютно необходимых для народного хозяйства СССР, и одновременного сокращения ввоза прочих товаров.

Если условно считать товарами, абсолютно необходимыми для ввоза,—хлопок, шерсть и кожсырье всех видов, а также скот и пушнину, относя все остальные статьи импорта к прочим товарам, то получится следующая картина.

Ввоз товаров абсолютно необходимых составил по Хоросанской границе в первом квартале 1925/26 года 33% и ввоз прочих товаров—67% ко всему импорту, а во втором квартале это соотношение радикально изменяется—ввоз абсолютно необходимых товаров составил уже 65% и прочих только 35%.

В отношении улучшения качественного состава импорта следует также отметить рост импорта сырья реэкспортного значения (кожсырье, кишки, пушнина и т. д.), как это видно из следующей таблицы:

Сырье реэкспортного значения в %% ко всему импорту

	1924/25 г.	I полуг. 1925/26 г.
Персия (Хоросан)	29,45	23,3
Афганистан	59,37	64,04
Западный Китай	35,92	42,12

Увеличение процента реэкспортного сырья происходило не за счет товаров, потребляемых нашей промышленностью (шерсть, хлопок), но за счет прочих товаров.

Снижение процента реэкспортного сырья по Хоросану в первом полугодии 1925/26 года приходится опять-таки на первый квартал, и при рассмотрении импорта по кварталам процент реэкспортного сырья в первом квартале составляет 8,2% и во II квартале—36,3%.

Обращаясь к анализу импорта по странам, приходится констатировать сильный рост импорта основных статей, имеющих наибольшее значение для нашего народного хозяйства, по Западному Китаю и Афганистану.

По Западному Китаю импорт скота за первое полугодие 1925/26 г. превысил годовую цифру 1924/25 г. и составил 1.494.031 руб. В общем импорте скота сильный рост показывает мелкий рогатый скот—90.000 голов на сумму свыше 1.000.000 руб. за одно только полугодие, тогда как за весь 1924/25 год ввезено всего 53.000 баранов. Из других статей импорта наиболее сильный рост показали следующие:

	1924/25 г. Количество в тоннах	I полуг. 1925/26 г. Количество на сумму рублей в тоннах
Шерсть	718.707	922.112
Кожсырье	120 853	129.426
Кишки	1.719	3.014
Мерлушка	0.610	4.267
Пушнина	—	5.826

	1924/25 г.	I полуг. 1925/26 г.
Афганистан		
Шерсть	1.817,0 тонн	1.405,0 тонн
Мерлушка, кожсырье, пушнина, каракуль	148,0 „	163,0 „
Скот	16.491 гол.	16.559 гол.

Что касается Хоросана, то, как отмечено выше, в импорте первого полугодия решающее значение имел импорт кишмиша, фруктов, орехов и чая, всего на сумму свыше 3.000.000 рублей. Этот импорт, без которого мы можем свободно обойтись, обошелся нам слишком дорого и составил основную часть пассива по границе с Хоросаном (61,4%).

	1924/25 г.	I полуг. 1925/26 г.
	(В тоннах)	
Персия		
Кишмиш, сухие фрукты и свежие	7.506,0	5.221,
Орехи, миндаль, фисташки	413,0	239,0
Чай	309,0	196,0
Хлопок	4.411,0	1.843,0
Шерсть	3.381,0	1.162,0
Кожсырье	166,0	151,0

Как видно из этой таблички, из Хоросана основные необходимые статьи импорта—хлопок и шерсть—за истекшее полугодие поступили пока

в количестве, отстающем от средней полугодовой 1924/25 года, в то время как остальные статьи сильно возросли.

Экспорт первого полугодия 1925/26 года почти сравнялся с годовым экспортом всего 1924/25 года. В составе экспорта сильный рост показали основные статьи: мануфактура, сахар, нефтепродукты и другие.

	1924/25 г.	I полугод. 1925/26 г.	В %% к 1924/25 г.
	(В рублях)		
Персия			
Мануфактура	589.000	335.900	57,0
Сахар	1.455.200	1.562.100	107,3
Керосин и бензин	194.000	273.800	141,1
Спички	58.000	173.950	300,0
Афганистан			
Мануфактура	43.042	326.507	758,6
Сахар	9.000	148.326	1.648,0
Керосин	50.000	141.914	283,8
Фарфор и фаянс	83.000	69.210	83,4
Металлы	31.000	46.200	149,0
Западный Китай			
Мануфактура	43.042	449.723	1.044,8
Сахар	46.845	113.112	241,5
Керосин	23.169	62.548	270,0
Фарфор и фаянс	780	47.315	—
Металлы	109.152	344.247	315,4

Наиболее сильно восстанавливается наш экспорт в Афганистан и Западный Китай. Экспорт в Персию за последние годы восстановился в большей степени, чем в другие страны, и теперь растет замедленным темпом. Лишь некоторые отставшие статьи (спички) дают сильный рост.

Достижение довоенных размеров экспорта в Афганистан зависит исключительно от продвижения туда нашей мануфактуры. В то время как по нефтепродуктам и спичкам завоз I полугодия т/г. превысил завоз всего 1913 г., по силикатам сравнялся с ним, по металлам составляет 56,7%, вывоз мануфактуры в истекшем полугодии составил всего лишь 7,7% довоенного и в составе всего экспорта составляет 35,6% против довоенных 86,4%.

Вывоз в Западный Китай основных экспортных групп все еще минимален по сравнению с довоенным.

Так, по сахару он составлял, примерно, 15—20%, по мануфактуре 6%, по спичкам около 12%. По другим статьям этот процент выше: по металлам около 60%, по посуде около 50%.

II

Плановые предположения на 1925/26 г. оказались, как это видно из следующей таблицы, реальными только по Персии и по Западному Китаю.

Выполнение экспортно-импортного плана за I полугодие 1925/26 г.

	Экспорт			Импорт		
	Намечено по плану на 1925/26 г.	Выполнено за I полуг. 1925/26 г.	% выполнения	Намечено по плану на 1925/26 г.	Выполнено за I полуг. 1925/26 г.	% выполнения
Персия	5.738.140	3.006.375	52,41	9.782.970	7.946.446	81,34
Афганистан	4.915.900	917.007	18,66	9.243.415	1.763.526	19,08
Западный Китай	2.470.605	1.382.577	55,96	7.178.534	3.125.603	43,55
	13.124.645	5.305.959	40,43	25.204.919	12.835.575	50,93

План по Афганистану, как видно из таблицы, оказался нереальным.

Если к этим данным за полугодие прибавить предварительные данные за апрель и май т/г., то выполнение плана за 8 месяцев представится в следующем виде:

	Экспорт			Импорт		
	Намечено по плану на 1925/26 г.	Выполнено за 8 месяц.	% выполнения	Намечено по плану на 1925/26 г.	Выполнено за 8 месяц.	% выполнения.
Персия	5.738.140	4.231.893	73,77	9.782.970	9.589.669	98,02
Афганистан	4.915.900	1.345.836	27,38	9.243.415	2.029.494	21,95
Западный Китай	2.470.605	2.300.402	93,11	7.178.534	3.859.129	53,76
	13.124.645	7.878.131	60	25.204.919	15.478.292	61,41

Однако, если общая сумма плана оказалась реальной, то при составлении плана и фактическом выполнении по отдельным статьям экспорта и импорта получается весьма значительное отклонение, главным образом, за счет Афганистана.

Однако, рост оборотов внешней торговли происходит скачками. Из месяца в месяц мы наблюдаем в торговле по отдельным границам резкое колебание экспорта и импорта и резкие переходы от пассивного баланса к активному.

Соотношение экспорта и импорта в %% к обороту

	Персия		Афганистан		Зап. Китай	
	Экспорт	Импорт	Экспорт	Импорт	Экспорт	Импорт
1925 г. Октябрь . . .	23,3	76,7	41,9	58,1	18,0	82,0
„ Ноябрь	27,1	72,9	41,0	59,0	43,0	57,0
„ Декабрь	31,6	68,4	30,3	69,7	33,7	66,3
1926 г. Январь	20,0	80,0	34,7	65,3	31,9	68,1
„ Февраль . . .	32,8	67,2	15,0	85,0	**62,5**	**37,5**
„ Март	29,4	70,6	**54,1**	**45,9**	18,9	81,1
„ Апрель	**58,3**	**41,7**	**68.3**	**31,7**	34,7	65,3
„ Май	33,4	66,6	45,6	54,4	**60,2**	**39,8**

Таким образом, мы имеем активный баланс по границе с Персией в апреле, по границе с Афганистаном в марте и апреле и по границе с Западным Китаем в феврале и мае. Все остальное время по всем границам мы имеем пассивный баланс.

Резкие колебания внешнеторгового оборота по Средне-Азиатской границе находят свое об'яснение отчасти в сезонных факторах, транспортных условиях, но главное в безлицензионном режиме по отношению целого ряда товаров и в значительном удельном весе частной торговли в общей торговле с сопредельными странами.

Второе полугодие 1925/26 г. проходит всецело под знаком форсирования экспорта. Достаточно сравнить цифры экспорта основных товаров в первом полугодии и экспорт за апрель — май, чтобы убедиться в этом.

	За I полугод. 1925/26 г.		За апрель и май		Итого за 8 месяц.	
	Тонн	Руб.	Тонн	Руб.	Тонн	Руб.
Мануфактура						
В Персию	101,4	335.980	54	280.225	155,4	616.205
В Афганистан	134,6	326.507	48	185.378	182,6	511.885
В Западный Китай . .	100	450.623	80	474.341	180	924.964
Всего . . .	336	1.113.110	182	939.944	518	2.053.054
Сахар						
В Персию	2.968	1.562.132	1.750	746.235	4.718	2.308.367
В Афганистан	255	148.375	204	118.187	459	266.562
В Западный Китай . .	131	113.002	186	130.656	317	243.658
Всего . . .	3.354	1.823.509	2.140	995.078	5.494	2.818.587

Форсирование экспорта привело к тому, что наши товары стали охватывать все большие районы, проникая в глубь сопредельных стран.

Наш сахар в Афганистане вышел из пределов Гератского и Мазар-и-Шерифского районов и постепенно охватывает Бадахшан и Каттаган и даже доходит до Кабула.

Мануфактура делает также крупные успехи. В Персии, на полпути к индийской границе, в Бирджанде, можно найти русскую мануфактуру, при чем нарекания купцов вызывают не столько высокие цены на нее, сколько недостаток ее.

В Кашгаре (Западный Китай) наша мануфактура своим хорошим качеством выбила англо-индийскую и успешно конкурирует с кустарными тканями местного производства.

Успешно продвигаются в глубь Китая и наши силикаты, главным образом, фарфоровая и фаянсовая посуда.

Таким образом, наша внешняя торговля по Средне-Азиатской границе имеет все шансы на успешное развитие. Однако, ее рост предполагает необходимость осуществления целого ряда мероприятий, о которых будет сказано ниже.

Распределение оборотов торговли за первое полугодие 1925/26 года по контрагентам показывает, что более половины (59,38%) всей торговли по Средне-Азиатской границе находится в руках частного купечества. В экспорте им принадлежит 41,87%, в импорте же—67,17%; остальное приходится на долю госорганов, смешанных акционерных обществ (Персия), и частично кооперации.

Менее всего приходится на долю частного капитала в торговле с Хорасаном, благодаря развитой системе смешанных акционерных обществ. Доля частника там по экспорту составляет всего 33,9%, по импорту—58,9% и в общем обороте—51,69%. В ноябре доля частных купцов доходила по импорту до 89,16%, в декабре—до 81,0% и по обороту в ноябре—82,11% и в декабре 70,77%.

По Афганистану доля частника значительно выше: по экспорту 43,53%, по импорту 62,45% и в общем обороте 55,75%. Максимум участия частных купцов приходится на январь — февраль, когда их доля повысилась до 72,77% всего оборота по Афганистану.

Западный Китай дает наивысший процент участия частного купечества. Если по Афганистану и Персии мы еще держим в своих руках большую половину экспорта, то по Западному Китаю частник держит в своих руках 55,45% всего экспорта в Западный Китай. В импорте же частник занимает 87,33% и в общем обороте 77,16%.

Таким образом, по Зап.-Китайской границе в руках частного капитала находится свыше 3/4 всей внешней торговли, при чем по отдельным месяцам (январь—февраль) в руках частника было до 84% всего оборота, а импорта даже свыше 96%. В общем и целом, удельный вес частника больше в импорте, чем в экспорте.

Кроме того, относительно высокий процент участия частного купца в экспорте из СССР ничего опасного не представляет. Купцы закупают мануфактуру, сахар, железо и т. д. непосредственно у наших торгующих госорганов и вывозят их в сопредельные страны.

Не безынтересно будет рассмотреть таблицу, показывающую соотношение госорганов (вместе со смешанными акционерными обществами) и частного капитала в нашем экспорте по группам товаров.

Распределение экспорта в сопредельные страны за 1 полугодие 1925/26 года по отправителям (в %%)

ЭКСПОРТ	Персия				Афганистан				Зап. Китай				Всего по всем границам			
	По количеству		По ценности		По количеству		По ценности		По количеству		По ценности		По количеству		По ценности	
	Гос-орган	Част.	Гос-орган.	Част.	Гос-орган.	Част.	Гос-орган.	Част.	Гос-орган.	Част.	Гос-орган.	Част.	Гос-орган.	Част.	Гос-орган.	Част.
Сахар	88,34	11,66	89,89	10,11	87,30	12,70	88,36	11,64	4,80	95,20	16,09	83,91	84,99	15,01	85,19	14,81
Мануфактура	77,19	22,81	89,12	10,88	13,81	86,19	29,79	70,21	25,44	74,56	33,96	66,04	36,39	63,61	49,39	50,61
Нефтепродукты	82,56	17,44	84,86	15,14	86,53	13,47	93,30	6,70	48,41	51,59	56,26	43,74	79,45	20,55	83,52	16,48
Силикаты	13,05	86,95	9,93	90,07	35,60	64,40	41,73	58,27	15,95	84,05	16,00	84,00	21,76	78,24	25,13	74,87
Металлы и изд.	4,98	95,02	43,25	56,75	15,48	84,52	21,75	78,25	2,57	97,43	64,16	35,84	4,97	95,03	55,36	44,64
Спички	53,00	47,00	47,12	52,88	64,60	35,40	66,43	33,57	100	—	100	—	56,74	43,26	50,53	49,47
Средняя, взвешенная по всему экспорту (включая кроме поименованных и все остальные товары) . . .	—	—	66,10	33,90	—	—	56,47	43,53	—	—	44,55	55,45	—	—	58,13	41,87

Здесь, прежде всего, следует отметить следующее: по Персии роль частника в экспорте мануфактуры, сахара и нефтепродуктов не превышает 11,23% по количеству и 10,15% по ценности. Эти товары вывозят преимущественно такие госорганы как ВТС, имеющий в Персии свою контору. Сахар и нефтепродукты вывозятся смешанными акционерными обществами „Русперсахар" и „Персазнефть".

Остальные товары, представляющие меньшую долю оборота, в большей своей части провозятся частниками.

По Афганистану, примерно, та же картина с той, однако, существенной разницей, что частник там основной экспортер и нашей мануфактуры. Отделения ВТС в Афганистане нет, а в последнее время и вообще вся торговля перенесена в базисные приграничные склады.

По Западному Китаю доля частника очень велика по всем товарам.

Эти данные отражают все теневые стороны нашей организации внешней торговли. По основным товарам, завозящимся в большом количестве, наши синдикаты и акц. общества открывают в сопредельных странах свои филиалы. Это недоступно для организаций, экспортирующих второстепенные товары. В завозе посуды, спичек, металлов, галантереи и др. товаров преобладает частный купец.

Здесь следует отметить и еще одно весьма характерное обстоятельство. Из таблицы ясно выявляется, что процент участия частника выше в экспорте по количеству, чем по ценности. Это указывает прежде всего, на то, что частники везут более дешевые, ходовые товары, которые быстро смогут найти себе сбыт, в то время как в экспортном ассортименте госорганов нередко попадаются дорогие и потому неликвидные товары. Что же касается товаров, у которых ассортимент не играет роли, как, напр., сахар, спички, керосин, то все же и здесь мы наблюдаем, что доля частника в экспорте по количеству больше, чем по ценности.

Здесь сказывается вся изворотливость восточного купца, умеющего и сжать свои накладные расходы, и дешевле оценить свой товар в таможне, и меньше уплатить ввозной пошлины своему государству.

Распределение импорта по получателям представляет несколько иную картину.

Здесь прежде всего ясно видно, что наши госорганы играют преобладающую роль только в импорте шерсти и хлопка, а также в очень небольшой части кожсырья. Частный купец абсолютно господствует в импорте кожсырья, скота, кишек, чая, фруктов и проч. товаров.

Относительно высокая доля участия госорганов в импорте каракуля, пушнины и кишек по Афганистану не показательна, так как импорт этих товаров за истекшее I полугодие 1925/26 г. выразился в ничтожных цифрах.

По Персии хлопок и шерсть сосредоточены в наших руках почти на 100%; в меньшей мере—по Афганистану и еще меньше—по Западному Китаю.

Если в отношении нашего экспорта высокий относительно процент частного купечества нам не опасен, особенно при условии количественного перевеса в экспорте госорганов, то в отношении импорта дело обстоит иначе. Здесь перевес частного купца нам вреден.

Вывозя сырье из сопредельных стран, помимо наших госзаготовителей, купец дезорганизует наш внутренний сырьевой рынок, вздувает цены, перепродает, и в конечном результате это сырье будет куплено нашими же заготовителями по вздутым ценам. Это ставит и заготовителей в невыгодное положение, дезорганизует рынок и грозит опасностью смычке восточного купца не непосредственно с госпромышленностью, а с нашим внутренним частным рынком и стимулирует у нас рост частного накопления.

Практика внешней торговли показывает, что разрыв цен на сырье на внутреннем и внешнем рынке заставляет частного купца не продавать сырье нашим госзаготовителям за границей, а самому вывозить в СССР.

С другой стороны, этот разрыв цен в значительной степени и создается частными купцами. Заготавливая сырье на сопредельных рынках по баснословно низким ценам, жестко эксплоатируя производителей этого сырья, купцы стараются возможно дороже сбыть его на внутреннем рынке СССР.

Нужда наша в сырье и несогласованные действия наших госзаготовителей дают купцам эту возможность. Так неоднократно было с шерстью, хлопком и с другим сырьем.

Мы не можем эксплоатировать восточного производителя. Мы не заинтересованы в безобразно низких ценах на сырье, по которым его заготовляют крупные купцы. Мелкому производителю должно быть обеспечено покрытие его издержек производства и некоторое накопление. В этом ключ к развитию товарности сельского хозяйства сопредельных стран и к росту емкости их рынка.

Здесь во всей широте сказывается необходимость увязки внутреннего и внешнего рынка Средней Азии, которая не получила пока своего разрешения. Лимиты наших заготовителей на внутреннем и внешнем рынке должны быть согласованы. Экономическое регулирование рынка должно не допускать разрыва цен в Средней Азии и сопредельных странах.

Предпосылкой к разрешению этого вопроса является соответствующая организация нашей торговли с сопредельными странами, о которой будет сказано ниже.

Данные о роли частника в экспорте и импорте показывают еще одно чрезвычайно важное обстоятельство. Частный купец продает и покупает. Он и импортер и экспортер. Если он терпит убыток на экспорте, он покрывает его на импорте и наоборот.

В этом большое преимущество купца против наших госорганов. Частенько купец экспортирует лишь для того, чтобы продать товар себе в убыток и подорвать этим торговлю наших госорганов. Он имеет возможность это сделать, так как перекроет все убытки на импорте.

Наши же госорганы—либо экспортеры (ВТС, Нефтесиндикат), либо импортеры (Акц. Общ. „Шерсть“, Главхлопком). Это часто ставит их в затруднительное положение.

Выходом из такого организационного тупика может быть только организация Экспортно-Импортного Акц. Общества по торговле с сопредельными странами, которая уже предрешена Союзным Наркомторгом.

Распределение импорта из сопредельных стран за 1 полугодие 1925/26 года по получателям (в %%)

ИМПОРТ	Персия				Афганистан				Зап. Китай				Всего по всем границам			
	По количеству		По ценности		По количеству		По ценности		По количеству		По ценности		По количеству		По ценности	
	Гос-орган.	Част.	Гос-орган.	Част.	Гос-орган.	Част.	Гос-орган.	Част.	Гос-орган.	Част.	Гос-орган.	Част.	Гос-орган.	Част.	Гос-орган.	Част.
Шерсть	99,45	0,55	99,79	0,21	43,85	56,15	35,29	64,71	52,32	47,68	39,30	60,70	64,60	35,40	69,13	30,87
Хлопок	82,03	17,97	98,12	1,88	81,15	18,85	82,12	17,88	8,78	91,22	10,08	89,92	68,59	31,41	82,47	17,53
Мерлушка	20,38	79,62	37,16	62,84	89,20	10,80	87,35	12,65	—	100	—	100	65,86	34,14	65,43	34,57
Каракуль	—	100	—	100	90,55	9,45	94,14	5,86	—	—	—	—	80,59	19,41	91,71	8,29
Пушнина	—	100	—	100	59,15	40,85	58,13	41,87	—	100	—	100	29,18	70,82	17,60	82,40
Кожсырье	7,46	92,54	18,08	81,92	38,60	61,40	39,19	60,81	0,37	99,63	0,21	99,79	12,90	87,10	15,46	84,54
Кишки	—	100	—	100	100	—	100	—	—	100	—	100	8,32	91,68	15,72	84,28
Скот всякий	—	100	—	100	0,56	99,44	0,50	99,50	4,67	95,33	4,54	95,46	3,68	96,32	3,85	96,15
Кишмиш	12,88	87,12	13,02	86,98	3,92	96,08	3,21	96,79	—	100	—	100	12,74	87,26	12,88	87,12
Фрукты свежие и сухие	0,62	99,38	0,62	99,38	—	100	—	100	3,31	96,69	3,77	96,23	0,73	99,27	0,79	99,21
Шелковые отбросы	—	—	—	—	—	—	—	—	—	100	—	100	—	100	—	100
Чай	8,70	91,30	10,37	89,63	19,32	80,68	17,74	82,26	—	100	—	100	14,53	85,47	13,73	86,27
Средняя, взвеш. по всему импорту (вкл. кроме поименованных и все проч. товары).	—	—	41,08	58,92	—	—	37,55	62,45	—	—	12,67	87,33	—	—	32,83	67,17

Это акц. общество должно быть союзное, так как торговля с сопредельными странами есть торговля со всем СССР, а не с отдельными национальными республиками.

Вместе с тем все же нужно констатировать, что торговля национальных республик с сопредельными странами имеет для них большое значение. Главное значение в этой торговле играет рабочий скот, потребность в котором растет с ростом ирригации, хлопковой площади, ликвидации последствий басмачества и земельной реформой.

Большое значение имеет также и импорт мясного скота вследствие отрицательного мясного баланса в Узбекистане и наличия крупных потребляющих городских центров.

Затем республики торгуют с сопредельными странами продуктами шелководства и кустарной промышленности — экспорт грены, шелка-сырца, шелковых тканей, ковров и т. д.—и предметами потребления населения приграничной полосы, экспорт и импорт хлеба, риса, овощей и других продуктов. Хозяйственный рост средне-азиатских республик оживит и разовьет эту торговлю.

Анализ внешней торговли Средней Азии за последние годы позволяет сделать следующие выводы: [1]

1. Дальнейшее развитие и укрепление внешней торговли с сопредельными странами Среднего Востока требует политическо-правового оформления торговых отношений с ними.

Заключение торговых договоров должно устранить целый ряд препятствий в нашей торговле, создать возможности легального существования наших торговых и кредитных организаций в сопредельных странах, урегулировать таможенные и другие вопросы.

2. Необходимым условием для развития торговли является улучшение транспорта и связи. Эти вопросы целиком должны быть учтены в перспективном плане народного хозяйства Средней Азии.

Сюда относится в первую очередь достройка Семиреченской жел. дор., осуществление проекта судоходства по р. Или, постройка жел. дороги до Мешеда (Персия), улучшение гужевых путей на Кашгар и организация телеграфной и радио-телеграфной связи с важнейшими торговыми центрами сопредельных стран.

3. Сама внешняя торговля должна быть рационализирована. Создание акционерного общества по торговле с сопредельными странами должно быть ускорено. В задачи этого общества, кроме экспорта и импорта по сопредельным странам, должна входить и задача реэкспорта части импортируемого из сопредельных стран сырья в Западную Европу, а также развитие транзита из Западной Европы и Дальнего Востока в сопредельные страны.

4. Задача форсирования экспорта в сопредельные страны должна быть облегчена снижением цен на наши дорогие для бедного восточного рынка промтовары. Пересмотр калькуляций экспортирующих и транспортных организаций, упрощение порядка сложения акциза и возврата пошлин

[1] Редакция считает, что автором недостаточно очерчены специфические особенности рынков восточных стран, сопредельных с СССР, без чего трудно полностью оценить успехи на восточном участке внешней торговли Союза.

на вывозимые товары, улучшение условий транспортирования грузов дадут возможность разрешить эту задачу.

5. На ряду с форсированием экспорта должна найти свое разрешение и проблема увязки внутренней и внешней торговли в Средней Азии, создание устойчивого отношения между ценами на сырье, а также и на промтовары на средне-азиатском рынке и на рынках сопредельных стран.

6. Усиление планового начала во внешнеторговом обороте по Среднеазиатской границе и рост нашего экспорта должны будут создать устойчивое соотношение между ввозом и вывозом, сократить пассивность торгового баланса и создать благоприятные валютные условия в расчетном балансе СССР с сопредельными странами.

ОТДЕЛ V

Критика и библиография

А. Леонтьев и Е. Хмельницкая. Советская экономика. Опыт теоретического анализа. Изд. „Плановое Хозяйство“. М.-Л. 1926 г. Ц. 1 р. 15 к. Стр. 104. [1]

В послереволюционной русской экономической литературе с ее исследованиями отдельных эпох хозяйственного строительства Советской республики (эпохи „военного коммунизма“, первых лет нэпа с его специфическими особенностями, всего восстановительного процесса) не хватало до сих пор работ, так сказать, синтетического порядка. Работа такого рода должна дать статическое описание всех фаз народнохозяйственного развития Советской республики, показать их генезис и историческую последовательность, научно осмыслить своеобразные взаимозависимости между главнейшими экономическими процессами внутри каждого из периодов развития.

Такую задачу поставили себе авторы рецензируемой книжки. Работа ставит себе целью охарактеризировать в общем социально-хозяйственную систему советского общества, охарактеризовать, конечно, его генетически и в процессе развития. Приступая к теоретическому анализу своеобразной советской системы народного хозяйства, наши авторы, конечно, не могут обойти чисто теоретико-познавательных вопросов, разрешение которых создает предпосылки, при помощи которых они орудуют в своем анализе. Первые две главы носят поэтому вводный методологический характер.

Авторы, противопоставляя системы стихийного и организованного хозяйств, выясняют предмет политической экономии, являющейся, по их мнению, „наукой, изучающей экономическую структуру товарно-капиталистического общества“. В этом определении предмета политической экономии заключается и вывод о невозможности, вернее, ненужности теоретико-экономического изучения социалистического хозяйства. Последнее „представляет собой наивысшее проявление безраздельного господства сознательных (курсив авторов) ясно организованных производственных отношений между людьми“. Поэтому, по мнению авторов, он (т.-е. социалистический строй) не оставляет места для проблем теоретико-экономического порядка. Защищая свое положение об историчности политической экономии, авторы отводят целую главу полемике со Степановым и Богдановым (главное, с первым, с положениями его доклада „Что такое политическая экономия“, прочитанного в Комакадемии и напечатанного в „Вестнике Комакадемии“, № 12.

Наиболее интересна глава „Два типа экономической политики пролетариата“, в которой авторы, полемизируя со сторонниками консервации военно-коммунистической идеологии (главным образом, с тов. Крицманом), совершенно основательно методологически сопоставляют две системы регулирования народного хозяйства во время войны капитализма и коммунизма. Главы, посвященные нэпу и, в частности, восстановительному

---

[1] Не все положения автора рецензии нами разделяются. Ред.

процессу, описывают и систематизируют известные факты и положения в области восстановления и реконструкции народного хозяйства СССР. Необходимо при этом отметить справедливое замечание авторов в нескольких местах о необходимости понимания термина „восстановительный процесс“ не только в своем прямом выражении, но и более широком — в смысле реконструкции. Правильнее было бы назвать восстановительный процесс уже восстановительно-реконструктивным, даже, вернее, реконструктивно-восстановительным. Заканчивается книжка некоторыми выводами и итогами, ничего нового не прибавляющими к изложению. Таково вкратце содержание рецензируемой книжки. Авторы, задавшиеся целью „дать общую теоретическую характеристику советской хозяйственной системы“, „научно осмыслить явления нашего хозяйства“, имели перед собой очень трудную задачу. Ни конкретный фактически-описательный и статистический материал, ни жизненный опыт и практика не дают пока полной возможности к выведению так называемых законов сцепления всех хозяйственных взаимозависимостей в одно органическое функциональное целое. Поэтому (это и сами авторы имели в виду) работа их имеет преимущественно эмпирически-описательный характер.

Но затрагивая такие кардинальные вопросы, как природа хозяйственных явлений в системе социалистического хозяйства, предмет и метод политической экономии, вопрос об исторической ограниченности науки политической экономии, авторы невольно раздвигают рамки своей работы за пределы только „теоретической характеристики“. Необходимо признать, что авторами теоретическая проблема об исторических рамках марксистской теоретической экономии поставлена не вполне ясно и четко. Так, авторы не делают строгого разделения этой проблемы по двум разветвлениям, логически, впрочем, между собой тесно связанным. При решении вопроса об исторической ограниченности категорий политической экономии авторы не ставят в поле зрения своего исследования анализа и выводов, отсюда вытекающих, о возможности пользоваться категориями и закономерностями теоретической экономии в приложении к социалистическому хозяйству. С другой стороны, авторы совершенно не поставили перед собой вопроса об абстрагировании экономических категорий в социалистическом хозяйстве. Поскольку социалистическое общество строится и существует по определенному и ясному плану из регулирующего центра и поскольку в нем, таким образом, законы политической экономии заменяются нормами экономической политики, последние (нормы) должны оперировать с определенными экономическими понятиями, хотя бы и совершенно другого содержания, нежели они имеют в современной теоретической экономии. Авторы не ставят также вопроса о пределах хозяйственного регулирования. А от разрешения его зависит и вообще разрешение вопроса о рамках марксистской политической экономии. Если вопрос о методе и рамках и дискутируется в полемике со Степановым, то, главным образом, в ретроспективной плоскости.

К прямым недостаткам книги следует отнести отсутствие анализа, хотя бы на первых порах и поверхностного, социально-классовых сдвигов в составе общественного организма СССР, явившихся в результате перемещения сил после Октябрьской революции, сдвигов, могущих быть показанными на основе распределения национального дохода. Это необходимо было бы показать, потому что авторы имеют в виду и вполне основательно, конечно, наше переходное хозяйство, являющееся „химическим соединением элементов прошлого и будущего в их определенном сочетании“ (стр. 67), в котором нет классовой эксплоатации общества с этажами, но существует товарно-рыночная связь. Можно надеяться лишь, что в следующих выпусках авторами будет обращено на это внимание. К большему

недостатку книги следует отнести хотя бы также краткий анализ взаимоотношений своеобразного советского хозяйства с капиталистическим хозяйством, его окружающим, их динамику и влияние на развитие советского хозяйства. Это следовало бы сделать, имея в виду чаяния наших зарубежных (подчас и внутренних) разного рода „друзей“ на наше „экономическое перерождение“.

Несмотря, однако, на все эти недостатки, книжка представляет собой интерес, как первая работа, задавшаяся целью привести в систему, с определенной марксистской точки зрения, все этапы хозяйственного развития советского общества. С этой стороны книга полезна для всех желающих осмыслить пути народнохозяйственного развития нашей республики.

Б. Алесковский

Мировое Хозяйство. Статистический сборник за 1913—25 гг. Под ред. проф. Н. Д. Кондратьева, с предисловием М. Бронского. Финансовое Издательство НКФ СССР. М., 1926 г. Стр. 231.

Статистика Мирового Хозяйства, вып. 1, 2—3. Бюллетень ЦСУ, июль 1925 и май 1926 г. М. Стр. 108 + 188.

Рост экономических взаимоотношений СССР с мировым хозяйством обусловил собой необходимость более близкого и тщательного изучения основных проблем мировой экономики. Изучение кон'юнктурных колебаний главнейших капиталистических стран и исследование мирохозяйственных динамических процессов за послевоенные годы приобрели для нас значение первостепенной важности. Следует поэтому приветствовать всякую новую серьезную работу, которая в той или иной мере проливает свет на относительно мало еще разработанную проблему мировой экономики последних лет.

К такого рода работам относятся рецензируемые издания Кон'юнктурного Института НКФ и ЦСУ. Появление весьма ценного статистического сборника Кон'юнктурного Института „Мировое Хозяйство“, под ред. проф. Н. Д. Кондратьева, следует считать особенно своевременным. В нашей литературе уже давно ощущался недостаток в соответствующем издании, так как предшествовавшие сборники аналогичного типа—обширный статистический ежегодник „Мировое Хозяйство за 1913—1921 гг.“ под ред. проф. С. А. Фалькнера и краткий „Сборник статистических сведений о современном экономическом положении важнейших иностранных государств“ ЦСУ— явно устарели.

Рецензируемый сборник отличается не только более свежим цифровым материалом (данные за последние 11—12 лет), но отчасти и более широким охватом изучаемых процессов мировой экономики.

Сборник „Мировое Хозяйство“ содержит 12 отделов, где приведены статистические данные—в абсолютных и относительных цифрах—по отдельным сферам мировой экономики (сельское хозяйство, промышленность, международная торговля, пути и средства сообщения, труд, цены, финансы и друг.), показатели кон'юнктуры хозяйств главнейших стран (12-й отдел) и одно чрезвычайно интересное для нас приложение „СССР в мировом хозяйстве“. Каждому отделу предпосланы перечень источников и в большинстве случаев краткие указания методологического характера (иногда, к сожалению, слишком краткие).

Наибольшее внимание уделяется в сборнике сельскому хозяйству: этой отрасли мирового хозяйства посвящена четвертая часть сборника (не считая приложения), что создает некоторую диспропорцию отдельных частей. На основании данных Римского Института здесь приводится интересная таблица о распределении земли по угодьям за один довоенный

и один послевоенный год и богатый цифровой материал о посевных площадях и сборах главнейших полевых культур (пшеница, рожь, ячмень, овес, кукуруза, рис, картофель, сахарная свекла, лен, конопля, хлопок). Кроме того, отведено несколько таблиц скотоводству и продуктам животноводства. Следует, однако, отметить, что даже этот, наиболее полный отдел не лишен существенных пробелов. Так, здесь отсутствуют данные о таких важных продуктах, как каучук, шелк-сырец, виноградники, табак и др.

Гораздо менее полно освещено положение мировой промышленности, что, главным образом, об'ясняется состоянием статистических материалов на Западе. Приведенные в сборнике данные касаются преимущественно горной и металлургической промышленности, производства сельскохозяйственных удобрений и небольшого круга отраслей обрабатывающей промышленности (сахарной, хлопчатобумажной и судостроительной). Относящиеся сюда данные о мировых залежах угля и нефти, железной руды и рессурсах двигательной силы падающей воды приведены в отделе „СССР в мировом хозяйстве". Остается пожалеть, что составителями сборника не использован более полно такой интересный материал, как потребление электрической энергии в промышленности за более длительный период. По ряду стран соответствующие данные опубликованы за 1913 и за ряд послевоенных лет вплоть до 1925 г. (Соед. Штаты, Англия, Италия и др.). Между тем, эти данные имеют существенное значение не только сами по себе, но и, в известной мере, как показатели колебаний общей продукции промышленности (при пользовании ими за сравнительно небольшие промежутки времени).

Из других сфер мировой экономики весьма полно освещен в „Мировом Хозяйстве" вопрос о международной торговле (преимущественно по данным Экономической Секции Лиги Наций). Собранный материал дает возможность выяснить взаимную экономическую связь между отдельными странами и сдвиги, которые произошли в их взаимоотношении. Этот материал касается, прежде всего, общих оборотов внешней торговли по 36 странам, исчисленной в туземной валюте, золотых рублях и по ценам 1913 г. Последнее обстоятельство дает возможность выяснить динамику физического об'ема торговли главнейших стран. Кроме того, приведены интересные данные по распределению торговли по группам товаров, по странам их происхождения и назначения и, наконец, по торговле отдельными товарами, преимущественно сельскохозяйственными. Весь этот богатый материал дает возможность проследить те крупные изменения в путях мировой торговли, которые произошли за послевоенные годы в результате борьбы за внешние рынки.

Относительно детально представлен также отдел цен, где приведены по значительному числу стран индексы оптовые, розничные и бюджетные, а также конкретные цены за последнее десятилетие по 18 товарам на главнейших мировых рынках. Следует также отметить весьма ценный материал по платежным балансам 17 стран, представляющий значительный интерес как для выяснения хозяйственного положения отдельных стран, так и для изучения вопроса о международных расчетах. Этот материал публикуется в наших сборниках по мировому хозяйству впервые.

Интересна также мысль о выделении особого отдела о роли СССР в мировом хозяйстве как в производстве, так и во внешней торговле. Данные этого отдела, как справедливо замечает тов. Бронский в своем предисловии, могут способствовать изучению „наших слабых мест в этой области и указанию, где нужно усилить нашу хозяйственную деятельность, чтобы подогнать развитие нашего Союза, согласно его экономическим возможностям".

Однако, при всех несомненных достоинствах рецензируемого сборника, нельзя не отметить некоторых его дефектов. Сюда, прежде всего, относится неполнота некоторых отделов. Особенно не повезло труду. В предисловии к сборнику, правда, оговаривается недостаточность данных по вопросам труда, так как „не везде и не всегда существует заинтересованность в получении точных цифр в этой области". Но тем более следовало использовать те относительно немногие данные, которые все же имеются. Между тем, мы наблюдаем здесь ряд пробелов. Так, по Англии не приведены более репрезентативные данные Министерства труда о средней плате по всем производствам, по Франции не использованы данные анкетных обследований по зарплате в средней и мелкой промышленности, по Соед. Штатам опущены весьма ценные данные о ставках зарплаты, установленных трэд-юнионами (на 15 мая каждого года), и о фактических заработках в штате Нью-Йорка и т. д. Данные о трудовых конфликтах в Соед. Штатах оканчиваются лишь 1921 годом, хотя к моменту печатания сборника имелись уже цифры до 1924 г. включительно. Совершенно отсутствуют какие-либо данные о численности пролетариата, которые имеются по многим странам (Соед. Штаты, Англия, Германия и др.) и в сводном виде уже опубликованы (напр., Вл. Войтинский, „Весь мир в цифрах").

Также крайне не полон отдел о денежном обращении, денежном рынке и рынке капиталов. Здесь отсутствуют такие необходимые показатели, как индексы акций и облигаций, учетный процент, банкротства. Правда, эти данные встречаются часто в кон'юнктурных таблицах, однако, не во всех (напр., по Англии, отчасти по Соед. Штатам и др.).

С другой стороны, обращает на себя внимание встречающиеся методологические неясности. Так, из примечания к таблице о международном уровне реальной зарплаты нельзя узнать, как вычислена Ministry of Labour реальное значение зарплаты—с учетом всех статей рабочего бюджета или лишь по пищевому индексу. Из текста вытекает—как-будто первым методом, в действительности же—лишь по продуктам питания, а это значительно ослабляет ценность исчисленных данных, что необходимо учесть при пользовании ими. Сомнение также возбуждает метод исчисления мирового индекса оптовых цен (стр. 231): как-будто он представляет собой простую среднюю из 14 стран. Но тогда его значение весьма условно, так как структура индексов отдельных стран чрезвычайно разнообразна. Новейшая работа Bowley по вопросу о международном сравнении цен лишний раз показывает на конкретных примерах, какую осторожность необходимо соблюдать в таких случаях.

Наконец, следует отметить обилие опечаток, значительно затрудняющих пользование сборником. Помимо отмеченных редакцией почти трех страниц опечаток, встречаются еще многие другие (например, число профессионально-организованных рабочих в Турции, индекс розничных цен жизни в Австрии за 1923 г. и т. д.).

Несмотря, однако, на отмеченные дефекты, часто обусловленные недостатком места (неполнота материала), сборник „Мировое Хозяйство" представляет крупный интерес и является весьма ценным пособием для всякого интересующегося мировой экономикой. Цена сборника — 12 руб. 50 к.—небывало высокая для наших статистических изданий.

Иной характер носит „Статистика Мирового Хозяйства" иностранного отдела ЦСУ. Здесь перед нами не сборник одних лишь статистических материалов, а орган, заключающий в себе ряд статей, дающих статистико-экономический анализ важнейших данных по миро-

вому хозяйству. И в таком издании у нас ощущается потребность. Однако, оно имело бы raison d'être, если бы выпускалось в виде ежегодника с анализом годовых данных за определенный период, или же как тип периодического издания, выходящего несколько раз в течение года и отражающего поквартально или по иным срокам основные колебания и сдвиги в мировой экономике. К сожалению, рецензируемые бюллетени иностранного отдела ЦСУ по срокам их выпуска приближаются к ежегодникам (№ 2—3 бюллетеня вышел через 10 месяцев после появления № 1), но по содержанию напоминают издания второго из указанных нами типов. Это несоответствие в значительной мере умаляет их значение.

Рассматриваемые выпуски ЦСУ содержат статьи троякого рода: кон'юнктурные обзоры по отдельным странам, вопросам или по мировому хозяйству в целом; статьи, дающие анализ динамических процессов в мировом хозяйстве, и, наконец, исследования о положении отдельных сфер мировой экономики. Из статей последнего порядка следует прежде всего отметить чрезвычайно интересную статью А. И. Челинцева (выпуск 2—3) об организационно-экономической структуре сельского хозяйства и мировом рынке сельскохозяйственных продуктов. Статья представляет большой теоретический и практический интерес. В результате тщательного исследования тенденций развития мирового сельскохозяйственного рынка автор устанавливает степень конкурентоспособности отдельных групп стран на мировом рынке по главнейшим сельскохозяйственным товарам. К сожалению, эта интересная статья не закончена.

В том же выпуске нужно отметить своевременно появившуюся статью Н. В. Якушкина о кризисе мировой угольной промышленности. Статья напечатана была еще до угольной забастовки в Англии, однако, она в общем удачно вскрывает те экономические пружины, которые привели к грандиозному социальному конфликту.

Интересна также небольшая статья проф. Н. Кондратьева о роли Соед. Штатов на мировом рынке капиталов и тщательно разработанный очерк Н. Морозова о заработной плате в Англии (выпуск 1).

Кон'юнктурные обзоры написаны, главным образом, редактором журнала С. Уманским (в обоих выпусках). Они содержат богатый статистический материал и порой детально охватывают проблему. Однако, нельзя согласиться с об'яснением автором отдельных важнейших вопросов мировой экономики. Так, недостаточно об'яснить кризис Германии, как обычно это принято, „отсутствием достаточного количества оборотных капиталов" и конкуренцией на внешних рынках. Причины кризиса коренятся глубже. Он в значительной мере напоминает типичный капиталистический кризис перепроизводства, протекающий лишь в особой обстановке значительного обеднения широких масс населения в Германии. Также недостаточно полно выяснены причины острой депрессии, переживаемой английским народным хозяйством и др.

Из других отделов следует признать своевременной попытку освещения положения колониальных и полуколониальных стран—Индии и Китая.

В общем бюллетени ЦСУ по статистике мирового хозяйства представляют значительный интерес. Следует лишь пожелать, чтобы они выходили более регулярно, чем до настоящего времени.

Л. Фрейман

Вывоз капиталов из Соединенных Штатов Северной Америки (по поводу книги American Foreign Investments by Robert N. Dunn, New-York, 1926, 421 стр.).

Книга является, насколько нам известно, первым обстоятельным американским трудом, посвященным проблеме экспорта капитала. Автор ее близко стоит к коммунистической партии. Однако, напрасно стали бы мы искать в этой книге марксистский анализ. На протяжении более 400 страниц дан тщательно собранный, но совершенно необработанный фактический материал о распространении американского капитала по всему земному шару. Добрую половину книги занимает также перепечатка банковских контрактов, концессионных договоров, условий займов и пр., словом, совершенно сырой материал. Но богатый фактический материал настолько ярок, что соответствующие выводы из него сделать не трудно.

Обратимся сперва к изложению содержания работы.

В первой главе автор рассматривает довоенное положение американского вывоза капиталов. Автор определяет размеры иностранного капитала, инвестированного в Соед. Штаты накануне войны от 4—5 млрд. долларов. Цифра эта ниже ранее производившихся оценок. Экспорт же капиталов из Соед. Штатов до войны был крайне незначителен. В начале текущего столетия заграничные инвестиции Соед. Штатов, по данным автора, были не более 500 миллионов долларов, а в 1913 году эта сумма немного превышала 2½ миллиарда долларов.

Во второй главе автор дает анализ послевоенных изменений в отношении экспорта капиталов. Периоду от 1914—1919 гг. автор посвящает лишь несколько строк, и данные, приводимые им, не представляют собою ничего нового по сравнению с книгой Фиска. Затем автор дает интересные данные обо всех иностранных эмиссиях за пятилетие 1919—1923 гг.

Если принять цифры, приводимые автором, то мы получим, что за пятилетие после окончания войны частных американских капиталов было инвестировано на сумму 3.253 милл. долларов, т.-е. на большую сумму, чем все заграничные инвестиции Соед. Штатов накануне войны. Но первым рекордным годом американской экспансии капиталов явился 1924 г., когда официально учтенные заграничные инвестиции в два раза превысили среднюю эмиссию за предыдущие годы и по своим размерам являлись единственными во всей мировой истории экспорта капиталов. Автор очень подробно останавливается на вывозе капиталов в 1924 г. и этим годом ограничивает фактический материал своей работы. Приводимые автором цифры несколько отличаются от общепризнанных. Он берет цифры торгового информационного бюллетеня Министерства торговли Соед. Штатов (№№ 215 и 340, 1924—25 гг.) и считает, что в 1924 г. иностранная эмиссия на американском рынке составляла 1.210 милл. долларов, в то время как данные „Коммершиаль и Финаншиаль Хроникль" определяют эту цифру в 1.201.245 тыс. долларов. Разница не столь большая, но при оценке новых займов, т.-е. за вычетом тех, которые были предназначены для погашения прежних займов, расхождение получается более значительное, составляя, по оценке автора, 878 милл. долларов, а у указанного источника 996 милл. долларов. (The Commercial & Financial Cronicle, 23/I 1926 г.).

По нашему мнению, наиболее правильной цифрой будет 950—980 милл. долларов для чистых займов. Эта же цифра приводится и в других источниках. После того, как автор приводит полную таблицу всех размещенных в Соед. Штатах в 1924 г. государственных, муниципальных и частных займов, он останавливается на более подробном выяснении действительного размера экспорта американского капитала в 1924 г.

Здесь особенно интересен метод автора, благодаря которому он неопровержимо доказывает, что те данные, по которым мы судим об экспорте капиталов из Соед. Штатов и которые являются результатом сводки всех новых займов, выпущенных на американской бирже, сильно преуменьшены, и что фактическая сумма экспорта капиталов значительно выше. В этом отношении достаточно привести данные за 1924 г., чтобы видеть насколько они разнятся от официальных данных.

Суммируя все неучтенные данные, автор, пользуясь справочником Мооди, определяет экспорт капиталов из Соед. Штатов в 1924 г. не менее чем в 1.633 милл. долларов, т.-е. более чем в полтора раза больше, чем официально признанная цифра. Но далее и вышеуказанные данные не покрывают полностью действительных размеров экспортированного американского капитала. Остается, например, еще форма покупки акций, облигаций, займов и других видов ценных бумаг, выраженных в туземной валюте. Наконец, огромное значение для экспансии американского капитала имеет непосредственная инвестиция. Под этой формой подразумевается открытие американскими предприятиями своих филиалов за границей, требующих, конечно, экспорта за границу основного и оборотного капитала, покупка американской финансовой или промышленной группой части или всего заграничного предприятия, получение концессий и т. д. Выпуск акций Форда, предназначенных для открытия предприятия за границей, фактически сводится к форме непосредственной инвестиции. Имеется много случаев организации американских предприятий за границей без обращения к денежному рынку, и, таким образом, является невозможным определить размер экспортированного капитала.

Автор останавливается и на Советской России, при чем определяет, что довоенная сумма американского капитала, вложенного в русскую промышленность, составляла около 60 милл. долларов. Цифра взята, очевидно, из известной работы Позвольского и Моультона. Сравнительно подробно автор останавливается на результатах концессионной политики в отношении привлечения американского капитала, пользуясь всюду нашим официальным материалом, перепечатанным американской прессой. Он называет концессии Гарримана Синклера, указывает, что эта концессия расторгнута, азбестовую концессию Аламерико и т. д.

В предпоследней главе автор дает суммарные данные о распределении американских инвестиций за границей.

Размещение акций и облигаций иностранных предприятий на американском рынке автор иллюстрирует небольшой таблицей, в которой приводится название тех государств, в предприятиях которых участвует американский капитал.

Таблица эта основана на подробном списке всех, размещенных за последние шесть лет на американской бирже, иностранных ценных бумаг, список которых приведен на стр. 20, 33, 36, 43 (официальные данные американских фондовых бирж). Большой интерес представляют те перечисления американских инвестиций, которые автор дает затем, основываясь на материалах, приводимых им раньше в главе „О непосредственных инвестициях“. Произведя некоторые подсчеты, мы можем составить следующую таблицу, показывающую участие американского капитала в той или иной форме в разнообразных отраслях народного хозяйства в различных странах:

В нефтяных предприятиях	20	стран
„ обрабатывающей промышленности	25	„
„ коммунальн. предприятиях	25	„
„ железных дорогах	14	„
В железных рудниках	5	стран.
„ медных	5	„
„ золотых и серебряных рудниках	10	„
„ марганцевых рудниках	5	„
„ друг. видах горн. промышленности (уголь, цинк, бакситн. и т. д.)	12	„
„ сахарн. промышленности	8	„
„ фруктов. плантац.	11	„

Этот список говорит сам за себя, нет почти ни одной страны, в которой в ту или иную отрасль народного хозяйства не проник американский капитал.

Последняя глава книги посвящена цифровым подсчетам на основе данных Министерства торговли (в вышеуказанных №№ „Информ. Бюлл.“), общей суммы американских капиталов, вложенных в 1923 и 1924 гг. за границей. Для 1923 г. эта сумма определяется в 8.105 милл. долларов, для 1924 г. 9.090 милл. долларов (увеличение на 985 милл. долларов за 1924 г. вполне соответствует определению размеров эмиссии 1924 г., которые мы приводили вначале). При этом нужно подчеркнуть, что при всех вычислениях, конечно, не приняты во внимание займы, предоставленные американским правительством союзникам. Этому вопросу автор посвящает небольшую главу в начале книги, в которой приводит общеизвестную сумму задолженности на 16 мая 1925 г.—10,5 млрд. долларов капитального долга и 1.600 милл. долларов процентов.

Прежде чем перейти к рассмотрению географического распределения американских займов, мы в интересах полноты добавим к данным, приводимым автором, данные за 1925 г. и первой четверти 1926 г. Для нас важна, конечно, только цифра новых займов. В 1925 году наиболее близкой к действительности является цифра в 1.189 миллионов долларов. Для первой четверти 1926 г. у нас имеются только данные „Коммершиаль“ и „Финаншиаль Хроникль“, который определяет всю сумму размещенных займов в 256.832 тыс. долл.; из них 191.401 тыс. долл. новых займов (номер от 24/IV 1926 г.)

Географическое распределение экспорта капитала следующее (в тыс. долл.):

	1925 г.	1926 г.
Канада	185.942	30.381
Лат. Америка	199.402	19.620
Европа	662.010	141.400
Азия и Океания	141.902	—
	1.189.256	191.401

После этого мы можем составить сравнительную таблицу, дающую представление о сумме инвестиций американского капитала к концу 1913, 1923, 1924, 1925 гг. и на 10 апреля 1926 г.

	1913	%	1923	%	1924	%	1925	%	1926	%
Канада и Ньюфаундленд	0,75	30	2,45	30	2,46	27	2,65	26	2,68	25
Лат. Америка	1,30	52	3,76	46	4,04	44	4,24	41	4,96	41
Европа	0,35	14	1,30	16	1,90	21	2,56	25	2,70	26
Азия и Океания	0,10	4	0,59	8	0,69	8	0,83	8	0,83	8
	2,50		8,10		9,09		10,28		10,47	

В этой таблице бросается в глаза рост удельного веса европейских инвестиций. Значение Европы, как рынка приложения американских капиталов, особенно наглядно выступает, если сравнить данные об экспорте капиталов за последние 4 года. В 1923 г. из всего количества выпущенных займов на Европу падало 29%. В 1924 г.—53,5%, в 1925 г.—55,7%, а за первую четверть 1926 г.—74%, при этом все большую роль начинают играть займы промышленным и торговым предприятиям и все меньшую роль государственные займы. В 1923 г. из всех европейских эмиссий на государственные займы падало 76%, в 1924 г.—79% (в этом году 110 милл. германского займа), в 1925 г.—37% и за четверть 1926 г.—14%.

В настоящее время инвестиции в Европе занимают 20% всех американских заграничных капиталов, между тем как в 1923 г. этот процент составлял всего 16. Европа перегнала уже Канаду.

И поскольку экспорт капитала в настоящий период империализма все больше определяет политику капиталистических государств, эта таблица ярко показывает неизбежность все растущей заинтересованности Соед. Штатов в европейских делах. При этом нужно помнить, что Соед. Штаты имеют в Европе, кроме 2½ млрд., требование на 12 млрд. Поэтому все усилия Соед. Штатов направляются к политическому закабалению Европы.

Каковы перспективы дальнейшего развития экспорта капиталов из Соед. Штатов Северной Америки?

Автор считает, что все существующие предсказания на этот счет условны и целый ряд факторов, как экономических, так и политических, могут изменить международное положение в отношении экспорта капитала. Во всяком случае, на ближайшее время Америка остается одной из важнейших стран экспорта капитала.

С такой постановкой можно с автором вполне согласиться. Безусловно, в ближайшие годы экспорт капитала из Соед. Штатов должен будет возрастать. Все увеличивающийся доход от заграничных инвестиций, оцениваемый для 1924 г. уже не менее 455 милл. долларов (данные указанного выше меморандума Лиги Наций), плюс уплаты по междусоюзным долгам, безусловно, в том или ином виде останется за границей. Как известно, Англия до войны весь доход от иностранных инвестиций оставляла за границей, и это при пассивном торговом балансе—между тем Соед. Штаты имеют активный торговый баланс, часть которого также остается за границей.

Таким образом, уже в силу невозможности получения причитающихся Соед. Штатам ежегодно колоссальных сумм из-за границы, Европе придется все увеличивать свои заграничные инвестиции. Проблема трансферта является, вообще, наиболее сложной во всем комплексе взаимоотношений Соед. Штатов со своими должниками. Как известно, Англия, имевшая до войны, приблизительно, в два раза больше капиталов за границей, чем теперь Соед. Штаты, разрешала вопрос трансферта, с одной стороны, путем увеличения последующей инвестиции капиталов за границу, с другой стороны, увеличением импорта товаров, ведшего в конце концов на путь отмирания собственной промышленности и превращения Англии в государство рантье.

Совершенно другая обстановка в отношении последнего момента складывается в Соед. Штатах. Здесь не место на этом останавливаться подробно, но, безусловно, все споры в Соед. Штатах по поводу таможенного тарифа, урегулирования междусоюзных долгов и т. д. вызваны борьбой между финансовым капиталом Соед. Штатов и могущественным промышленным капиталом, не желающим отказаться в угоду финансового капитала ни от внутреннего, ни от внешнего рынка. К сожалению, автор этого интересного вопроса совершенно не коснулся.

За недостатком места мы не могли остановиться на ряде других данных, сообщаемых автором; как, напр., на заграничных связях американских банков, роли американского капитала в Англии и т. д., а также на источниках и документах, приводимых автором. К книге приложена обширная библиография, охватывающая более 100 названий. Безусловно книга Дунна, как в свое время работа Гоббсона для Англии, Сарториуса и Гельфериха для Германии,—явится необходимейшим источником для изучения проблемы экспорта капитала из Соед. Штатов.

М. Иоэльсон

Урал после районирования. Сборник обзоров с предисловием Д. Г. Сулимова и приложением карт и картограмм области, редакция А. М. Плешкова и М. И. Альтшуллер. 151 стр., изд. Уралсовета, Свердловск, 1926 г.

Сборник обзоров „Урал после районирования"—первый серьезный опыт подведения итогов двухлетней работы по созданию на Урале областной организации, введению и укреплению окружной системы и строительству районов.

Недостаточно писать только отзыв об этом труде; уральская работа настолько ценна, что специалисты по районированию на основе этой работы могли бы дать многотомные сочинения о той роли, которую имеет районирование для советского строительства.

Книга вполне оправдывает то назначение, которое дает ей тов. Сулимов—„положить начало более подробному и систематическому изучению достижений, полученных в результате районирования, и послужить новым толчком к выявлению перспектив Урала в целом и каждого округа и района в отдельности".

Уделяя наибольшее внимание низовому советскому аппарату, авторы подметили все достижения, которые связаны с проведением сельского районирования,—они подкреплены многочисленными фактами из опыта оживления советской работы.

У уральцев не было цели проводить „районирование ради районирования", не было затушевывания других вопросов, а наоборот, на Урале (это доказывает книжка) районирование играет подчиненную, служебную роль в советском строительстве. Районирование рассматривается, как один из приемов рационализации территории аппарата и как один из методов в определении и закреплении функций местных органов, а так же как отражение всех социальных и экономических особенностей на территории новых об'единений.

Первая глава посвящена сельсовету. В ней хорошо дан анализ компетенции сельсовета, его структуры и впервые приведен опыт организации сельского бюджета; особый интерес представляет постановка вопроса о взаимоотношениях сельсовета с земельными обществами и со сходами (стр. 8). Недостатком в обзоре является общность формулировок, не всегда подкрепленных фактами, в то время как их на Урале должно быть очень много,—„уральские сельсоветы политически и организационно выросли", укрепилась „связь и контакт с учреждениями, работающими на территории сельсовета"; то же следует сказать и о разделе „Органы управления и структура", однако, этот недостаток полностью покрывается „Известиями Уральского Облисполкома", где в изобилии имеются факты.

Вторая глава—о районе (общие положения, построение и административный состав районов, компетенция, структура и штаты,

выборный состав, сеть учреждений, обслуживающих район, районная промышленность и торговля, бюджет); сами подзаголовки говорят о той полноте, с какой охвачен вопрос о районе.

„Районирование, как административная реформа (?),[1] оказалась наиболее удачной в отношении низового районирования“ (стр. 31). Однако, следующее основное положение полностью не подтверждено: „современный район—это крепкий и полномочный административно-хозяйственный орган власти в деревне и на заводе“ (32); к этому, повидимому, было направлено и стремление уральских организаций за последние два года, но все ли и во всех ли районах это достигнуто?

Без достаточного анализа и очень обобщенно дана группировка районов по численности населения, по числу сельсоветов.

Чрезвычайно хорошо продумана часть о компетенции райисполкомов; впервые в литературе столь ярко изображена практика законодательства в одних вопросах, подводящая компетенцию райисполкомов к уисполкомам, а в других—оставляющая ее наравне с волостью.

Правилен вывод о том, что на Урале „создана вполне реальная почва“ для закрепления за районными исполкомами прав уездных исполкомов.

При изучении сети учреждений, обслуживающих район, нет сравнительных данных за ряд лет и нет выводов из этой динамики; то же можно сказать и о районной промышленности; полагаем, что такой работой уральским организациям надо заняться в ближайшее время на основе специального анкетного обследования, анкетных данных комиссии ВЦИК по районированию и „Уральского районного справочника“ с тем, чтобы дать целевую установку райисполкомам в вопросах об организации районных промышленных комбинатов, о восстановлении промпредприятий и о передаче части предприятий от округов для подведения еще большей материальной базы; между прочим, это особенно важно при разработке перспективного плана развития местной промышленности и при выработке наказов в предстоящую избирательную кампанию.

В обзоре о районном бюджете этот недостаток почти отсутствует. Рост—вот что говорят цифры о среднем районном бюджете:

1923/24 г. — 23 тыс. руб.
1924/25 г. — 51 „ „
1925/26 г. — 98 „ „

Районный бюджет растет быстрее остальных бюджетов области, усиление его идет, главным образом, за счет разгрузки окружных бюджетов.

К сожалению, отсутствует изображение самой хозяйственной жизни в районах с иллюстрациями типичных районов и с примерами о „хозяйском глазе“ председателя исполкома, о „хозяйской смекалке“ самого исполкома и хозяйственной инициативе отдельных членов исполкома; кроме того, нет учета массовой работы в районах, не приведены факты о новом строительстве (а они есть) в районных центрах и на периферии районов, не приведен стандарт и типы новых построек хозяйственных предприятий и культурно-социальных учреждений (в первую очередь, для районного центра).

[1] Не об'яснено, почему районирование называется до сих пор реформой. Верно ли это?

Третья глава об округе освещает условия и способы образования округов; в ней даны принципы построения округов, характеристика окружных центров, городских центров, хозяйственная мощность округов, окружной бюджет, городской бюджет, компетенция, выборный состав, структура и штаты (стр. 73—108).

Все обзоры насыщены фактическим материалом, доказывающим целесообразность окружной системы и происходящее укрепление как окружных центров, так и периферии округов.

Здесь положено начало очень большой работе (по изучению окружной системы), которую надо развивать как в окружных исполкомах, так и областном центре.

Если укрепление периферии округов находится в прямом соотношении с ростом районов, то дальнейшее усовершенствование окружных центров связано с ростом материальной базы окружных городов, с форсированием развернутого фронта в деятельности горсоветов; это может быть достигнуто при широкой индустриализации Уральской области, где конкретные вопросы о тяжелой индустрии ярко выявлены во всех промышленных округах.

Четвертая глава об области иллюстрирует хозяйственный рост области, мощность областного центра (стр. 109—151); анализ компетенции областных органов дан с исчерпывающей полнотой; как в введении, так и в этой главе затрагивается вопрос о границах Урала (вопрос об Ишимском округе) без достаточных обоснований со стороны Облисполкома; относительно Уральской области в границах по проекту Госплана авторы впали в обычный полемический тон.

В общем авторы доказали: 1) целесообразность районирования, как одного из приемов, рационализовавшего аппарат на Урале, 2) жизнеспособность и рост Урала, как об'единенной административно-хозяйственной единицы, 3) устарелость положения об областном, окружных и районных исполкомах (приведено огромное количество примеров, которые должны быть приняты во внимание при составлении типового положения), 4) необходимость усовершенствования (на основе тщательного учета работы) окружной системы и районных организаций; это должно проходить не по линии „территориального передела“, слияния округов или ликвидации отдельных районов, а, наоборот, по линии организационного и планового укрепления этих организаций, стремясь к образованию новых районов.

Книга издана хорошо: обилие цифрового материала (в таблицах), схем, карт.

К. Егоров

Урал. Очерки физической и экономической географии Уральской области. С рисунками и картами в тексте. Составлены Б. Третьяковым,[1] под редакцией С. Бессонова и Т. Каменева. Изд-во „Уралкнига“. Свердловск, 1926 г. Стр. 416. Ц. 3 р. 75 к.

Потребность в работах, освещающих хозяйственное положение отдельных районов СССР, очень велика. Особенный интерес вызывают области, в которых уже произведено административно-экономическое районирование. К числу таковых принадлежит Уральская область, являющаяся одной из интереснейших частей нашего Союза. Рецензируемый сборник идет, таким образом, навстречу имеющейся потребности. Содер-

[1] Фактически отдельные статьи, входящие в этот сборник, составлены 12 различными авторами. Почему на титульном листе поставлена фамилия лишь одного из них—остается непонятным (К. О.).

жащиеся в нем статьи освещают природные условия и различные стороны хозяйственной жизни Урала. В целом, сборник дает довольно полную и разностороннюю картину, хотя отдельные статьи его не всегда пропорциональны и качество их далеко не одинаково. Наиболее удачно составлены: геологический очерк Ю. Аргентовского, очерк лесного хозяйства горных заводов В. Тихачек и очерк о промышленности В. Сигова. Блестяще описана торговля Д. Антоновым. Эта статья является лучшей главой книги. Интересно написан и обзор Тобольского Севера (того же автора).

Несмотря на достоинство отдельных статей, сборник в целом имеет один крупный недостаток. Заключается он в том, что книга эта не имеет определенной физиономии, что редакция точно не уяснила себе круга читателей, который она стремится обслужить. Из очень краткого предисловия Издательства вытекает, что сборник является „общей справочной книгой по современному Уралу“[1] и в то же время он предназначается и как книга учебного характера. Такое двойственное назначение книги не пошло ей на пользу. Если этот сборник должен быть справочником, то совершенно неуместны те отступления общего характера, которые делаются во многих главах. Так, в геологическом очерке говорится больше о геологии вообще, чем о геологии Урала. Глава о районировании тоже посвящена преимущественно районированию вообще. Между тем, следовало бы показать, чем отличается районирование Урала от районирования других частей Союза, т.-е. показать моменты, характерные специально для Урала, а не свойственные всему нашему районированию. Таким образом, основным недостатком рецензируемого сборника (как справочника) является то, что он дает массу сведений, не относящихся специально к Уралу.

Если эту книгу рассматривать как учебник географии, то, прежде всего, становится непонятным наличие в ней таких глав, как „Древние обитатели Урала“, „Финансы“, „Кооперация“ и т. п. Совершенно очевидно, что эти статьи, не имеющие никакого отношения к географии, могут быть помещаемы в этот сборник лишь в том случае, если он задуман как книга справочного характера.

На ряду с указанным основным недостатком мы находим и ряд более мелких. Так, в главе о промышленности автор напрасно рассматривает горное дело вне связи с горнозаводской и химической промышленностью. Это искусственно разрывает связанные между собою производства и ведет к неизбежным повторениям. В сборнике иногда встречаются названия, отличающиеся от официальной терминологии. Так, называются округа: Верхотурский, Красноуфимский (стр. 18), Южно-Уральский (стр. 362). Что это за округа—для непосвященного читателя представляется загадкой.

Начало статьи о сельском хозяйстве называется „Краткая история сельского хозяйства Урала“ (стр. 111—115). Между тем, никакой истории там не дается. Там же приводятся цифровые данные об угодьях. По неизвестным причинам эти цифры сильно отличаются от официальных данных Уральского Статистического Ежегодника. Вообще, большим пробелом сборника является полное отсутствие каких бы то ни было указаний на использованную литературу, источники и т. п. Наконец, нельзя не отметить некоторую устарелость цифрового материала, довольно случайный подбор иллюстраций и их неудовлетворительное техническое выполнение.

[1] При чем, повидимому, имелось в виду сделать его на подобие „Урала и Приуралья“ Семенова-Тянь-Шаньского („Россия“, том V).

В общем, несмотря на указанные недостатки, сборник представляет из себя интересную и нужную книгу. Она может быть вполне использована для первоначального ознакомления с различными сторонами жизни Урала, и в этом отношении рецензируемый сборник безусловно заслуживает внимания.

К. Ольгин

М. Поросский. Управление фабрично-заводскими предприятиями. Перев. с англ. М. М. Мишин-Фельдштейна. Изд. „Экон. Жизнь“. М., 1926 г. Ц. 1 р. 25 к.

А. Л. Пипкевич. Организация промышленных предприятий. Справочная библиотека хозяйственника-практика и администратора. Отдел V. Научная организация предприятий, под ред. Э. К. Дрезена. Вып. I. Изд-во НКРКИ СССР. М., 1925 г.

Организация труда в производстве. Сборник статей. ГИЗ. Москва—Ленинград, 1926 г. Ц. 4 руб.

Издательство, повидимому, не совсем уверенно приступило к печатанию работы Поросского. Осмотрев критическим оком свое детище, Издательство сопроводило его несколько меланхолическими замечаниями: „Мы с исключительным вниманием следим за литературой по вопросам управления фабрикой—заводом и тратим значительные усилия, чтобы отыскать наиболее целесообразное решение проблемы“. „К сожалению, современная литература не дает нам в этом отношении ни ясной и исчерпывающей принципиальной постановки вопроса, ни ряда примеров, которые помогли бы нам... перейти к практическому разрешению не терпящих отлагательства вопросов“.

Само Издательство сознает, что и „настоящая книга Поросского не может претендовать на полное разрешение поставленной проблемы“.

„В книге мы имеем целый ряд ценных практических указаний: на необходимость тесной увязки требований производственного и торгового отделов, на то, что отделу снабжения следует знать способы и процессы обработки материалов, на необходимость... систематического анализа отдельных существующих моментов производства“.

Но чем же мотивируется издание такой книги? Издательство мотивирует это необходимостью поведать миру ряд открытий, якобы оправдывающих издание целой книги вроде того, что необходима „увязка требований производственного и торгового отделов“, а „отделу снабжения следует знать способы и процессы обработки материалов“ и т. д. Ведь каждый мало-мальски приличный администратор-хозяйственник это знает. Другое дело, если бы автор нам иллюстрировал какие-нибудь новые методы, показал бы, как это делается с меньшими затратами и большими результатами, но этого нет. Автор ограничивается, например, сентенцией о полезности для отдела снабжения знать способы производства, ибо, „обладая основательным знанием нужного для производства материала..., отдел снабжения получает возможность производить закупки рационально и выгодно“. Вот и все.

В таком духе, т.-е. в духе рецептов на все случаи управления предприятием, написана вся книга. Ни одного примера из опыта капиталистических предприятий, ни одной иллюстрации из практики технических передовых стран.

Но, может быть, книга выдвигает какую-нибудь новую точку зрения по вопросу об управлении предприятием? Может быть она предлагает новую систему управления? Обобщает новый опыт? Ничего этого нет. Нам преподносят вещи, уже известные, мысли и факты, изложенные уже раньше.

Поэтому мы считаем, что режим экономии и кампания за повышение производительности труда (на это ссылается Издательство) не только не могут служить оправданием для издания в наших условиях книги Поросского, но даже являются отягощающими вину обстоятельствами. Таких книг у нас много, и печатать новые совершенно не нужно.

Авторов предисловия „От Издательства" беспокоит еще, повидимому, идеологическая сторона работы. Это похвально. Издательствам следует сугубо заниматься идеологией своей продукции. Но признаться, мы у Поросского никакой ярко выраженной идеологии не нашли.

Предисловие обращает внимание на определение Поросским наиболее продуктивной производственной организации. Наиболее продуктивной, по его мнению, является такая организация, „которая доставляет государству наибольшую сумму благ, а взамен получает наибольшие прибыли для производителей". Авторы предисловия находят это определение верным для условий капиталистического хозяйства и противопоставляют ему другое определение, приемлемое „в наших условиях социалистического хозяйства". „Наша борьба за рационализацию фабрично-заводского предприятия имеет целью достижение максимальных результатов при наименьших затратах сил и средств".

Первое определение Поросского не верно (оно просто бессмысленно) как для социалистического, так и для капиталистического хозяйства. „Основные принципиальные предпосылки", как громко выражается автор предисловия, тут ни при чем. Второе определение тривиально и ничего специфического не выражает.

В заключение, мы хотели бы еще подчеркнуть неряшливый, местами безграмотный перевод книги. На странице 88 мы читаем: „Конторские служащие оплачиваются по твердым недельным или месячным ставкам, и обычно вычеты практикуются в случаях, когда запаздывание или отсутствие на службе превышают установленные сроки". Как это „запаздывание или отсутствие на службе" могут превышать какие бы то ни было сроки—непонятно. Ясно, что у Поросского речь идет не об этом. На странице 7: „Дефекты предварительной планировки препятствуют нормализации частей и типа конструкции. Отсутствие же нормализации влечет за собою накопление излишков деталей". Что это за накопление излишков деталей? Это секрет переводчика.

И там, где даже нет таких „излишков деталей", язык очень трудный, тяжеловесный, изобилующий оборотами речи, явно несвойственными русскому языку.

Переходим ко второй книжке, выпущенной Издательством НКРКИ. Последнее обстоятельство заставляет нас с особой серьезностью отнестись к ней. Что же представляет собой книжка Пипкевича?

Плохая, бездарная компиляция общеизвестной тэйлористской литературы—таков „ученый труд" Пипкевича. То, что талантливо изложено Тэйлором и его учениками, преподносится нам в плохом ученическом сочинении, изданном почему-то Издательством НКРКИ. Какие цели, собственно, преследовало Издательство печатанием этого труда?

Пипкевич не просто тэйлорист, но, вдобавок, „наивный" тэйлорист. Тэйлор в своих работах приводит возмутительнейший образец „организации" труда. Дело идет об известной артели грузчиков, грузивших чугун в вагоны. Благодаря тэйлористским приемам удалось заставить рабочего поднять „производительность" с 12.000 килограмм до 45.000 килограмм в день. Тэйлор, описывая этот случай „организации", цинично заявляет, что рабочие 58% своего рабочего дня отдыхали.

Этот случай был неоднократно подвергнут критике, при чем было доказано, что мы здесь имеем дело с ничем неоправданной, неслыханной

интенсификацией труда. Работу могли выдержать только люди, „похожие на волов" (выражение Тэйлора), исключительно тупые, с совершенно атрофированным классовым сознанием. Кроме того, было доказано, что Тэйлор за отдых считал время, когда рабочие возвращались без груза из вагона для получения новых болванок.

Как описывает Пипкевич этот случай?

„На одном из сталелитейных заводов артель грузчиков в 75 человек грузила в вагоны чугун. ...Наблюдения за работой артели привели Тэйлора к убеждению, что средняя производительность каждого рабочего при правильной работе должна быть значительно выше, нежели 12.000 килограмм, но для этого необходимо ставить на работу людей, исключительно подходящих по своей комплекции, и наблюдать за тем, чтобы люди не переутомлялись. Исследованием врачей-физиологов было установлено, что рабочий не должен находиться под грузом большим чем 40 килограмм в течение 42% своего десятичасового рабочего дня; остальные 58% должны итти на перерывы, не включая в это время обеденный перерыв. ...Когда рабочим было предложено в точности соблюдать рассчитанную скорость и перерывы для отдыха и вместе с тем обещано 60% премии от той поденной платы, которую они получали, то это привело к результату, что рабочие грузили в день не 12.000 килограмм, а 45.600" (стр. 16—17).

Так изображает дело советский организатор труда. Так невинно выглядит один из самых зверских методов интенсификации труда.

Но может быть это случайный ляпсус? Может быть, автор был введен в заблуждение? Отнюдь нет. Автор является открытым сторонником Тэйлора, для него НОТ и тэйлоризм одно и то же. „Развитием этой новой науки, т.-е. научного подхода к организации производства, мы обязаны американскому инженеру Фредерику Уинслоу Тэйлору" (стр. 11).

„Значение Тэйлора и его работ по этому вопросу так велико, что обыкновенно всю научную постановку дела организации заводов называют (кто? Г. Б.) „системой Тэйлора" (стр. 13).

Мы великолепно знаем, что у нас в СССР есть много открытых и скрытых тэйлористов; не возбраняется и Пипкевичу быть в их числе. Но зачем же издавать скверные книжки, к тому же без примечаний и без предисловия.

После всех этих Поросских и Пипкевичей сборник, изданный Ленинградским отделением Всеросс. Ассоциации Инженеров, производит прекрасное впечатление. Сборник отличается исключительной серьезностью. Авторы не ограничиваются компиляцией тэйлористской литературы. Они стоят на высоте современных знаний по физиологии, энергетике, гигиене и экономике труда.

В первую очередь обращает на себя внимание осторожность в выводах. Нет в книге того невежественного оптимизма, той далекой от гениальности простоты и отсутствия сомнений, которые стали отличительными чертами многих литераторов по научной организации труда. Авторы не плавают по поверхности явлений. Они стремятся проследить действие каждого из факторов труда до корней.

Сборник состоит из следующих статей: проф. В. В. Белоусов, „Организация труда" (физиологические основы), д-р В. И. Рабинович, „Промышленная психотехника и профессиональный подбор", инж. М. Д. Каров, „Изучение рабочего времени" (хронометраж), инж. П. Э. Болан, „Формы заработной платы", проф. Г. П. Зеленый, „Энергетика труда", проф. В. В. Белоусов, „Гигиенические условия приложения труда".

Первая статья проф. Белоусова трактует о таких вещах, о которых обычно в советских книжках по НОТ почему-то совсем не пишут. Он устанавливает шесть так называемых законов организации труда. Закон первый—чередование работы и отдыха: для каждой работы должен иметься свой определенный отдых; чем тяжелее работа, тем большее количество времени потребуется для отдыха; „для каждой работы имеется свое наилучшее, строго установленное распределение времени работы и отдыха“ и дальше „чередование работы с более частыми перерывами оказывается более выгодным в отношении восстановления затрачиваемой при работе энергии“ (стр. 27).

„Отдых это—энергичный процесс восстановления затрачиваемой энергии человеческим организмом, это—неотложно-необходимый процесс накопления, аккумуляции новых рабочих сил, это—процесс освобождения от пересыщения рабочего организма продуктами утомления и восстановления жизнедеятельности наших клеточных хозяйственных органов“ (стр. 30).

Второй закон—закон средней нагрузки. „Наибольший рабочий эффект получается при передвижении мышц грузов средней величины“ (стр. 30). Третий закон—нормальный ритм. „Нормальный ритм должен быть таков, чтобы мышечное волокно и его нервный аппарат имели достаточное время для восстановления своей энергетической способности“ (стр. 33). Следующий—закон устранения излишних движений. „Основной целью закона устранения излишних движений является устранение ненужных движений и усовершенствование необходимых движений“ (стр. 39). Дальше—закон автоматизации приемов работы и последний—закон чередования работы отдельных органов. „Наиболее выгодным способом работы в отношении ее производительности является поднятие средней тяжести быстро сменяющимися движениями при средней продолжительности пауз“ (стр. 41). „Практически эта проблема имеет единственное решение: построение всякой работы должно быть таково, чтобы оно удовлетворяло принципу последовательного чередования в работе отдельных рабочих систем, поскольку допускают это об'ективные условия работы“ (стр. 42).

Все эти „законы“ доказываются данными физиологии, специально поставленными опытами изучения работы человеческой машины и практикой современной промышленной жизни. Здесь использованы результаты работы по рефлексологии проф. Павлова, достижения в области изучения человеческого организма, как рабочей машины, Ж. Амара, Этуотера, работа о значении ритма экономиста Бюхера, опыты по организации труда капиталистических практиков-администраторов Тэйлора, Джильберта и многих других.

Из перечисленных „законов“ недостаточно ясно и убедительно формулирован закон устранения излишних движений. Здесь следовало бы, прежде всего, более точно установить понятия „ненужных движений“ и „усовершенствования необходимых движений“. Проф. Белоусов опирается в этом вопросе на Джильберта.

Между тем, тут сплошное недоразумение. Положительное значение работы Джильберта по рационализации кладки кирпича, на которую автор ссылается, заключается вовсе не в том, что им были усовершенствованы „ленивые, неправильные и непроизвольные движения“; Джильберт усовершенствовал окружающие каменщика условия работы: „он точно установил положение ног каменщика, определил наилучшую глубину цементной ямы и высоту кирпичной стойки, он построил леса со столом, на котором были расположены материалы и т. д.“ (стр. 38). Где тут

усовершенствования „ленивых, неправильных и непроизвольных“ движений? Здесь даже нет устранения ненужных движений, а просто рационализация условий производства. Конечно, Джильберт, как и Тэйлор, не случайно говорит об усовершенствовании неправильных движений и устранении излишних движений и не случайно спутывает вопрос о движении в один клубок с элементами подлинной (хотя и не научной, ибо никакой науки здесь нет) организации, ибо Джильберт и Тэйлор занимались кроме рационализации еще интенсификацией труда и прикрывали одно другим. В другом месте своей статьи и проф. Белоусов пишет о сущности изучения движений Тэйлора и Джильберта: „Как Тэйлор, так и Джильберт ставят свои системы в прямую зависимость от темпа работы, при этом Джильберт считает более важным достижение быстроты, чем достижение четкости движения и высокого качества работы. Между тем, вряд ли можно с уверенностью сказать, что быстрота представляет собой наилучший критерий для суждения о движении“ (стр. 55).

И ниже: „До сих пор главной целью изучения движений было увеличение производительности (читай интенсивности. Г. Б.). Пора подойти к этому вопросу с иной точки зрения и воспользоваться этими методами для выяснения общих принципов, управляющих применением человеческой силы в производстве“ (стр. 55).

Проф. Белоусов, начиная с ссылок на Джильберта, переходит к умеренной критике, постепенно ограничивает задачи изучения движений и от джильбертских методов, а нам кажется, что от изучения движений вообще остаются только рожки да ножки. Ибо ничего общего с изучением движения в обычном понимании не имеют те выводы, к которым приходит в конце главы об излишних движениях проф. Белоусов: „Следующей фазой развития исследования рабочих движений должно явиться изучение механизма двигательных или исполнительных нервных аппаратов головного или спинного мозга, и в этой, повидимому, последней фазе исследования представится возможным разрешить целиком такую сложную проблему, как изучение рабочих движений“ (стр. 58).

Не менее серьезной и содержательной является вторая статья о психотехнике. Автор статьи, д-р Рабинович, несколько расширительно формулирует задачи психотехники. Эти задачи, по его мнению, сводятся к рационализации: 1) приемов работы, 2) орудий производства и 3) рабочего времени. Сверх этого он выдвигает перед психотехникой еще и четвертую задачу, именно, рационализацию методов профессионального обучения.

Эти четыре задачи охватывают всю область организации труда и кое-что еще остается сверх этого. Однако, автор в последующем сам ограничивает тему своей статьи рассмотрением задач профессиональной ориентации и профессионального подбора. Обстоятельно излагает автор принципы и методы профессионального подбора, не скрывая тех трудностей, которые стоят перед этой молодой еще наукой.

Некоторые сомнения у нас вызывает статья инж. Карова об изучении рабочего времени. Автор, правда, не вульгарный хронометражист и предостерегает от опасностей упрощенного хронометража, но... дело-то в том, что то положительное, которое связывается с хронометражем и которое заключается в подлинной рационализации приемов и условий труда, может быть осуществлено и без хронометража, а между тем, хронометражем так много злоупотребляли, введение его на предприятии вызывает такую напряженную атмосферу и история его у нас в СССР насчитывает так много неудач и такие скромные успехи, что теория, поощряющая и прикрывающая горе организаторов-хронометражистов, вряд ли может быть признана своевременной.

Интересна статья инж. Болана о формах заработной платы. Недостаточно только вскрыта сущность некоторых систем заработной платы, которая заключается в стремлении к увеличению нормы прибавочной стоимости. Мы не можем вместе с автором признать нормальным дележ сбереженного рабочим его рабочего времени между ним и предпринимателем—владельцем предприятия. Никакой заслуги капиталиста в том, что рабочий повысил напряженность своего труда, нет, и мы не можем не видеть в приведенных системах способа увеличения эксплоатации рабочего. Затушевывать этого нельзя. Это вульгарно-буржуазное затушевывание капиталистической эксплоатации умаляет значение интересной статьи.

Статья проф. Зеленого „Энергетика труда“ является хорошим дополнением к статьям проф. Белоусова.

Проф. Белоусов совершенно правильно указывает на существование двух путей для поднятия производительности: „первый путь—увеличение производительности труда за счет ускорения темпа работы или рабочего ритма, за счет увеличения количества расходуемой в единице времени энергии работающего, за счет интенсификации труда“. „...Этот путь поднятия производительности труда полон всякого рода осложнений, перебоев в работе, опасностей; и эти опасности первого пути особенно чувствительны при современных формах производства, когда работа, главным образом, мозговых центров достигает исключительной напряженности“. „Второй путь—увеличение производительности за счет увеличения качественных организационных улучшений. Это и есть путь научной организации“ (стр. 61).

Правильное понимание сущности научной организации труда дополняется правильной оценкой значения тэйлоризма. „Зачатки психотехнических исследований в системе Тэйлора,—пишет д-р Рабинович,—являются в научном отношении крайне односторонними и малоценными, а в практическом отношении вредными, поскольку они обнаруживают явную тенденцию стоять на страже интересов отдельных капиталистических предприятий и совершенно игнорируют личность трудящегося, как определенную социальную ценность в общегосударственном масштабе“ (стр. 76). Такие замечания по отношению ко всем элементам тэйлоризма разбросаны по всем статьям. Эти положения о сущности НОТ и места в нем тэйлоризма тем более ценны, что к ним пришли не „рабочелюбцы“ и „теоретики“, а просто добросовестные и знающие специалисты.

В общем и целом, сборник серьезный, вдумчивый и подлинно научный. Он особенно ценен на фоне литературной макулатуры...

Г. Бамдас

Современное состояние работ по рационализации в промышленности СССР. Сборник статей под редакцией В. Л. Ледера. Промиздат, 1926 г.

Рецензируемый сборник представляет собой сводку тех работ, которые производились на наших заводах в области планирования, улучшения техники, внутризаводского транспорта, контроля, стандартизации и нормализации производства.

Во всех этих областях мы имеем, насколько можно судить по приведенным в сборнике статьям, скромные достижения. Так, в области планирования констатируется, что „мы еще далеки от того планового хозяйства, которое является основным хозяйственным началом нашего строя... на государственном социалистическом предприятии“. На таких гигантах нашей промышленности, как Сормовский или Коломенский завод,

только еще собираются „решительно покончить с имеющими место хроническими невязками“ и ведут борьбу „с опаздыванием и несоблюдением сроков и разнобоев в исполнении по мастерским заказов“. И „имеются у нас на ряду с заводами, где все распределение работ сосредоточивается в планово-распределительном бюро, заводы с полным отсутствием плана, где согласование работ достигается беготней мастеров и простоями машин“ (стр. 5).

В области внутризаводского транспорта „работу... можно охарактеризовать лишь как общее упорядочение этого дела. В одних случаях она сводится к направлению существующей перепланировки, в других — к ремонту и переделке существующего транспортного оборудования, в третьих—к прокладке и починке новых жел.-дор. путей. Ни наши производственные возможности, ни средства не позволяют еще перейти к значительному и коренному переоборудованию внутризаводского транспорта. Однако, и эти работы, проделанные хотя и в незначительном об'еме, дали уже большие экономические результаты“ (60).

Некоторые успехи мы можем отметить в области стандартизации и специализации производства. Так, например, значительная работа проделана Укртрестсельмашем, произведшим „громадное сокращение числа типов сел.-хоз. машин и орудий“. На „металлическом заводе крупного машиностроения“ „стандартизировано производство насосов“. На заводе „Русский Дизель“ „двигатели изготовляются путем сборки отдельных частей и комплектов, вырабатываемых совершенно одинаковыми, но собираемых для двигателей разных мощностей“ (82).

В текстильной промышленности „в течение 1924 года только по хлопчатобумажной промышленности число сортов тканей было сокращено с 2.626 до 1.087, т.-е. на 41%; количество основ с 37 нумеров уменьшено до 10 и утка с 35 нумеров до 4; по льняным тканям сортамент сокращен с 780 до 154; количество основ с 26 нумеров до 20 и утка с 35 до 23“ (84). Эти результаты рационализации говорят о некоторых достижениях, которые нельзя умалять. Нам представляется поэтому несколько непонятным тот общий вывод, к которому приходят авторы статей: „Работам по стандартизации на наших предприятиях до сих пор уделялось сравнительно небольшое внимание“ (87). „В условиях нашей действительности столь ясные и существенные выводы специализации еще недостаточно осознаны и в значительном количестве случаев предприятия ведут ту же линию универсализма, которую и вели в прежнее время“ (89).

Конечно, в области рационализации производства работы предстоит еще очень много, однако, преуменьшать наши достижения не следует.

Отрицательным моментом является излишнее количество организаций, „опекающих“ рационализацию. В сборнике перечисляются следующие организации: 1) цеховые и общезаводские ячейки по НОТ; 2) производственные совещания и комиссии; 3) функциональные отделы предприятий; 4) ТНБ и распредбюро; 5) технические совещания (советы и комиссии) при директоре; 6) оргбюро; 7) организации ЦИТ'а или Оргметалла.

Помимо этих „семи нянек“ „существует целый ряд органов или небольших аппаратов, полностью или отчасти ведущих работу по рационализации и имеющих весьма разнообразные названия“ (112).

К сожалению, автор нам не сообщает как все эти „няньки“ работают. Мы только узнаем, что „в большинстве случаев между всевозможными организациями и ячейками, работающими в области рационализации на одном и том же заводе или фабрике, не существует никакой увязки, никакого разграничения, благодаря чему нередко один вопрос

разрабатывается параллельно в двух — трех организациях, тогда как другие вовсе оставляются без внимания; нередки споры о „старшинстве“, о „компетенции“ каждой ячейки и т. п.“ (113).

В заключение, мы хотели бы отметить некоторые весьма существенные недостатки сборника. Основным недостатком мы считаем „канцелярский“ метод его составления. В сборнике мы не видим отражения работы завода и фабрики. Отдел ВСНХ разослал анкеты, работники трестов, чтоб отделаться, по признанию самих авторов, кое-как и весьма неудовлетворительно эти анкеты заполнили, а сотрудники Отдела рационализации ВСНХ этот материал расположили по соответствующим графам, и, примерно, таким образом была составлена книга о современном состоянии работ по рационализации промышленности.

Несколько более ценные результаты для ознакомления советской общественности болезнями наших предприятий, дала работа одного человека (а не целого отдела ВСНХ с многочисленными помощниками из трестов), побывавшего на заводе и в течение долгого времени ведшего там наблюдения. Мы имеем в виду результаты работы Ф. А. Кутейщикова на крупной прядильной фабрике, опубликованные в „Извест. Текст. Пром. и Торг.“ №№ 16 и 17 (апрель и май).

Вторым недостатком мы считаем отсутствие в сборнике двух чрезвычайно существенных глав, посвященных вопросам рационализации управления и трудовых процессов. Авторы об'ясняют настоящий пробел тем, что эти вопросы были исключены „по организационным причинам“.

Конечно, об этом приходится жалеть, ибо усилия всевозможных рационализаторов за последние годы были направлены, главным образом, в эту сторону, и об этих усилиях мы могли бы узнать интересные и поучительные подробности.

Но даже и те данные, которые мы находим в сборнике, достаточно ярко показывают, что работы по изучению рационализации нашей промышленности сами нуждаются в рационализации и коренной реорганизации.

Г. Б.

Нижегородское Хозяйство. Планово-экономический журнал. Орган Губплана. № 1, 1926 г., Н.-Новгород.

Задачи индустриализации нашего Союза, четко поставленные партией, находят живой отклик в местной экономической прессе. Всемерная борьба за режим экономии, понимание длительности этой сугубо важной задачи, без разрешения которой осуществление индустриализации немыслимо, также находит серьезное к себе отношение на страницах местной экономической прессы.

Без сомнения, вышедший первый номер планово-экономического журнала Нижегородского Губплана вступил на правильный путь, включив ряд работ, направленных к разбору вышеуказанных проблем, применительно к возможностям и потребностям местного хозяйства.

Что сделано и делается практически в области индустриализации губернии?

В передовой тов. А. И. Муралова и в статье „К плановой работе в Нижегородской губернии“ А. Клочкова мы находим указание, что по губернии „уже осуществляется план индустриализации“. Так, оканчивается постройка районной электрической станции в Балахне, строится бумажная фабрика (Бумстрой), картонная (ВСНХ), стекольный и азотный завод, расширяется химическое производство (Растяпино), а также Вахтанское, не говоря уже о предприятиях, подчиненных центру, как-то: „Красное Сормово“, „Приокский Горный округ“, где производится расширение и переоборудование их на более совершенных технических началах.

Задачи планового руководства в усложненной хозяйственной обстановке открывают громадное поле деятельности. Совершенно правильно подчеркивает тов. А. Клочков (в той же статье), что на ряду с задачами по анализу пятилетних планов промышленности, электрификации, жилищного строительства, кустарной промышленности, сельского хозяйства, капитального стройтельства и такими самостоятельно крупными задачами, как составление годовых планов, контрольных цифр, пятилетнего плана,— этих основных стержней плановой работы,—на ряду со всем этим встают не менее важные задачи по всестороннему втягиванию и активному участию мест в этой работе. Прав автор, указывающий на вытекающую отсюда ответственность для мест, учреждений и лиц за проведение плана в жизнь,—проведение тем более трудное, что приходится „на ходу“ исправлять дефекты и неизбежные в наших условиях просчеты. Первый Всесоюзный с'езд плановых органов дал лозунг плановой дисциплины. Этот лозунг усвоен журналом.

„Плановая дисциплина должна лежать в основе работы каждого органа и ведомства“ и „если план утвержден, если он создан в результате коллективной работы мест, всех ведомств... все должны и обязаны проводить его в жизнь“.

Нельзя не приветствовать того факта, что решения последнего С'езда госпланов находят на местах глубокое сознание необходимости подлинной коллективной плановой работы, скрепленной высоким пониманием и той коллективной ответственности, которую несут теоретики и практики планового хозяйства сверху донизу.

„Борьба за режим экономии“ (статья А. Таньпетера) в Нижнем-Новгороде и губернии сводилась к изживанию наиболее кричащих о себе безобразий и извращений в нашем советском аппарате (аппарате—в широком смысле этого слова). Автор затрагивает вопрос о капиталовложении и товарообороте, ибо правильное использование средств предрешает на девять десятых и рациональную постановку дела. Указав на то, что надо понимать под капиталооборотом, автор обращает внимание на необходимость пересмотреть инвентарь и имущество „тогда, когда соотношение основного капитала к оборотному выше нормального“. Необходим анализ скорости обращения капитала. В частности, если при товарном голоде и невозможно сокращение авансирования поставщиков, все же следует перейти к авансированию покупательскими векселями.

Выработанное уже практикой соотношение оборотов розничных товаров и скорость их обращаемости дает возможность сократить их запасы. Сокращение товаропроводящей сети усиливает нагрузку кооперативной сети за счет государственной. Указывая на своевременные задачи по экономии топлива, уплотнение рабочего дня, рационализацию аппарата („режим организации“), автор ставит конкретные задачи для местной промышленности.

В 1924/25 году обращение капитала в местной промышленности выражалось в 2,12 раза, а в 1925/26 году предусматривается в 2,43. Здесь тенденция к повышению хотя имеется, но незначительная. Регулирование рынка проводится слабо, вследствие чего создается большая конкуренция (лен, шерсть). Кооперация нагружена слабо—14% всей реализованной продукции. Сбыт на внутреннем рынке хотя и повышается, но в силу его слабой изученности использован недостаточно. В 1923/24 году (у автора 1925/26 г.)[1] реализовано 29% всей продукции. В 1924/25 г. торговый оборот повысился в два раза, а в 1925/26 г. пред-

[1] Здесь, видимо, опечатка, ибо если принять напечатанное, то это противоречит дальнейшему тексту, да и сам 1925/26 г. в целом взят быть не может.

полагается повышение в 1,5 раза. Идет завоз извне, стоимость товара удорожается, а внутренние возможности полностью неиспользованы. Накладные расходы (НГСНХ) должны быть также снижены. В 1924/25 г. они составляют 8,2% к обороту по продаже и 4,4% к общему обороту. Качество продукции хотя и улучшается, но все же имеются дефекты. Так, например, стекольная промышленность дает 5—7% брака, высшие сорта валеной обуви — 0,25%, известь — 2—5%, стекольная посуда особенно высокий процент, доходящий до 16.

Небезынтересно отметить, что автор вынужден подчеркнуть несоответствие роста производительности труда и зарплаты. В данном случае к приведенной тов. Струмилиным таблице („Правда" 16/X 1926 г.), ясно указавшей на ошибки оппозиции в этом вопросе, мы имеем подтверждение с мест. Если принять 1923/24 год за 100%, то во втором квартале 1925/26 года мы имеем повышение зарплаты до 151%, а выработки лишь до 127%.

Из местных вопросов следует отметить обстоятельное освещение и анализ бюджета. Это сделано даже, может быть, немного громоздко для небольшого журнала, но тщательность выполненной работы и данный иллюстративный материал говорят за хорошее качество выпускаемой Губпланом продукции. Не менее тщательно дана кон'юнктура первой половины 1925/26 года.

Из актуальных вопросов, связанных с индустриализацией края, стоит вопрос о развитии хлопчатобумажной промышленности („Возможно ли существование и развитие хлопчатобумажной промышленности в Нижегородском крае"). Проф. В. Задарновский указывает, что в Нижегородской губернии такие условия, как топливо, рабочая сила, пути сообщения, рынок сбыта,— все это имеется налицо и строительство рентабельно. Вопрос с сырьем, по мнению автора, разрешается „не хуже, если не лучше, чем он разрешается для хлопчатобумажной промышленности Московского и других районов". При фабрике в 100 тысяч веретен доставка необходимого хлопка водным путем в Нижний обойдется на 45—50 тыс. руб. дешевле, чем в Москву, на 42 тыс.—чем в Иваново-Вознесенск и приблизительно на 55 тысяч, чем в Ковров (Владимирской губ.). Балахнинская электрическая станция дает значительные преимущества проектируемой фабрике, так как она имеет возможность отпускать электрическую энергию сейчас по 3 коп. квт при загрузке свыше, чем в 200 квт. Экономия на энергии при тех же 100 тысяч веретен выражается свыше, чем 250 тыс. руб.

Критика и библиография поставлены хорошо; в первую очередь уделяется внимание местной литературе, затем наиболее важной центральной.

Не лишне и данное редакцией приложение „Показателей об изменениях в основных отраслях хозяйства губернии за 1917—1926 гг., а также и карта губернии. Все это говорит за то, что редакция весьма тщательно продумала стоящие перед нею задачи и первый номер вышел вполне удачным. Технически журнал издан прекрасно.

Из недостатков, пожалуй, следует указать на отсутствие работ по общим теоретическим вопросам. Нет работ по отдельным проблемам народного хозяйства (за исключением статьи о режиме экономии). Несомненно, журнал должен стать ареной, где одновременно с отдельными вопросами местного хозяйства разбирались бы и общие проблемы, скрещивалась теоретическая мысль, происходило бы собирание лучших сил края.

Ан. Михайлов

Известия Теплотехнического Института имени профессоров В. И. Гриневского и К. В. Кирша, № 2 (15), 1926 г.

Рецензируемый выпуск журнала представляет собою исключительный интерес не только для теплотехников, но и для всякого читателя, интересующегося вопросами сжигания низкосортных углей. Весь номер журнала посвящен вопросу о сжигании подмосковного угля и представляет собою „2-й отчет Теплотехнического Института об опытах сжигания подмосковного угля на цепных решетках Государственной Каширской районной электростанции". Авторами этой работы являются профессор Л. К. Рамзин, инж. Г. Ю. Козлинский и инж. Ю. О. Нови. Работа тем интересна, что она представляет собою отчет о втором опыте индустриального масштаба по сжиганию угля подмосковного бассейна.

В нашей программе электрификации основной базой для развития электроснабжения Центрально-Промышленного района намечены два вида топлива: торф и подмосковный уголь. Рецензируемая книга трактует о подмосковном угле. Работы Теплотехнического Института, прекрасно изложенные в отчете, дают читателю не только описательную сторону произведенных опытов, но самую глубокую сущность дела в самой доступной для понимания форме. Многочисленные отдельные опыты дают полную картину возможности развития электроснабжения Центрально-Промышленного района на подмосковном угле.

Заключение о выборе сортов топлива сводится к нижеследующему: „На основании полученных результатов испытания, современных рыночных цен и общей кон'юнктуры последних, мы полагаем нецелесообразным для Каширской станции переходить на „семечко",[1] ибо такой переход повлечет за собой увеличение эксплоатационных расходов, а также затруднения с получением угля этого сорта. Наиболее выгодным экономически для Каширской станции является сорт „М. С.".[2]

Это заключение Теплотехнического Института чрезвычайно важно, ибо в вопросах себестоимости электрической энергии не малую роль играет топливная слагающая, понижающаяся при целесообразном выборе топлива.

„Описание опытов на котле № 5, с предтопком типа „Вальтер"[3]— испытание, так же произведенное на одном из котлов Каширской электростанции. Опыт был проведен с лабораторно-академической аккуратностью; все данные об обстановке опыта вошли в отчет. Конструкция „Вальтер" проанализирована не только по своему существу, но на фоне других существующих конструкций,— с чрезвычайной отчетливостью выяснены все отрицательные качества этой конструкции; в данном случае нельзя не отметить полной об'ективности в анализе полученных данных. Конечное заключение Теплотехнического Института об этой конструкции сводится к нижеследующему: 1) Все потери топочного процесса при предтопке типа „Вальтер" с горячим дутьем оказались выше таких же потерь для простой цепной решетки с горячим дутьем, за исключением потерь от провала, оставшихся на одинаковом уровне. „Таким образом, по своей экономичности предтопок типа „Вальтер" значительно хуже цепной решетки с горячим дутьем". 2) „Обслуживание предтопка значительно труднее, чем обслуживание простой решетки с горячим дутьем вследствие необходимости проталкивания угля в воронке из-за его застревания, неравномерного расхода угля, значительно менее равномерного покрытия цепи, вызывающего местные прогары, а также вследствие необходимости добавочной потери по чистке пред-

---

[1] Уголь, напоминающий по своей форме и величине семечко.
[2] Условное обозначение „мелочь с семечком".
[3] Название конструкции.

топка и усложнения общей регулировки топки". 3) „Преимущество предтопка в смысле увеличения поверхности решетки также не может служить основанием для предпочтения предтопка, ибо такое же увеличение поверхности решетки легко достигнуто простым удлинением цепи, причем по стоимости начального оборудования добавочный квадратный метр цепной решетки обойдется, примерно, одинаково со стоимостью предтопочной решетки". Вот заключение Теплотехнического Института о предтопке „Вальтер". На ряду с испытанием предтопка конструкции „Вальтер" произведено испытание предтопка конструкции инженера И. В. Каминского, и в этом случае данные об обстановке и существе опыта делают работу весьма интересной, а журнал испытаний дает полную возможность сравнить оба испытанные предтопка и составить себе точное понятие о произведенных опытах. В конечном итоге, оба предтопка, и „Вальтер" и инженера И. В. Каминского, не получили положительной оценки Теплотехнического Института и это указано в работе „Экономичность работы цепных решеток с предтопками и без предтопка." Общее заключение по этому вопросу сводится к нижеследующему: „При испытании конструкций топок—без предтопков и с ними—безусловное предпочтение приходится отдать цепной решетке с горячим дутьем без предтопка, ибо предтопки обеих испытанных систем: 1) понижают экономичность сжигания угля; 2) значительно усложняют обслуживание топки; 3) хуже справляются с мелким сортом угля".

Все вышеизложенное сведено в табличку коротенькую, но очень важную, исчерпывающим образом решающую вопрос именно так, как его надо решать в об'ективных условиях нашего хозяйства:

	Цепь с горячим дутьем	Предтопок инженера Каминского	Предтопок типа „Вальтер"
К. п. д.[1] котла с перегревателем (кругло)	69,5	62,0	60,5%
Перерасход угля	0	12	14%
Затрата рабочих часов на 1 тонну угля			
а) Шуровки цепи	0,32	0,82	0,57 раб. час. на тонну
б) На шуровки и чистки	0,32	0,9	0,6 „

Следующая работа—описание инж. И. В. Каминского конструкции и действия углубленного предтопка его же системы, по сообщению редакции, печатается в целях ознакомления с конструкцией предтопка. Инж. И. В. Каминский чрезвычайно популярно изложил детали и функционирование предтопка своей конструкции, а попутно с этим и указал номер заявочного свидетельства, которое должно будет охранять авторские права на эту конструкцию, если бы несмотря на заключение Теплотехнического Института кто-нибудь пожелал бы воспользоваться данной конструкцией.

Необходимо признать, что рецензируемый выпуск журнала представляет исключительный интерес, а результаты произведенных опытов имеют важное хозяйственное значение, ибо в центре наших больших хозяйственных программ—электрификация, осуществление которой для Центрально-Промышленного района в сильной степени зависит от решения вопросов сжигания подмосковного угля.

W. Z.

[1] Коэффициент полезного действия.

ОТДЕЛ VI

Статистика

С. А. Первушин[1]

Динамика низовой розничной торговли в 1924/25 и 1925/26 гг.

Вряд ли нужно доказывать важность и необходимость тщательного наблюдения за низовыми процессами. Вряд ли приходится доказывать и исключительные статистические трудности такого наблюдения. Пока в этом отношении здесь возможности весьма ограничены. Тем не менее, острая потребность в показателях динамики низовой торговли заставила Бюро кон'юнктурного совета Госплана СССР эту работу так или иначе поставить.

Бюро пошло двумя путями: а) путем использования своей корреспондентской сети[2] (КТА и Госплана) периодически (подекадно) сообщающей кон'юнктурные сведения о состоянии торговли, в том числе и низовой (количественная обработка качественных показателей корреспондентской сети) и б) путем получения через свои районные кон'юнктурные бюро статистических сведений о непосредственных продажах низовой государственной и кооперативной торговли.

Основным недостатком этих сведений является, конечно, отсутствие учета продаж частной торговли, что вместе с недостаточным числом учитываемых кооперативных обществ, по крайней мере, в прошлом году (400—500) и являлось причиной, которая заставляла бюро воздерживаться от их публикации. Эти сведения в настоящее время охватывают, не считая госрозничных магазинов, около 1.000 низовых кооперативов, при чем единицей наблюдения является не кооперативная лавка, а низовое кооперативное об'единение, имеющее самостоятельное правление. Общая абсолютная сумма продаж за сентябрь 1926 г. составляет около 150 милл. руб.

Благодаря содействию районов эта сеть оказалась более или менее равномерно распределенной по территории. В виду того, а также принимая во внимание, что настоящее время удельный вес низовой кооперации и госторговли в общем обороте превысил 50%, мы считаем возможным уже опубликовать предварительные результаты нашей работы, пока еще не законченной.

Публикуемый ниже индекс оборотов по продаже розничной торговли следует рассматривать, как грубо предварительный, особенно в отношении прошлого года, когда, как мы уже отметили, он и не охватывал всех районов (9 районов РСФСР, Украина и Белоруссия). Работа по распределению весов для отдельных районов также еще не закончена.

Веса для крупных районов (РСФСР и УССР) взяты условно грубо в пропорции к населению; вес города взят 6 и деревни—4. Индекс исчислялся по цепному методу, как средне-геометрическая из звеньев. За базы последовательно приняты октябрь 1924 г. и октябрь 1925 г.

Рассмотрение прилагаемой таблицы предварительного индекса позволяет установить следующие колебания низовой розничной торговли.

---

[1] В сотрудничестве с В. М. Байбаковым и О. П. Крамер.

[2] Эта сеть была организована осенью 1922 года, она охватывает около 100 главнейших городов и состоит из постоянных специальных корреспондентов, регулярно инструктируемых Бюро. Разработка в Бюро этих материалов производится как в форме описательной, так и количественной.

ДАТЫ	База—октябрь 1924 г.									База—октябрь 1925 г.								
	Украина			СССР без Украины			СССР			Украина			СССР без Украины			СССР		
	Городская	Сельская	Вся	Городская	Сельская	Вся	Городская	Сельская	Вся	Городская	Сельская	Вся	Городская	Сельская	Вся	Городская	Сельская	Вся
1924 г.																		
X	100	100	100	100	100	100	100	100	100	—	—	—	—	—	—	—	—	—
XI	106,0	90,0	99,3	108,0	107,0	107,6	107,6	103,4	105,9	—	—	—	—	—	—	—	—	—
XII	117,7	114,3	116,3	112,3	109,1	111,0	113,4	110,2	112,1	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1925 г.																		
I	100,0	107,4	102,9	96,6	105,9	100,2	97,3	106,2	100,7	—	—	—	—	—	—	—	—	—
II	96,0	84,9	91,4	98,5	108,0	102,2	98,0	102,9	99,9	—	—	—	—	—	—	—	—	—
III	109,5	106,9	108,4	112,3	120,9	115,7	111,7	118,0	114,2	—	—	—	—	—	—	—	—	—
IV	124,8	115,5	121,0	129,2	119,7	125,3	128,3	118,9	124,4	—	—	—	—	—	—	—	—	—
V	103,6	84,3	95,4	112,4	98,2	106,5	110,5	95,2	104,2	—	—	—	—	—	—	—	—	—
VI	104,6	89,4	98,2	120,2	106,0	114,3	116,9	102,5	110,9	—	—	—	—	—	—	—	—	—
VII	116,1	99,2	109,0	123,8	106,0	116,4	122,3	104,6	114,9	—	—	—	—	—	—	—	—	—
VIII	124,2	117,1	121,3	125,1	117,7	122,1	124,9	117,6	121,9	—	—	—	—	—	—	—	—	—
IX	151,6	151,0	151,3	148,9	147,1	148,2	149,4	147,9	148,8	—	—	—	—	—	—	—	—	—
X	175,8	146,5	163,4	168,2	192,7	177,6	169,7	182,4	174,7	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
XI	177,6	161,1	170,8	158,1	200,4	173,9	161,8	191,9	173,2	101,0	110,0	104,5	94,0	104,0	97,9	95,4	105,2	99,2
XII	204,2	198,2	201,8	188,2	232,5	204,8	191,3	225,2	204,2	116,1	135,3	123,5	111,9	120,6	115,3	112,7	123,4	116,9
1926 г.																		
I	173,6	170,4	172,3	154,3	213,9	175,8	158,0	204,4	175,1	98,7	116,4	105,4	91,7	111,0	99,0	93,1	112,0	100,2
II	175,3	167,0	171,9	160,5	216,0	180,7	163,3	205,2	178,9	99,7	114,0	105,2	95,4	112,1	101,8	96,2	112,5	102,4
III	196,3	182,1	190,5	184,5	239,8	204,9	186,8	227,0	201,9	111,7	124,3	116,6	109,7	124,4	115,4	110,1	124,4	115,6
IV	231,7	211,2	223,3	214,1	266,2	233,5	217,4	254,1	231,5	131,8	144,2	136,6	127,3	138,1	131,5	128,2	139,3	132,5
V	164,5	166,8	165,4	147,7	154,4	150,3	150,9	156,8	153,2	93,6	113,9	101,2	87,8	80,1	84,6	88,9	86,0	87,7
VI	161,2	130,1	148,0	193,5	222 3	204,5	186,5	199,7	191,7	91,7	88,8	90,5	115,0	115,4	115,2	109,9	109,5	109,7
VII	167,7	139,2	155,6	193,5	242,3	211,7	188,0	216,9	199,1	95,4	95,1	95,2	115,0	125,7	119,2	110,8	118,9	114,0
VIII	179,4	157,4	170,2	187,7	227,8	202,8	186,0	211,5	195,8	102,0	107,4	104,2	111,6	118,2	114,2	109,6	116,0	112,1
IX	209,9	171,5	193,6	210,2	243,7	223,0	210,1	227,2	216,8	119,4	117,1	118,5	125,0	126,5	125,6	123,8	124,5	124,1

Оба года характеризуются почти непрерывным ростом продаж, при чем продажи сентября 1926 г. более чем вдвое превышают продажи октября 1924 г. Этот рост в течение обоих лет дважды прерывался затишьем, по существу, сезонного порядка (январь—февраль 1925 и 1926 гг. и май—июнь 1925 и 1926 гг.). Однако, в текущем 1926 году сентябрьский индекс продаж стоит на более низком уровне, чем апрель, что об'ясняется как очень высокой нормой продаж в апреле 1926 г. в связи с инфляцией, так и вялостью низового спроса осенью 1926 г. При сопоставлении темпа роста за 1924/25 и 1925/26 гг. в целом мы наблюдаем, что рост в 1924/25 г. был почти вдвое сильнее (48% и 24%). Однако, при рассмотрении по полугодиям картина динамики продаж резко различна. В прошлом году более быстрый рост дает второе полугодие (первое полугодие находилось под влиянием недорода, а второе под влиянием хороших видов на урожай и инфляционного оживления осенью).

В нынешнем году мы имеем обратную картину. Второе полугодие дает заминку роста, что об'ясняется несмотря на повторный урожай целым рядом причин. Во-первых, оздоровлением низовых рынков от инфляционного оживления в соответствующем полугодии прошлого года и первом полугодии текущего года, а также и коренной перестройкой потребительного бюджета деревни: рост денежных расходов на спиртные напитки (в прошлом году—самогон) и рост расходов на хозяйственное (производственное) потребление. Во-вторых, изменением в неблагоприятную для деревни сторону динамики денежных доходов (относительно низкие хлебные цены и ухудшившиеся меновые эквиваленты, уменьшение промысловых и „кустарных" доходов) и увеличением размеров, а также изменением сроков платежа сельхозналога и, наконец, увелечением расходов по обязательной страховке.

Отмеченные выше явления еще более ярко выступают при анализе математически выравненной кривой.

Все три индекса, представляющие из себя приросты оборотов сельской, городской и всей торговли относительно октября 1924 г., очень хорошо укладываются в параболы 3-го порядка. Как известно, уровни, вычисленные по способу наименьших квадратов, дают часто не вполне удовлетворительные результаты на концах исследуемого интервала времени. Поэтому при изучении их тенденций следует обратить главное внимание на период декабрь 1924 г.—июль 1926 г.

Диаграмма № 1

Как видно из диаграммы, ряды имеют различную тенденцию в каждом из полугодий обоих лет. В первом полугодии 1924 г. наблюдается небольшое падение индекса, с точкой минимума в декабре 1924 г. — январе 1925 г., которое только в конце этого полугодия переходит в под'ем. Второе полугодие 1924/25 г., а также первое полугодие 1925/26 г. характеризуются резким под'емом. Наконец, во втором полугодии 1925/26 г. вновь следует замедленный рост, который даже в конце периода переходит в небольшое снижение.

Индекс городской торговли в начале и середине периода испытывает почти равномерный рост, который лишь в конце периода несколько замедляется и даже переходит в небольшое снижение.

Что касается сельской торговли, то в начале периода уровень ее индекса вообще ниже городского и даже испытывает небольшое падение, которое только после января 1925 г. заменяется под'емом, притом под емом более резким, чем для города. Благодаря этому индекс сельской торговли к июлю 1925 г. нагоняет городской и после этого месяца его уровень уже всюду выше городского. В конце исследуемого периода индекс сельской торговли вновь испытывает небольшое снижение.

Для изучения отклонений от уровней, имеющих сезонный и кон'юнктурный характер, обратимся к диаграмме № 2. При взгляде на диаграмму, становится совершенно очевидным, что эти колебания для городской и сельской торговли почти совершенно совпадают. В торговой кон'юнктуре и сезонности города и деревни замечается полный параллелизм. Это подтверждается и коэффициентом корреляции между их отклонениями от уровней, который равен + 0,8542. Сезонные колебания проявляются с полной очевидностью. Действительно, если сравнить волны кривой, охватывающие одноименные месяцы в том и другом году, то заметим большое сходство с той только разницей, что размах отклонений в 1926 г. вообще сильнее, чем в 1925 г.

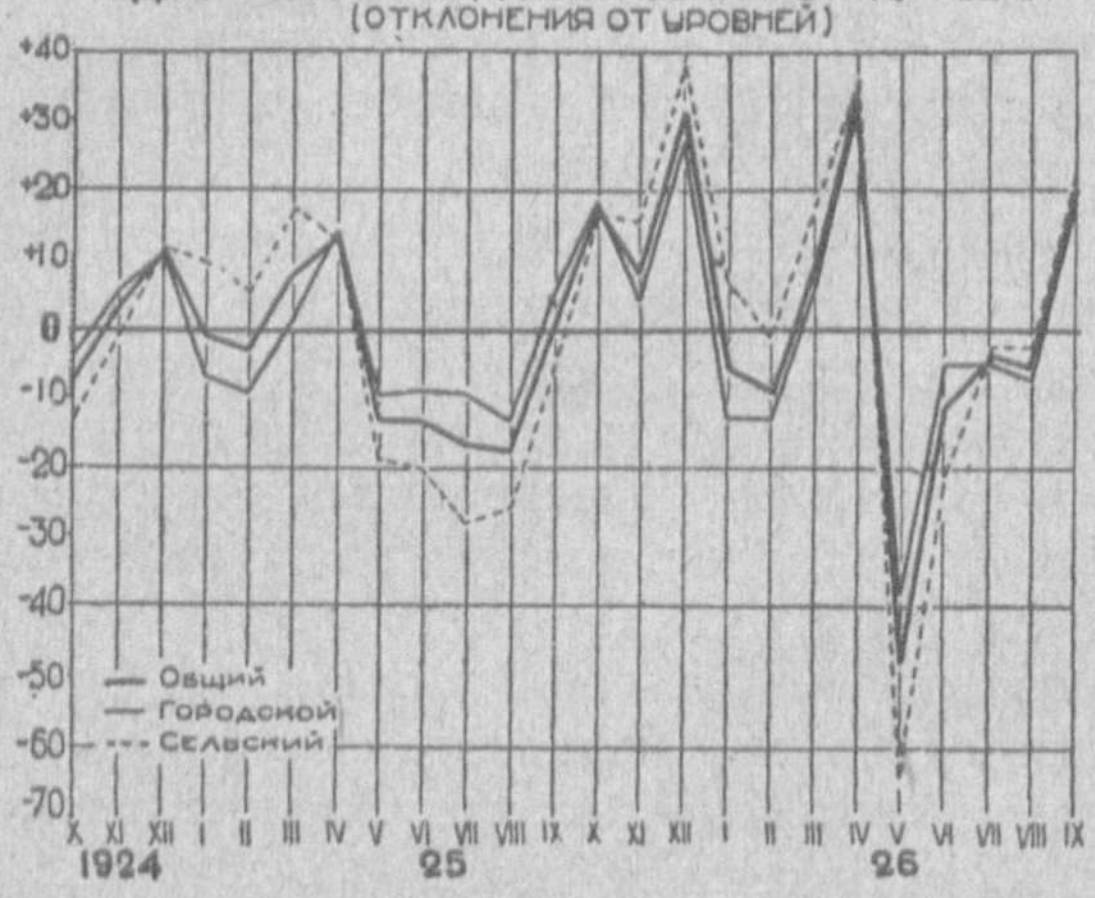

Диаграмма № 2

В дополнение к этой работе была сделана попытка грубого исчисления индекса физического об'ема розничной торговли путем деления вышеприведенного ценностного индекса на розничный индекс Кон'юнктурного Института. Более правильно было бы воспользоваться для этой цели индексом ЦСУ, построенным, главным образом, на основе цен кооперативных и государственных магазинов. Но это в целом не оказалось возможным, в виду отсутствия индекса ЦСУ за весь исследуемый промежуток времени. Однако, за несколько месяцев индекс физического об'ема торговли был исчислен на основе того и другого индекса цен. В результате этой проверки выяснилось, что при использовании индекса ЦСУ или индекса Кон'юнктурного Института мы не получили бы существенно различных рядов. Следовательно, наш метод был вполне приемлем. Остается только рассмотреть тот ряд индекса физического об'ема розничной торговли, который у нас получился:

	X	XI	XII	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX
1924/25 г. . . .	100,0	105,9	112,7	100,2	97 9	109,4	115,9	96,7	103 3	109,0	119,5	144,6
1925/26 г. . .	165,7	160,6	186,0	156,8	154,0	174,7	192,9	127,7	163,7	174.5	172,2	192,4

В общем он имеет большое сходство с первоначальным. Характер уровня остался прежний, только под'ем в о втором полугодии 1924/25 г. и в первом полугодии 1925/26 года менее значителен. Колебания около уровня также уменьшились по своей амплитуде, не изменив своего вида.

ДИНАМИКА НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА СССР

Бюллетень № 22 Экономико-Статистической Секции Госплана СССР

под ред. С. Г. Струмилина

Составляется по материалам Бюро Кон'юнктурного Совета и Статбюро Госплана

СОДЕРЖАНИЕ

А. Основные показатели динамики народного хозяйства СССР за 1923/24, 1924/25 и 1925/26 гг.

Б. Текущие динамические таблицы

II. Промышленность

1. Динамика крупной госпромышленности СССР за 1924/25 и 1925/26 хоз. годы.
2. Динамика главнейших отраслей производства крупной госпромышленности СССР в 1924/25 и 1925/26 хоз. годах.

III. Труд

1. Поденная плата чернорабочего в Москве и по СССР в 1924/25 и 1925/26 гг.
2. Число служащих и рабочих в торговых и промышленных предприятиях системы потребительской кооперации СССР.

V. Товарооборот

1. Динамика сети и числа пайщиков потребительской кооперации СССР.
2. Обороты системы потребительской кооперации СССР в 1924/25 г. и первом полугодии 1925/26 г.
3. Чистый оборот по продаже товаров системой потребительской кооперации СССР в 1923/24, 1924/25 и 1925/26 гг.
4. Структура капиталов потребительской кооперации СССР.

VI—IX. Финансы, кредит, денежное обращение, индексы цен и цены

1. Сводная таблица по финансам, кредиту и денежному обращению за июнь — август 1925/26 г.
2. Покупательная сила червонца в товарных рублях в 1925/26 г.
3. Всесоюзный бюджетный индекс Статистики Труда и оптовый индекс Госплана в 1925/26 г.
4. Розничные накидки (в %% к оптовой цене) в 1923/24—1925/26 гг.
5. Розничные цены на товары бюджетного набора по СССР в 1926 г.

A. Основные показатели динамики народного хозяйства СССР за 1923/24, 1924/25 и 1925/26 гг.

№№ по порядку	Показатели	Единица счета	1923/24 г.	1924/25 г.	Кварталы 1924/25 г.				1925/26 г.						
					I	II	III	IV	Кварталы		Месяцы				
									I	II	Апрель	Май	Июнь	Июль	Август
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
	I. Хлебные заготовки (средн. за месяц)														
1	Заготовка хлеба	Тысячи тонн	580	560	725	434	204	872	960	877	595	—	—	—	—
2	Заготовительная цена ржи	Товарн. коп.	28	48	37	47	68	54	45	53	51	—	—	—	—
3	То же	Червон. коп.	47	86	63	85	132	95	80	103	100	—	—	—	—
	II. Промышленность (средн. за месяц)														
4	Добыча угля	Тысячи тонн	1.315	1.340	1.434	1.432	1.121	1.366	1.975	2.136	2.162	1.798	1.962	2.006	1.939
5	Добыча нефти	» »	495	580	551	533	607	615	640	621	666	728	739	759	784
6	Выплавка чугуна	» »	55,0	107,6	78,8	95,6	118,7	137,3	161,2	177,9	190,1	198,8	196,8	191,1	196,6
7	Прокатка металла . . .	» »	57,5	115,9	96,9	110,2	124,3	131,9	161,9	179,7	198,4	172,8	182,2	173,5	188,3
8	Производ. хлоп.-бум. пряжи	» »	8,5	15,4	13,4	14,9	16,5	16,9	21,1	20,3	20,9	17,4	20,5	14,0	20,3
9	» » » ткани.	Милл. метров	69,6	124,9	112,2	124,5	132,9	130,1	167,8	169,1	182,5	139,4	178,3	128,9	171,3
10	Сумма продукции промышл.	Милл. черв. руб.	288,9	410,2	370,1	408,3	420,2	442,3	557,1	597,9	653,1	579,4	591,0	549,8	626,1
11	» » » .	По довоен. ценам / милл. руб.	133,3	213,3	188,4	213,1	221,1	230,7	282,8	299,2	321,7	284,6	290,4	270,3	307,8
12	Выработка на 1 чел. в день	по довоен. ценам / в рублях	—	7,39	6,44	7,43	7,97	7,73	7,63	—	—	—	—	—	—
	III. Труд (средн. за месяц)														
13	Число рабочих цензовой промышленности	Тысячи	1.615	(1.889)	1.794	1.800	(1.896)	(1.068)	(2.284,7)	(2.444,5)	—	—	—	—	—
14	Средн. дневная зарплата пром. раб. (реальн.) . .	В условн. моск. коп.	91,5	110,0	102,8	103,0	105,7	128,4	(126,2)	(124,0)	—	—	—	—	—
15	Средн. дневная зарплата пром. раб. (номин.) . .	В черв. коп.	155,3	189,9	172,0	180,7	192,0	215,1	(224,3)	(233,2)	—	—	—	—	—
	IV. Транспорт (средн. за месяц)														
16	Жел.-дорожн. перевозки .	Милл. тонно-клм.	5,62	6,92	6,60	6,33	6,61	8,15	9,49	9,20	10,2	(6,4)	(9,1)	(9,5)	—
17	Средн.-суточная погрузка	Тысячи вагонов	13,5	17,4	16,3	16,4	16,6	20,2	24,1	23,6	24,6	20,7	23,0	23,4	—
	(средн. за месяц)		58,7	78,9	72,3	72,8	73,7	88	105,0	109,0	111,7	—	—	—	—
19	*Оборот 70 провинц. бирж .*	*Милл. черв. руб.*	*121,9*	*283,5*	*239,4*	*218,9*	*277,1*	*398,6*	*454,8*	*(356,6)*	*369,4*	*278,8*	*263,5*	*324,8*	—
20	Оборот Моск. товар. биржи.	» » »	129,6	249,3	209,7	225,1	218,1	344,0	384,1	231,5	414,7	161,0	217,1	301,9	329,6
21	Реализация по 150 произв. об'ед. ВСНХ	» » »	74,1	122,2	111,7	105,4	111,6	160,2	(140,4)	94,1	86	58	—	—	—
22	Вывоз из СССР	» » »	—	42,3	39,8	37,2	39,7	52,6	57,6	(45,1)	49,1	38,2	51,8	45,9	—
23	Привоз в СССР	» » »	—	52,8	33,7	44,0	70,5	62,9	64,8	57,2	62,9	41,5	50,7	49,5	—
	VI. Финансы (средн. за месяц)														
24	Поступл. обыкн. доходов .	Милл. черв. руб.	122,6	196,1	203,7	184,6	180,9	215,2	274,2	303,9	328,3	283,7	269,8	315,0	314,9
25	В том числе налогов и пошлин	» » »	53,9	94,9	113,7	89,8	78,0	97,8	37,6	156,0	143,0	123,4	105,8	142,6	146,4
	VII. Кредит (на 1 число месяца)														
26	Сумма вклад. и тек. счетов по Госбанку и 4 акционерным банкам . .	Милл. черв. руб.	277	567	415	525	624	693	853,3	850,9	752,0	855,8	813,6	784,7	824,9
27	Остаток задолж. по учетно-ссудн. операциям . .	» » »	586	1.251	941	1.107	1.322	1.632	2.030,5	2.178,5	2.211,6	2.255,2	2.207,5	2.241,5	2.311,7
	VIII. Денежное обращение														
28	Денежная масса на конец месяца	Милл. черв. руб.	406	799	695	731	792	975	1.246,6	1.241,3	1.222,8	1.172,9	1.209,4	1.233,9	1.274,6
29	Денежная масса на конец месяца	» товар. »	238	446	415	403	411	555	701,1	649,4	621,3	619,6	660,5	679,8	708,5
30	Эмиссия за месяц	» черв. »	49,9	43,3	38,5	7,7	26,8	98,9	126,4	— 65,1	— 18,6	— 49,9	36,5	24,5	40,7
	» »	» товарн. »	29,4	24,5	24,1	3,8	13,8	56,2	67,9	— 33,9	9,4	— 25,1	19,7	13,5	22,5
	IX. Индексы цен (на 1 число мес.)														
31	Оптовые Госплана . . .	1913 = 100	170,2	179,2	167,0	180,7	193,5	176,9	178,2	191,7	196,2	196,8	189,3	183,1	181,5
	а) промышленный . . .	»	215,7	192,4	196,4	191,6	190,1	191,6	197,0	199,8	201,7	203,3	203,5	203,9	203,5
	б) сельскохозяйств. . .	»	134,2	166,9	142,0	170,6	193,9	163,5	161,1	183,9	190,8	190,4	175,9	164,3	161,8
32	Всесоюзный бюджетный .	»	195,7	202,0	195,6	201,1	215,9	194,4	202,1	221,9	228,8	238,5	232,5	226,9	227,5
	а) промышленный . . .	»	253,9	223,3	245,0	228,9	221,9	216,7	231,4	234,8	242,0	246,8	248,0	247,7	246,8
	б) сельскохозяйств. . .	»	163,2	187,5	167,5	187,1	212,2	183,0	185,8	214,7	221,3	233,8	223,8	215,2	216,6

Б. ТЕКУЩИЕ ДИНАМИЧЕСКИЕ ТАБЛИЦЫ

Отдел II. ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

Таблица № 1

Динамика крупной госпромышленности СССР за 1924 25 и 1925/26 хоз. годы (по данным ЦОС'а ВСНХ)

№№ по пор.	СРОКИ	Сред. мес. число раб. в тыс. чел.		Валовая продукция: В миллионах рублей				В % % к началу соот. чис.				В % % к соот. пер. пред. года			
				По довоен. ценам		По соврем. ценам		По довоен. ценам		По соврем. ценам		По довоен. ценам		По соврем. ценам	
		1924/5	1925 6	1924/5	1925/6	1924/5	1925/6	1924/5	1925/6	1924/5	1925/6	1924/5	1925/6	1924/5	1925/6
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
	А. За месяц														
1	Октябрь	1.423	1.764	187,7	281,8	372,6	552,3	100	100	100	100	150	150	118	148
2	Ноябрь	1.424	1.823	179,2	271,5	351,6	535,1	94	96	94	97	150	152	125	152
3	Декабрь	1.429	1.866	198,3	294,9	386,0	583,6	106	105	104	106	162	149	138	151
4	Январь	1.444	1.901	206,0	285,1	397,7	567,1	111	101	107	103	159	138	136	143
5	Февраль	1.466	1.925	210,8	297,6	403,4	594,3	112	106	108	108	153	141	130	147
6	Март	1.487	1.946	222,6	314,8	423,8	631,8	119	112	114	114	164	141	146	149
7	Апрель	1.488	1.930	216,3	321,7	412,4	653,1	115	114	111	118	166	149	154	158
8	Май	1.500	1.896	210,4	284,6	418,6	579,4	117	101	112	105	161	129	152	138
9	Июнь	1.550	1.898	226,5	290,4	429,7	591,0	121	103	115	107	170	128	161	138
10	Июль	1 588	1.903	204,9	270,3	389,3	549,8	109	96	104	99,5	157	132	147	141
11	Август	1.626	1.914	223,2	307,8	426,3	626,1	119	109	114	113	161	138	152	147
12	Сентябрь	1.690	1.936	264,0	355,8	511,4	685,0	141	126	137	124	160	127	155	134
	Б. За квартал														
I	Октябрь—декабрь	1.425	1.818	565,2	848,2	1.110,2	1.671,0	100	100	100	100	154	150	127	151
II	Январь—март	1.466	1.924	639,4	897,5	1.224,9	1.793,2	113	106	110	107	159	140	137	146
III	Апрель—июнь	1.513	1.908	663,2	896,7	1.260,7	1.823,5	117	106	114	109	166	135	155	145
IV	Июль—сентябрь	1.635	1.918	692,1	913,9	1.327,0	1.860,9	122	108	120	111	158	132	150	140
	В. За год	1.510	1.892	2.559,9	3.556,3	4.922,8	7.148,8	—	—	—	—	160	139	142	145

Примечания: 1) Крупная госпромышленность учитывается ЦОС'ом ВСНХ и составляет около 80% цензовой промышленности. 2) Валовая продукция оценена по методу целых отраслей (валовой оборот отрасли за вычетом потребленных в ней полуфабрикатов ее производства). 3) Валовая продукция по современным ценам получена переводом из довоенной по средне-месячному пром. индексу Госплана. 4) Цифры за август и сентябрь 1926 г. предварительные.

Таблица № 2

Динамика главнейших отраслей производства крупной госпромышленности СССР в 1924/25 и 1925/26 хоз. годах (по данным ЦОС'а ВСНХ)

МЕСЯЦЫ	Добыча угля		Доб. нефти		Металлургическое производство						Текстильное производство							
					Выпл. чугуна		Выпл. мартена		Прок. металла		Хл.-бум. пряжа (пряд. и угарн.)		Шерстян. пряжа		Льняная пряжа		Хл.-бум. готов. ткани	
	В тыс. тонн	В % к соответ. месяцу предшед. года	В тыс. тонн	В % к соответ. месяцу предшед. года	В тыс. тонн	В % к соответ. мес. предш. года	В тыс. тонн	В % к соответ. мес. предш. года	В тыс. тонн	В % к соответ. мес. предш. года	В тоннах	В % к соответ. мес. предш. года	В тоннах	В % к соответ. мес. предш. года	В тоннах	В % к соответ. мес. предш. года	В милл. метров	В % к соответ. мес. предш. года
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19
1924/25 г.																		
Октябрь . . .	1.583,7	115	580,9	126	73.0	171	131,8	159	98,0	145	14.116	178	2.336	141	4.296	118	114,1	177
Ноябрь	1.424,5	91	556,8	121	74,2	154	121,7	144	91,6	157	12.284	166	2.051	125	3.516	107	101,5	171
Декабрь	1.396,9	102	517,2	106	89,	181	140,4	177	101,1	190	13 928	197	2.290	144	3.824	128	120,9	214
Январь	1.382,1	99	518,6	105	91,1	184	149,1	199	109,0	227	14 570	183	2.308	143	4.015	126	122,4	206
Февраль . . .	1.446,8	102	506,4	111	89.0	184	142,0	1-9	109,5	211	14 814	174	2.317	132	4.0-4	120	123,7	182
Март	1.465,8	108	574.0	119	106,7	186	160,3	195	112,2	189	15.213	188	2.300	149	4.170	137	127,3	187
Апрель	1.062,6	94	585,0	128	105,1	183	148.0	196	113,9	191	15.846	195	2.252	149	4.072	130	131.0	195
Май	1.051,8	90	621,5	131	122,8	218	174,3	193	131,4	196	15.900	181	2.255	139	3.920	125	128,8	166
Июнь	1.235,1	1 6	615,2	125	128,3	213	175,0	209	127,8	205	17.644	202	2.327	157	3.912	127	138,8	180
Июль	1 275,3	95	615,6	106	124,0	197	15-,-	206	113,7	217	12.865	184	1.983	172	3.090	178	100,8	147
Август	1.272,7	104	613,1	108	141,5	243	169,8	210	128,7	224	17.106	172	2.362	140	3.867	134	125,3	167
Сентябрь . . .	1.966,2	114	656,0	120	146,6	230	198,2	183	153,4	189	20.769	170	2.884	139	4.770	133	164,4	165
1925/26 г.																		
Октябрь . . .	1.915,4	121	646,9	111	159,2	218	226,7	172	166,8	170	22.071	156	3.038	130	5.101	119	175,4	154
Ноябрь	1.917,5	145	628,2	113	153,4	207	208,3	171	153,6	168	19.918	162	2.719	133	4.593	131	157,9	156
Декабрь	2.092,9	150	645,1	125	171,1	192	216 1	154	165,4	164	21.403	154	3.009	131	5.205	136	170,2	141
Январь	2.026,0	147	635,4	123	181,2	199	234,0	157	168,0	154	20.159	138	2.756	119	5.260	131	163,2	133
Февраль	2.115,6	146	583,2	115	163,3	183	226,7	160	177,0	162	20.809	140	2.868	124	5.623	138	169,4	137
Март	2.266,1	155	643,9	112	189,2	177	263,9	165	194,1	173	19.871	131	2.872	125	5.793	139	174,6	137
Апрель	2.162,1	203	666,3	114	190,1	181	244,7	169	198,4	174	20.945	132	2.918	130	6.380	157	182,5	139
Май	1.797,8	151	728,4	117	198,8	162	250,6	144	172 8	132	17.405	109	2.425	103	5.095	130	139,4	107
Июнь	1.962,2	156	738,6	120	196,8	153	247,0	142	182,2	143	26.486	116	2.588	111	5.622	144	178,3	128
Июль	2,006,4	157	758,9	123	191,1	154	236,9	150	173,5	153	14.030	109	1.876	95	3.869	125	128,9	128
Август	1.939,4	152	784,2	128	196 6	139	251,6	148	188,3	146	20.328	123	2.560	108	5.697	147	171,3	137
Сентябрь	2.187 6	140	746,6	114	212,0	145	279,5	141	216,8	141	23.072	111	3.215	111	6.580	138	207,2	126

Примечание. Данные за август и сентябрь 1926 г. предварительные.

Таблица № 1

Отдел III. ТРУД

Поденная плата чернорабочего (на своих харчах) по Москве и по СССР в 1924/25 и 1925/26 гг.

СРОКИ	1924/25 год				1925/26 год			
	Червон. коп.		Товарн. коп.		Червон. коп.		Товарн. коп.	
	Москва	СССР	Москва	СССР	Москва	СССР	Москва	СССР
1	2	3	4	5	6	7	8	9
А. В среднем за месяц								
1. Октябрь	152	110	78	57	175	121	90	62
2. Ноябрь.	165	111	85	56	171	122	84	60
3. Декабрь	178	110	93	56	173	120	85	58
4. Январь.	169	111	89	56	180	122	88	57
5. Февраль	163	111	85	55	176	119	82	53
6. Март	171	109	86	53	169	127	78	56
7. Апрель.	177	113	86	52	169	129	74	55
8. Май	166	116	83	53	170	136	72	57
9. Июнь.	188	117	91	55	167	—	73	—
10. Июль	158	119	79	58	188	—	84	—
11. Август	161	121	86	64	—	—	—	—
12. Сентябрь	172	120	90	64	—	—	—	—
Б. В среднем за квартал								
I квартал	165	110	85	56	173	121	86	60
II »	168	109	87	55	175	123	84	55
III »	177	115	87	53	169	—	73	—
IV »	164	120	85	62	—	—	—	—
В. В среднем за год	169	114	86	57	—	—	—	—

Примечания: 1) Таблица составлена по данным ЦБ Статистики Труда.

2) Пересчет в товарные копейки сделан по бюджетному индексу Статистики Труда.

3) Цифры по СССР расходятся с цифрами, помещенными в Бюлл. № 3 за 1925 г., вследствие включения в настоящую таблицу данных по Ленинграду.

Таблица № 2

Число служащих и рабочих в торговых и промышленных предприятиях системы потребительской кооперации СССР на 1/X 1924 г., 1/X 1925 г., 1/I 1926 г., 1/X 1926 г. и 1/X 1927 г.

Наименование звеньев системы потребительск. кооперации	Общее число служащих и рабочих					В том числе									
						Служащих					Рабочих				
	На 1/X 1924 г.	На 1/X 1925 г.	На 1/I 1926 г.	На 1/X 1926 г.	На 1/X 1927 г.	На 1/X 1924 г.	На 1/X 1925 г.	На 1/I 1926 г.	На 1/X 1926 г.	На 1/X 1927 г.	На 1/X 1924 г.	На 1/X 1925 г.	На 1/I 1926 г.	На 1/X 1926 г.	На 1/X 1927 г.
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
1. Центросоюз:															
а) Главная контора .	2.078	2.198	2.540	2.600	2.600	2.078	2.198	2.540	2.600	2.600	—	—	—	—	—
б) Провинциальные конторы	2.787	1.662	1.646	1.700	1.700	2.787	1.662	1.646	1.700	1.700	—	—	—	—	—
в) Промышленные предприятия . . .	4.603	4.447	5.350	5.350	5.350	—	—	—	—	—	4.603	4.447	5.350	5.350	5.350
Итого по Центросоюзу.	9.468	8.307	9.536	9.650	9.650	4.865	3.860	4.186	4.300	4.300	4.603	4.447	5.350	5.350	5.350
2. Областные союзы .	3.485	5.501	5.797	5.800	5.800	2.266	3.645	3.021	3.050	3.050	1.219	1.856	2.776	2.750	2.750
3. Губ-и райсоюзы с филиалами	45.000	49.900	50.501	50.650	45.000	36.225	38.400	38.962	38.970	34.000	8.775	11.500	11.539	11.680	11.000
4. Городская и рабочая кооперация	83.460	119.569	120.000	130.000	139.000	57.995	83.076	92.580	100.000	107.300	25.465	36.493	27.420	30.000	31.700
5. Сельские потр. о-ва .	79.887	93.176	97.060	109.000	115.450	66.625	77.708	80.948	90.700	94.800	13.262	15.468	16.112	18.300	20.650
6. Транпосекция	150	124	137	150	160	150	124	137	150	160	—	—	—	—	—
7. Низовая сеть трансп. кооперации	13.378	16.410	18.050	19.000	20.000	10.931	12.934	11.050	11.500	12.800	2.447	3.476	7.000	7.500	7.200
Итого по п.п. 1—7 .	234.828	292.987	301.081	324.250	335.060	179.057	219.747	230.884	248.670	256.410	55.771	73.240	70.197	75.580	78.650

Примечания: 1) Таблица составлена на основании материалов Межкооперативного Совета.
2) Данные на 1/X 1926 и 1927 гг. исчислены Центросоюзом, отчетных еще нет.

Таблица № 1

Отдел V. ТОВАРООБОРОТ

Динамика сети и числа пайщиков потребительской кооперации СССР

ДАТЫ	Число обществ					Число лавок					Число пайщиков				
	Рабоче-городские	Транспортные	Сельские	Прочие, входящие в сист. потребкоон.	Итого гр. 2—5	Рабоче городские	Транспортные	Сельские	Прочие, входящие в сист. потребкоон.	Итого гр. 7—10	Рабоче-городские	Транспортные	Сельские	Прочие, входящие в сист. потребкоон.	Итого гр. 12—15
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
1 октября 1924 г.	1.560	58	20.129	894	22.641	7.010	1.324	27.833	902	37.069	3.027.182	548.547	3.529.102	—	7.104.831
1 января 1925 г.	1.608	39	21.395	1.666	24.708	9.280	1.384	30.753	1.355	42.772	3.199.288	571.000	4.055.676	—	7.825.964
1 апреля »	1.577	39	22.244	1.509	25.369	11.127	1.500	32.558	1.436	46.621	3.561.908	608.485	4.551.761	—	8.722.154
1 июля »	1.516	39	22.725	1.298	25.578	12.295	1.629	34.090	1.172	49.186	3.713.459	623.000	4.832.580	—	9.169.039
1 октября »	1.469	39	23.166	862	25.536	12.828	1.736	35.658	739	50.961	3.666.703	640.605	5.040.600	—	9.437.908
1 января 1926 г.	1.461	38	24.295	663	26.457	13.044	1.868	37.988	566	53.466	3.822.118	668.049	5.608.307	—	10.098.474

Источники: 1) Отчетный доклад Правления XI (6) собранию уполномоч. Центросоюза. Изд. Центросоюза, Москва, 1926 г., стр. 4.
2) Статистический бюллетень Центросоюза, № 4 за 1926 год, стр. 10 и 11.

Таблица № 2

Обороты системы потребительской кооперации СССР в 1924/25 г. и первом полугодии 1925/26 г.

(В милл. черв. руб.)

Периоды / Наименование звеньев системы	Центросоюз	Цербасекция	Облсоюзы	Конторы Центрос.	Губ. и райсоюзы	Гор. и раб. общества	Сельск. общества	Транспосекция	Трансп. общества	Итого по всей системе
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
По кварталам 1924/25 г.										
Октябрь—декабрь . . .	47,8	9,8	46,0	13,4	251,8	298,5	215,8	6,4	41,7	931,2
Январь—март	52,5	11,9	41,3	13,8	239,2	279,7	224,1	10,7	42,4	915,9
Апрель—июнь	44,1	12,8	52,5	14,5	25 ,6	311.0	217.4	10,9	49,4	968,2
Июль—сентябрь	57,1	14,3	69,7	12,5	274,2	342,2	255,2	11,9	52,6	1.089,7
1925/26 г.										
Октябрь—декабрь . . .	78,6	23,6	115,0	10,5	387,6	474,1	371,4	19,5	68,4	1.548,7
Январь—март	93,0	40,8	136,9	8,7	452,5	499,4	429,3	20,4	68,4	1.749,4
По полугодиям 1924/25 г.										
Октябрь—март	100,3	21,7	87,3	27,2	491.0	578,2	439,9	17,1	84,4	1.847,1
Апрель—сентябрь . . .	101,2	27,1	122,2	27,0	529,8	653,2	472,6	22,8	102,0	2.057,9
1925/26 г.										
Октябрь—март	171,5	64,4	251,9	19,2	840,1	973,5	800,7	39,9	136,8	3.298,0
За год 1924/25 г. . . .	201,5	48,8	209,4	54,2	1.020,8	1.231,4	912,5	39,9	186,4	3.905,0

Источник. Статистический бюллетень Центросоюза, № 4 за 1925/26 г.

Таблица № 3

Чистый оборот по продаже товаров системой потребит. кооперации СССР в 1923/24, 24 25, 25/26 гг.

Группы товаров / Периоды	В абсолютных величинах			В % % к предш. году	
	1923/24 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	1924/25 г.	1925/26 г.
1	2	3	4	5	6
В милл. черв. руб.					
1. Сел.-хоз. товары	400,0	1.015,6	1.928,0	253,9	189,8
2. Пром. товары	817,3	2.738,5	4 353,8	335,1	159,0
Итого по п.п. 1—2	1.217,3	3.754,1	6.281,8	308,4	167,3
В % % к итогу					
Сел.-хоз товары	32,9	27,1	30,7	—	—
Пром. товары	67,1	72,9	69,3	—	—

Таблица № 4

Структура капиталов потребительской кооперации СССР

(В милл. черв. руб.)

Периоды / Формы капитала	В имуществе	В материальных ценностях	В денежных ценностях	Итого в оборотн. средств. (гр. 3 + 4)	Итого всего капитала (гр. 2+5)	В том числе заемных средств	Прибыль
1	2	3	4	5	6	7	8
На 1 октября 1924 г.	91,5	373,8	24,7	398,5	490,0	262,0	35,5
» 1 января 1925 »	104,6	444,0	26,8	470,8	575,4	329,4	40,4
» 1 апреля 1925 »	110,9	454,1	34,3	488,4	599,3	353,1	42,5
» 1 июля 1925 »	112,6	469,4	37,1	506,5	619,1	342,6	51,6
» 1 октября 1925 »	120,1	514,1	54,4	568,5	688,6	432,8	43,1
» 1 января 1926 »	122,5	614,9	61,3	676,2	798,7	502,8	69,5

Отдел VI—IX. ФИНАНСЫ, КРЕДИТ, ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ, ИНДЕКСЫ ЦЕН И ЦЕНЫ

Таблица № 1

Сводная таблица по финансам, кредиту и денежному обращению за июнь—август 1926 г.

(В милл. черв. руб.)

НАИМЕНОВАНИЕ ПОКАЗАТЕЛЕЙ		Июнь	Июль	Август	В %%% к одноим. сроку 1925 г. Июнь	Июль	Август
1		2	3	4	5	6	7
I. Финансы							
Обыкновенные доходы		269,8	315,0	314,9	145	150	155
В том числе:							
1) Прямые налоги		32,3	36,3	34,3	154	193	187
2) Косвенные налоги		62,9	93,4	100,6	132	150	166
3) Пошлины		10,6	12,9	11,5	110	125	105
4) Неналоговые доходы		164,1	172,1	168,5	151	145	149
В том числе по п. 4							
НКПС		101,1	111,1	108,9	130	140	136
НКПиТ		9,8	11,6	11,3	124	133	136
II. Кредит							
Сумма вкладов и тек. счетов по Госбанку и 4 акцион. банкам на конец месяца		784,7	824,9	859,0	117	117	—
Остаток задолженности по учетно-ссудным операциям по Госбанку и 4 акцион. банкам на конец месяца		2.241,5	2.311,7	2.416,5	152	147	—
III. Денежное обращение							
Денежная масса на конец месяца	черв. р.	1.209,4	1.233,9	1.274,6	143	135	126
	тов. р.	660,5	679,8	708,5	147	130	120
Эмиссия за месяц	черв. р.	36,5	24,5	40,7	67	36	41
	тов. р.	19,6	13,5	22,5	69	36	39

Примечание. Данные предварительные.

Таблица № 2

Покупательная сила червонца в товарных рублях в 1925/26 г.

Даты	В рублях			В %%% к одноименн. сроку 1924/25 г.		
	По бюдж. индексу		По оптов. индексу Госплана	По бюдж. индексу		По оптов. индексу Госплана
	Московскому	Всесоюзному		Московскому	Всесоюзному	
1	2	3	4	5	6	7
А. На отдельные числа мес.						
1 июля	4,43	4,41	5,46	91,3	93,0	102,6
11 »	—	—	5,48	—	—	102,4
15 »	4,46	4,44	—	90,3	91,5	—
21 »	—	—	5,53	—	—	100,5
1 августа	4,46	4,40	5,51	84,0	85,1	96,5
11 »	—	—	5,52	—	—	96,0
15 »	4,37	4,43	—	81,7	84,1	—
21 »	—	—	5,55	—	—	95,4
1 сентября	4,50	4,50	5,56	85,9	84,0	96,0
11 »	—	—	5,57	—	—	97,2
15 »	4,63	4,54	—	88,4	85,5	—
21 »	—	—	5,58	—	—	97,0
1 октября	4,64	4,54	5,59	87,5	87,3	97,4
Б. В среднем за месяц						
Июнь	4,36	4,37	5,38	89,7	93,4	102,5
Июль	4,45	4,43	5,50	89,2	90,8	100,9
Август	4,41	4,44	5,54	82,7	84,3	95,8
Сентябрь	4,58	4,54	5,58	87,2	85,5	97,0
В. В среднем за квартал						
Январь—март	4,69	4,51	5,22	91,1	91,1	94,4
Апрель—июнь	4,32	4,30	5,20	88,0	92,9	100,6
Июль—сентябрь	4,48	4,47	5,54	87,2	86,6	97,9

Таблица № 3

Всесоюзный бюджетный индекс Статистики Труда и оптовый индекс Госплана в 1925/26 г. (1913 г. = 100)

ДАТЫ	Общий индекс		Сельскохозяйствен. индекс		Промышл. индекс		Отношение к общему индексу				Отношение промышленного индекса к сельскохозяйств. индексу («ножницы»)	
							Сельскохоз. индекса		Промышл. индекса			
	Бюдж.	Оптов.	Бюдж.	Оптов.	Бюдж.	Оптов.	Бюдж.	Оптов.	Бюдж.	Оптов.	Бюдж.	Оптов.
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
А. На отдельн. числа мес.												
1 июля	226,9	183,1	215,2	164,3	247,7	203,9	95	90	109	111	115	124
11 »	—	182,4	—	163,7	—	203,2	—	90	—	111	—	124
15 »	225,1	—	213,2	—	246,2	—	95	—	109	—	115	—
21 »	—	180,8	—	160,8	—	203,3	—	89	—	112	—	125
1 августа	227,5	181,5	216,6	161,8	246,8	203,5	95	89	108	112	114	126
11 »	—	181,2	—	161,5	—	203,2	—	89	—	112	—	126
15 »	225,7	—	213,8	—	246,8	—	95	—	109	—	115	—
21 »	—	180,2	—	159,2	—	203,4	—	88	—	113	—	128
1 сентября	222,2	179,9	207,7	158,9	247,9	203,7	93	88	112	113	120	128
11 »	—	179,4	—	157,5	—	204,2	—	88	—	114	—	130
15 »	220,1	—	203,9	—	249,0	—	93	—	113	—	122	—
21 »	—	179,1	—	157,1	—	204,0	—	88	—	114	—	130
1 октября	220,2	178,8	203,9	156,6	249,2	264,1	93	88	113	114	122	130
Б. В среднем за месяц												
Июнь	228,8	185,7	218,3	169,4	247,4	203,5	95	91	108	109	113	120
Июль	225,8	181,8	214,1	162,4	246,6	203,4	95	89	109	112	115	125
Август	225,4	180,6	213,3	160,4	247,0	203,4	95	89	110	113	116	127
Сентябрь	220,5	179,3	204,5	157,4	248,9	204,0	93	88	113	114	122	130
В. В среднем за квартал												
Январь—март . . .	221,9	191,7	214,7	183,9	234,8	199,8	97	96	106	104	109	104
Апрель- июнь . . .	232,7	192,3	224,9	181,7	246,5	203,3	97	94	106	106	110	112
Июль—сентябрь . . .	223,9	180,6	210,6	160,1	247,5	203,6	94	89	111	113	118	127

Таблица № 4

Розничные накидки (в %% к оптовой цене) в 1923/24—1925/26 гг. по Москве на 1 число месяца

МЕСЯЦЫ	Все товары (13 тов.)			Сельскохоз. тов. (5 тов.)			Промышл. товары (8 тов.)		
	1923/24 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	1923/24 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	1923/24 г.	1924/25 г.	1925/26 г.
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1. Октябрь	26,9	47,3	45,0	23,5	42,4	42,3	31,5	58,9	52,7
2. Ноябрь	29,8	48,3	51,3	25,0	43,1	51,0	37,5	61,2	52,1
3. Декабрь.	30,9	43,4	57,9	20,1	44,7	61,0	54,4	39,8	50,4
4. Январь	42,7	88,5	45,1	45,8	38,1	47,3	35,8	39,5	39,1
5. Февраль	31,7	37,4	41,0	28,3	36,8	41,2	40,7	39,0	40,2
6. Март.	39,4	34,6	40,9	37,1	33,6	41,7	45,9	37,7	38,4
7. Апрель	43,0	33,3	40,8	46,8	32,0	43,5	32,0	38,0	32,6
8. Май	50,9	27,6	51,9	55,3	24,5	53,5	37,8	39,0	46,7
9. Июнь	60,1	37,0	44,7	68,8	34,9	44,5	38,0	42,7	45,3
10. Июль	56,6	36,8	54,6	63,5	35,7	57,0	40,3	40,1	47,6
11. Август	63,4	44,6	42,2	72,2	44,3	41,3	42,1	45,3	44,9
12. Сентябрь.	46,5	52,7	51,0	57,3	57,1	52,6	33,9	46,0	46,0
За год . . .	41,7	39,6	45,3	42,1	37,9	45,7	39,4	44,5	46,0

Примечания: 1. Розничные накидки в 1913 г.: сел.-хоз. товары — 21,6, промышл. тов. — 19,0, все товары — 21,0.

2. В круг наблюдения включены цены на следующие товары: 1) мука ржаная, 2) мука пшеничная, 3) крупа (пшено), 4) мясо, 5) масло коровье, 6) масло растительное, 7) сельди, 8) сахар рафинад, 9) соль, 10) ситец, 11) керосин, 12) мыло простое, 13) спички.

3. Оптовые цены взяты по данным Кон'юнкт. Совета Госплана, розничные — по данным Ц. Бюро Статистики Труда.

4. Цены взвешены по нормам и соотношениям групп товаров в бюджетном индексе Статистики Труда.

Таблица № 5

Розничные цены на товары бюджетного набора по СССР в 1926 г.

В червонных копейках (средние за месяц)

ТОВАРЫ \ МЕСЯЦЫ	Единица счета	Апрель	Май	Июнь	Июль	Август
1	2	3	4	5	6	7
А. Товары, входящие в состав бюджетного набора						
1. Мука ржаная	пуд.	204,7	199,1	176,8	165,1	154,6
2. » пшеничная	»	490,5	490,2	470,4	460,7	469,6
3. Крупа (пшено)	фунт.	7,4	7,3	7,0	6,8	6,8
4. Картофель	пуд.	81,5	81,5	70,4	81,5	80,6
5. Капуста (квашеная)	фунт.	4,3	4,8	4,9	5,6	6,4
6. Свекла	»	4,1	4,2	4,3	4,8	4,5
7. Лук репчатый	»	8,3	8,9	9,3	9,9	8,0
8. Мясо	»	26,4	30,2	30,3	27,9	26,4
9. Масло коровье	»	73,3	74,4	71,8	73,8	77,1
10. Молоко цельное	бут.	7,9	8,2	7,4	7,4	7,6
11. Яйца	шт.	3,8	3,4	3,3	3,5	3,8
12. Масло растительное	фунт.	26,5	26,8	26,5	26,2	27,2
13. Сельди обыкновенные	»	23,9	25,7	26,5	27,0	27,1
14. Сахар рафинад	»	33,0	32,8	32,7	32,7	32,5
15. Соль	»	3,0	2,9	2,9	2,9	2,9
16. Сапоги простые	пара	1.802,7	1.792,5	1.771,6	1.761,4	1.772,8
17. Ситец	метр	57,5	57,8	56,9	55,7	55,1
18. Полотно	»	133,1	133,4	132,3	133,2	134,1
19. Сукно гражданское	»	825,9	858,6	865,6	872,3	841,8
20. Керосин	фунт.	5,5	5,6	5,5	5,6	5,6
21. Мыло простое	»	21,5	21,8	22,0	22,2	22,4
22. Табак 2-й сорт	»	284,6	286,4	283,8	285,2	287,8
23. Спички	кор.	1,6	1,6	1,6	1,6	1,6
24. Дрова	к. саж.	6.316,2	6.229,2	5.711,4	5.625,2	5.778,6
Стоимость набора по СССР	—	1.817,9	1.852,3	1.788,9	1.766,1	1.762,9
В том числе:						
По I группе город. (столицы)	—	2.330,2	2 357,6	2.303,0	2.282,5	2.289,2
» II » » (крупные города)	—	1.900,2	1.908,3	1.836,8	1.813,7	1.779,1
» III » » (средние »	—	1.715,0	1.750,3	1.687,9	1.652,1	1.653,4
» IV » » (мелкие »	—	1.724,7	1.747,4	1.693,4	1.657,6	1.653,0
» V » » (самые мелк. гор.)	—	1.744,2	1.801,6	1.745,4	1.722,6	1.729,8
Б. Товары, не входящие в состав бюджетн. набора						
1. Хлеб печеный	фунт.	5,5	5,5	5,1	4,8	4,7
2. Крупа гречневая	»	9,0	9,1	8,7	8,3	8,4
3. Баранина	»	27,9	31,2	30,5	27,7	26,5
4. Сахарный песок	»	27,5	27,4	27,4	27,3	27,0
5. Галоши мужские мелкие	пара	453,7	434,7	431,1	421,5	416,4
6. Чугунная посуда	фунт.	21,2	20,9	20,4	19,5	20,1
7. Стаканы	шт.	16,1	16,2	16,1	15,7	16,1

Примечание: По данным Центрального Бюро Статистики Труда.

ДИНАМИКА МИРОВОГО ХОЗЯЙСТВА

Бюллетень Сектора Мирового Хозяйства

Бюро Кон'юнктурного Совета Госплана

под редакцией С. А. Фалькнера

№ 9 (19) Октябрь 1926 г.

Содержание бюллетеня № 9 (19)

А. Кон'юнктура мирового хозяйства

(Сводная таблица показателей)

Б. Диаграммы Сектора Мирового Хозяйства

Производство в Соединенных Штатах в 1922—1926 гг.
Производство в Англии в 1922—1926 гг.
Производство во Франции в 1922—1926 гг.
Производство в Италии в 1922—1926 гг.
Производство в Германии в 1922—1926 гг.
Производство в Японии в 1922—1926 гг.

В. Динамика отдельных отраслей

I. Промышленность

1. Элементы мирового энергетического баланса.
2. Индекс продукции электрической энергии в Англии за 1925—26 гг.
3. Индекс электротехнической промышленности в Англии за 1924—26 гг.
4. Мировое потребление хлопка за 1922—26 гг.

II. Транспорт

5. Индексы фрахтовых ставок в портах Англии
6. Доходность голландского флота за 1913—1925 гг.

III. Труд

7. Заработная плата английских рабочих по переписи 1924 г.
8. Производительность рабочего в Соединенных Штатах 1914—1925 гг.

IV. Денежный и капитальный рынок

9. Движение банкротств по 19 странам.

V. Государственные финансы

10. Отчет генерального агента по репарациям за период сентябрь 1924 г.—август 1926 г.

А. КОН'ЮНКТУРА МИРОВОГО ХОЗЯЙСТВА

Сводная таблица Сектора Мирового Хозяйства

Отрасли хозяйства	Сроки / Страны	1913 г.	1922 г.	1923 г.	1924 г.	1925 г.	Сентябрь	1925 год: Октябрь	Ноябрь	Декабрь	1926 год: Январь	Февраль	Март	Апрель	Май	Июнь	Июль	Август	Сентябрь
		Месячные средние																	
		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18
I. Промышленность	а) Соед. Штаты [1]						143,1	150,7	138,8	132,2	132,2	122,5	140,9	133,3	146,3	156,1	162,6	169,1	—
1. Общий об'ем продукции крупной промышленности (Индексы в %% к 1913 г.)	1) добывающ.	100	103,9	142,0	133,3	137,7	144,6	161,2	145,8	144,6	144,6	142,2	162,3	156,4	152,9	155,2	150,5	161,2	—
	2) обрабатыв.	100	119,7	141,0	133,9	148,1	81,2	88,8	88,8	88,8	90,8	90,8	90,8	62,9	62,9	62,9	49,0	49,0	49,0
	б) Англия [2] . . .	100	80,9	88,8	90,9	87,2	123,0	132,8	116,4	119,1	131,6	129,5	127,1	122,8	114,5	123,9	—	—	—
	в) Франция [3]	100	—	96,4	112,3	116,7	93,8	92,1	95,0	88,6	88,7	89,2	89,2	89,1	94,1	94,6	—	—	—
	г) Германия ** .	100	—	—	79,5	96,3	87,4	93,3	89,9	97,6	94,4	98,6	104,2	106,5	94,2	—	—	—	—
	д) СССР [4] . . .	100	—	35,0	48,7	78,4													
2. Добыча угля	а) Соед. Штаты	43.088	36.057	49.736	43.213	44.231	42.519	49.326	46.204	48.153	48.716	44.143	49.829	43.813	42.740	46.202	47.084	49.507	
	б) Англия . .	24.336	21.133	23.450	22.646	20.694	19.010	21.231	20.690	22.882	21.939	21.657	24.235	22.200	—	—	—	—	—
	в) Франция [5] .	3.654	2.595	3.140	3.675	3.935	3.967	4.186	4.079	4.085	4.251	4.088	4.566	4.200	3.942	4.430	4.381	4.365	—
(в тыс. метрических тонн)	г) Германия [6] .	11.782	9.929	5.185	9.902	11.061	11.355	11.950	11.189	11.367	11.190	10.611	11.424	10.086	10.678	11.756	13.074	12.879	12.876
	д) СССР . . .	2.642	865	1.075	1.259	1.473	1.566	1.915	1.917	2.092	2.026	2.116	2.266	2.162	1.798	1.962	2.006	(1.939)	(2.188)
	е) Мировой показатель [7]	95.058	78.240	91.730	90.178	—	88.145	98.231	94.007	98.911	98.182	92.406	102.810	92.054	68.580	74.595	77.656	79.388	—
3. Добыча нефти	а) Соед. Штаты	2.880	6.462	8.489	8.275	8.761	9.000	8.950	8.548	8.476	8.297	7.589	8.413	8.327	8.700	8.587	9.025	9.752	—
(в тыс. метрических тонн)	б) СССР . . .	715	399	435	516	601	656	646	628	645	635	583	644	666	728	739	759	(784)	(747)
4. Выплавка чугуна	а) Соед. Штаты	2.601	2.276	3.391	2.632	3.082	2.770	3.071	3.071	3.302	3.369	2.970	3.497	3.505	3.537	3.287	3.276	3.247	3.186
	б) Англия . . .	869	415	630	620	528	456	481	502	511	542	510	578	530	90	42	18	14	13
	в) Франция [5] .	757	440	453	638	706	717	739	740	748	763	707	772	768	783	778	792	814	—
(в тыс. метрических тонн)	г) Германия [6] .	910	783	411	651	848	735	742	760	717	689	631	716	668	736	720	768	850	880
	д) СССР . . .	351	17,0	32,5	62,2	129,0	146,6	159,2	153,4	171,1	181,2	163,3	189,2	190,1	199,1	197	191	197	(212)
	е) Мировой показатель [8]	6.160	4.328	5.383	5.141	—	5.280	5.703	5.724	5.932	6.005	5.479	6.371	6.293	5.980	5.662	5.695	5.780	—
5. Выплавка стали	а) Соед. Штаты	2.564	2.927	3.682	3.117	3.741	3.549	3.955	3.970	4.040	4.217	3.863	4.560	4.190	4.008	3.811	3.709	4.069	3.993
	б) Англия . . .	649	494	718	696	626	650	663	664	617	646	715	797	675	46	35	33	54	97
	в) Франция [5] .	581	373	415	576	618	632	668	647	659	661	630	726	683	667	694	718	704	—
(в тыс. метрических тонн)	г) Германия [6] .	981	976	525	820	1.018	880	928	876	764	791	816	950	869	900	977	1.022	1.141	1.142
	д) СССР . . .	354	29,8	61,7	95,0	176,7	198,2	226,7	208,3	216,1	234,0	226,7	266	249,7	250,6	247,1	237	252	(280)
	е) Мировой показатель [9]	5.797	5.284	5.982	5.952	—	6.541	7.156	6.979	6.926	7.122	6.865	8.049	7.419	6.650	6.568	6.539	7.028	—
6. Хлопчато-бумажная промышленность	а) Соед. Штаты (потреб. хлопка в тыс. кип) . .	465	507	543	460	536	483	544	543	575	583	567	635	576	517	519	461	501	571
	б) Франция [10] . выраб. хл.-бум.	—	17,14	17,49	17,37	18,20	18,53	19,08	18,06	19,27	18,07	18,33	20,40	18,88	17,85	19,62	—	—	—
	в) СССР* пряжи тыс. м. т.	25,30	4,86	6,45	9,78	17,42	20,77	22,07	19,92	21,40	20,16	20,80	19,87	20,95	17,41	20,49	14,03	20,33	(23,07)
	г) Англия [11] . . . (эксп. хл.-бум. тканей в миллион. *кв. м*)	480,8	291,8	288,5	309,7	308,9	301,0	306,8	272,6	319,4	297,7	306,0	336,9	236	254,2	274,2	301	249,2	260,9

Отрасли хозяйства	Сроки / Страны	1913 г.	1922 г.	1923 г.	1924 г.	1925 г.	Сентябрь	Октябрь	Ноябрь	Декабрь	Январь	Февраль	Март	Апрель	Май	Июнь	Июль	Август	Сентябрь
		Месячные средние						1925 год			1926 год								
		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18
7. Судостроение[13] Строящийся тоннаж (в тыс. брутто тонн)	а) Соед. Штаты	148	139	42	42	89	70	—	—	89	—	—	101,8	—	—	117,3	—	—	70,6
	б) Англия . .	1.957	1.469	1.395	1.297	885	1.009	—	—	885	—	—	843	—	—	841	—	—	775
	в) Франция . .	229	189	111	197	174	150	—	—	167	—	—	156	—	—	154	—	—	135
	г) Германия . .	545	416	324	355	234	307	—	—	234	—	—	217	—	—	149	—	—	127
	д) Мировой показатель[12]	3.179	—	2.580	2.546	2.070	2.207	—	—	2.070	—	—	2.010	—	—	1.971	—	—	1.851
II. Товарообмен	а) Соед. Штаты (Bradstreet) . . .	100	132	145	140	151	154	155	156	152	149	145	142	140	138,5	138,3	137	138	139
1. Движение оптовых цен (в золотом исчислении) индексы: 1913 г. = 100[14]	б) Англия (Economist)	100	146	152	158	165	164	160	160	158	156	154	152	150	150	150	150	153	155
	в) Франция (Statistique gén.) . .	100	139	130	135	134	136	125	122	120	124	121	114	111	114	111	106	118	116
	г) Германия (Stat. Reichsamt)) . . .	100	82[15]	95[15]	123	130	126	124	121	121,5	120	118	118	123	123	125	127	127	127
	д) СССР (Госплан)	100	—	135	174	183	174	175	179	183	190	194	196	197	189	183	182	180	179
2. Движение стоимости жизни Официальные индексы: 1913 г. или 1914 г. = = 100	а) Соед. Шт.[16]	100	169	171	171	175	176	—	—	178	—	—	—	—	—	175	—	—	—
	б) Англия[16] . .	100	181	174	175	175	—	176	177	175	173	172	168	167	168	170	170	172	174
	в) Франция[17] .	100	297	327	364	400	145	—	421	—	—	451	—	—	485	—	—	—	—
	г) Германия[18] .	100	42[15]	59[15]	115	140	192	144	141	141	140	139	138	140	140	141,5	142	143	142
	д) СССР[19] . .	100	—	149	201	204	—	201	205	210	220	225	229	239	233	227	228	222	220
3. Внешняя торговля (ценность в милл. зол. ден. единиц) а) Привоз (только для потребления внутри страны)	а) Соед. Штаты (доллары) . . .	146,4	253,9	309,6	292,1	344,7	342,3	366,4	369,1	388,8	407,7	381,4	433,6	389,3	312,5	326,7	(338,0)	(336,0)	(345,0)
	б) Англия (фунт. стерл.)	54,9	68,3	76,6	86,1	96,6	87,2	95,5	101,2	119,6	105,9	83,6	94,8	91,2	73,7	86,8	90,8	92,6	93,6
	в) Франция (фр.)	701,8	835,1	848,6	903,9	889,1	1.052,3	1.026,7	941,2	1.055,5	875,6	1.000,0	948,3	884,5	719,1	789,6	631,5	768,0	—
	г) Германия (марки)	897,5	516,7	512,0	759,1	1.035,7	1.054,4	1.074,1	855,4	757,6	707,5	661,7	645,3	723,1	702,8	791,9	942,1	919,7	823,4
	д) СССР (руб.)[21]	101,7	22,5	12,0	18,2	39,8	45,3	48,5	38,7	31,7	36,5	32,8	37,0	40,4	26,7	29,7	31,3	33,4	33,7
б) Вывоз (только товаров внутренней продукции)	а) Соед. Штаты (доллары) . . .	204,0	313,8	340,9	374,8	401,5	413,4	482,9	439,4	459,5	388,1	345,8	364,9	379,2	348,1	328,7	(369,0)	(386,0)	(450,0)
	б) Англия (фунт. стерл.)	43,8	54,6	60,1	60,6	63,9	60,8	67,1	61,0	65,8	60,4	62,8	66,4	52,7	45,8	50,1	57,3	49,8	50,7
	в) Франция (фр.)	573,4	720,4	790,0	933,7	935,5	939,2	1.003,4	862,8	897,0	755,5	791,1	923,1	767,0	730,6	711,9	668,6	813,2	—
	г) Германия (марки)	841,4	330,8	508,5	545,7	733,2	776,4	846,5	794,6	793,9	794,6	783,0	923,1	779,3	729,6	758,8	821,3	833,9	836,4
	д) СССР (руб.)[21]	118,4	6,8	17,2	25,2	30,5	47,1	55,4	36,9	24,9	23,6	28,7	36,2	35,0	26,4	37,5	35,4	36,4	41,4
III. Денежное обращение[13]	а) Соед. Штаты (доллары)[22] . .	2.575	4.733	4.951	4.993	5.008	4.827	4.901	4.972	5.008	4.740	4.814	4.806	4.854	4.871	4.835	4.858	4.864	—
1. Количество всех видов денег в обращении в милл. ден. единиц (на конец месяца)	б) Англия (фунт. стерл.)[23]	29,6	398,3	397,8	397,6	385,3	381,4	378,3	376,4	385,3	373,0	372,5	381,8	382,3	383,9	379,5	379,7	376,1	370,8
	в) Франц. (фр.)[23]	5.714	36.359	39.114	40.885	51.085	46.354	49.679	49.184	51.085	50.618	50.991	52.127	52.208	52.735	53.914	56.022	55.346	55.010
	г) Германия (зол. мар.)[22]	6.070	1.295,2 мрд. бум. м.	2.274	4.274	5.181	5.056	5.066	4.977	5.181	4.846	4.924	5.050	5.030	5.042,8	5.169,4	5.281,8	5.304,5	5.459,9
	д) СССР (черв. руб.)[22]	2.299,6	117,6	322,0	742,7	1.269,3	1.142	1.246,9	1.286,7	1.269,3	1.241,4	1.245,8	1.204,2	1.222,8	1.172,9	1.209,4	1.233,9	1.274,7	1.343,2

Отрасли хозяйства	Сроки / Страны	1913 г.	1922 г.	1923 г.	1924 г.	1925 г.	Сентябрь	Октябрь	1925 г. Ноябрь	Декабрь	Январь	1926 г. Февраль	Март	Апрель	Май	Июнь	Июль	Август	Сентябрь
		Месячные средние																	
		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18
2. Валютные курсы	а) Соед. Штаты	100	100 [13]	100 [13]	100 [13]	100 [13]	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100,0
	б) Англия . . .	100	95,2[13]	89,3[13]	97,0[13]	99,7[13]	99,6	99,5	99,6	99,7	99,8	99,9	99,9	99,9	99,9	100,0	99,9	99,8	99,8
	в) Франция . .	100	37,6[13]	26,9[13]	28,0[13]	19,4[13]	24,5	20,0	20,6	19,4	19,6	19,1	18,6	17,6	16,4	15,2	12,8	14,7	14,8
Индексы курсовой цен. данной валюты на Нью-Йоркской бирже	г) Германия . .	100	0,06 [13]	—	100 [13]	100 [13]	100	100,2	100	100	100	100	100	100	100	100,0	100,0	100,0	100,0
	д) СССР . . .	100	—	—	—	—	101,1		100,1	100,1	100,1	100,1	100,1	100	100,1	100,1	100,1	100,1	100,0
	е) Мировой показатель [25]	100[24]	—	—	—	79,5	80,1	80,0	79,8	79,4	80,7	80,8	80,5	80,2	80,0	80,0	79,6	79,9	(79,8)
3. Обороты расчетных палат (в миллиардах ден. единиц)	а) Соед. Штаты (Нью-Йорк, долл.)	7,89	18,16	17,83	20,82	23,64	21,7	23,95	23,48	26,96	27,10	21,45	28,09	25,96	23,39	24,19	23,83	21,68	21,36
	б) Англия (Лондон, фунт. стерл.)	1,37	3,10	3,05	3,29	3,37	3,0	3,63	3,25	3,55	3,49	3,14	3,49	3,31	3,22	3,24	3,47	3,12	—
	в) Франция (Париж, франки) . .	1,53	13,14	19,89	30,67	30,96	24,7	39,81	42,10	46,38	37,29	37,77	47,47	44,60	48,7	49,6	55,8	—	—
	г) Германия (Рейхсбанк, з.м.)	6,10	—	—	2,52	4,24	4,8	4,65	4,22	4,40	4,18	3,89	4,41	4,47	4,50	4,61	4,90	4,77	—
	д) СССР (О.В.Р. Правл. Госбанка. Черв. рубл.) . .	—	—	0,02	0,06	—	0,2	0,41	0,37	0,41	0,43	0,43	0,50	0,51	0,36	0,24	0,29	0,29	0,35
IV. Транспорт																			
1. Погрузка жел. дорог. (месячная — в милл. тонн, кроме Соед. Штатов и Франции)	а) Соед. Шт. [26] (в тыс. груженых вагонов)	—	3.650	4.145	4.120	4.255	4.655	4.8	4.436	4.007	3.838	3.965	4.200	4.112	4.456	4.451	4.545	4.785	4.931
	б) Англия . . .	33,78	25,45	29,00	28,38	27,2	26,0	26,3	27,5	28,8	28,2	27,9	31,3	28,5	6,0	10,4	10,3	—	—
	в) Франция (суточная — в тыс. гружен. вагон.)[27]	—	44,3	50,4[29]	53,2	53,9	55,6	58,2	57,5	55,7	53,0	57,7	58,6	55,4	53,7	55,8	52,8	—	—
	г) Германия [28] .	35,25	33,25	20,02	21,70	30,91	32,0	33,35	31,46	27,61	24,81	25,36	28,72	27,07	27,53	30,63	32,95	—	—
	д) СССР . . .	13,09	—	5,07	5,85	7,58	8,8	9,95	9,24	9,16	9,05	8,66	9,88	10,1	8,5	9,0	9,5	10,2	—
2. Судооборот морских портов (в тыс. регистровых тонн)	а) Соед. Штаты	8.923	10.836	11.073	11.427	11.601	12.376	12	11.788	10.748	9.124	8.902	10.324	9.888	11.987	13.380	—	—	—
	б) Англия . . .	9.741	8.590	10.149	10.045	9.814	10.099	10,3	9.866	9.631	9.509	8.601	9.775	9.843	6.253	8.412	9.643	10.286	9.704
	в) Франция . .	5.052	5.183	6.047	6.268	6.735	6.866	6,21	6.503	6.229	6.165	5.463	6.729	7.040	6.948	7.090	7.063	6.971	—
	г) Германия . .	4.435	3.735	5.106	5.104	5.666	5.854	5,3	5.494	5.113	4.813	4.501	5.142	5.228	5.330	6.319	7.558	—	—
	д) СССР . . .	2.599	308	428	500	2.168	3.342	2,32	2.260[30]	1.641[30]	1.408[31]	1.524	1.539[31]	2.320[30]	2.421[30]	2.790	(2.013)	—	—
	е) Мировой показатель [33]	56.313[34]	54.093	60.786	64.145	68.810	1.582	1,39	68.975	65.785	63.859	60.426	68.492	67.956	67.541	(73.946)	(81.101)	(82.666)	—
V. Труд																			
1. Безработица	а) Соед. Штаты (индекс числа занят. раб. в пром.)	100[35]	88,4	100,0	90,3	91,2	90,2	92,3	92,5	92,6	93,3	94,3	93,7	92,8	91,7	91,3	89,8	—	—
	б) Англия, %% [36]	—	14,0	11,6	10,3	11,3	12,4	11,4	11,0	10,5	11,1	10,5	9,8	9,2	14,5	14,7	14,6	14,2	13,9
	в) Герман., %%% [37]	2,9	1,5	10,2	13,1	6,8	4,8	10,5	10,7	19,4	22,6	21,9	21,4	18,6	18,1	18,1	17,7	(17,0)	15,6
	г) Франция (в тысяч.) [38] . . .	—	5,5	1,3	0,7	0,7	—	0,7	0,6	0,6	0,5	0,8	0,5	0,4	0,4	0,4	0,4	0,4	—
	д) СССР, %%% .	—	—	—	—	12,8***			—	—	12,4	—	—	13,5	—	—	12,5	—	—
	е) Вся Европа (в тыс.)[39] . .	—	—	—	—	—	2.330		2.776	3.645	4.364	4.257	(3.932)	(3.642)	4.200	(4.200)	(4.000)	(3.800)	(3.700)
2. Реальная заработная плата	а) Соед. Штаты (шт. Нью-Йорк)[40]	100	117	125	128	127	125,8	126,0	125,6	126,3	126,7	127,2	127,7	128,2	128,7	129,2	—	—	—
	б) Англия [41] . .	100	107,9	99,0	101,1	103,0	102,8	102,3	101,7	102,9	104,0	104,7	107,1	107,8	107,1	105,9	105,9	104,7	103,4
Индексы в %% к довоенной	в) Франция (углекопы)	100	104	107	106,3	99,7	—		96,6	—	—	94,8	—	—	—	—	—	—	—
	г) Германия [42, 44] 1) необуч. рабочих	100	80,8[43]	79,5	91,8	93,5	97,6	97,6	101,9	102,1	103,2	104,0	104,4	103,4	103,2	102,7	101,3	101,2	(101,2)
	2) обуч. рабоч.	100	62,2[43]	62,2	85	87,7	87,95	87,95	92,0	92,2	93,1	93,85	94,2	93,3	93,1	92,5	91,3	91,2	(91,2)
	д) СССР [45] . .	100	31,5	53,7	—	—	100,1	100,1	92,9	94,6	88,8	88,2	89,5	92,6	86,5	92,0	—	—	—

Отрасли хозяйства	Сроки / Страны	1913 г.	1922 г.	1923 г.	1924 г.	1925 г.	1925 год: Сентябрь	1925 год: Октябрь	1925 год: Ноябрь	1925 год: Декабрь	1925 год: Январь	1926 год: Февраль	1926 год: Март	1926 год: Апрель	1926 год: Май	1926 год: Июнь	1926 год: Июль	1926 год: Август	1926 год: Сентябрь
		Месячные средние						Месячные средние											
		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18
3. Стачки и локауты	а) Соед. Штаты						105	78											
	А	—	1.083	1.506	1.227	1.301	161	11	61	44	72	76	80	—	—	—	—	—	—
	Б	—	1.608	774	651	428			21	3	18	44	26	—	—	—	—	—	—
А—число конфликтов	б) Англия						69	30											
	А	1.459	576	628	709	601	44	43	72	62	63	62	63	68	37	32	25	36	34
Б—число участн. (в тысячах)	Б	664	552	405	612	438	413	40	50	37	26	22	37	51	2.673	1.082	1.052	1.002	1.002
	В	9.800	19.850	10.670	8.320	7.980			575	629	412	366	460	424	36.114	23.387	23.018	21.018	21.015
В—число потерян. человеко-дней (в тыс.)	в) Франция						63	75											
	А	1.073	—	—	1.269	918	5	6	77	52	125	197	285	—	—	—	—	—	—
	Б	220	—	—	243	120			11	5	13	36	37	—	—	—	—	—	—
VI. Денежный и капит. рынок																			
1. Учетный процент центральн. эмиссионных банков	а) Соед. Штаты	3,5	4,21	4,43	3,6	3,42	3,5	3,5	3,5	3,5	4	4	4	3,5	3,5	3,5	3,5	4,0	4,0
	б) Англия . . .	4,77	3,70	3,49	4,0	4,58	4	4	4	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5
	в) Франция . .	4,0	5,0	5,0	6,0	6,5	6	6	6	6	6	6	6	6	6	6	6	7,5	7,5
	г) Германия . .	5,87	6,58	39,5	10,0	9,0	9	9	9	9	8	8	7	7	7	6,5	6	6	—
	д) СССР. . .	6,0	12,0	10,0	8,0	8,0	8	8	8	8	8	8	8	8	8	8	8	8	8
2. Эмиссия ценных бумаг (в милл. долларов)	а) Соед. Штаты	—	358,7	358,7	466,1	518,0	462,2	423,1	571,5	683,7	652,3	534,0	608,8	520,0	647,3	579,0	522,2	—	—
	б) Англия . . .	100,7	215,7	109,0	89,3	137,9	163,8	127,8	154,6	110,2	142,3	129,5	108,2	79,8	50,9	140,6	122,1	10,3	85,3
	в) Франция . .	42,4	113,4	59,2	23,6	15,9	10,9	26,9	10,2	7,8	10,0	13,1	12,9	8,1	38,3	14,6	6,7	—	—
	г) Германия . .	24,5	3,7	2,4	5,4	26,4		25,7	15,6	133,1	17,3	8,2	8,6	13,1	9,1	30,8	23,3	23,3	129,8
Вся эмиссия	Мировой показатель[46] . .	—	586,7	568,3	630,4	—	671,1	670,9	795,5	886,1	883,5	710,7	770,1	662,6	793,9	807,6	703,6	—	—
В том числе внешняя эмиссия (включая колониальн.)	а) Соед. Штаты	—	52,6	22,9	83,8	91,0	85,3	85,8	181,4	82,6	85,4	61,2	50,6	127,3	97,4	111,2	110,6	—	—
	б) Англия . . .	80,1	54,1	49,6	49,9	39,8		46,7	100,5	54,6	93,5	19,1	53,5	35,8	31,1	75,1	68,7	3,8	36,5
3. Курсы акций	а) Соед. Штаты (Annalist, 25 пром. акций).	100	169	185	198	262	280	300	300	305	309	309	271	249	252	266	280	294	(293)
Индексы	б) Англия (Lond. and Cambr. Ec. S. 20 пром. акций) .	100	133	162	160	180	177	185	192	187	191	187	182	177	182	186	181	184	187
	в) Франция (Lond. a. Cambr. Ec. Serv.—10 металлопром. акций) .	100[47]	117	151	136	99	102	97	93	91	96	99	102	97	99	104	123	121	—
	г) Германия (W. u. St. — Общий индекс). . . .	100	9,4	16,2	26,4	28,6	25,7	24,5	22,4	21,6	24,0	26,4	28,0	30,5	30,3	32,1	34,6	37,9	39,0
4. Банкротства (число)	а) Соед. Шт. .	1.213	1.868	1.597	1.643	1.572	1.234	1.107	1.462	1.628	2.073	1.700	1.882	1.742	1.640	1.574	1.661	1.516	1.360
	б) Англия . . .	294	423	451	422	418	358	304	398	390	445	387	494	389	285	395	423	—	—
	в) Германия . .	815	84	22	504	932	914	864	1.343	1.660	2.092	1.998	1.871	1.302	1.046	913	701	493	467

Примечания к сводной таблице

[1] Индексы Survey of Current Business, перечисленные по основанию 1913 г.=100.

[2] Индекс London and Cambridge Economic Service (по 7 отраслям).

[3] Индексы Société d'études et d'informations économiques.

[4] По данным о крупной промышленности, подведомственной ВСНХ.

[5] В послевоенных границах (включая Эльзас-Лотарингию).

[6] В послевоенных границах (без Эльзас-Лотарингии, Саарской области и Польской части Верхней Силезии). Для довоенной Германии месячная средняя 1913 г. составляла 15.843 тысячи метрических тонн угля, 1.397 тысяч метрических тонн чугуна и 1.429 тысяч метрических тонн стали. Цифры за 1924 и 1925 гг. по данным журнала «Stahl und Eisen».

[7] Добыча 12 стран: Соединенных Штатов, Англии, Бельгии, Голландии, Франции, Саарской области, Германии, Польши, Чехо-Словакии, Брит. Индии, Южной Африки и СССР.

[8] Продукция 10 стран: Соединенных Штатов, Англии, Бельгии, Люксембурга, Польши, Франции, Германии, Швеции, Канады и СССР.

[9] Выплавка 11 стран: Соединенных Штатов, Англии, Франции, Бельгии, Люксембурга, Италии, Швеции, Германии, Польши, Канады и СССР.

[10] Приближенные цифры, исчисленные нами на основании данных Statistique générale de la France.

[11] Экспорт хлопчатобумажных тканей составляет около 80% всей их продукции.

[12] По след. странам: Соединенным Штатам, Англии, Ирландии, Английским колониям, Франции, Бельгии, Италии, Нидерландам, Испании, Швеции, Дании, Германии, Данцигу, Японии и проч. странам.

[13] Годовые показатели относятся к концу года.

[14] Индексы на конец месяца, кроме Германии, для которой дана месячная средняя.

[15] В золот. исчислен. по курсу доллара.

[16] Индексы на конец квартала (Соед. Штаты, 1913 г.=100) или месяца (Англия, июль 1914 г.=100).

[17] Квартальный полный индекс г. Парижа. 1 января—30 июня 1914 г.=100.

[18] Месячная средняя; 1913/14 г. = 100.

[19] Конец месяца; 1913 г.=100.

[20] С февраля 1925 г. новый расширенный индекс (приблизит. на 10% выше старого).

[21] Только по европейской границе; в милл. рублей по ценам 1913 г.

[22] Все виды денег, включ. звонк. монету.

[23] Только бумажные деньги: банкноты (Франция), банкн. и казнач. бил. (Англия).

[24] Паритет=100.

[25] Индекс Сектора Мир. Хоз. Госплана СССР, взвешенный по доле участия отдельных стран и частей света в мировой торговле в среднем за 1922, 1923, 1925 гг.

[26] Месячные показатели, полученные путем умножения недельной средней за данный месяц на 4 1/3.

[27] Средняя погрузка по главным железным дорогам, включая государственные (кроме Эльзас-Лотарингии).

[28] В послевоенных границах без ж. д. Эльзас-Лотарингии, в границах сети современных Reichseisenbahnen.

[29] Неполные цифры, вследствие оккупации Рура.

[30] Кроме портов Тихого океана.

[31] Кроме Владивостока.

[32] Кроме Ленинграда и Владивостока.

[33] Исчислено по 28 странам.

[34] Без судооборота Греции, Чили и Палестины.

[35] Данные Bureau of Labor Statistics, 1923 г. = 100.

[36] % безработных среди застрахованных рабочих.

[37] % полных безработных среди членов профсоюзов.

[38] Число безработных, получающих пособие от государства.

[39] Только безработица, учитываемая официальной статистикой—по 17 странам: Англии, Франции, Бельгии, Италии, Голландии, Швейцарии, Швеции, Норвегии, Дании, Германии, Австрии, Венгрии, Ч.-Словакии, Польши, Финляндии, Латвии Эстонии.

[40] Исчислено по индексу стоимости жизни гор. Нью-Йорка.

[41] Исчислено по индексам о номинальной плате проф. Боули (8 производств).

[42] До сентября 1924 г. исчислено по индексу стоимости жизни за период реализации платы (с 7 числа отчетного месяца по 7 число следующего месяца), а за последующие сроки—по индексу соответствующего месяца с февраля 1925 г. по новому индексу стоимости жизни (см. выше примечание 20).

[43] Средняя за апрель, июль, октябрь, ноябрь и декабрь.

[44] В связи с расширением немецкой официальной статистикой круга регистрируемых профессий данные за 1925/26 г. изменены.

[45] Данные Ц. Б. Статистики Труда.

[46] Эмиссия 9 стран: Соединенных Штатов, Англии, Франции, Италии, Швейцарии, Нидерландов, Швеции, Дании и Германии.

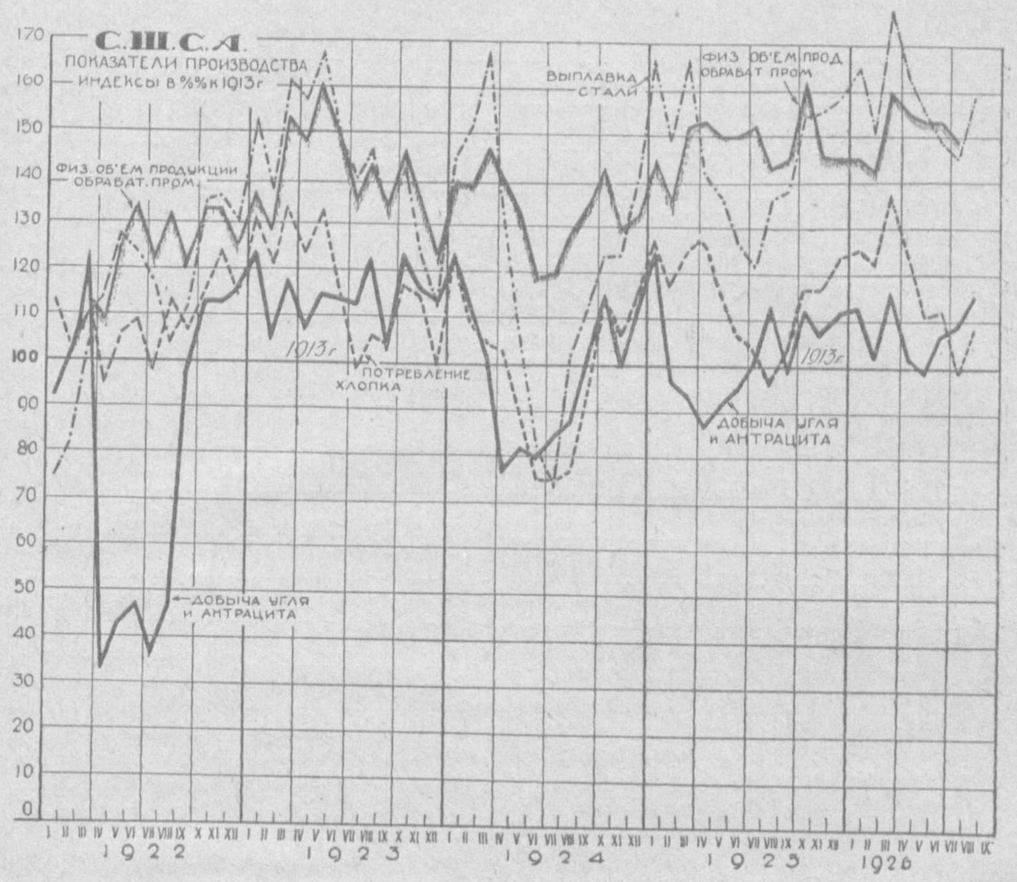
[47] Средняя за 1904—1913 гг.=100.

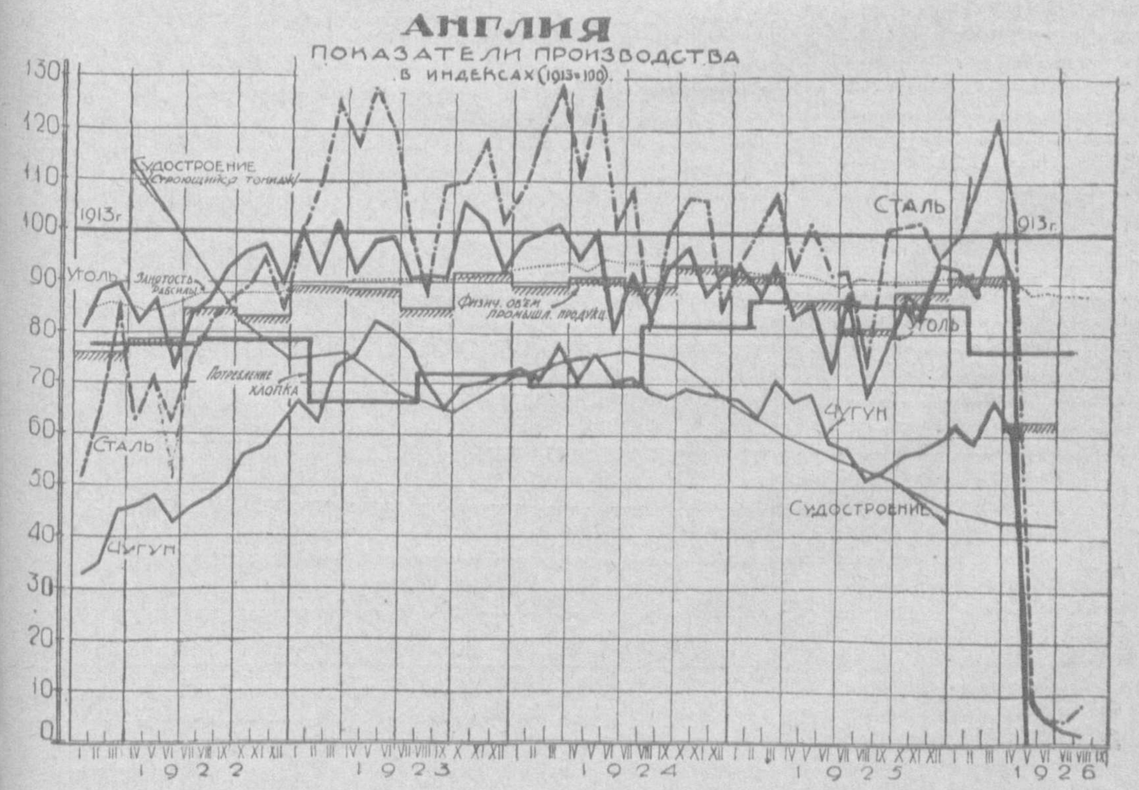
* Цифры за 1925/26 г. изменены в связи с включением угарно-вигоньевой пряжи.

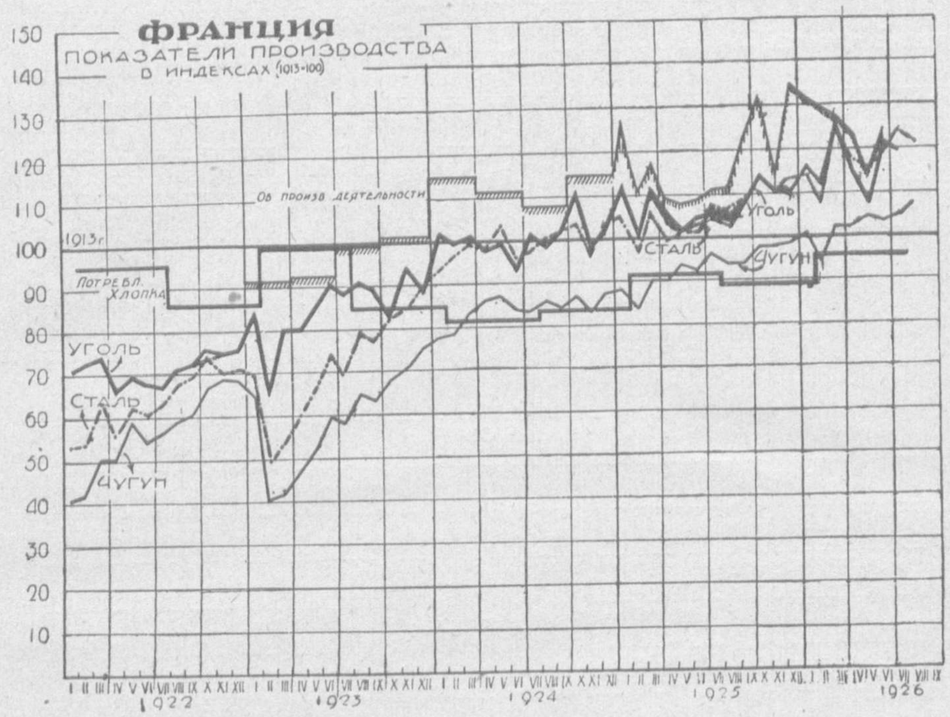
** Индекс продукции важнейшего промышленного сырья.

*** Средняя за январь, апрель, октябрь, январь.

Б. ДИАГРАММЫ СЕКТОРА МИРОВОГО ХОЗЯЙСТВА

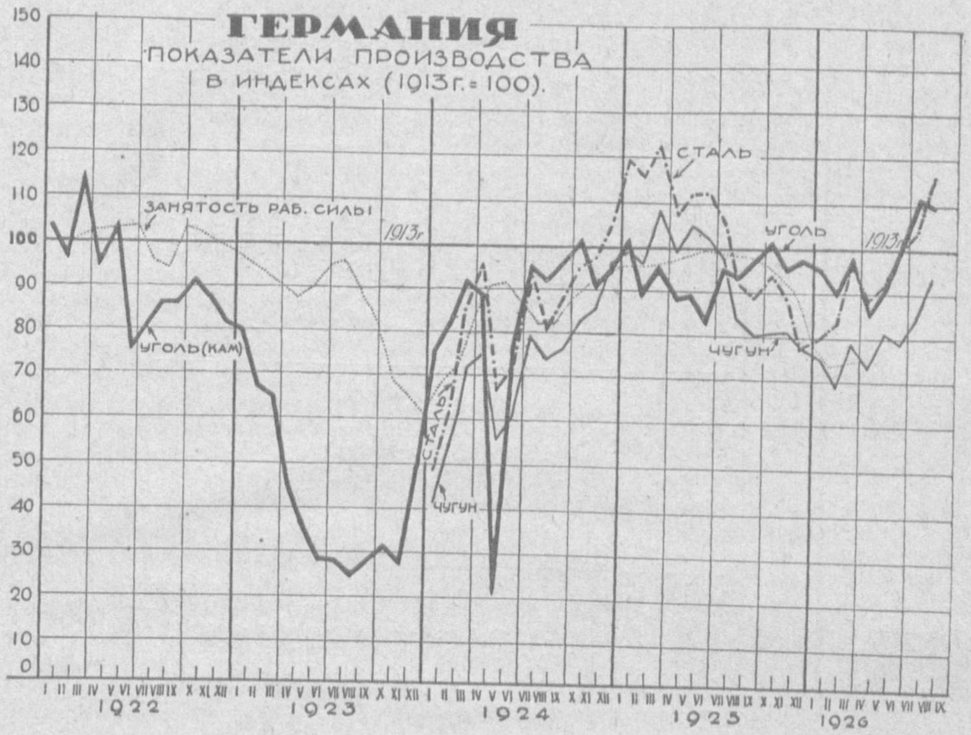

Д-б
ОК-3410
25 III-26

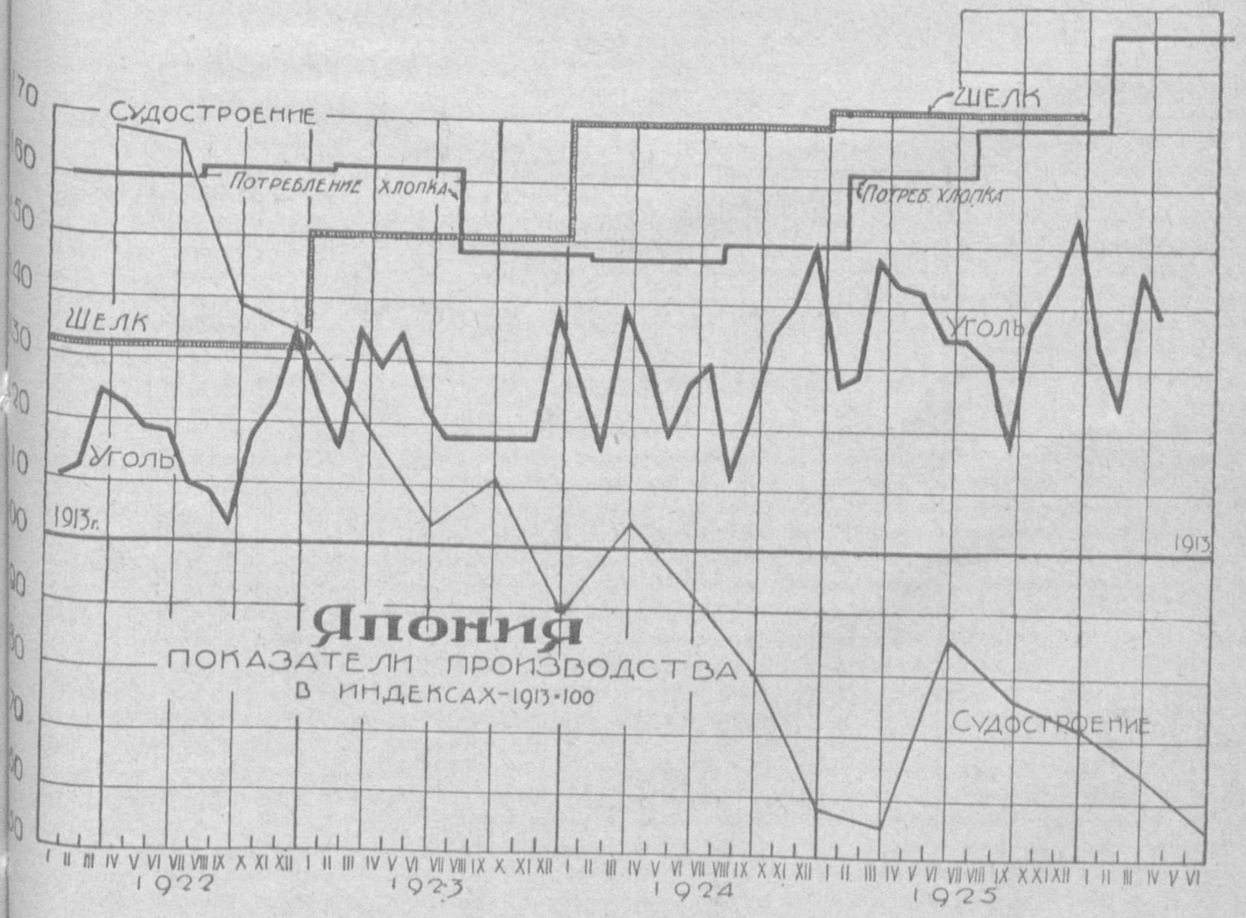

Таблица № 1

В. ДИНАМИКА ОТДЕЛЬНЫХ ОТРАСЛЕЙ

Отдел I — ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

Элементы мирового энергетического баланса [1]

(В милл. лош. сил)

СТРАНЫ	Мускульная энергия населения [2]	Механическая энергия	В том числе:			Число лош. сил на душу населения [5]
			Твердое топливо [3]	Жидкое топливо [4]	Гидравлическая энергия	
	1	2	3	4	5	6
Соединенные Штаты	5,5	190,30	111,0	67,0	12,3	1,7
Великобритания	2,0	45,80	42,5	3,0	0,3	0,98
Германия	3,0	41,50	40,0	0,2	1,3	0,67
Франция	2,0	17,80	15,0	1,0	1,8	0,46
Чехо-Словакия	0,7	7,38	7,3	0,01	0,07	0,53
Япония	4,0	8,75	7,1	0,35	1,30	0,11
Бельгия	0,4	7,30	7,1	0,20	—	0,96
Канада	0,5	10,50	5,5	1,80	3,20	1,05
Британская Индия	13,0	5,70	5,0	0,50	0,20	0,02
Польша	1,5	4,85	4,6	0,15	0,10	0,16
Китай	20,0	4,51	4,5	0,01	—	0,01
СССР	5,5	7,70	3,6	4,00	0,10	0,09
Австралия	0,3	2,71	2,5	0,15	0,06	0,45
Голландия	0,4	2,60	2,5	0,10	—	0,37
Италия	2,0	4,15	2,5	0,15	1,50	0,11

[1] По исчислению американского инженера T. Read.

[2] Мускульная энергия исчислена из расчета 1/20 лош. силы на душу населения.

[3] 1 тонна угля приравнена 800 лош. сил, 1 тонна лигнита — 400 лош. сил.

[4] 1 литр нефти приравнен 1,76 лош. сил.

[5] Население исчислено по данным за 1920 г.

Источник: Mechanical Engeneering, 1926; Bulletin Quotidien, 1926.

Таблица № 2

Индекс продукции электрической энергии в Англии за 1925—26 гг.
(Средн. месячная 1923/24 г. = 100) [1]

Даты	Всего [2]	В том числе: Тяжелая индустрия	Машиностроение и автомобильная промышл.	Химическая промышленность	Морской транспорт, доки и проч.	Текстильная промышл. (хлопок и шерсть).
	1	2	3	4	5	6
1925 г.						
Январь	129	130	139	151	128	119
Февраль	135	140	139	145	132	122
Март	131	135	137	160	134	122
Апрель	113	118	117	135	107	105
Май	113	121	124	146	110	106
Июнь	102	105	110	134	106	91
Июль	102	105	118	136	108	92
Август	103	109	104	142	109	93
Сентябрь	116	117	129	146	129	106
Октябрь	126	125	139	157	135	110
Ноябрь	145	143	159	180	151	138
Декабрь	142	140	151	178	156	134
1926 г.						
Январь	139	138	162	184	155	135
Февраль	141	153	161	192	150	134
Март	135	136	155	161	139	131
Апрель	119	121	128	153	127	114
Май	93	88	103	145	99	90
Июнь	100	88	119	157	114	105
Июль	91	77	123	147	110	97
Август	96	84	112	149	110	101

[1] По данным электрическ. станций, 70% продукции которых идет на снабжение промышленных предприятий.

[2] Кроме Лондона и Уэльса.

Источник: The Economist Monthly Supplement, 1926.

Таблица № 3

Индекс электротехнической промышленности в Англии за 1924—26 гг. [1]
(1920 г. = 100)

Даты	1924 год: Внутреннее потреблен.	1924 год: Экспорт	1924 год: Всего	1925 год: Внутреннее потреблен.	1925 год: Экспорт	1925 год: Всего	1926 год: Внутреннее потреблен.	1926 год: Экспорт	1926 год: Всего
	1	2	3	4	5	6	7	8	9
Январь	96	95	96	78	102	84	75	110	84
Февраль	100	83	95	77	102	83	74	106	82
Март	107	96	104	67	105	76	80	101	85
Апрель	106	105	106	60	95	69	83	100	87
Май	108	107	108	55	87	62	83	104	88
Июнь	105	89	101	58	86	65	82	110	89
Июль	102	79	96	58	119	73	80	79	80
Август	92	79	88	61	119	76	84	83	84
Сентябрь	89	94	90	61	121	76	—	—	—
Октябрь	83	92	85	67	125	81	—	—	—
Ноябрь	91	96	92	68	124	81	—	—	—
Декабрь	80	80	80	76	117	86	—	—	—

[1] Индекс охватывает крупнейшие предприятия, продукция которых достигает около 60% всей электротехнической промышленности Англии.

Источник: The Economist, 1926.

Таблица № 4

Мировое потребление хлопка за 1922—26 гг.

(в тысячах кип)

СТРАНЫ	1912/13 Средняя за полугод.	С 1/II 1922 г. по 1/VIII 1922 г.	С 1/VIII 1922 г. по 1/II 1923 г.	С 1/II 1923 г. по 1/VIII 1923 г.	С 1/VIII 1923 г. по 1/II 1924 г.	С 1/II 1924 г. по 1/VIII 1924 г.	С 1/VIII 1924 г. по 1/II 1925 г.	С 1/II 1925 г. по 1/VIII 1925 г.	С 1/VIII 1925 г. по 1/II 1926 г.	С 1/II 1926 г. по 1/VIII 1926 г.
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Европа										
1. Великобритания	1.912	1.488	1.506	1.264	1.377	1.341	1.563	1.672	1.646	1.376
2. Франция	638 [1]	601	551	628	543	520	533	589	567	612
3. Германия	706 [1]	609	607	407	388	584	568	643	647	905
4. СССР	—	207	296	213	294	303	472	612	847	501
5. Италия	372	425	460	433	456	486	478	524	521	516
6. Чехо-Словакия	—	173	116	138	191	226	218	266	270	207
7. Испания	165	225	210	141	174	192	171	181	203	204
8. Бельгия	129	121	133	139	147	149	150	155	176	177
9. Швейцария	45	45	48	47	50	51	53	55	59	55
10. Польша	—	117	125	103	88	91	108	101	85	105
11. Австрия	419 [2]	54	53	53	58	75	61	75	89	70
12. Голландия	42	55	55	52	36	20	62	74	76	76
13. Швеция	41	38	45	39	43	43	44	39	46	45
14. Португалия	37	33	35	51	51	40	31	44	41	—
15. Финляндия	—	15	16	16	16	14	13	15	18	21
16. Дания	13	8	16	12	11	10	10	8	12	9
17. Норвегия	6	4	4	3	3	3	6	4	3	3
Азия										
18. Индия	849	1.151	1.216	1.036	1.140	925	1.207	1.233	942	1.122
19. Япония	790	1.260	1.283	1.293	1.174	1.163	1.181	1.278	1.344	1.472
20. Китай	—	760	870	739	713	858	766	844	910	845
Америка										
21. Соединенные Штаты	2.893	2.893	3.257	3.365	3.069	2.543	2.918	3.209	3.151	3.244
22. Канада	54	83	92	85	80	72	66	95	114	97
23. Мексика	24	68	73	63	73	76	106	87	115	107
24. Бразилия	91	250	275	395	194	185	281	252	362	420
25. Прочие страны	—	156	42	44	46	45	102	71	94	110
Итого	10.138	10.889	11.384	10.759	10.415	10.015	11.168	12.126	12.338	12.343

[1] Данные для Франции и Германии в 1913 г. перечислены Сектором Мирового Хозяйства и выражают потребление хлопка указанными странами в их современных границах.

[2] Для 1913 г. Австрия дана в старых границах (Австро-Венгрия).

Источники: 1) International Cotton Bulletin, 1924 & 1925, 2) Manchester Guardian Commercial, 1925.

Таблица № 5

Отдел II — ТРАНСПОРТ

Индексы фрахтовых ставок в портах Англии

ДАТЫ	Европейские моря	Северная Америка	Южная Америка	Индия	Д.Восток и Тихий океан	Австралия	В среднем
	1	2	3	4	5	6	7
1913 г.	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
1920 г.							
Декабрь	244,39	245,09	197,86	241,59	244,27	271,47	240,79
1921 г.							
Декабрь	145,47	145,08	132,70	135,88	120,34	130,17	134,66
1922 г.							
Декабрь	124,59	119,51	104,72	115,35	115,93	124,59	117,39
1923 г.							
Декабрь	121,81	117,36	97,34	116,99	106,55	112,76	111,81
1924 г.							
Декабрь	106,73	114,23	96,82	112,67	110,15	125,99	111,21
1925 г.							
Январь	104,75	119,02	97,58	116,50	112,83	135,04	114,49
Февраль	104,44	129,58	95,68	114,73	110,74	139,21	115,96
Март	105,73	115,67	89,49	116,99	100,89	118,33	106,63
Апрель	103,77	117,95	89,66	109,09	97,63	108,59	104,24
Май	99,85	110,40	89,95	102,01	89,59	98,84	98,23
Июнь	99,29	92,65	87,74	99,28	85,56	87,71	91,74
Июль	107,24	99,00	91,93	99,87	80,44	91,88	94,90
Август	97,45	100,33	89,80	105,60	84,46	98,84	95,87
Сентябрь	93,81	103,68	88,42	106,67	86,75	109,98	98,19
Октябрь	99,57	107,02	89,58	100,19	88,99	111,37	99,49
Ноябрь	104,39	105,34	89,73	103,35	92,92	116,94	102,23
Декабрь	106,32	107,50	94,86	103,54	93,80	121,12	104,67
1926 г.							
Январь	105,35	100,91	94,11	112,50	87,56	105,97	100,5
Февраль	105,90	86,52	93,10	111,51	80,98	93,28	94,85
Март	105,32	82,56	94,79	107,79	74,90	75,17	89,51
Апрель	102,15	84,00	94,49	102,70	71,48	75,87	87,97
Май [1]	103,72	90,72	89,20	68,35	66,55	77,96	32,60
Июнь	102,08	92,88	97,77	91,92	83,77	72,39	89,76
Июль	102,34	102,71	119,45	90,74	84,16	97,45	99,71
Август	104,26	113,03	118,21	90,35	85,94	118,34	105,53

[1] С мая не учитываются фрахтовые ставки на уголь.

Таблица № 6

Доходность голландского флота за 1913—1925 гг.

ДАТЫ	Тоннаж действ. флота	Тоннаж строящихся судов	Доход (в 1.000 флоринов)		
			Индийской линии	Других линий	Свободной навигации
	1	2	3	4	5
1913	893.257	115	13.071	14.101	2.331
1918	1.109.976	82	39.972	45.380	16.791
1919	1.191.436	75	66.785	83.167	19.881
1920	1.381.591	116	27.112	38.312	16.645
1921	1.553.506	144	17.344	8.186	8.733
1922	1.664.575	185	15.054	582	1.129
1923	1.771.014	202	12.374	4.218	2.018
1924	1.716.379	205	16.218	6.779	3.602
1925	1.701.415	179	22.817	10.610	3.126

Источник: Telegraph; Frankfurter Zeitung, август 1926 г.

Таблица № 7

Отдел III — ТРУД

Заработная плата английских рабочих по переписи 1924 г. [1]

А. Средняя недельная фактическая плата в отдельных производствах в 1924 г.

Отрасли промышленности	Число учтенных рабочих	Процент		Фактич. средняя недельн. зарплата		Продолжительность раб. недели	
		Мужч.	Жен.			Нормал. [2]	Фактич.
				шилл.	пенс.	Часы	
	1	2	3	4		5	6
1. Выплавка чугуна . .	28.752	99,8	0,2	63	1	49,9	49,6
2. Выплавка и прокатка железа и стали . .	155.730	99,0	1,0	61	5	44,2	44,8
3. Производство олова	22.507	85,5	14,5	66	5	43,4	45,8
4. Выплавка, литье и прокатка цветных металлов	28.954	94,5	5,5	56	7	47,1	48,1
5. Выплавка меди . . .	27.622	80,6	19,4	44	1	47,1	46,2
6. Производство листового железа	45.652	63,8	36,2	43	11	47,1	46,0
7. Машиностроение . .	679.277	92,5	7,5	50	8	47,0	46,0
8. Судостроение	129.277	99,4	0,6	51	9	47,0	44,6

[1] По переписи заработной платы, произведенной в марте 1925 г. и охватившей средние заработки рабочих за следующие 4 недели в течение 1924 г.: за неделю, окончившуюся 19 января, 12 апреля, 12 июля и 18 октября.

[2] За неделю, окончившуюся 18 октября.

Источник: The Economist, 1926.

Б. Фактические недельн. заработки в отдельных отраслях текстильн. промышленности

Отрасли промышленности	1906 год [1]		1924 год			
	Число учтенных рабочих	Средняя недельная зарплата	Число учтенных рабочих	Средняя недельная зарплата	Индекс номинальной зарплаты	Индекс реальной зарплаты (1906 = 100) [2]
	1	2	3	4	5	6
		шилл. пенс.		шилл. пенс.		
1. Хлопчатобумажная	212.503	19 3	435.448	36 10	191,3	96,5
2. Шерстяная	110.554	15 10	216.392	40 5	255,3	128,8
3. Производство лент	8.025	21 10	12.215	34 2	156,5	79,0
4. Шелковая	13.920	13 11	31.325	39 1	280,8	141,7
5. Льняная	45.699	11 9	68.209	27 7	234,8	118,5
6. Джутовая	14.060	14 1	32.698	33 0	234,3	118,2
7. Трикотажная . . .	19.555	15 5	71.203	34 9	225,4	113,7
8. Производство ковров	11.067	16 2	15.650	35 10	221,6	111,8
9. Отбелка и набивка	55.925	21 5	87.831	50 2	234,2	118,2
10. Отделка и упаковка	—	—	8.661	45 0	—	—
11. Прочие отрасли . .	—	—	37.749	31 5	—	—
	514.867	17 4	1.017.381	37 9	217,8	109,9

[1] Цифры за 1926 г. — по данным переписи заработной платы соответствующего года.

[2] Исчислен Сектором Мирового Хозяйства.

Источник: Данные о числе рабочих и номинальной плате по The Economist Supplement, 1926 г.

Таблица № 8

Производительность рабочего в Соединенных Штатах за 1914—1925 гг.

(По 4 отраслям промышленности)

ДАТЫ	Железоделательн. и сталелитейная промышленность			Автомобильная промышленность			Обувная промышленность			Бумажн. промышленность		
	Индексы											
	Продукции	Занятости рабсилы	Производительности рабочего	Продукции	Занятости рабсилы	Производительности рабочего	Продукции	Занятости рабсилы	Производительности рабочего	Продукции	Занятости рабсилы	Производительности рабочего
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
1914	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	—	—	—
1916	180,2	146,4	125,1	287,7	168,0	171,0	—	—	—	—	—	—
1917	188,1	165,2	113,9	340,0	203,0	167,5	—	—	—	96,4	102,8	93,8
1918	186,1	179,4	103,7	223,6	210,0	106,5	—	—	—	98,0	100,5	97,5
1919	145,5	150,8	96,4	352,9	250,0	141,0	113,2	98,5	115,0	100,0	100,0	100,0
1920	176,4	156,9	112,4	383,7	289,0	133,0	—	—	—	118,0	119,1	99,1
1921	82,5	88,5	93,2	332,6	155,0	214,5	98,0	80,0	122,5	84,2	93,3	90,2
1922	146,8	113,2	129,7	553,9	210,0	264,0	110,7	91,0	120,5	105,5	97,1	108,7
1923	188,7	144,3	130,8	869,9	295,0	295,0	120,0	99,0	121,0	117,0	106,4	110,0
1924	157,8	123,1	128,2	804,2	278,0	289,0	107,0	93,0	115,0	122,2	101,6	120,3
1925	189,0	126,6	149,3	988,4	319,0	310,0	110,6	95,0	116,5	129,2	102,8	125,7

Примечание: Исчислено Bureau of Labor Statistics по данным промышленных цензов, охватывающих до 1919 г. предприятия с годовой продукцией в 500 долл. и выше, а с 1921 г.—в 5.000 долл. и выше. Данные цензов дополнены результатами специальных исследований Bureau of Labor Statistics (преимущественно для исчисления фактической продолжительности рабочей недели) и текущей статистики о занятости рабочей силы того же Bureau и др. источников.

Источник: Monthly Labor Review, 1926 г.

Таблица № 9

Движение банкротств по 19 странам

Даты \ Страны	Соед. Штаты	Англия		Италия	Голландия	Швейцария	Швеция	Норвегия	Дания	Германия	Австрия	Венгрия	Чехо-Словакия	Польша	Финляндия	Канада	Чили	Египет	Южная Африка	Новая Зеландия
		Банкрот.	Ликвид.																	
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20
Ср.-месячн.																				
1913 г. . . .	1.213	294	174	616	152	—	317	33	28	815	—	—	—	—	40	152	—	—	92	29
1919 г. . . .	460	68	171	49	91	29	175	16	13	83	—	—	—	—	6	52	10	3	37	12
1920 г. . . .	705	137	280	52	127	36	196	35	26	109	—	—	—	—	13	82	7	—	54	12
1921 г. . . .	1.668	307	261	149	195	56	432	88	59	257	—	3	32	—	12	197	14	19	179	30
1922 г. . . .	1.868	423	256	297	283	57	388	82	65	84	—	3	240	4	31	327	10	15	206	58
1923 г. . . .	1.597	451	256	474	351	46	289	77	47	22	9	1	303	2	34	288	6	14	189	56
1924 г. . . .	1.643	428	255	607	368	46	263	72	74	504	37	5	204	9	42	185	11	18	162	55
1925 г. . . .	1.572	418	247	—	342	49	256	75	50	932	57	36	203	43	28	171	11	17	—	51
1922 г.																				
Январь . .	2.722	413	—	232	209	79	509	89	46	140	—	4	85	—	39	352	—	18	164	—
Февраль .	2.072	400	—	258	233	74	398	78	66	123	—	4	119	—	33	301	—	14	164	—
Март . . .	2.297	467	—	332	279	73	513	107	81	151	—	3	149	—	37	311	—	12	164	—
Апрель . .	1.954	367	—	261	219	47	400	78	87	107	—	2	127	—	34	235	—	16	175	—
Май	1.775	437	—	288	277	70	430	129	87	95	—	2	178	—	33	293	—	19	204	—
Июнь . . .	1.660	409	—	300	304	58	362	94	53	91	—	4	153	—	28	183	—	23	204	—
Июль . . .	1.575	406	—	341	279	59	374	68	75	81	—	1	162	—	27	266	—	7	242	—
Август . .	1.675	386	—	270	238	59	300	79	58	59	—	1	141	—	17	262	—	6	242	—
Сентябрь .	1.460	379	—	287	363	40	371	59	54	45	—	1	249	—	25	297	—	19	242	—
Октябрь .	1.602	511	—	339	306	54	335	72	70	43	—	1	402	—	23	342	—	14	187	—
Ноябрь . .	1.761	425	—	338	367	47	353	74	56	34	—	1	532	—	34	406	—	9	187	—
Декабрь . .	1.862	481	—	316	324	25	309	47	39	39	—	7	568	—	39	329	—	21	187	—
1923 г.																				
Январь . .	2.203	501	—	402	379	51	387	67	53	24	—	1	616	—	40	366	—	18	175	—
Февраль .	1.563	465	—	369	330	51	338	69	60	17	—	1	426	—	35	335	—	9	175	—
Март . . .	1.677	537	—	437	382	48	322	76	62	30	—	1	409	—	44	343	—	14	175	—
Апрель . .	1.637	384	—	431	312	50	273	84	48	45	—	5	366	—	34	308	—	14	209	—
Май	1.470	482	—	474	337	44	301	69	48	32	—	—	273	—	44	264	—	24	209	—
Июнь . . .	1.520	410	—	460	356	51	305	90	39	35	—	—	287	—	29	265	—	20	209	—
Июль . . .	1.430	410	—	460	305	35	217	65	42	13	—	—	195	—	38	246	3	8	173	56
Август . .	1.279	348	—	443	378	32	268	75	40	9	—	—	166	—	29	318	4	14	173	56
Сентябрь .	1.608	508	—	625	398	57	237	92	34	15	—	—	201	—	40	194	4	9	—	56
Октябрь .	1.653	496	—	505	414	51	297	92	49	8	—	—	219	—	28	250	9	22	197	56
Ноябрь . .	1.858	384	—	505	329	43	256	61	35	17	—	5	239	1	28	216	12	18	197	56
Декабрь . .																				
1924 г.																				
Январь . .	2.231	427	—	597	401	58	275	83	35	29	—	2	243	1	34	276	14	15	156	37
Февраль .	1.572	468	280	614	357	45	268	74	50	46	24	2	251	1	41	239	6	22	156	40
Март . . .	1.657	461	296	658	359	44	281	106	45	58	38	4	223	3	58	226	11	16	156	67
Апрель . .	1.726	451	268	523	353	40	265	88	45	139	34	2	192	7	52	166	8	27	180	60
Май	1.739	437	274	722	363	52	278	81	48	326	34	11	234	16	59	177	10	19	180	67
Июнь . . .	1.570	355	237	657	360	48	240	59	42	586	43	8	194	5	46	140	7	18	180	62
Июль . . .	1.548	443	296	642	348	53	279	68	43	1.125	38	6	179	5	41	140	3	9	141	64
Август . .	1.432	426	182	565	340	37	222	60	48	895	33	5	171	7	25	128	17	10	141	62
Сентябрь .	1.277	363	195	536	399	32	254	63	48	856	40	6	177	8	32	152	17	18	141	58
Октябрь .	1.578	459	294	643	424	64	288	65	47	752	43	2	202	—	36	183	17	12	—	44
Ноябрь . .	1.471	432	224	522	353	41	279	61	48	621	59	7	194	16	35	192	11	22	169	40
Декабрь . .	1.911	418	253	597	352	40	223	54	25	616	42	3	198	22	43	195	10	25	169	54
1925 г.																				
Январь . .	2.344	440	277	674	371	48	256	75	57	796	53	7	272	35	47	267	21	11	101	31
Февраль .	1.654	432	258	629	370	50	267	62	45	723	64	17	226	46	31	247	8	16	101	49
Март . . .	1.654	513	287	599	354	59	266	80	48	776	54	27	248	35	44	198	8	20	101	56
Апрель . .	1.667	369	253	598	338	57	262	72	49	687	78	37	216	34	36	178	10	13	118	45
Май . . .	1.572	475	240	630	304	40	282	69	49	807	48	45	213	38	28	162	13	36	118	40
Июнь . . .	1.437	451	231	618	363	51	254	82	39	766	60	36	188	25	12	136	12	28	118	63
Июль . . .	1.451	479	284	702	360	50	278	69	44	797	47	35	168	38	25	130	14	7	99	73
Август . .	1.349	315	175	495	271	38	212	63	50	751	60	34	151	32	20	105	16	9	99	41
Сентябрь .	1.234	352	212	509	408	43	260	92	47	914	37	57	145	58	27	152	9	5	99	53
Октябрь .	1.407	404	250	682	319	62	267	73	54	1.164	75	55	200	63	28	142	11	14	139	73
Ноябрь . .	1.462	398	218	556	306	51	238	83	72	1.343	49	40	201	63	20	158	6	23	139	40
Декабрь . .	1.628	390	275	535	340	39	230	70	48	1.660	56	39	204	51	20	180	8	20	139	51
1926 г.																				
Январь . .	2.083	445	269	629	317	61	242	93	58	2.092	33	67	277	45	38	184	11	18	88	30
Февраль .	1.669	387	230	594	324	40	268	91	57	1.998	49	67	241	37	25	144	4	20	88	59
Март . . .	1.888	494	293	726	339	63	296	117	72	1.871	59	51	276	32	23	136	3	26	88	67
Апрель . .	1.741	389	252	610	300	55	270	130	60	1.302	67	29	268	22	26	131	3	19	—	58
Май	1.640	2-5	212	—	302	51	254	106	52	1.046	53	15	267	16	18	120	7	37	—	55
Июнь . . .	1.575	395	232	—	349	41	259	118	52	913	54	38	268	27	19	142	1	45	—	—
Июль . . .	1.661	423	269	—	269	53	234	120	63	701	52	14	252	—	—	157	8	18	—	—

Источник: Bulletin Mensuel de Statistique de la Société des Nations, Genève.

Таблица № 10

Отдел V — ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ФИНАНСЫ

Отчет генерального агента по репарациям за период сентябрь 1924—август 1926 гг.

НАЗВАНИЕ СТАТЕЙ	За первый год с сент. 1924 г. по август 1925 г.	За второй год с сент. 1925 г. по август 1926 г.	Всего за два года
	В тысячах рейхсмарок		
	1	2	3
А. Баланс поступлений и платежей			
1. Поступления	1.000.458	1.169.810	2.170.258
2. Платежи	893.444	1.183.222	2.076.666
3. Остаток на текущем счету к концу года	107.013	93.600	93.600
Б. Поступления			
1. Реализация займа Дауэса	800.000	—	800.000
2. Бюджетные ассигнования	—	250.000	250.000
3. Налог на транспорт	—	241.905	241.905
4. 0/00/0 по железнодорожн. облигациям	200.000	550.000	750.000
5. 0/00/0 по промышл. облигациям	—	125.000	125.000
6. Курсовая разница и банковск. 0/0	458	2.905	3.363
В. Платежи			
1. Платежи и поставки натурой:			
а) Великобритании	189.863	226.688	416.551
б) Франции	396.579	565.630	962.209
в) Италии	60.374	77.054	137.428
г) Бельгии	93.487	116.376	209.863
д) Юго-Славии	30.081	38.185	68.266
е) прочим государствам	18.610	36.230	54.840
2. Оплата содержания международных комиссий	26.717	18.434	45.151
3. Оплата процентов и погашения по германскому долгу	77.530	97.213	174.743
4. Дисконт за досрочные платежи общества германских государственных жел. дорог	203	7.410	7.613

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ В НАСТОЯЩЕМ НОМЕРЕ

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
50	3 снизу	2.545,9	2.546,8
51	22 „	затрат по отдельным отраслям	затрат в 1926/27 г. по отдельным отраслям
53	1 строка таблицы	469,9	470,8
55	7 сверху	Мы уже сказали	Мы увидим ниже
65	24 снизу	4%	4,7%
115	6 сверху	И вообще является	И является

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ В № 9 ЖУРНАЛА „ПЛАНОВОЕ ХОЗЯЙСТВО"

Страница	Графа	Строка	Напечатано	Должно быть
11	3	1 снизу	156.939	165.939
21	4	10 „	484,4	484,8
26	3, 8, 10	наимен. граф	0/00/0	0/00
26	—	16 снизу	личные доходы	личные расходы
30	3, 5, 7, 9	наимен. граф	0/0	0/00
31	5, 7, 9	„ „	0/0	0/00
31	8	9 снизу	17,12	17,2
35	10	13 „	234,4	334,4
35	„	11 „	674,5	574,5
269	18	9 сверху	35,8	55,8
277	12	16 „	2.881,4	2.559,5
279	14	2 „	5.128,0	55.128,0
279	15	9 „	128,4	121,4
279	15	17 „	88,0	82,5
279	12	10 снизу	266,7	217,9
279	13	5 „	12.369,3	12.347,9
279	15	5 „	64,6	59,4
279	16	5 „	96,3	86,2
279	14	4 „	2.348,9	3.348,9
279	15	4 „	59,4	64,6
279	16	4 „	86,2	96,3
280	2	8 „	71,9	72,0
284	10	1 сверху	2.990,8	2.999,8
284	10	5 „	722,5	724,5
284	10	8 „	6.766,0	6.778,6
284	10	9 „	1.557,3	1.556,9

ПОДПИСЫВАЙТЕСЬ на 1927 год

НА ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

„ПЛАНОВОЕ ХОЗЯЙСТВО“

В журнале имеются следующие отделы:

1. **ЭКОНОМИКА и ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА.** — Руководящие статьи по основным вопросам экономической политики, теории и практики планового хозяйства, экономические исследования и проч.

2. **ЗА СОВЕТСКИМ РУБЕЖОМ.**—Статьи и обзоры по вопросам мировой экономики.

3. **ЭКОНОМИКА и ТЕХНИКА.**—Энергетика. Наши реконструктивные достижения. Новейшие достижения техники как иностранной, так и союзной и проч.

4. **ПО РАЙОНАМ.**—Статьи по вопросам экономического развития районов. Районирование.

5. **КРИТИКА и БИБЛИОГРАФИЯ.**—Систематические обзоры вновь выходящей экономической литературы.

6. **СТАТИСТИКА.**—Статистические исследования. Статистический бюллетень народного хозяйства СССР, под редакцией С. Г. Струмилина. Статистический бюллетень мирового хозяйства, под редакцией С. А. Фалькнера.

Подписная цена на журнал „ПЛАНОВОЕ ХОЗЯЙСТВО“ на 1927 г.:

На 12 мес. без переплета . . . . . **20** руб.
„ 6 „ „ „ . . . . . **11** „

Цена отдельного номера без переплета—**2** руб.

На 12 мес. в переплете . . . . . **24** руб.
„ 6 „ „ „ . . . . . **13** „

Цена отдельного номера в переплете—**2** р. **50** к.

Для заграницы подписная цена на журнал „ПЛАНОВОЕ ХОЗЯЙСТВО“ повышается на 50%.

Издательство „ПЛАНОВОЕ ХОЗЯЙСТВО“

ГОСПЛАН СССР

МОСКВА, ВОЗДВИЖЕНКА, 5. ТЕЛ. 1-35-42.

ИЗ КНИГ, ВЫШЕДШИХ ИЗ ПЕЧАТИ в 1925 и 1926 гг.

ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ

Журнал „Плановое Хозяйство“—1925 г. №№ 1—12. Ц. комплекта 15 р.
Журнал „Плановое Хозяйство“ —1926 г. №№ 1—9. Ц. экз. в перепл. 2 р. 50 к.
Бюллетень Русской Экономической Прессы. Редактор А. Михайлов. 1925 г. №№ 1—16. Ц. комплекта 2 р.
Информбюллетень Госплана СССР. Редактор З. Миндлин. М. 1926 г. №№ 1—9. Ц. номера 40 к.
Обзор Союзной и Иностранной Экономической Прессы. Ред. Дм. Бухарцев и А. М. Михайлов. 1926 г. №№ 1—19. Ц. экз. 75 к.

ТРУДЫ И МАТЕРИАЛЫ ГОСПЛАНА

Л. Бернацкий. Сверхмагистраль и сверхмагистрализация железнодорожного транспорта СССР. М. 1925 г. 260 стр. Ц. 4 р. 50 к.
С. Бобров. Индексы Госплана. М. 1925 г. 120 стр. Ц. 1 р. 50 к.
Б. Гухман. Продукция и потребление СССР. Предисл. С. Г. Струмилина. М. 1925 г. 140 стр. Ц. 1 р. 40 к.
Контрольные цифры народного хозяйства на 1925/26 г. III изд. М. 1926 г. 102 стр. Ц. 75 к.
Контрольные цифры народного хозяйства на 1926/27 г. М. 1926 г. XII+395 стр. Ц. 3 р., в перепл. 4 р. (II доп. изд.).
А. Костяков. Перспективы мелиораций в СССР (Европейская часть). М. 1925 г. 375 стр. Ц. 3 р. 50 к.
Лесные богатства СССР. Ред. С. Г. Струмилин. Предисл. В. А. Базарова. М. 1925 г. 80 стр. Ц. 75 к.
Народное хозяйство СССР в 1923/24 г. Обзор Кон'юнктурного Совета Госплана. М. 1925 г. Ц. 5 р.
Народное хозяйство СССР в I полугодии 1924/25 года. Обзор Кон'юнктурного Совета Госплана. М. 1925 г. 415 стр. Ц. 4 р.
Народное хозяйство СССР в 1924/25 г. Обзор Кон'юнктурного Совета Госплана. М. 1926 г. Ц. 3 р. 20 к.
Проблемы планирования (Итоги и перспективы). М. 1926 г. 350 стр. Ц. 3 р. 50 к. (распродано).
Современная кооперация и ее проблемы. Сборник статей с предисл. И. Т. Смилги. М. 1925 г. 243 стр. Ц. 1 р. 75 к.
С. Струмилин. Рабочий быт в цифрах. М. 1925 г. 134 стр. Ц. 1 р. 60 к.

ВОПРОСЫ СТРОИТЕЛЬСТВА

Л. Бернацкий. Ближайшие задачи строительства. М. 1926 г. 70 стр. Ц. 80 к.
Вопросы современного жилищного и промышленного строительства. М. 1926 г. 316 стр. Ц. 3 р.
Временные технические условия и нормы проектирования и возведения железобетонных сооружений. М. 1926 г. 94 стр. Ц. 1 р. 20 к.

ВОПРОСЫ ЭЛЕКТРИФИКАЦИИ

А. Горев. Силы природы и труд человека. М. 1926 г. 136 стр. Ц. 1 р. 50 к.
А. Горев. Электрификация Франции. М. 1926 г. 135 стр. Ц. 2 р.
А. Горев и Е. Горева. Хозяйственное и политическое значение электрификации в СССР. Выпуск I. М. 1926 г. 24 стр. Ц. 30 к.
А. Горев и Е. Горева. Достижения электрификации за границей и в СССР. Выпуск II. М. 1926 г. 32 стр. Ц. 40 к.
А. Горев и Е. Горева. План электрификации СССР. Выпуск III. М. 1926 г. 32 стр. Ц. 40 к.
С. Кукель. Мировая электрификация. М. 1925 г. 124 стр. Ц. 65 к.
С. Кукель. Электрификация деревни. М. 1926 г. Ц. 75 к.
Г. Кржижановский, А. Горев и В. Есин. Четыре года электрификации СССР. М. 1926 г. 60 стр. Ц. 60 к. (распродано).

„ИНФОРМАЦИОННЫЙ БЮЛЛЕТЕНЬ“

Двухнедельный орган

Торгового Представительства СССР во Франции

„ИНФОРМАЦИОННЫЙ БЮЛЛЕТЕНЬ“ ставит себе задачей давать широкую информацию о торговой, финансовой и экономической жизни Франции и деятельности ее торговых организаций. Он является незаменимым пособием в каждом советском хозоргане, в каждом тресте и синдикате, в каждой библиотеке. Он публикует об'явления крупнейших французских промышленных фирм и по желанию подписчиков бесплатно высылает их каталоги и прейс-куранты.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ для СССР:

12 мес.—12 руб. зол., 6 мес.—7 руб. зол.

Заказы на подписку направляются простым письмом в адрес
Издательства Торгового Представительства СССР во Франции:

Les Editions de la Représentation Commerciale de l'U.R.S.S. en Erance, 25, rue de la Ville l'Evêque, PARIS (8°).

Деньги вносить на наш особый текущий счет «И» во Внешторгбанке в Москве или в отделение банка в Ленинграде.

ЮРИДИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО НКЮ РСФСР

МОСКВА, Кузнецкий Мост, 7.

ОТДЕЛЕНИЯ:

Ленинград, просп. Володарского, 44. | **Свердловск**, ул. Малышева, 56.
Ростов н/Д., пр. Семашко, 35. | **Минск**, Советская ул., 61.

Киоски при обл. и губ. суд. учреждениях.

Егорьев, Лашкевич, Плоткин, Розенблюм—Правовое положение граждан и юридических лиц СССР за границей. Систематизированные материалы с комментариями и алф.-предметным указателем. 1926 г., стр. 404. Ц. 3 руб. 50 коп.

Содержание по разделам: гражданство; публичные права и обязанности; паспортные правила; дипломатические и консульские представители; гражданские права; судоходство; торговые представительства.

Егорьев, Лашкевич, Плоткин, Розенблюм—Правовое положение иностранцев в СССР. Законодательство и международные договоры Союза ССР и союзных республик о правовом положении иностранных физических и юридических лиц. Систематизированные материалы с комментариями и алф.-предм. указателем. 1926 г., стр. 592. 5 руб.

Содержание по разделам: гражданство; публично-правовое положение иностранцев; правила в'езда, выезда и пребывания; иммиграция; иностранные дипломатические и консульские представители; гражданское право; процессуальное право и дееспособность; воздушные передвижения; морское право. **Приложения:** 1) Положение о союзном гражданстве. 2) Положение об иностранцах в УССР.

Законодательство по электрификации. Сборник узаконений, циркуляров, инструкций, уставов товариществ по электроснабжению и электрификации и извлечений из уставов акц. общ. с пояснениями. Составил **А. П. Кравченко.**

Книги высылаются наложенным платежом.

При высылке денег вперед—пересылка бесплатно.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на 1927 год

на ежемесячный журнал Института мирового хозяйства и мировой политики при Коммунистической Академии:

„Мировое хозяйство и мировая политика“

Журнал выходит под редакцией:

Н. Осинского, Е. Б. Пашуканиса, Е. А. Преображенского, Ф. А. Ротштейна, М. И. Спектатора.

Проблемы мирового хозяйства и мировой политики приобрели первостепенное значение. Наш Союз все более и более вовлекается в международную жизнь. Живейший отклик, который находит в наших широких массах все то, что происходит за границей, огромный интерес, который имеется в рабочем классе к проблемам мирового хозяйства и мировой политики—породили уже обширную литературу по этим вопросам. Институт мирового хозяйства и мировой политики при Комм. Академии ставит себе задачу углубленного изучения указанных проблем с точки зрения марксизма и ленинизма.

ПОСТОЯННЫЕ ОТДЕЛЫ ЖУРНАЛА:

1. **Общие руководящие статьи** по актуальным вопросам мирового хозяйства и международной политики.
2. **Научные исследования** по вопросам мирового хозяйства и международной политики с уделением особого внимания развитию заокеанских стран.
3. **Регулярные обзоры политики и хозяйства** главнейших стран мира, а также отдельных отраслей хозяйства.
4. **Важнейшие материалы из иностранной литературы.**
5. **Критика** новых произведений на иностранных языках и **библиография** по отдельным темам.
6. **Статистические таблицы** исследовательского характера.
7. **Документация** по основным актуальным проблемам мирового хозяйства и мировой политики.

В вышедших книжках помещены работы следующих товарищей: А. Г. Айзенштадт, И. Н. Бороздин, М. Г. Галкович, М. И. Герцбах, Е. М. Горфинкель, А. С. Ерусалимский, А. А. Зонненштраль-Пискорский, Л. Н. Иванов, И О. Иоффе, Ю. В. Ключников, П. Лапинский, И. Д. Левин, А. Мухарджи, Е. Б. Пашуканис, Е. А. Преображенский, Н. Н. Осинский, И. Пушас, К. Радек, А. Г. Радо, Х. Г. Раковский, Д. Н. Розенблюм, Н. Рославец, М. И. Спектатор, М. Танин, Л. Д. Троцкий, Г. В. Чичерин.

ЗАГРАНИЧНЫЕ СОТРУДНИКИ ЖУРНАЛА:

Ю. Борхардт (Германия), В. Кеннен (Германия), Герман Леви (Германия), Ф. Делези (Франция), Шарль Жид (Франция), Скотт Ниринг (Соед. Штаты), Б. Сквирский (С. Штаты).

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ СЛЕДУЮЩИЕ:

На 1 год—15 рублей, на 6 месяцев—8 рублей, на три месяца—4 руб.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

Москва, Волхонка, 14. Телефон 3-20-55.

Подписка принимается Издательством Коммунистической Академии. Волхонка, 14. Телефон 1-18-40.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

на 1927 год

НА ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

НА АГРАРНОМ ФРОНТЕ

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА:

Анцелович, Н. М., Дубровский, С. М., Крицман. Л. Н., Ларин, Ю., Милютин, В. П., Осинский, В. В., Свидерский, А. И., Яковлев, Я. А., Ответств. секретарь Батуринский, Д. А.

Журнал ставит себе целью теоретическую разработку марксизма и ленинизма в аграрном вопросе и борьбу с идеологическими противниками на аграрном фронте.

Журнал особое внимание уделяет изучению развития современной деревни и сельского хозяйства в СССР и в других странах, разработке вопросов современного с.-х. строительства и работе партии в деревне.

ПОСТОЯННЫЕ ОТДЕЛЫ ЖУРНАЛА:

1. Сельскохозяйственная политика.
2. Сельскохозяйственная экономика.
3. Сельскохозяйственная статистика.
4. Сельскохозяйственная кооперация.
5. История аграрных отношений и аграрной революции в России.
6. Вопросы мирового крестьянского и батрацкого движения.
7. Работа партии в деревне.
8. Обзоры сельского хозяйства в СССР и других странах.
9. Корреспонденции с мест.
10. Критика и библиография.

СОТРУДНИКИ ЖУРНАЛА:

Анцелович, Н. М., Базыкин, С. С., Батуринский, Д. А., Беленький, М. П., Биценко, А. А., Бронский, М. Г., Богданов, П. С., Бушинский, В. П., Бухарин, Н. И., Варга, Е., Варейкис, И. М., Верменичев, И., Виноградов, А. И., Вишневский, Н. М., Волков, Е. З., Вольф, М. М., Галевиус, Ф. К., Гегечкори, А., Гавен, Ю. П., Гайстер, А. И., Гериде, Гойхбарг, А. Г., Гордеев, Г. С., Горов, М. П., Громан, В. Г., Гуров, П. Я., Дволайцкий, Ш. М., Домбаль, Т., Дубровский, С. М., Дудник, А. М., Есин, В. З., Изюмов, И. С., Куликов, А. Н., Кастель, Жан., Зиновьев, Г. Е., Калинин, М. И., Каменев, Л. Б., Каминский, Г. Н., Казаков, А. С., Карпинский, В., Карпузи, Д., Квиринг, Э., Келер, А. Я., Клименко, И. Е., Козырев, М. И., Коларов, В., Кржижановский, Г. М., Крицман, Л. Н., Крупская, Н. К., Кубанин, М. И., Кузовков, Д., Кулаков, И. А., Куликов, В. И., Кушнер, Б., Ларин, Ю., Лацис, М. И., Лежнев-Финьковский, П. Я., Либкинд, А. С., Лозовый, А. П., Лосицкий, А. Е., Лященко, П. И., Мартынов, А. С., Меерсон, Г. Е., Месяцев, П. А., Мещеряков, В. И., Мещеряков, Н. Л., Милютин, В. П., Мирошкин, Я. А., Миртов, И. А., Митрофанов, А. Х., Молотов, В. М., Муралов, П. И., Одинцов, А. И., Осинский, В. В., Павлович, М. П., Першин. П. М., Пеннер, Дж., Петровский, Г. И., Покровский, М. Н., Попов, П. И., Преображенский, Е. А., Прищепов, Д. Ф., Раковский, Х. Г., Раевич, Г., Рау, Г., Рено-Жан, Рой, М., Рудин, Н. П., Рыков, А. И., Сарабьянов, В. И., Свидерский, В. И., Свидерский, А. И., Среда, С. П., Скрыпник, М., Слепков, А. М., Смилга, И. Т., Смирнов, А. П., Соколов, В. Н., Сосновский, Л. С., Сталин, И. В., Степанов-Скворцов, И. И., Струмилин, С. Г., Стучка, П. И., Тараненко, К. С., Теодорович, И. А., Терлецкий, Е. П., Троцкий, Л. Д., Тюменев, А. И., Ужанский, С. Г., Шапошников, М. А., Шефлер, М. Е., Шестаков, А. В., Щелок, Н. Ф., Хидыр-Алиев, И., Цилько, Ф. А., Хатаевич, М. М., Хевеши, А. В., Хрящева, А. И., Яковлев, Я. А., Ярославский, Е.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ: на 1 год—12 руб., на 6 мес.—6 руб., на 3 мес.—3 руб.

Адрес редакции и конторы: Москва, Волхонка, 14.

Телефоны: Ред. 1-18-42, Конт. 1-18-40.